

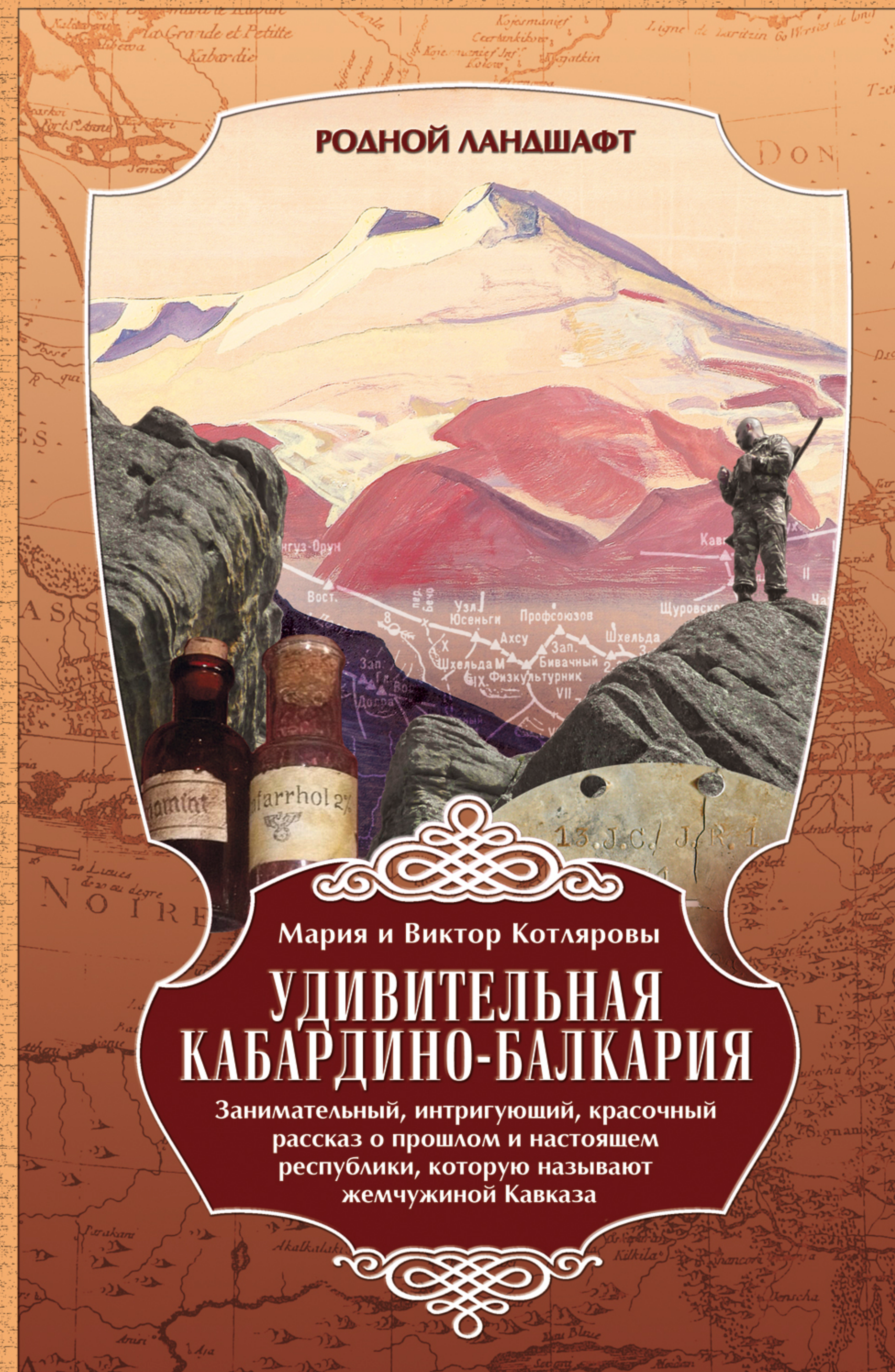

Книга «Удивительная Кабардино-Балкария» вобрала в себя исследовательские материалы о неординарных событиях, происходивших в разные исторические периоды на территории республики (раздел «На перекрестках времени»). А также рассказы о необычных местах КБР и связанных с ними интригующих фактах и легендах (раздел «Терра инкогнита»)

УДИВИТЕЛЬНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Мария и Виктор
Котляровы

РОДНОЙ ЛАНДШАФТ

Котляровы М. и В.

К 73 Увлекательная Кабардино-Балкария. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. – 384 с. +16 вкл.

ISBN 978-5-93680-814-2

«Увлекательная Кабардино-Балкария» – пятая книга Марии и Виктора Котляровых о занимательном прошлом нашей малой родины Кабардино-Балкарии. В названиях четырех предыдущих – «Живописная Кабардино-Балкария» (2011), «Таинственная Кабардино-Балкария» (2012), «Неизвестная Кабардино-Балкария» (2013), «Загадочная Кабардино-Балкария» (2014) – отражена основная тематика их творчества: изучение всего удивительного, что происходило и происходит в «Стране чудес» (словами И. Бабеля о Кабардино-Балкарии).

В одну из этих книг («Неизвестная Кабардино-Балкария»), признанную победителем всероссийского конкурса «Малая родина» 2013 года, вошли истории реальных людей, чьи судьбы тесно связаны с республикой. Им же, непосредственно причастным к «Стране Прометея» (словами К. Чхеидзе о Кабардино-Балкарии), посвящена новая работа Марии и Виктора Котляровых.

«Сквозь время проступающие лица» – это взгляд в недалекое прошлое, где наряду с рассказами о знаменитых личностях (кавказовед Дмитрий Пагирев, фольклорист Михаил Талпа, белый офицер Заурбек Даутоков-Серебряков, писатель Константин Чхеидзе, журналист Владимир Гиляровский, художник Митрофан Алехин, поэт Анатолий Арский, краевед Сергей Анисимов, врач Алексей Замков), нашлось место и простым людям, жившим честно, достойным нашей памяти.

История массовых восхождений на высочайшую точку Европы Эльбрус, невинных жертв сталинских репрессий тридцатых годов прошлого века (так называемое дело Ако Гемуева), светлой любви кабардинской девушки и немецкого поэта – эти и другие материалы читаются с неослабевающим вниманием и интересом. А многочисленные фотографии из семейных альбомов, ранее никогда не печатавшиеся, воскрешают визуальный образ прошедшей эпохи. Этому способствуют и приложения – малоизвестные и забытые публикации, раскрывающие, дополняющие, комментирующие поднятые авторами темы. Особый интерес представляет нальчикская переписка Митрофана Алехина с Львом Толстым, публикуемая впервые.

Вошедшие в издание очерки предстают в книге Марии и Виктора Котляровых как единое цельное повествование, способствующее пробуждению патристических чувств, неподдельного интереса к истории Кабардино-Балкарии.

© М. и В. Котляровы, 2014
© Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

**Невероятные факты, удивительные события,
необычные биографии людей, чьи судьбы
связаны с республикой, которую называют
жемчужиной Кавказа**

(ООО «Полиграфсервис и Т»)
Нальчик 2014

Ивановский Засим И

**СКВОЗЬ ВРЕМЯ
ПРОСТУПАЮЩИЕ
ЛИЦА**

Церковно-приходская школа в Нальчике
 Семейная история в интерьере века
 Достойные свояки
 «В Нальчике я испытывал возвышенное настроение»
 «...Особенно кабардинцы хороши»
 «Люблю и помню»
 В поисках божества
 «Нравы нальчан отличались простотой...»
 Нальчане Барановы: «Не замайте нас...»
 Гремел-шумел вольноаульский тамаши...
 «Хочется поскорее отозваться»
 Судьба первого редактора
 Анатолий Арский – поэт пролетарский
 Кавказ, как первая любовь...
 Всю «боль мятущейся души»...
 Маршевыми колоннами на Эльбрус
 В чабурах с турьей травой...
 Комсомольская жертва вечной горы
 Альпинизм – ключ от Ошхамахо
 Первый зимовщик
 Назначен властью ...вожаком повстанцев
 Хлебопашество как преступление
 Спектакль под названием жизнь...
 Добро и свет
 Ушедшие бесследно...
 Из рода Чемазоковых
 Ты так хотел...
 Гравидан против малярии
 Судьба советского фольклориста
 Летающий танцор
 «Я так хочу назад, моя маленькая птица...»
 У смерти запах хризантем

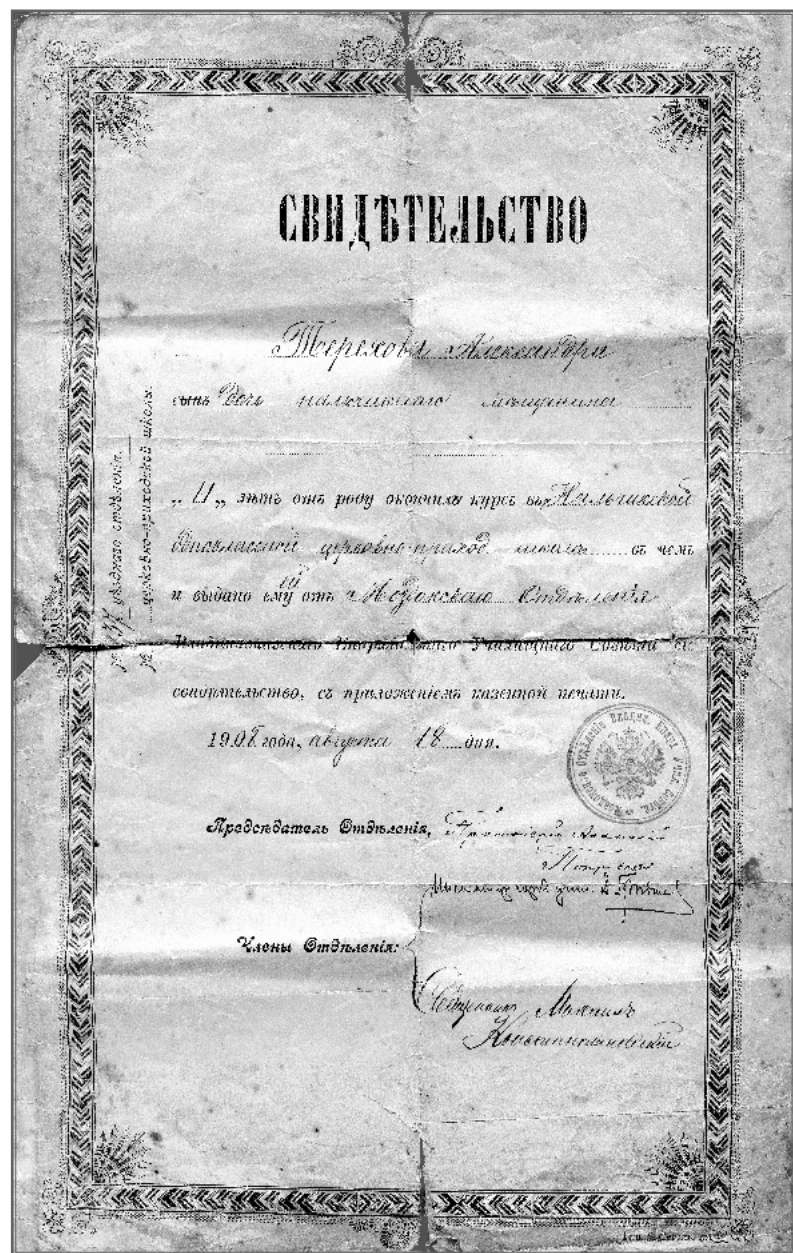
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА В НАЛЬЧИКЕ

Сведений об учебном заведении подобного типа (церковно-приходские школы – ЦПШ – начальные школы при церковных приходах), действовавшем в Нальчике, очень мало. Такой известный архивист, как Евгения Тютюнина, всю жизнь проработавшая в главном хранилище Кабардино-Балкарии, лишь несколько раз встречала данные о ЦПШ, хотя через ее руки прошли многие тысячи документов. В литературе, в том числе монографических исследованиях, посвященных народному образованию республики, упоминания о церковно-приходской также единичны: в частности, в 1903 году попечитель Кавказского учебного округа в документе, адресованном в департамент Министерства народного просвещения, сообщает, что в Нальчикском округе состояло «...28 школ, из них 8 мужских, 1 женская и 19 смешанных. В том числе школ – 5 церковно-приходских».

Чем вызван наш сегодняшний интерес к ЦПШ? Дело в том, что жительница Нальчика Виктория Стеценко принесла в издательство множество фотографий начала XX века, на которых запечатлены ее родственники. В частности, бабушка – Е. И. Денисенко (в замужестве Кондюрина). Екатерина Иосифовна – коренная нальчанка, прожившая 95 лет (1899–1994). На снимке она третья слева в верхнем ряду. На оборотной стороне фотографии имеется надпись, сделанная неустоявшимся детским почерком: «Память о церковной школе в 1913 году 20 апреля». И ниже приписано: «Память о детских друзьях в первые школьные годы».

Фотография редчайшая, но публиковать ее мы не спешили, так как подтверждения того, что на снимке именно нальчанки, помимо слов самой Виктории, не имелось. Архивными сведениями, повторимся, мы не располагали.

Так бы и лежал этот снимок в издательском архиве, если бы не коллекционер Заур Чеченов, который, узнав о наших разысканиях, поделился интереснейшим документом. Это свидетельство, выданное Александре Тереховой, дочери нальчикского мещанина, о том, что она «11 лет от роду окончила курс в Нальчикской одноклассной церковно-приходской школе, в чем и выдано ей от Моздокского отделения Владикавказского епархи-

ального училищного совета сие свидетельство с приложением казенной печати». Документу присвоен номер 237, датирован он 18 августа 1908 года. Подписи – за исключением председателя отделения протоиерея Афанасия и члена отделения Михаила Константиновского – неразборчивы.

Из этого следует, что относилась школа к Моздокскому отделению Владикавказского епархиального училищного совета. Обучение в ней, как и в других ЦПШ, осуществляли священники, диаконы и дьячки, а также учителя и учительницы, окончившие преимущественно церковно-учительские школы и епархиальные училища. Деятельность школ находилась в ведении Попечительского совета, куда входили заведующий школы, попечители, учителя, представители от города или земства, выборные лица от населения, пользующегося школой.

Далее. Школа являлась одноклассной, существовала как минимум с 1903-го по 1917 год, когда ЦПШ, согласно Постановлению Совета народных комиссаров от 24 декабря 1917 года «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению», были ликвидированы. Выпустила нальчикская школа – судя по числу выпускниц 1913 года, а их 28 – несколько сотен учениц.

О том, где находилось данное учебное заведение, явствует из его названия – церковно-приходская, следовательно, при церкви, точнее, при соборе преподобного Симеона Столпника, располагавшемся в сквере (его еще называют садиком) Свободы и выходившем на Церковную улицу (в дальнейшем Советскую, ныне Кешокова). Шло обучение в доме учителя Тавлинова, располагавшемся напротив собора. В 1928 году советская власть, аргументируя свое решение планом реконструкции центральной части города, снесла собор, вопреки многочисленным протестам нальчан. Но реконструкция сквера так и не коснулась: одно время место это пусто-

Татьяна Денисенко (в замужестве Соколовская) и Александра Терехова (сидит справа)

вало. Затем на нем соорудили летний кинотеатр, начинавший работу лишь с наступлением темного времени суток. На случай дождя предприимчивые горожане брали с собой зонтики, которые полностью перекрывали экран сидящим сзади. Один из авторов этих строк, будучи совсем малолетним, отчетливо помнит это море черных колышающихся зонтов, мешающих видеть происходящее, тем более что смотреть, по причине отсутствия денег на билеты, приходилось сквозь узкие просветы или глазки от сучков в зеленом дощатом заборе.

Только через сорок лет на месте собора началось возведение городского Танцевального зала. При этом вывороченные при рытье котлована ковшом экскаватора многочисленные человеческие останки (а рядом с храмом предавали земле особо достойных и уважаемых горожан) были вывезены за город. Старожил Нальчика Борис Загиев вспоминает, что в земле, погруженной на машины, он неоднократно видел среди костей обрывки мундиров с эполетами.

А теперь вернемся к фотографии и свидетельству, о которых поведано выше. Выяснилось, что их герои были тесно связаны друг с другом. Оказалось, что у Екатерины Денисенко, выпускницы церковно-приходской школы 1913 года, было пять сестер: Елена, Ольга, Мария, Антонина, Татьяна. И одна из них – Татьяна Денисенко (в замужестве Соколовская) дружила с Александрой Тереховой, чье свидетельство воспроизведено выше. Более того – Виктория Стеценко привела в издательство своего родственника Георгия Соколовского, учителя СШ № 4, который тоже пришел не с пустыми руками – принес семейные фотографии. На одной из них запечатлена его бабушка Татьяна Денисенко (Соколовская) вместе со своей подругой... Александрой Тереховой. Снимок, к сожалению, не датирован, но подпись, сделанная чернилами, гласит: «Т. И. Соколовская и А. С. Терехова (сидит справа)». Вот такая удивительная история.

...Ровно сто лет назад состоялся выпуск учениц Нальчикской церковно-приходской школы, которых вы видите на снимке. Понятно, что никого из них давно нет в живых, но, возможно, кто-то из родственников узнает в этих симпатичных юных девочках своих бабушек или прабабушек и восстановит имена, ушедшие в небытие.

< Ученицы церковно-приходской школы. Екатерина Денисенко третья слева в верхнем ряду. Нальчик, 20 апреля 1913 г.

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В ИНТЕРЬЕРЕ ВЕКА

В материале «Церковно-приходская школа в Нальчике» мы рассказали об этом учебном заведении на примере биографии Екатерины Иосифовны Денисенко (в замужестве Кондюриной).

Сегодня, благодаря ее внучке Виктории Стеценко, мы можем продолжить рассказ о дальнейшей судьбе этой коренной нальчанки.

Итак, напомним, что Катя была последним (одиннадцатым!) ребенком Татьяны Потаповны Расторгуевой, которая родила ее в 52 года. Ее муж и соответственно отец Кати Иосиф Иванович Денисенко тоже был коренным нальчанином. Известно, что Татьяна Потаповна была из купеческого рода: ее отец по торговым делам оказался на Кавказе, где и сосватал свою дочь за местного красавца. Тот в свою очередь, чтобы содержать многочисленную семью (11 детей как никак!) сам начал заниматься извозом – торговал солью. Более того – разбогатев, завел лошадей, выставлял их на бега в Пятигорске, бывало, срывал крупные денежные призы.

На эти деньги построил в Нальчике рядом со своим домом, который находился на углу улиц Бульварной (в последующем Сталина, 31, в настоящее время Шогенцукова) и Чехова конюшни, которые располагались по улице Чехова вплоть до нынешнего проспекта Ленина. Во время Гражданской войны в них разместился один из отрядов белогвардейского генерала Шкуро. И все бы ничего, если бы многочисленные сестры Екатерины – Елена, Ольга, Мария, Антонина, Татьяна – не придумали ничего лучше, как спрятать в конюшнях сундуки со своим приданым. И не где-нибудь, а закопав их прямо в стойлах. Какой цвет и запах приобрели находящиеся в сундуках вещи, обильно политые конской мочой, остается только догадываться. Но горе будущих невест было неподдельным, а память сохранила эту боль до последних дней их жизни.

Как мы уже писали, Екатерина Денисенко окончила в 1913 году (ей было тогда 14 лет) церковно-приходскую школу. Продолжила учебу в Нальчикском высшем начальном училище, которое, как известно, было учреждено в октябре 1915 года. К месту будет сказано, что в том дореволюционном году в слободе Нальчик функционировало 7 начальных школ, их посещали 391 человек: 307 мальчиков и 73 девочки.

< Екатерина Денисенко (в замужестве Кондюрина)

В училище, в котором обучалась Катя, к началу 1916 года насчитывалось 108 человек, среди них немало девочек, что видно на снимке (правда, весьма сильно поврежденном). Надпись (одновременно бодрая и ностальгическая) на оборотной стороне фотографии гласит: «11 мая 1918 года. В знак школьной жизни в высшем начальном училище и хорошего юного времени, пролетевшего в нем».

Известно, что Катя неплохо пела. Выдающийся русский певец Ф. И. Шаляпин летом 1917 года отдыхал в Кисловодске. Здесь он отбирал девушек с хорошими голосовыми данными для последующего приглашения в Большой театр. Катя узнала об этом, рвалась поехать в Кисловодск на прослушивание, более того, сама судьба, казалось, благоволила ей, приведя великого певца в Нальчик – в конце июля–первых числах августа Федор Иванович по приглашению учащихся Нальчикского реального училища побывал в слободе. Но на пути стала мать. Со словами «Еще артистов нам не хватало!» она не отпустила дочь. Напомним, что Татьяне Потаповне исполнилось в тот год 70 лет (Катю она родила в 1899-м в 52 года) и к этому моменту все ее дети устроили свою жизнь, с ней рядом оставалась только самая младшая дочь.

Сохранился еще один документ, свидетельствующий об образовании, полученном Е. И. Денисенко. Это рукописное свидетельство, датированное 1922 годом и гласящее: «Предъявительница сего ученица IV класса II ступени (VII класс) школы № 2 гор. Нальчика (б. Нальчикская женская гимназия) Денисенко Екатерина окончила курс наук в 1920/1921 учебном году и при испытаниях показала следующие познания». Далее следуют оценки по предметам, девять из которых – удовлетворительные, а две – весьма удовлетворительные.

Здесь необходимы определенного рода пояснения. Дело в том, что в мае 1918 года постановлением народного комиссара по просвещению применение балльной системы для оценки познаний и поведения учащихся было отменено, а перевод из класса в класс и выдача свидетельств стали производиться на основе отзывов педагогического совета. И познания, оцененные на удовлетворительно, соответствовали привычной нам пятерке или по крайней мере четверке. Кстати, пятибалльная система оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы была введена только в январе 1944 года.

Но вернемся в двадцатые годы. Имеется «Послужной список финансового работника областного финотдела Кабардино-Балкарской автономной области», составленный 9 июля 1924 года. Согласно ему, девица Денисенко Е. И., имеющая среднее образование, беспартийная, не под-

< Работники прокуратуры Кабардино-Балкарской области. Екатерина Денисенко вторая справа в верхнем ряду

вергавшаяся репрессиям и не отягощенная имущественным положением, приказом по финотделу КБАО от 1 января 1922 года назначена конторщицей счетно-операционного подотдела, далее счетоводом, еще далее – п/бухгалтером (что это означает, нам не удалось выяснить). Но 1 июня 1923 года уволена со службы на основании постановления комиссии по очистке совучреждений. Чем не угодила Катерина новой власти, сказать трудно. Скорее всего раздражала кого-то из членов комиссии своей красотой и дерзостью и тут политический ярлык пришелся весьма кстати.

Тем не менее в скором времени Денисенко принимают на работу в другое советское учреждение, причем не менее престижное – областной суд. Сохранилась редчайшая фотография, на обратной стороне которой написано: «Снято в день отъезда председателя областного суда т. Максидова» и дата: 26 сентября 1926 года. Приведен и список всех запечатленных на снимке, где по центру во втором ряду снизу (в черном костюме и галстук) сидит Максидов, а вторая слева от него – Денисенко.

Уместно будет здесь сказать несколько слов о Казгери Увжуковиче Максидове. Кстати, на сайте Верховного суда КБР утверждается, что он руководил судебной системой в 1924–1927 годах, но из подписи на нашем фото следует, что это не так – только до сентября 1926 года. Каз-Гирей (так его имя записано в обвинительном заключении) родился в 1893 году в селении Урожайное. С 1919 года в рядах партии. О работе в должности председателя областного суда мы уже сказали. Фотография снята при его

Родовой дом на углу улиц Бульварной и Чехова

отъезде на учебу в Москву – на высшие юридические курсы. Но юридические знания Максидову так и негодились – после возвращения он заведовал турбазой, что располагалась в Вольном ауле, потом переехал в Пятигорск. В 1936 году был исключен из партии, 8 января следующего года арестован по сфабрикованному обвинению. Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 июля 1937 года приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян. Спустя ровно 20 лет – 4 июля 1957 года реабилитирован.

Вскоре после отъезда К. У. Максидова перешла на другую работу и Катя Денисенко. Как свидетельствует справка со штампом «Прокурор Кабардино-Балкарской области», с января 1927 года она служила в областной прокуратуре в должности бухгалтера (Катя вторая справа в первом ряду).

Сразу после этого времени ее судьба кардинально изменилась. История ее замужества не совсем обычна. Случилось так, что Мария, старшая сестра Катерины, будучи в Сочи со своим мужем, пригласила жениха для племянницы – Марии Михайловны Ульяновой. Привезти невесту на смотрины в курортный город было поручено Кате. Но жених, которым оказался молодой специалист-дорожник, приглашенный на работу в Сочи, положил глаз не на племянницу, а на тетю.

Так началась семейная жизнь Николая и Екатерины Кондюриных, у которых в 1929 году родилась дочь Людмила – мама Виктории Стеценко, с чьих слов и поведана эта история.

Николай и Екатерина Кондюрины (сидят справа). Сочи, 1928

Николай и Екатерина Кондюрины (*сидят*), Александр и Татьяна Соколовские. 1939

Дорожники. Николай Кондюрин во втором ряду второй слева. 1939

ДОСТОЙНЫЕ СВОЯКИ

История нальчикской семьи Денисенко и тех, кто связал с ее представителями свою судьбу, – это своего рода зеркало, глядя в которое можно проследить основные вехи в биографии страны. Напомним, что у Иосифа Ивановича Денисенко и его супруги Татьяны Потаповны Расторгуевой, проживавших в Нальчике, было одиннадцать детей, в том числе шесть дочерей: Екатерина, Елена, Ольга, Мария, Антонина, Татьяна. Одна из них – Екатерина – вышла замуж за Николая Сергеевича Кондюрина, а другая – Татьяна – за Александра Ивановича Соколовского. О них наш рассказ.

Иосиф Иванович Денисенко

Н. С. Кондюрин родился в ноябре 1904 года в городе Камышине, что в Волгоградской области. Отец его – Сергей Кондюрин был из татарского рода, проживавшего в городе Камбарка Пермской области. Известно, что Кондюрины были каретниками у Демидовых – знаменитых российских предпринимателей, организаторов оружейных и горнодобывающих предприятий в Туле и на Урале, основателей многих уральских городов. Мать – Елизавета, урожденная Шиколова. В семье было пятеро детей – три дочери: Татьяна, Ирина, Нина и два сына: Александр и Николай.

Из Камышина семья Кондюриных переехала в Саратов, где дети получили образование. Татьяна стала учительницей начальных классов; в ее биографии есть и такой эпизод: пять лет работала в посольстве Китая, обучая детей дипломатов. Нина связала свою судьбу с железнодорожным транспортом, была награждена за добросовестный труд орденом Ленина. Ирина достигла успехов в сельском хозяйстве – работала агрономом, защитила кандидатскую диссертацию. Александр пошел еще дальше – док-

тор технических наук, он преподавал в Новочеркасском мелиоративном институте.

Николай, о котором мы ведем речь, стал дорожником, в республике немало объектов, которые сооружены при его непосредственном участии. Дорога в Кабардино-Балкарию пролегла через Сочи, где Н. С. Кондюрин, только что окончивший автодорожный институт, встретился со своей будущей супругой – Екатериной Иосифовной Денисенко (как это произошло, рассказано в материале «Семейная история в интерьере века»). Работал в дорожном управлении, где его знания специалиста по строительству мостов и дорожных тоннелей были не просто востребованы, а ценились на вес золота. Строил дороги в Приэльбрусье, в Верхней Балкарии. Сохранилось множество фотографий этого периода. На одной из них, датированной 23 августа 1937 года, участники первой республиканской конференции Союза шоссейного строительства. Подпись, которая, к сожалению, не определяется, предваряет должность «зам. пред. республики», она заверена печатью стройкома строительства дороги Пятигорск–Нальчик. На другой – участники второй республиканской конференции Союза шоссидротехстройа, проходившей 23 октября 1939 года. Молодые задорные лица людей, знающих и любящих свое дело. Совсем скоро им предстоит уйти на войну, с которой вернутся единицы.

Ушел на фронт и Николай Кондюрин. Служил в инженерных войсках. Что вместились в боевые годы? Под Ростовом понтонные переправы через Дон в связи с изменением фронтовой обстановки наводил неоднократно: только закончат – приказ взрывать. Взорвали – снова наводил. И так три раза. Заходил на объект самым первым, уходил последним. И это под постоянным огнем противника, по пояс в воде.

Потом был Новороссийск, где служил на знаменитой Малой земле. Переправа через плавни (длительно затапливаемые поймы рек) в Крыму. Строительство так называемой «дороги жизни» в Иране и аэродрома на острове Хиума (Хийумаа), что в Эстонии. Много что было. Выстоял, выдержал, выжил. И после окончания войны продолжал служить. Вот справка, датированная 12 июля 1946 года, выданная Кондюриной Екатерине Иосифовне о том, что ее муж находится на службе при Министерстве внутренних дел и работает на должностях офицерского состава. Вот удостоверение личности, свидетельствующее о том, что Н. С. Кондюрину присвоено начальником тыла Красной армии 20 марта 1946 года воинское звание инженер-капитан. Из него же явствует, что после прохождения службы в системе Гушосдора (Главного управления шоссейных дорог) МВД СССР 16 мая 1954 года Николай Сергеевич уволен в запас. А потом был приезд в Кабардино-Балкарию и востребованность умения, опыта и рационализаторского видения Кондюрина практически по всему Северному Кавказу. Он работает в Нальчике и Грозном, является начальником строительства

отрезка дороги Ростов–Баку (нынешняя трасса «Кавказ»), после этого участка дороги Грозный–Баку. За что был удостоен звания «Заслуженный строитель Дагестанской АССР». Но и уйдя на пенсию по возрасту в 60 лет продолжал быть востребованным еще на протяжении почти трех (!) десятилетий. Вначале как штатный работник ДРСУ-6, в последующем как высокопрофессиональный специалист по мостовому, тоннельному и дорожному строительству. Его, уже девяностолетнего, приглашали на консультации в особо трудных случаях, поражаясь светлой памятью и сообразительностью. Удивительно, но он помнил все построенные его руками мосты: все повороты (сколько градусов), все подъемы. Не проходило недели, чтобы за ним не присылали из управления машину, которая везла незаменимого специалиста то в Баксанское ущелье, то в Черекское, где возникало немало вопросов при строительстве тоннелей.

Умер Николай Сергеевич Кондюрин в 1999 году, в возрасте 95 лет, пережив на пять лет свою супругу, скончавшуюся в таком же, как и он, возрасте (она была на 5 лет его старше). В счастливом и достойном браке они прожили семь десятилетий, оставив о себе на память светлые дела, достойные поступки, искренние чувства и дочь Людмилу, которой сейчас 85 лет.

Как и супруг Татьяны Денисенко, Александр Иванович Соколовский. Он родился в 1895 году в Белоруссии – городе Червень Минской губернии. Принимал участие в Гражданской войне, более того – в составе 11-й отдельной армии (РККА), воевавшей на Северном Кавказе. На земле Кабардино-Балкарии остался, обосновался в Нальчике, но работал на Муртазовском (ныне город Терек) заготпункте. Уже в 1921 году узнал что такое новая власть – 6 апреля 1921 года был арестован как социально опасный элемент, обвинен в принадлежности к левым эсерам. Впрочем, достаточно быстро освобожден: 26 апреля того же года постановлением Особого отдела Терской области.

В эти же годы Александр Соколовский и Татьяна Денисенко познакомились, справили свадьбу. 7 апреля 1923 года у них родился сын Юрий, чье имя уважаемо и почитаемо многими поколениями нальчан. Сам Александр Иванович был принят в органы НКВД. В 1930 году вместе с семьей переехал в Белоруссию, продолжил службу в той же системе. Жили в Мин-

Школьные подруги.
Екатерина Денисенко
первая справа

ске, меняя одну за другой съемные квартиры. После увольнения из органов стал работать в Наркомате местной промышленности экономистом-плановиком. Здесь и вспомнили о его мимолетних контактах с эсерами – в 1937 году арестовали. В ходе следствия, длившегося почти год, добавилось новое обвинение: агент польской разведки.

Все эти месяцы супруга Татьяна Иосифовна боролась за честное имя мужа: побывала в кабинетах практически всех руководителей Белоруссии, встречалась с народными писателями БССР Янкой Купалой и Якубом Коласом, которые лично знали Александра Ивановича. Ездил даже в Москву, где побывала на приеме у Надежды Крупской, а потом и у всесоюзного старосты Михаила Калинина. Впоследствии вспоминала, что увидела, насколько эти известные на всю страну люди запуганы и не обладают реальной властью.

Поездки и просьбы не принесли результата. 25 мая 1938 года был оглашен приговор, а 7 июля его в Минске привели в исполнение. Место захоронения А. И. Соколовского так и осталось неизвестным. Реабилитация последовала ровно через 20 лет.

Опасаясь, что репрессии могут затронуть сына, Татьяна Иосифовна отправляет его в Нальчик, к сестрам. Здесь Юрий учился во второй школе. В 1940 году вернулся в Минск, где и застала Соколовских война. Отступая с колонной беженцев, мать и сын оказались в плену, были помещены в концентрационный лагерь. Удалось совершить побег, так как из-за большого количества пленных учет и охрана в лагере были поставлены плохо. Юрий – участник минского подполья, был в составе партизанского отряда, дислоцировавшегося в районе города Ждановичи. Здесь он познакомился с будущим первым президентом Польши Болеславом Берутом. Об этом периоде его жизни имеется материал в музее минского подполья, с которым Ю. А. Соколовский вел активную переписку и был приглашен на открытие экспозиции.

А потом судьба распорядилась так же, как и в случае с отцом. Уезжать никуда не думал – работал в Главкультснабе БССР; здесь же, в Минске, поступил на учебу в Институт военных переводчиков на отделение немецкого языка. Когда институт расформировали, ему предложили продолжить образование в Институте иностранных языков в Пятигорске, но на отделении английского языка. Сомневался – все-таки другая специализация, но поехал и не пожалел. В те годы в Пятигорском инязые собрался сильнейший преподавательский состав. Причиной этого стала так называемая «борьба с космополитизмом» – идеологическая кампания, проводившаяся в СССР в 1948–1953 годах, направленная против отдельной прослойки советской интеллигенции, рассматривавшейся в качестве носительницы скептических и прозападных тенденций. Попавшие в ее жернова московские и ленинградские ученые оказывались на периферии, но Пятигорский институт от этого только выиграл.

Известнейшие преподаватели иностранных языков, авторы вузовских учебников учили пятигорских студентов. К примеру, курс русской литературы вел Александр Брониславович Селиханович (1880–1968) – тот самый, чьими учениками были М. А. Булгаков, А. Н. Вертинский, С. М. Лифарь, К. Г. Паустовский. Последний, в частности, писал в своих воспоминаниях «Далекие годы»: «Он «промыл» перед нами русскую литературу, как опытные мастера-реставраторы промывают картины. Снял с нее пыль и грязь неправильных и мелких оценок, безразличия, казенных слов и скучной зубрежки. И она засияла перед нами таким великолепием красок, глубиной мысли и такой большой правдой, что многие из нас, уже взрослых парней, были поражены. Он открыл нам не только русскую литературу. Он открыл нам эпоху Возрождения и европейскую философию XIX века, сказки Андерсена и поэзию «Слова о полку Игореве»... У Селихановича был редкий талант живописного изложения, самые сложные философские построения в его пересказе становились понятными, стройными и вызвали восторг ширью человеческого разума».

Эти лекции сохранились в памяти Юрия Александровича до конца жизни. В годы учебы он проживал в доме у своей тети Екатерины Иосифовны Кондюриной. По окончании института получил распределение на работу в город Рубцовск Алтайского края, но проработал здесь всего год, так как и из республики на него, на тот момент единственного специалиста по английскому языку, пришел вызов.

Здесь, в Нальчике, глубоко и всесторонне раскрылся талант Ю. А. Соколовского: учителя, воспитателя, наставника, ученого. Он работал учителем, а затем директором школы № 3, которая и поныне является специализированной по английскому языку. В 1957 году пришел в только что открывшийся Кабардино-Балкарский государственный университет, где работал преподавателем, заведовал кафедрой английского языка и кафедрой иностранных языков, защитил кандидатскую диссертацию.

Тысячи – и в этом нет никакого преувеличения – молодых людей с благодарностью вспоминают его имя: человека, даровавшего им язык, открывшего новые страны и горизонты, оставшегося в памяти своими познаниями, интеллигентностью, добросовестностью, порядочностью.

Породнившиеся семьи –
Соколовские и Денисенко.
1930-е гг.

«В НАЛЬЧИКЕ Я ИСПЫТЫВАЛ ВОЗВЫШЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ»

Вот уже несколько лет в издательском портфеле лежит рукопись воспоминаний большого русского писателя Константина Чхеидзе – восторженного певца Кавказа, написавшего о Кабардино-Балкарии удивительнейшие книги, лишь две из которых («Страна Прометея» и «Крылья над бездной») стали известны читателям. Продвижению других, в частности воспоминаний, озаглавленных «События. Встречи. Мысли», мешают финансовые (надо выкупать авторские права) причины. А ведь страницы, написанные рукой Константина Александровича, – это объективный рассказ о том, что происходило в Кабардино-Балкарии в 1917–1920 годах, живой взгляд умного современника, видевшего дальше, подмечавшего глубже, анализирующего шире, чем другие.

Представляют интерес страницы о предреволюционном Нальчике, которые мы и воспроизводим ниже.

«Почти каждое лето наша семья проводила в окрестностях Нальчика, в поселке, который первоначально назывался Долинский, а позже был переименован в Никольский. Сейчас он опять называется Долинский. Нальчик – центр Кабардино-Балкарской автономной республики – в то время был слободой. Насчитывалось в нем тысячи три-четыре жителей; в основном это были русские, но были также кабардинцы, балкарцы, немного немцев: на окраине скученно жили так называемые горские евреи; от обычных евреев они отличались тем, что носили одежду горцев (черкеску) без кинжалов; большая их часть занималась ремеслами, некоторые – торговлей.

...Поселок Долинский состоял тогда из 12–15 дач, разбросанных на большом пространстве. Самая старая из них принадлежала семье Долинских. Несколько сот гектаров земли также принадлежало этой семье. Но в начале XX века в Нальчике появилась вдова генерала Александра Ивановна Никольская, богатая и властная женщина. Ей и ее дочери Кате врачи посоветовали поселиться близ Нальчика. Уже тогда были замечены целебные свойства нальчикского климата, особенно воздуха. В скобках замечу, что в 1916 году отравленных удушливыми газами отправляли с фронта в

Инженер-технолог Долинский (в центре) с семьей

поселок Долинский, и здесь они излечивались воздухом... А. И. Никольская скупил у Долинских почти все земельные участки, на одном из них построила красивую дачу. С тех пор она зажила, как главная персона, стала фактической правительницей поселка, имела большое влияние на начальствующих лиц в Нальчике. Словом, стала своего рода «феодалом».

У Александры Ивановны была сестра, Мария Ивановна, по характеру совершенно на нее не похожая, по крайней мере в молодые годы. Александра Ивановна была убежденной монархисткой, ее взгляды отличались крайним консерватизмом. Мария Ивановна в юности увлекалась идеями народофильства. Происходя из зажиточной семьи, она «ходила в народ», проповедовала передовые идеи; одно время была сельской учительницей. Впоследствии она разочаровалась в народоосвободительном движении, отошла от него. По ее словам, главная причина разочарования заключалась в том, что ее политические друзья требовали применения методов насилия. Насилия в отношении правящего аппарата, в отношении масс населения, в отношении ее самой, ее упований и веры. После истории с Азефом, Мария Ивановна окончательно порвала связи с революционерами, переселилась в Долинский, к сестре. Здесь она встретила моего дядю, со стороны матери, в то время он был уже председателем Горского словесного суда. Они поженились, построили хороший просторный каменный дом, а позже еще два деревянных – для дачников. У них было четверо детей. В 1955 году, перед тем, как выехать из сибирского лагеря в

Чехословакию, я написал письмо семье моего дяди, в Долинский. Письмо вернулось обратно с пометкой: «В санатории № 1 таковые лица не проживают»... Наша семья проводила почти каждое лето в поселке Долинский именно благодаря тому, что здесь жил дядя.

...При мне была построена железнодорожная ветка Котляревская–Нальчик; при мне было создано Реальное училище. При мне отставной подполковник Львов открыл первую типографию. На главной – Толстовской (на самом деле Воронцовской – *Авт.*) – улице был организован Общественный клуб. Купец Шуйский построил первую гостиницу. Поселок Долинский стал обстраиваться. Один из представителей многочисленной предприимчивой семьи Лобжанидзе построил здесь первый «курзал» для летних гостей. По настоянию Ал. Ив. Никольской было открыто маленькое почтовое отделение, а сам поселок переименован в Никольский. Жители поселка все друг друга знали, взаимно ходили в гости. Главенствовала Александра Ивановна. Наша семья тоже часто бывала у нее, мои младшие сестры подружились с ее дочерью Катей. А между Катей и мной установились дружеские, ласковые отношения, взаимная симпатия.

Александра Ивановна не хотела пускать Катю, так как надвигалась туча. Катя обещала вернуться до начала дождя. Но дождь разразился внезапно, мы оба промокли. Когда мы, пристыженные, поднялись на веранду, разгневанная Александра Ивановна с поднятой рукой быстро подошла к Кате. Еще

Окрестности Нальчика. 1900-е гг.

быстрее я стал между ними – удар пришелся по моему плечу. Этот случай сблизил нас. Никто из старших не говорил ни о «жениховстве», ни о «помолвке», однако психологически предполагалось, что Катя и я «подходим друг для друга», что в будущем наши пути сольются в один. Ничего этого не произошло. Я встретил женщину, которой был предан многие годы. А Катя (уже во время гражданской войны) заболела, вовремя не получила врачебную помощь, умерла. Обо всем этом хочу рассказать на своем месте.

А в те годы жизнь была захватывающей, жизнь раскрывала новые стороны, одна увлекательней другой. Кто бывал в Нальчике и его окрестностях, тому не надо описывать великолепную красоту тамошней природы. А кто не бывал, тот, наверное, слышал, видел фотографии или фильмы. Находясь в Нальчике, на Долинском, я постоянно испытывал радостное возвышенное настроение. Величественная красота горных вершин вселяла уверенность в том, что мир, в котором существует такое неизъяснимое великолепие, не может не быть прекрасным. Горы неудержимо влекли меня к себе. Местная и приезжая молодежь, объединившись в немногочисленные или большие группы, совершала экскурсии. Мои сестры, Катя и я часто принимали в них участие. Но самая главная радость была в поездках или далеких прогулках в одиночку. Мне кажется, если я действительно могу назвать себя писателем, то именно потому, что на заре жизни пережил восторги, рожденные этими поездками и прогулками. Наедине с чудотворной красотой гор, наедине с природой, вышедшей из рук Создателя в девственном, покоряющем великолепии, наедине с самим собой, я постигал непостижимое, соприкасался с невыразимым никакими словами. В известном стихотворении «Силенциум» Тютчев говорит: «Мысль изреченная есть ложь». К этому хочу добавить, что чувство, пережитое бездной души, полностью невыразимо никакими средствами даже совершенного искусства. Единственно музыка в состоянии передать – и то приблизительно – все радужные переливы души, переживающей экстаз, ее небольшие судороги, дарующие блаженство.

С домом А. И. Никольской ассоциируются еще две встречи, имевшие для меня значение. В летние месяцы ее гостеприимством пользовался ученый археолог шведского происхождения, по фамилии Скиндер. Со стороны, противоположной главному входу, ему отведена была большая светлая комната, спальня и кабинет одновременно. Скиндер занимался также химическими анализами. Помимо предметов, найденных им при раскопках, там находились колбы, реторты, различные аппараты неизвестного мне назначения. На письменном столе стоял череп. Скиндер был убежденным позитивистом; насколько я понимал, никаких неразрешенных проблем для него не существовало. С особенной определенностью

он высказывался в спорах с братом Александры Ивановны, который также иногда приезжал к ней летом. По вечерам на обширной веранде собиралось общество и происходили споры. Скиндер, ему было лет сорок, говорил авторитетно, свысока; он был ниже среднего роста, носил усы а ля Ницше. Его оппонент, которого называли отец Григорий, хотя он не был ни священником, ни монахом, всегда волновался, искал слова, иногда запутывался в противоречиях. Поэтому казалось, что верх одерживал Скиндер. Отец Григорий был высок и худ, носил бороду; одежда у него была какая-то странная, напоминающая монашескую. В противоположность Скиндеру, он считал, что каждая проблема «имеет тысячу и одно решение», и каждое из них имеет лишь относительную ценность.

«Вздор, – спокойно и пренебрежительно говорил Скиндер. – Если Вы не выберете одно и притом верное решение, вы не сдвинетесь с места».

«Но если Вы пойдете по одному пути, забывая о возможности иных путей, Вы непременно зайдете в тупик», – горячо возражал о. Григорий.

«Так что ж, – уже издевался Скиндер, – чтобы не попасть в тупик, нельзя идти ни по какому пути или по всем одновременно?.. Но ведь это чепуха!»

«Надо слушать веления сердца!» – нелогично кричал о. Григорий.

«Сердце – плохой советник. Разум, только разум способен раскрыть истину».

«О каком разуме Вы толкуете? Если о высшем разуме, о Логосе, то я согласен с Вами. Но ведь Логос Вы не признаете?!»

«Нет никакого высшего или низшего разума, есть только один человеческий разум, и рекомендую Вам им пользоваться».

Когда словесный поединок становился острым и его участники начинали упрекать друг друга в непонимании «самых основных вещей», Александра Ивановна просила прекратить спор. Я знал, она внимательно выслушивала обе стороны, раздумывая над какой-то ей одной ведомой темой. Для меня эти споры были первой школой, первым побуждением понять мир, людей и самого себя. В те времена, главным образом в дурную погоду, я целыми днями сидел в библиотеке дяди. Эту библиотеку – несколько тысяч томов – дядя унаследовал от одного друга. Занятый службой и семейными делами, он в нее почти не заглядывал. А для меня она была первым порогом, через который я вступил в волшебный замок воплощенных видений, мечтаний – в царство литературы. Моим любимым прозаиком был Лев Толстой, любимым поэтом – Лермонтов. В Нальчике, в городском парке, стоял скромный памятник кабардинскому писателю Ш. Ногмову (К. Чхеидзе ошибается – такого памятника не было. – *Авт.*), о котором говорили, что он первый знакомил юного Лермонтова с Кавказом. Лермонтов, считавший своей второй родиной Кавказ, и сейчас один из моих любимых авторов, но уже не

только как поэт, но и как мыслитель. Некоторые, еще не осознанно, мысли заронил в мою душу Лермонтов. Осознание пришло позже. Очень многое в моем сознании определил Достоевский и, наконец, учитель Вл. Соловьева (отчасти и Достоевского) Н.Ф. Федоров».

Воспоминания К. А. Чхеидзе, где немало места уделено хутору Долинский, нам бы хотелось дополнить выдержкой из книги Ивана Петровича Белоконоского (1856–1931), автора книги «На высотах Кавказа» (М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1906). Приведенные в ней факты видятся весьма интересными: «Впрочем, лично я поселился не в Нальчике, а на так называемом Долинском хуторе, расположенном в двух много в трех верстах на юг от слободы, ямщики, желая «сорвать» с «курсового», утверждают, что расстояние до хутора 10, 15 и даже 25 верст!.. Заслуживает удивления и то обстоятельство, что в прекраснейшем уголке, каков Долинский хутор, негде жить. Здесь имеется всего-навсего два домика: один Е. Н. Долинской, которая любезно приютила меня у себя, и другой г-на Мовчановского, где совершенно случайно нашел себе помещение товарищ-литератор с семейством. А между тем желающих жить на хуторе было и будет целое множество, и, конечно, не понесли бы убытков лица, которые построили бы здесь дачи. Долинская в 1903 году построила прелестный домик, а Никольская разделила свою землю на участки для дач. Эта земля, бывшая Мовчановского, страшно дорого продается – по 1 рублю за 1 квадратную сажень».

Хутор Долинский. Главная улица. 1900-е гг.

«...ОСОБЕННО КАБАРДИНЦЫ ХОРОШИ»

Книга воспоминаний К. А. Чхеидзе «События. Встречи. Мысли» – это хроника событий, происходивших в Кабарде и Балкарии в годы Октябрьского переворота и Гражданской войны, малоизвестных, а то и неизвестных эпизодов и фактов. Перелистаем ее страницы...

Итак, апрель 1917 года. Константин Чхеидзе, которому на тот момент не было и 20 лет (родился 19 сентября 1897 года), выпускник Полтавского кадетского корпуса (поступил туда в десятилетнем возрасте и окончил его в мае 1916 года в чине вице-унтер-офицера), а ныне корнет Тверского кавалерийского училища, на Пасху едет на Кавказ для свидания с семьей. В поезде происходит его судьбоносная встреча с офицером Кабардинского конного полка Заурбеком Даутоковым-Серебряковым, направлявшимся в отпуск с русско-германского фронта.

А теперь слово самому Чхеидзе: «Предки Заур-Бека (Чхеидзе пишет его имя так) – кабардинцы. Его дед принял православие и стал казаком (офицером) Терского казачьего войска. Отец тоже был офицером, как и трое его сыновей. (В «Истории Кабарды» (М., 1957. С. 291) неправильно написано, что «Заур-Бек был князем»). ...Заур-Беку я сказал о своем желании выйти офицером в Кабардинский полк и, вместе с тем, высказал опасение, что-де, может быть – как это планировалось еще с осени 16-го года и как сейчас пишут в газетах – начнется общее наступление на австро-германском фронте, немцы будут побиты, а я прибуду в полк уже после окончания войны, «на готовое». «Может быть, лучше сейчас выйти из училища вольноопределяющимся, поступить в полк, побывать на фронте, а уже потом закончить училище?» – спросил я.

Из этих слов видно, что во мне крепко сидела закваска, привитая в корпусе, и что та часть «военного мира», в которой я вращался, весной 17-го года верила в победу и ожидала ее в скором времени. Заур-Бек одобрил стремление пойти на фронт, но добавил, что в Кабардинском полку и «Дикой дивизии» вообще любителей воевать достаточно, однако не хватает образованных офицеров кавказского происхождения. Поэтому лучше, чтобы я прибыл в полк офицером. «Война так скоро не кончится, повоевать успеете». Я спросил его, что он думает о революции. Заур-Бек ответил, что полностью «принимает революцию», что старый режим изжил себя, царь был слаб, запутался в интригах; революция обновит страну, даст авто-

номии нерусским народам. Будущая федеративная Россия станет свободным, сильным государством. «Но для этого прежде всего необходима победа. Сейчас на фронте идет подготовка к наступлению, это верно. Есть большие шансы. Однако часть полков, преимущественно пехотных, показала неустойчивость. Их надо подтянуть. Силы для этого имеются. Плохо то, что из тыла появляются агитаторы, вносят в солдатские умы смятение. В Петрограде появился Ленин, лидер крайних эсдеков, большевиков, явный фанатик и демагог. Некоторые уверяют, что он немецкий агент. Сам он в своих выступлениях призывает не оказывать Временному правительству поддержки, прекратить отпор «немецкому империализму» на фронте, начать братание с немецкими солдатами, передать всю власть советам... Это все действительно может вызвать разные подозрения. Во всяком случае, эта агитация плохо действует на боеспособность солдат, и члены Временного правительства окажутся настоящими идиотами, если вовремя не прекратят подобные безобразия... Петроград производит впечатление сумасшедшего дома, но фронт в общем здоров и силен. Надо надеяться на лучшее».

А вот что пишет Константин Чхеидзе уже о событиях осени 1917 года. Напомним, что 1 октября он окончил Тверское кавалерийское училище, был выпущен в чине корнета и направлен в Кабардинский конный полк (Дикая дивизия).

Итак, «к осени 1917 года, когда Кабардинской конный полк вернулся в Кабарду, положение на Северном Кавказе было неопределенным и тревожным. Одновременно с Кабардинским полком из состава Дикой дивизии на Родину возвратились Черкесский, Ингушский, Чеченский, Дагестанский и др. (С 1914 года, когда были сформированы эти полки, вплоть до осени 1917 года они находились на фронте.) Чувствовалась душевная и физическая усталость всадников и офицеров. Кроме того, главным образом всадников, в большинстве не знавших русского языка, угнетали пережитые и пережившие события. Они в них не разбирались и их не понимали. В состав офицеров полка входили преимущественно русские по происхождению, было несколько грузин и очень мало офицеров-кабардинцев. Русские офицеры, в общем, разделяли психологию русского офицерства, ха-

Константин Чхеидзе. 1917

Всадники Кабардинского полка Дикой дивизии Мажид Кужиев, Батырбек Хаудов, Цац Амшоков (слева направо), братья Керевы (сидят)

Всадники конной дивизии в Австрии

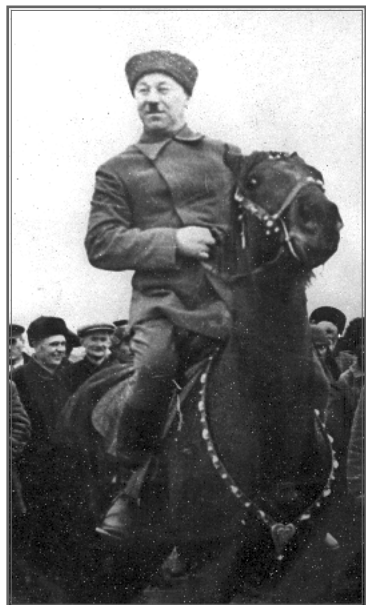
рактрную для того времени. Важно отметить, что, когда в 1914 году была сформирована Дикая дивизия из кавказских народов и когда ее начальником был назначен брат царя, Михаил, многие офицеры гвардейских кавалерийских полков выразили желание служить в Дикой дивизии. Именно эти гвардейцы определили стиль жизни офицеров Дикой дивизии, на них равнялись остальные. Несомненно, тем обстоятельством, что в офицерском составе Дикой дивизии преобладали гвардейцы, объясняется решение русского генералитета включить эту дивизию в состав войск, участвовавших в «Корниловском походе» на Петроград. Учитывалось также и то, что у кабардинцев, чеченцев и т. д., помимо соблюдения воинской дисциплины, соблюдались также обычаи – слушаться старших, почти слепо повиноваться вышестоящим.

В период существования Терско-дагестанского правительства его единственной реальной силой и были эти полки, вернувшиеся с фронта. Однако участие кавказцев в «Корниловском походе» осталось без следа. На станции Дно, на подступах к Петрограду, решался вопрос о том, пойдут ли действительно эти полки против Временного правительства, против Керенского и его министров, против революции, или не пойдут. Общеизвестно, что делегаты Совета рабочих и солдатских депутатов и агитаторы от партии большевиков старались проникнуть в массы всадников Дикой дивизии и убедить их не идти штурмом на Петроград. Но эта агитация имела ничтожное значение. Для всадников это были чуждые люди, к которым они относились с недоверием; важно и то, что всадники не знали русского языка. Решающую роль сыграли представители Общероссийского мусульманского комитета, выступавшие на станции Дно; огромное значение – прежде всего для Кабардинского полка – имела речь председателя митинга на станции Дно, ротмистра Заур-Бека Даутокова-Серебрякова, предложившего принять резолюцию: «Всадники Дикой дивизии не будут служить жандармами и подавителями русской революции». Заур-Бек знал кабардинский, осетинский, татарский языки, говорил красноречиво...

«Реальная сила» Терско-дагестанского правительства была тем ничтожнее, что внутри полков Дикой дивизии происходило брожение. Те-

Участник Первой мировой войны Джамбулат Буранов с супругой Ариу Мечукаевой

Бетал Калмыков

перь, возвратившись на родину, всадники слышали и слушали уже не чужих, неизвестных людей, но своих, говоривших на родном языке. «Революционизирование» умов всадников (говорю о кабардинцах, но в известном смысле это относится к чеченцам, ингушам, дагестанцам) происходило по разным линиям. Прежде всего, местная национальная интеллигенция говорила о кабардинском самосознании, о национальном лице. Это – очень сильная струя, которая в последующие годы (уже при советской власти, и не только на Северном Кавказе, но и на Украине, в Грузии, Армении, Таджикистане и т.д.) вызвала явление так называемого «буржуазного национализма». ...Эта струя не иссякла, естественно, и до сих пор и каково будущее, предугадать трудно...

Кроме национального момента, говорилось о социальном, экономическом. «Пришло время изменить нашу жизнь, – говорили представители прогрессивных течений, – нельзя дальше терпеть такого неравенства между князьями и простым народом; надо у богатых отобрать земли и пастбища; наши дети должны получать образование». В Кабарде и Балкарии о социальных и экономических проблемах говорили так называемые «шариатисты» и большевики.

Слово «шариатист» произведено от слова «шариат». Шариат – совокупность религиозно-нравственных установлений, регулирующих жизнь магометанского общества. Шариат – своего рода кодекс, отчасти вытекающий из Корана, отчасти из творений его толкователей. До прихода русских на Кавказ жизнь местных магометан в значительной мере регулировалась шариатом. «Конкурирующим» элементом шариату был адат, то есть исторически сложившиеся правила поведения, взгляды на общественный строй, на отношения между отдельными слоями населения. Адат предписывал, например, почитание старших, широкое гостеприимство, адатом объясняется кровная месть, а также так называемое «аталычество»...

Консервативное и даже реакционное значение адата заключалось в том, что он как бы освящал существующее положение, поддерживал существующий общественный строй, основанный на неравенстве. По

сравнению с адатом, шариат был несомненно прогрессивным учением. Уже с первых месяцев революции стала заметна роль шариатистов, как выразителей протеста против существующих порядков. В некоторых отношениях этот протест был созвучен революционным лозунгам, и следует отметить, что руководители партии большевиков на Северном Кавказе (Орджоникидзе, Киров...) поняли революционный момент в движении шариатистов, возможность союза с ними и их использования в широких целях, поставленных партией. В Москве (Ленин, но главным образом Сталин, комиссар национальностей, отлично разбиравшийся в положении на Кавказе) был одобрен план совместных действий шариатистов и большевиков. Таким образом, случилось в Кабарде (и других местах, где жили магометане), что представители религиозного течения, в некоторых отношениях фанатичного, объединились с представителями материалистического, атеистического учения. В Кабарде во главе шариатистов был Назир Катханов, образованный, лично привлекательный человек.

Среди его последователей (прежде всего это были «сохта» – ученики медресе) некоторые утверждали, что «из чресел Назира исходит божественный свет». Лидером кабардинских большевиков был Бетал Калмыков. О нем говорили, что он некоторое время работал в качестве кучера и конюха у одного русского врача в станице Марьинской, недалеко от Пятигорска. Бетал был в дружеских отношениях со Сталиным. Забегая далеко вперед, скажу, что после победы Октябрьской революции наметились серьезные расхождения между «союзниками» – шариатистами и большевиками, и лично между Катхановым и Калмыковым. Роль Катханова постепенно уменьшалась; он и его последователи стали тормозом в развитии социалистической революции. В 1924 году Катханов был застрелен при загадочных обстоятельствах. (На самом деле это произошло в 1928 году, предположительно 12 августа, а перед этим решением Коллегии ОГПУ от 3 августа 1928 года Назир был осужден по статьям 58-4 и 58-11 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. – Авт.). Некоторое время Калмыков пользовался большим покровительством Сталина. Сталин нередко ездил на охоту в Кабардино-Балкарскую автономную республику, принимал гостеприимство Бетала. В 1937–1938 годах звезда Калмыкова закатилась; он и его жена

Назир Катханов

(вторая, русская) были осуждены за контрреволюцию. Бетал кончил свою жизнь в концлагере. (На самом деле Калмыков был арестован 12 ноября 1938 года, а расстрелян 27 февраля 1940 года. – *Авт.*)

Если революционным полюсом были шариятисты и большевики, то противоположным ему был Национальный комитет, в котором ведущую роль играли представители кабардинской интеллигенции (юрист Чижи́ков, общественный деятель Шакманов, врач Шаков и др.). Члены Национального комитета отнюдь не считали себя реакционерами и высказывались за реформы и против «царизма». По психологии и взглядам они соответствовали деятелям, вошедшим во Временное правительство, в особенности в период главенства Керенского. По мере ослабления этого правительства, усиления, с одной стороны, роли Совета рабочих и солдатских депутатов и партии большевиков, а с другой стороны, местных, сепаратистских тенденций, Кабардинский национальный комитет все больше ориентировался на Терско-дагестанское правительство. Я уже сказал выше, что это правительство имело скорее теоретическое значение. Для его существования не было существенных предпосылок. Оно было создано в силу необходимости, во имя сохранения народов, живших на Северном Кавказе. Главной основой этого правительства было личное знакомство деятелей, представлявших национальную интеллигенцию северокавказских племен. Их основное желание заключалось в том, чтобы предупредить возникновение анархии и междоусобной войны (войны между отдельными племенами и этих племен с казаками). Кроме того, Терско-дагестанское правительство ставило своей целью не допустить проникновение большевиков и большевистских порядков на территорию Северного Кавказа. Единственной реальной силой, которой располагало это правительство, были полки Дикой дивизии, вернувшейся на родину.

Здесь мы прервемся и приведем небольшой эпизод из тех же воспоминаний, где случайный попутчик, георгиевский кавалер, в разговоре с Чхеидзе дает характеристику воинам Дикой дивизии: «Я встречался с ними на фронте. Отличная дивизия. В особенности кабардинцы хороши. Один как другой – высокие, стройные, ловкие, воспитанные. А вот ингуши – головорезы. Рядом с нашим полком стояли. Вдруг, смотрю, ночью разложили костры. Послал я ординарца – чтобы потушили. А они говорят: «Твоя баитца? – не гори. Мая не баитца – гори!». Так и не потушили. Австрийцы постреливали – все равно не потушили.

Слушаю и внутренне радуюсь за кабардинцев: такой похвальный отзыв. На моих плечах погоны Кабардинского полка... А что если на меня накинута? Станут срывать погоны? Что я сделаю? Не хочется в это верить, не хочется об этом думать... А рассказчик продолжает:

– Комедия была с Георгиевскими крестами! Кто-то такой придумал, что ингушам, вообще магометанам из Дикой дивизии, неудобно давать Георгиевский

евский крест с изображением святого Георгия. Вместо Георгия поместили в середину креста государственный герб – орла со скипетром и державой. А ингуши не захотели принимать такого Георгия. Говорят: «Муха не нада – джигита давай!» Просто умора! Да, – сказал он, обращаясь ко мне, – будьте счастливы, что едете в «дикий» Кабардинский полк... А вот я удрал от «недикого», нашего. Еду на Дон, к генералу Краснову...»

Продолжим далее: «Однако эта «реальная сила» (полки Дикой дивизии. – *Авт.*) уже не представляла собою «силу». Полки находились в стадии разложения, которое протекало довольно мирно, без эксцессов, без убийства офицеров и т. д., но все же разложения. Терско-дагестанскому правительству не всегда удавалось подавить вспышки национальной розни, например, не удалось предупредить вооруженное столкновение ингушей с терскими казаками. Кроме того, это правительство не располагало возможностью поддерживать свою «эфемерную» власть в таких крупных городских центрах, как Грозный или Пятигорск. В этих городах были гарнизоны, состоявшие из солдат русского происхождения, был – в особенности в нефтяном центре, в Грозном – местный пролетариат; большинство населения городов составляли русские. В этих городах, а позже в Моздоке, Кизляре образовались советы депутатов, фактически захватившие власть в свои руки. Наконец в самом Владикавказе, столице, где находилось Терско-дагестанское правительство, вся полнота власти – как тогда говорили – ежедневно могла перейти к большевикам.

Таково было положение на Северном Кавказе вообще, в частности в Кабарде, в конце октября 1917 года. В главном городе Кабарды, Нальчике, благодаря тому, что он стоит в стороне от железнодорожной магистрали Ростов–Владикавказ–Грозный–Гудермес, и благодаря спокойному и благожелательному характеру кабардинского народа в общем царило относительное спокойствие. Нальчик еще не был окончательно захвачен событиями, Нальчик оставался своего рода благодатным островом. В день переворота, определившего судьбу России и даже отчасти всего мира, 25 октября 1917 года (по новому стилю 7 ноября), я, молодым корнетом, прибыл в свой Кабардинский конный полк, штаб которого находился в Нальчике.

Обо всем, что последовало дальше, К. А. Чхеидзе – личный адъютант начальника кабардинских частей генерала Заурбека Даутокова-Серебрякова, а после гибели последнего – адъютант начальника Кабардинской конной дивизии и Правителя Кабарды князя В.А. Бековича-Черкасского, рассказал в рукописи «Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде» (Нальчик, 2008), из которой впоследствии родилась книга «Страна Прометея», изданная нашим издательством в 2004 году.

«ЛЮБЛЮ И ПОМНЮ»

В воспоминаниях Константина Александровича Чхеидзе «События. Встречи. Мысли» немало страниц посвящено прекрасному полу – женщинам, которых любил выдающийся писатель русского зарубежья, свет от свиданий с которыми озарял и сопровождал его на протяжении всей жизни. Как от звезд, что давно потухли (исчезли с жизненного небосклона), но постоянно напоминали о себе пережитым: радостью встреч, глубиной узнавания, проникновения, постижения, горечью расставания.

Этих женщин было не так уж много, и две из них имели самое прямое отношение к Нальчику. Здесь, в слободе, Константин узнал свою первую любовь. Это была Катя Никольская, дочь владелицы дачного поселка в Долинске Александры Ивановны Никольской, о которой подробно рассказано в материале «В Нальчике я постоянно испытывал возвышенное настроение».

Вот как вспоминал об этом сам писатель: «Наша семья тоже часто бывала у нее (имеется в виду А. И. Никольская. – *Авт.*), мои младшие сестры подружились с ее дочерью Катей. А между Катей и мной установились дружеские, ласковые отношения, взаимная симпатия».

Виделись Катя и Костя только в летнее время – ведь начиная с 1908 года Чхеидзе учился в Полтавском кадетском корпусе Петра Великого, который окончил в 1916 году. Но эти встречи были наполнены не только свиданиями при луне, но и чуть ли не ежедневными поездками в горы, куда молодые люди (сам Константин, его сестры и Катя) совершали вместе с другими приезжими многочисленные экскурсии.

В одну из таких поездок их застал дождь и вот как описан этот момент в воспоминаниях: «Александра Ивановна не хотела пускать Катю, так как надвигалась туча. Катя обещала вернуться до начала дождя. Но дождь разразился внезапно, мы оба промокли. Когда мы, пристыженные, поднялись на веранду, разгневанная Александра Ивановна с поднятой рукой быстро подошла к Кате. Еще быстрее я стал между ними – удар пришелся по моему плечу. Этот случай сблизил нас. Никто из старших не говорил ни о «женитовстве», ни о «помолвке», однако психологически предполагалось, что

Катя и я «подходим друг для друга», что в будущем наши пути сольются в один. Ничего этого не произошло. Я встретил женщину, которой был предан многие годы. А Катя (уже во время гражданской войны) заболела, во время не получила врачебную помощь, умерла».

К месту будет сказано, упоминание о смерти Кати находим в письме Марии Борисовны Волковой, правнучки Марко Вовчок: «Александру Ивановну Никольскую я знала очень хорошо, бывала у нее почти ежедневно, когда год жила у дедушки и дружила с ее воспитанницей – племянницей Марией Георгиевной Татарчевской. Она тогда только что потеряла свою любимую приемную дочь (говорили, что это ее незаконная) Катю. Очень грустила. Уверяла, что я напоминаю ей Катю» (с письмом ознакомила архивист Е. С. Тютюнина).

Попечалившись о Кате, в столь в юном возрасте вырванной из жизни, попытаемся выяснить, кто же эта женщина, которой Чхеидзе «был предан долгие годы». Почему узнать? Дело в том, что ни в воспоминаниях, ни тем более в других своих произведениях – художественных он не называет дорогое ему имя, а величает ее Пани. Именно так – с большой буквы. Впрочем, до Пани была в жизни Константина еще одна влюбленность, и о ней стоит вспомнить, потому что в этом описании весь он: рыцарь и романтик.

«Жить, – пишет Чхеидзе, – значило также ухаживать за барышнями. Редкие из нас не имели «своей дамы сердца». Дами сердца были гимназистки, институтки, иногда и епархиалки, но с этими девушками из духовного сословия трудно было поддерживать отношения. Между «дамами» и их «кавалерами» шла оживленная переписка. Любовные записки передавались самыми различными способами. Их носили кадеты, ходившие в отпуск, записки передавали – незаметно от глаз воспитателей – во время прогулок, были, наконец, «тайники», куда клались записки и откуда их извлекали «адресаты». Например, один «тайник» был на плацу, под камнем.

Я всегда считал своей «неизменной дамой сердца» Катю Никольскую, которую знал с детства. Были, конечно, и увлечения другими девушками, но мимолетные. Только однажды пережил глубокое чувство и поколебался в своей верности Кате. В корпусе, среди других воспитателей-холостяков был капитан фон-К, большой щеголь и ухажер. Понятно, ухаживал он не за теми девушками, за которыми ухаживали кадеты, так что «пути наши не скрещивались». Но мы интересовались его похождениями и узнавали о них от своих «дам сердца». Молодежь тоже любит сплетничать. И вот однажды стало известно, что фон-К получил ужасный афронт. Он попробовал поцеловать одну девушку, и она дала ему пощечину. Кто же эта девушка? Как зовут? Бывает ли она на корпусных балах? Оказалось, что она только что окончила Девичий институт, на балах у нас бывает, так как ее старший брат наш однокашник. В этой пощечине мне почудилось нечто романти-

ческое. На ближайшем же балу я сказал брату этой девушки, чтобы он представил меня своей сестре. Маруся Юз-ч, так ее звали, принадлежала к типу «амазонок». Высокая, стройная, гибкая, с уверенными, быстрыми движениями, сияющими темными, насмешливыми глазами, с глубоким, грудным голосом, какой бывает у украинцев польского происхождения. Она – и не без основания – была о себе высокого мнения, гордилась своей красотой, дворянским происхождением. Да, насильно такую не поцелуешь. Наш «роман» длился только одну весну – 1916 года. По окончании корпуса я уехал из Полтавы, Маруся поступила в Киевский университет. Гражданская война оборвала нашу переписку. И лишь осенью 18-го года, после многих походов и боев, оказавшись на Кубани, в Баталпашинске, я попытался восстановить связь – послал телеграмму по ее адресу в Полтаву: «Маруся, где вы, отзовитесь». – «Люблю и помню», – ответила она двумя словами, которые и сегодня дают радость душе моей. Однако встретиться нам не удалось никогда».

Отношение К. А. Чхеидзе к женщинам – это обожествление прекрасного пола, это удивление перед самым понятием «женщина». Вспомним хотя бы то, что он писал в книге «Страна Прометея» в главе «В гостях у Дадаша», рассказывая о дочерях балкарского таубия Ислама (Дадаша) Балкарокова: «Пусть душа моя будет подобна облаку, застывшему серебряной мечтой на фоне пламенеющего пурпура вечернего неба, когда я буду писать о них... Нет! Пусть душа моя обратится в камень, упавший с неба, и чудом – вновь вознесется к небу. Нет, нет... Пусть душа моя, рассеченная солнечным лучом, преобразится в ангела дня и ангела ночи. И пусть ангел дня поет мне мелодию, которую сложили бесчисленные херувимы, толпящиеся у Престола Владыки Вселенной. А ангел ночи пусть поведает мне таинственные

Мисирхан Балкарокова (Барасбиева) с дочерью Жан и родственником

саги, полные тьмы и черных таинств, которые нашептывает Великий Соблазнитель – сатана.

Иначе я не в силах изобразить величие одного цветника, где цветут не цветы, но звезды. Иначе я не найду слов, чтобы хотя в отдаленной степени дать понять о красоте горских девушек, о красоте, которая возносит в заоблачные края...

...Джан, Джансурат, Алтын-Чач, Даут-Хан, Фатимат и Сафиат – так звучат их имена. Душа, Душа Горы, Золотые Волосы, Серебряная Дева, Прекрасная и Мудрая – таково значение этих имен. Джан похожа на капельки росы, осевшие на конец бледно-розовой хризантемы. Джансурат – высокая, как тополь, она родная сестра лилии. А Алтын-Чач... Алтын-Чач великолепна, как солнце. Ее лицо сияет в темноте. Ее волосы – как золотые крылья. Рядом с ней Даут-Хан напоминает луну...

Но ради Всевышнего Бога, поведите меня к человеку, который окончательно решил, что солнце прекраснее луны!.. Даут-Хан легка и грациозна. Когда она танцует, она серебряный дождь, струящийся сквозь паутину золотых ветвей. Когда она выносит гостям на старинном подносе чаши, наполненные прозрачной бузой, кажется, будто белая ласточка неслышно несется над ковром. Гордый отец улыбнется, бывало, а пораженные гости глядят в смутении друг на друга и словно спрашивают один другого: на земле ли мы еще или уже вознеслись на небо?.. Фатимат красива, но не поражает своей красотой. Но если существуют на свете руки, более породистые, тонкие, более утонченные в изящности очертаний и более достойные почитаться царицами рук, – то вот, я ставлю мою жизнь против фальшивого медяка, прокушенного цыганом!.. И наконец, последняя из сестер – маленькая Сафиат. Она выглядела бутонем гвоздики, таким же нежным и обещающим.

Она находилась в той поре, когда благоухание младенчества только-только начинает сочетаться с ароматом юности. Каждый, кому доводилось всмотреться в сияющие чистотой и разумностью глаза Сафиат, уходил с душой просветленной, спокойной и убежденной, что земля отражает небо».

И еще одно описание – танцующей горской девушки: «Для чего созданы глаза? Ученый скажет: глаза созданы для того, чтобы смотреть в микроскоп и книгу. Скупец скажет: глаза созданы, чтобы ими ласкать деньги и имущество. Мечтатель скажет, что глаза даны, чтобы видеть облака и звезды... И все это неправда! Глаза даны человеку, чтобы он видел, как танцует горская девушка. Тот, кто не видел сияющей бездны, на дне которой радостно улыбается солнце; тот, чье сердце не замирало в восторге, не понималось выше самой высокой вершины, не опускалось ниже корней чинара... Тот, кто не видел танцев в горах, – тот еще не начинал жить!.. Зачем, зачем нельзя сделать так, чтобы вершина Эльбруса была бы видна со всех

концов земли? Зачем, зачем нельзя сделать так, чтобы вершина эта была подобна персидскому ковру, разостланному на полу дома Дадаша? Зачем нельзя перенести среднюю дочь Дадаша – Серебряную Деву – Даут-Хан – танцующую Даут-Хан – на вершину Эльбруса? Чтобы весь свет видел и любовался ее прелестной стыдливостью и красотой?..

Как описать танцующую Даут-Хан?

– Если сказать: Даут-Хан подобна белой лилии, колеблемой ветром, плывущей в лунных волнах, то это мало. Если еще сказать: в горах есть Церик-Гель, что значит Голубое Озеро, и воды Церик-Геля чисты и прозрачны, и бывают ночи, когда молодой месяц, окруженный созвездием, отражается в голубых водах; и вот между землею и небом промчится ветер, неся привет от царственного Эльбруса гордому Белому Витязю – Казбеку, и всколыхнутся голубые волны, и всколыхнутся месяц и звезды, и тогда колеблемый месяц будет подобен Даут-Хан, танцующей в хороводе подруг... Нет, и это не то... Я вижу перед собою ковер. Его шелковистая грудь хранит тайны Ирана – знойные тайны, выраженные не в словах, но в узорах. И чудесною силой ковер этот поднят и распластан над многоцветным лугом. Ликующее солнце, воспламенив золотым огнем белоснежные факелы гор, остановилось на миг – там, на высоте, в голубой пустыне. Лучи солнца оживляют ковер – и вот над ним затрепетало видение. Это не сон и не действительность. Это не греза и не существо из плоти. Это она – Даут-Хан, Серебряная Дева, танцующая Даут-Хан».

По этому описанию ясно, что К. А. Чхеидзе был влюблен в Даут-Хан, которую он видел в доме Дадаша Балкарокова – так называемом «доме с цепями», что расположен напротив поликлиники № 1 в Нальчике.

Но об этом, придет время, мы еще расскажем. А пока вернемся к Пани. Вот что сообщает о ней Константин Чхеидзе в воспоминаниях: «Я описал эту женщину в «Глядящем на Солнце» во всем ее ослепительном своеобразии; отчасти она была «моделью» для героини романа «Навстречу буре» и героини исторической повести «Невеста гор». В «Глядящем» я назвал ее «Пани», и здесь буду ее так называть, и добавлю: когда мы познакомились и сблизились, все, что было до нее, для меня померкло, а все, что могло бы прийти после встречи с ней, было без нее непредставимо».

Встреча с ней, состоявшаяся в Нальчике, была предопределена самой судьбой. Итак, перелистаем страницы рукописи книги «События. Встречи. Мысли»: «В городе у меня была квартира, я ее снимал у знакомых грузин, Лобжанидзе. Часто ездил, верхом или в экипаже, в поместье дяди, в поселке Долинском. Там в большой библиотечной комнате, в полном одиночестве перечитывал любимые, известные мне книги, пожирал произведения авторов, которых встречал впервые. Однажды дядя сказал, что заедет за мной, поедет вместе к нему. Почти на окраине города кучер свернул с дороги.

– Куда это он? Дорогу забыл?

– Нет, заедем за одной знакомой, она тоже живет в Долинском.

Едва экипаж остановился, двери дома открылись, из них вышла женщина...»

Это и была Пани. Молодому человеку шел 21 год, для России 1918 год... «К весне, – вспоминает Чхеидзе, – а весна в тех краях наступает уже в конце февраля, Нальчик, этот относительно спокойный остров среди бушующего океана, наконец-то, к радости одних и горю других, поддался опьянению, охватившему всю страну, великую «Матушку-Русь». Одновременно – скрыто и открыто – проходила кристаллизация противоборствующих политических сил и «кристаллизация» разгульных отважных элементов полууголовного типа, подчас прикрывавшихся политической фразой, подчас откровенно разбойничавших, готовых присоединиться к тому, кто «возьмет верх»...

В ночное время город казался вымершим – опасно было выходить. Танцевальные вечера нарочно затягивались до рассвета, ибо ночью небезопасно было расходиться по домам. Мы встречались с «Пани» на всех таких вечерах, а иногда, ночью, звезды могли наблюдать одного молодого человека, с карабином в руке, пробиравшегося от куста к кусту, от дерева к дереву, на свиданье с «Пани».

Любовь не выбирает время и не подстраивается под него: что ей революции и народная смута – она сама революция: смятение чувств и изменение смыслов. Рушится мир, а мысли будущего писателя о другом: «Накануне народного Съезда представителей трудящихся Кабарды и Балкарии (здесь же Чхеидзе уточняет, что «он был назначен на 21 марта, о чем извещали большие плакаты», но память его немного подводит – на самом деле Первый народный съезд представителей трудящихся Кабарды и Балкарии, провозгласивший советскую власть и избравший Нальчикский окружной народный совет, открылся 18 марта 1918 года. – *Авт.*) «Пани» и я сидели в благоуханной тишине вечера на скамье, поблизости от дома, где я жил. Уже цвели розы, и в этот вечер, как и во все вечера, когда мы встречались, я был вне земли, вне событий, которые на ней совершались, – был в далекой стране, сотканной из видений, блаженных образов и полнозвучных чувств, принадлежавших ей, избраннице. Счастлив тот, кто хотя мгновение побывал в этой призрачной стране. Тишину нарушил голос – этот голос назвал мое имя – этот голос принадлежал моей сестре, Варваре. «Что-то дома случилось? Почему внезапно приехала?»

Я отчетливо помню эту минуту, ибо с этой минуты началась моя «страда», сопровождавшая меня – с более или менее длительными перерывами – всю жизнь.

В самом деле я строил планы поступить в Тбилисский университет (предполагалось, что «Пани», она окончила Миланскую консерваторию, легко получит ангажемент в оперу).

В эти недели и месяцы моя внутренняя жизнь целиком была заполнена одним чувством – чувством к «ней», к «Пани». С большим риском, преодолевая стоверстное пространство между Моздоком и Нальчиком, мы виделись с ней дважды».

Действительно виделись будущий писатель и Пани весьма редко: шла гражданская война, Чхеидзе, воевавший на стороне «белых», в этом и в последующем 1919 году являлся личным адъютантом начальника Кабардинских частей генерала Заур-Бека Даутокова-Серебрякова, отобразив пережитое в удивительной книге «Страна Прометей». После гибели «Заурбека» (так называется вторая часть произведения), в 1919-м – начале 1920 года – адъютантом начальника Кабардинской конной дивизии и Правителя Кабарды князя В.А. Бековича-Черкасского.

Вот как он сам описывает то окаянное время: «В феврале 20-го года в Нальчик прибыли остатки Кабардинских полков, сражавшихся на Царицынском направлении, позже еще один полк – с бывшего Астраханского фронта. Печальная картина. Началась подготовка ухода, прощания с родными очагами. Что с семьями? «Красные» находились еще далеко, но трагедии уже совершались. Поощают ли жестокие победители матерей, сестер, жен тех, кто противился их власти? Но куда уходить? Как и чем жить на чужбине? Слышались голоса, что «не так страшен черт, как его малюют». «Ведь жили же мы под большевиками в прошлом, будем жить и в будущем». Некоторые офицеры, преимущественно пожилые, с самого начала гражданской войны подальше держались от «белых». «Большевики нас не тронут, мы им ничего не сделали». Некоторые офицеры внезапно скрывались, иногда с семьями: «Переедем в другой город, где нас никто не знает, как-нибудь проживем». И кое-кто из богатых лелеял надежду, что их «оставят в покое, ибо они никогда не выступали против большевиков». Наскоро устанавливались связи с местными законспирированными большевиками: «Не выдадут, помогут, ведь, в конце концов, они – свои люди!»

А далее всего одна писательская ремарка, но в ней судьбы большинства из тех, кого знал, с кем общался Чхеидзе: «Основная часть оставшегося офицерства была «выловлена» и ликвидирована; горькая участь ожидала и других, «потенциальных классовых врагов».

«Накануне ухода, – вспоминает дальше писатель, – в первых числах марта, в большом зале Реального училища состоялось, можно сказать, прощальное собрание. Правитель, князь Тембот, обещал вывезти всех желающих, обеспечить их подводами и провиантом до прихода в Грузию. Решено было отступать через Владикавказ и Дарьяльское ущелье в Гру-

зинскую Республику, правительство которой из гуманных соображений обещало принять беженцев. Фактически в Грузию направлялись вооруженные части, но существовала договоренность, что на границе они сдадут оружие.

Выступали ораторы – за и против массового ухода. Впервые с февраля 17-го года на многочисленном собрании не слышались митинговые речи, все говорили спокойно, даже с грустью: словно кого-то хоронили».

Далее следуют размышления человека, который не в силах понять происходящее, страдающего душой оттого, что смерть побеждает жизнь: «4 марта 20-го года, в яркий, солнечный, ликующий и словно праздничный день наша колонна – всадники, пулеметные тачанки, артиллерия, подводы с женщинами, стариками, ранеными и детьми – двинулась, растянувшись на несколько верст, из города. Город сразу опустел, онемел, окаменел. На горизонте сверкали на фоне пронзительно-голубого неба величавые гребни гор. Горы стояли здесь в неприступном, торжественном, замкнутом в себе молчании на заре веков. Они присутствовали при зарождении жизни на земле, при появлении человека. Исполненные бесстрастия, они наблюдали его борьбу за существование и взаимную борьбу людей. Едва научившись держать в руке примитивную дубинку, люди уже устремлялись в бой, чтобы умертвить себе подобных. Чем больше развивался людской род, тем совершеннее становились орудия убийства. Приручив коня, он изобрел боевую колесницу. Построив корабль, снабдил его пушками, изрыгающими картечь и гранаты. Научившись летать, он с небесной высоты – которую некогда обожествлял, в которой, как выразился один летчик-атеист, «нет Бога» – стал сбрасывать взрывчатку дьявольского действия, сеять смерть. И неужели можно примириться с мыслью, что человеческий род истребит сам себя, а они, горы, все так же будут подставлять свои вершины ласковым лучам животворного солнца, холодному сиянию луны? Роковой вопрос: может быть, человек за все его грехи и преступления и не заслуживает лучшей участи?»

На том собрании, состоявшемся в здании Реального училища, он был не один – сидел среди «публики», рядом с Пани. Держал ее руку – хотелось на всю жизнь сохранить ощущение ее нежного тепла. «Мы тихо обменивались незначительными словами. А в думах вопрос: неужели прощание навсегда?»

Кем же была эта представительница прекрасного пола для Чхеидзе? Сам писатель отвечает на этот вопрос так: «Я любил, обожал эту женщину – за ее горделивую красоту, за ее пламенный, неукротимый нрав, за ее дивный дар – ее чудный голос, который звучал как будто из иного, не здешнего, мучительного и противоречивого мира. За то, что и она меня любила, правда, не всегда для меня понятной любовью. Между нами прои-

зошла только одна размолвка, оставившая неизгладимый шрам. Моя бывшая невеста Катя болела; ничто не предвещало близкий конец. В прошлом году, в этом самом зале, где мы сейчас сидели, на конец июня был назначен бал, и я обещал провести его с Пани. К вечеру, часа за три до начала бала, Катя умерла. Я поехал к Пани, сказал, почему не могу быть на балу. А она уже примеряла новое бальное платье. Пани принудила меня пойти на бал, и я подчинился ее воле, но не танцевал, сидел за столиком, много пил и глядел на нее «страшными глазами»... Почему иные женщины не в состоянии уразуметь, что бывают разные любви. Можно ли сравнить тихое веяние воздуха с вулканическим взрывом чувств, стирающим грань между жизнью и смертью?»

Уже тогда, на балу, на котором душа Константина не могла найти успокоения, раздираемая болью и любовью, было ясно, что им не быть вместе. Никогда. Потому что Пани не любила человека, увидевшего в ней свой идеал, пронесшего свои чувства к ней через десятилетия. Она любила, если так выразиться, свое чувство к нему и поэтому новое платье для нее было куда важнее чужой жизни.

Так все-таки кто же эта женщина, чье имя так и осталось тайной для всех, кто соприкасался с Константином Чхеидзе? Нет сомнений, что это Ядвига Закржевская, приезжавшая каждое лето в гости к своей тете Софье Андреевне Закржевской, имевшей дачу в Долинске. В записанных Владимиром Кодзоковым воспоминаниях И. Б. Клишбиева (1896–1974) – воспитанника Нальчикского реального училища, человека, имевшего большие поэтические задатки, но чья судьба по причине дворянского происхождения Исмаила Бековича оказалась сломана репрессивными жерновами новой власти, оторвана от родной Кабардино-Балкарии, читаем: «В реальном учили-

*А. Маджидов
Иванна Тарбура надолго
моя в Колонии от*

*С. Шалыпин
1917*

Ф. И. Шалыпин в Нальчике. Ядвига Ивановна Шмурло-Закржевская (вторая слева). 1917

Мемориальная доска на здании бывшей дачи (ныне администрации санатория «Маяк»), в которой в 1917 году побывал Ф. И. Шаляпин

стантин Александрович много лет и отлично знал ее биографию.

Что же касается пребывания выдающегося русского певца Федора Шаляпина в Нальчике, то у того же Клишбиева читаем: «В конце июля или в первых числах августа за певцом была послана тачанка. Приехал певец вместе со своим антрепренером И. Г. Дворищиным». Остановились гости в доме Закржевской, где и прожили целую неделю. Известно, что в один из дней «ездил верхом на лошадях к монахам на Сарай-гору», в другой принял участие в импровизированном концерте. Владимир Кодзоков пишет, опираясь на впечатления Исмаила Клишбиева: «Шаляпин был в ударе, рассказывал об интересных случаях из своей жизни, о том времени, когда еще в 1893 году начал выступать на сцене Тифлисского оперного театра.

– Вот за этими горами я начинал артистическую деятельность, – говорил певец, выразительно жестикулируя своими крупными руками. Одну за другой, по просьбе присутствующих, он исполнял оперные арии и народные песни. Бурная реакция темпераментных горцев не давала ему

еще в Нальчике был кружок по эстетическому воспитанию молодежи, где ученики-реалисты знакомились с музыкой и живописью. В училище нашими преподавателями были высокообразованные люди, среди них – француженка Леонтина Зюэрис, которая жила на квартире в Долинске у Софьи Андреевны Закржевской. Племянница Закржевской, гостившая в то время в Нальчике, училась в московской консерватории, готовилась стать певицей. Ядвига была знакома с Ф. И. Шаляпиным. И от нее летом 1917 года и узнали мы о пребывании знаменитого певца в Кисловодске. Члены кружка по эстетическому воспитанию решили пригласить его в слободу Нальчик».

Есть только одна нестыковка: Чхеидзе пишет, что «Пани» окончила Миланскую консерваторию, а Клишбиев – московскую. Но это вполне объяснимо: Исмаил Бекович ошибся, ведь он общался с Ядвигой Закржевской, вероятно, раз-другой, а Кон-

молчать. Он пел и пел по их просьбе... Затем Федор Иванович попросил спеть кабардинскую народную песню. – Ваша прекрасная природа мне очень нравится, шашлык – вещь великолепная, – заметил он, улыбаясь, – и песни тоже, наверное, хороши.

Просьба великого певца была исполнена. Когда последние звуки песни смолкли, Шаляпин долго аплодировал и то и дело восклицал:

– Чудная песня! Прямо за душу берет. Это в моем духе, мне нравятся минорные песни».

Это, так сказать, опосредованная реакция певца, переданная спустя годы участником концерта. А вот и само шаляпинское слово. 10 августа 1917 года в письме своей дочери Ирине он сообщил следующее: «На днях ездил верст за сто отсюда в местечко «Нальчик». Это очень красивое место – горы и степь... Степь Кабардинская и горы тоже заселяют кабардинцы (кавказское племя – мусульмане). Эти кабардинцы, узнав о моем приезде, собрались компанией и устроили мне пикник – говорили речи, жарили на огне целого барана, танцевали, пели и делали джигитовку верхом на лошадях. Все это происходило в горах, из-за которых с одной стороны открывался вид на необозримую степь, а с другой – на снеговую цепь Кавказского хребта. Зрелище поистине величественное и замечательно красивое».

Учащиеся Нальчикского реального училища. Исмаил Клишбиев сидит в центре. 1915

Исмаил Батырбекович Клишбиев.
Орджоникидзе, 1968

Нальчик так понравился Федору Ивановичу, что он высказывал мысль о приобретении земли в районе Долинска с последующим строительством дачи. Октябрьская революция внесла в эти планы существенные коррективы. И теперь лишь мемориальная доска, установленная по инициативе Владимира Кодзокова, на одном из административных корпусов санатория «Маяк» напоминает о пребывании Ф. И. Шаляпина в Нальчике.

Но вернемся к Константину и Ядвиге. Исследователь творчества писателя Анастасия Гачева, для которой также оставалось тайной имя певицы, пишет в предисловии к изданной нами книге «Крылья над бездной»: «Они недолго пробудут вместе – гражданская война разлучит их, казалось, навеки. Лишь спустя почти восемь лет Чхеидзе встретит ее в эмиграции. И пожар разгорится еще сильнее и неистовей. Но двое так и не соединят свои судьбы –

слишком ощутимым будет разрыв между певицей, и в изгнании жившей относительно благополучно, в твердом, хотя и скромном достатке, имеющей свою музыкально-вокальную школу и регулярно дающей концерты, и бывшим военным, прошедшим ад гражданской войны, отступление, лемносский лагерь, поденный, копеечный труд чернорабочего...»

К сожалению, дальнейшую судьбу Ядвиги Ивановны Закржевской, чье драматическое сопрано покорило даже Шаляпина, нам не удалось установить.

Что касается Константина Александровича Чхеидзе, то осенью 1923 года он оказался в Праге, где окончил Русский юридический факультет, заявил о себе как талантливый писатель и оригинальный философ, один из лидеров евразийства. В годы Второй мировой войны входил в руководство русского эмигрантского оборонческого движения. В 1945 году, на 23-й день после вступления советской армии в Прагу, был арестован органами военной разведки и контрразведки «Смерш» и осужден на 10 лет лагерей НКВД. «Его, – как рассказывал директор Славянской библиотеки в Праге, а впоследствии ее научный сотрудник Иржи Вацек, – обвиняли в его деятельности в белогвардейском движении и потом в евразийском движении в Чехословакии и во Франции. Так как во время гитлеровской оккупации

Чехословакии он стоял на стороне России, Советского Союза, он ни в коем случае с немецкими оккупантами не хотел иметь ничего общего, его не могли ни в чем таком обвинять.

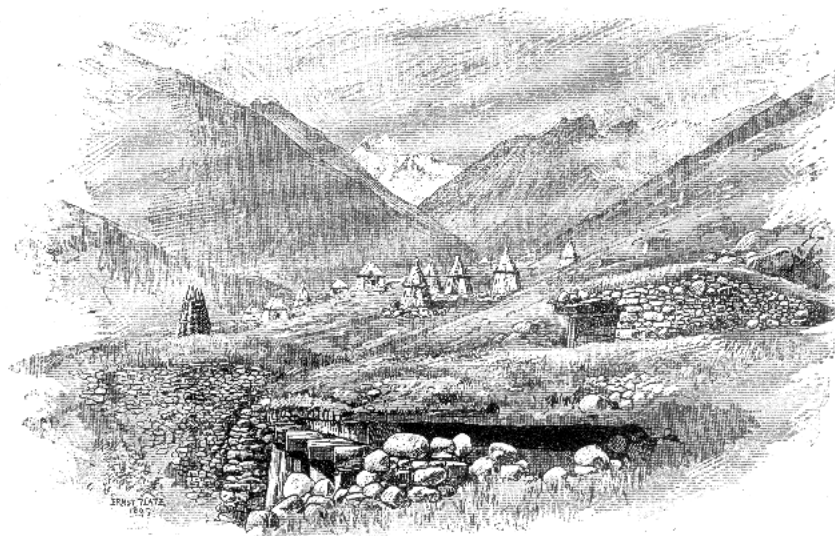
С Константином Александровичем Чхеидзе, – продолжает дальше Иржи Вацек, – я общался последние 10 лет его жизни – с 1963 года. Он вернулся в 1955 году, и мемуары, которые он написал на переломе 50–60-х годов, кончаются днем, когда в 55-м году на чехословацко-советской границе его передают советские органы чехословацким, и чехословацкий капитан на границе всю группу возвращенцев приветствует: «Ну, ребята, поздравляю вас с возвращением домой».

В 67-м году было время оттепели, чешский Литературный фонд при Союзе чехословацких писателей ему дал стипендию, чтобы он написал свои мемуары. Он работал над этими мемуарами 4 года, мы стали друзьями, и я эти мемуары перевел на чешский язык».

Это те самые мемуары, которые до сих пор не изданы на русском языке. Жизнь же самого К. А. Чхеидзе завершилась трагически: в начале лета 1974 года, в состоянии глубочайшей депрессии (с ним был расторгнут переводческий контракт) он покончил жизнь самоубийством...

К. А. Чхеидзе на собрании чешских писателей. Начало 1970-х гг.

Склепы в Чегеме. Худ. Эрнст Платц (1895) из книги Г. Мерцбахера «По высокогорному Кавказу». 1901

Старшина, мулла с детьми. Чегем. Из книги Г. Мерцбахера «По высокогорному Кавказу». 1901

В ПОИСКАХ БОЖЕСТВА

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее.

Н. Гумилев

...Печаль продуктивнее радости. Особенно для творческого человека, каким был Константин Чхеидзе. Находясь в оккупированной фашистами Праге, он тосковал о мире, о чистоте человеческих помыслов и благородных поступках. Сердце его было обращено к родному Кавказу, к любимым горам и равнинам, на которых бесчинствовал тот же захватчик, топча достоинство и убивая свободу там, где превыше всего ценились честь и заветы предков.

Ничего удивительного нет в том, что мысли и переживания эти вылились в роман-сказ (определение самого Чхеидзе) «Крылья над бездной». Преступление тянет вниз, а добродетель дарует крылья – убежден писатель. На склоне лет главный герой повествования Эльдар (Агелик) обращается к Всемилостивому и Всемогущему: «Боже, мир твой – над бездной парящие крылья». А ему ли не знать, сколько правды и боли в этом утверждении. Чхеидзе провел его через такие испытания, столько раз ставил перед выбором, как следует поступить, чтобы не оказаться клятвопреступником и положить конец вражде, которую не он начал...

Герой справился со своей задачей, читатель взволнованно шел по его путям и тоже сделал вывод, что между злом и добром нет середины: «А если возникает сомнение – зови совесть на помощь. Совесть подскажет тебе полную правду, ибо в ней эхо и весть Всемогущего Бога».

Какой правды искал и о какой правде в 1942 году хотел известить мир Константин Чхеидзе? Вокруг шла Вторая мировая война, жестокая и алчущая человеческой крови и плоти, уничтожения души и подавления духа. Германский нацизм людьми считал тех, кто имел с ним кровное родство или происходил из той же земли. Все остальные – «чужаки», «варвары», с которыми можно не церемониться.

И сегодня, в XXI веке, есть много людей, которые живут ненавистью, насилием, национализмом и расизмом. Среди них и те, кто откровенно

провозглашает свои цели. Все они страстно говорят о любви к родине, о долге, чести, справедливости. Но как только случается общественный кризис, война, люди эти мгновенно направляют свою скрытую энергию к разрушению всего живого. К. Чхеидзе уже тогда понимал то, что мы узнали о Гитлере много позднее. А именно, что фюрер был одержим «синдромом распада», являлся крайне нарциссическим человеком, для которого реальностью являются лишь его собственные желания и мысли. Он был фанатично предан расе и народу и заикнулся на идее спасти германскую расу, препятствуя смешению ее крови. В «Mein Kampf» он прямо говорил, что надо спасти нацию от сифилиса и предохранить ее, нацию, от осквернения со стороны евреев. Гитлер представлял собой выдающийся пример «синдрома распада», когда нарциссизм, смерть и инцест сделали его врагом человечества и жизни.

Что мог противопоставить такому всемирному бедствию писатель, философ, юрист Константин Чхеидзе? Только другую жизнь, где люди были бы равными, где проблемы противостояния разрешались бы вполне цивилизованными мерами.

Он разместил события романа-сказа высоко в горах, «в орлином гнезде», назвав его Орсундах. Кому-то, живущему не здесь, не в Кабардино-Балкарии, Орсундах не навевает, очевидно, прямых сравнений. Но нам, знающим о существовании Чегемского ущелья, сельских поселений-соседей Эльтубю и Булунгу, понятно, что речь идет об Орсундаке, которого уже нет на карте, на его месте располагается Булунгу. А в центре Эльтубю стоит старинная башня Балкаруковых, с обитателями которой он свел тесную дружбу, в Нальчике, в послереволюционные годы, когда служил адъютантом лидера «Белого» движения Кабарды и Балкарии Заурбека Даутокова-Серебрякова.

Константин Чхеидзе был влюблен в одну из княжон Балкаруковых, чувства были взаимными, дело шло к свадьбе, но эмиграция навсегда разлучила их. Огонь той, Гражданской, войны опалил сердце молодого корнета, лишил его родины и средств к существованию.

Моздокский дворянин работал и кочегаром, и грузчиком, и даже дровосеком. Жизненные передряги и совесть пробуждающегося писательского таланта раз за разом возвращали его к пережитым событиям и людям, дорогим и близким, которые во время братоубийственной войны рушили вековые устои, а преступление это против человечности объявлялось неизбежным злом ради достижения высоких идеалов социальной справедливости.

< Дорога в Верхний Чегем. 1930-е гг.

Чхеидзе никогда не разделял пресловутого лозунга постреволюционного октябрьского времени: «Лес рубят – щепки летят». За каждой «щепкой» он видел живого человека, с его мечтами, надеждами, страданиями, любовью. И так тонко, правдиво и одухотворенно его перо, что невольноходишь в его человеческую систему координат, погружаешься в его мораль, защищающую идею человека в эпоху, враждебную человеку. Можно сказать о нем, как Бердяев о себе: Константин Чхеидзе пытался проповедовать человечность в самую бесчеловечную эпоху.

А теперь вернемся к щепкам. В прямом смысле слова – к щепкам, с которых начинается действие «Крыльев над бездной». Именно по ним, плывущим откуда-то сверху, два равнинных рыцаря, два брата, преодолели крутые горы и страшные обрывы, вышли к Орсундаху, а местные жители оказали им должное почтение и гостеприимство. Один из братьев, младший, в силу обстоятельств был принят за старшего, и это так ему понравилось, что он и впрямь возомнил себя старшим.

Из этой, в сущности, поначалу мелкой лжи выросли крупные проблемы. Знаток горских нравов и фольклора, Чхеидзе ненавязчиво повторяет, что утратить один обычай – значит, потерять народ. Время обмана длилось, и Орсундах раскололся. Были построены две башни, сторонники братьев даже поклонялись разным богам – вот до чего дошли в противостоянии люди, родные по крови. Только опасность – внешний враг, в данном случае адыгейцы (это не так – адыгейцы никогда не посягали на независимых чегемцев – *Авт.*), смогла на время сплотить Орсундах, но победа, добытая родом Леуана, настоящего старшего брата, и умножившая его славу, ожесточила сердца рода Кадаевых. Вот когда небольшая ложь их предка, Кадая, о старшинстве своем переросла в страх потери имеющихся привилегий и подвигла братьев Кадаевых на преступление: коварное убийство леуановцев.

«Зачем, зачем крылатый золотой диск вознесся в тот день над долиной твоею, о Орсундах. Зачем голубизна и пурпур восточного края неба порозовели, а потом расплылись, подобно невещественной мгле; зачем раскинулось яркое в эмалевой синеве своей небо над злосчастной долиной Орсундах? Горе, горе надвигалось на тебя, о белокаменный Орсундах с деревьями зелеными. Текли кристально-чистые, как молодой лед, холодные ручьи в долине твоей, Орсундах, текли столетия, не предчувствуя мига, когда замутятся волны их, покраснеют от горячей крови, рыцарской, благородной крови, крови потомков богатырей».

Свершилось убийство, и «три дня пировали кадаевские победители, носители вероломных сердец, предатели, обрызганные кровью героев». Но не знали они, что спасся один из Леуановых, еще не рожденный сво-

ей матерью, увезенной верным слугой за хребет гор. Только для мщения станет воспитывать его слуга и имя даст ему Агелик, какое, по преданию, носил ангел мщения.

Того не предвидели подлые убийцы, что весть об уничтожении рода Леуановых, защитников Орсундах, достигла ушей адыгейских, и князя их безбоязненно вернулись и легко покорили кадаевцев, трусливо поднявших руки. А что такое несвободный горец? «Пешеход», – посмеивались адыгейцы. Птица без крыльев – так понимал народ. Чужая воля, недобрый взгляд завоевателя исказили нравы жителей долины.

А там, «где нет обычаев, там ссоры. Где поругана святость преданий, оттуда уходит милость Аллаха... Нет благословения небес в той стране, владыки которой отступились от правды и совести», – мыслил пастырь Шовгай.

Проходит два десятилетия. В Грузии слугой-воином и муллой воспитан Агелик. Когда ему исполнился год (мать не дожила до этого дня), воспитатели провели обряд первого шага. Из всех разложенных перед ним вещей ребенок выбирает оружие, а потом кладет его обратно. И тянется к книге. Взрослые радуются – быть Агелику воином и быть ему мудрецом.

Гизо, слуга, добивается, чтобы юноша стал выносливым, храбрым, но не раскрывает тайны его происхождения, откладывая этот миг до возможного возвращения в Орсундах.

Мулла Амирхан, заботливый и нежный, искавший Бога в красоте и добре и находивший его там, духовно наставляет Агелика: «Из ничего мы созданы Всемогущим и уйдем в ничто. Мир прекрасен, если прекрасна душа человека. Мир... таков, каким ты сам видишь, создаешь его. Нет ничего в мире, кроме человека благодарного или не благодарного Богу-Создателю».

Движения поэтической души Амирхана были близки Агелику, а наставления пригодились, когда юноша на самом деле попал в Орсундах, не зная, ни кто он здесь, ни даже того, что он горец. Хозяин высокогорного коша, Эльдар-бек, как и принято, вышел встретить путника.

– Сен таулу? (Ты горец?) – спросил приветливо. – Милости просим, брат, отдохнуть у нас.

– Машалла, мен Адам, – по милости Божьей, я человек.

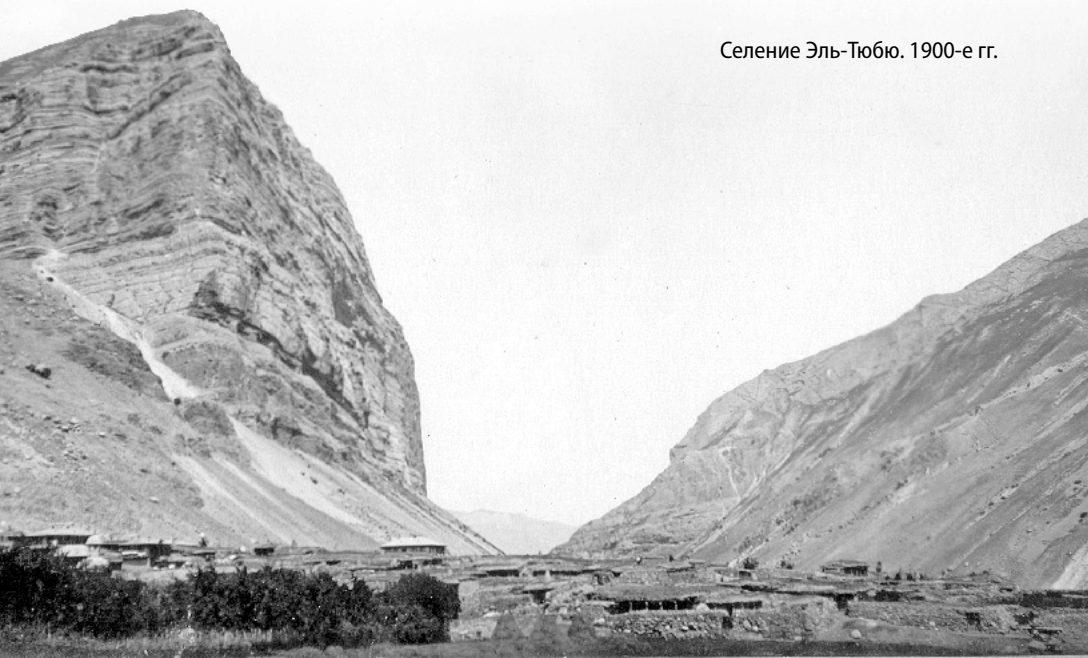
Больше двадцати лет не был Чхеидзе в горах Балкарии, но не забыл, как разговаривают и как встречают других балкарцы.

Осенью 1942 года фашисты добрались до высокогорных аулов Чегемского ущелья. Желтел березовый лес, покрывающий правый берег реки. Оранжево-желтая облепиха и красный барбарис манили и цветом, и запахом, но людям было не до даров природы. Они снова познали жестокость, насилие, увидели смерть чужих и своих. Хотя были ли чужими для эльто-

бинцев директор сельской электростанции и врач с женами и малыми детьми? Их расстреляли первыми, всех до одного, на огородах при въезде в Эльтубю только за то, что они были евреями. Затем, разумеется, взялись и за балкарцев – коммунистов и партизан. Но не сработал пресловутый лозунг: «Разделяй и властвуй», когда насильнику показалось, что приструнил и подчинил всех. А здесь, к тому же, жили семьи тех, кто уже воевал с фашистами в армейских рядах.

Не вышло у арийцев стать господами. Ни в Чегемском ущелье, ни в Баксанском, хотя и сумели ненадолго водрузить свой флаг над Эльбрусом. Пришли они в горы осенью, а уже в самом начале января вышибли их за пределы Кабардино-Балкарии. А страшным последствием этой оккупации стала депортация всего балкарского народа в марте 1944 года в далекие степи Казахстана и Средней Азии. Родину им вернут через 13 лет и даже извинятся, но только спустя десятилетия, в 90-х годах прошлого века. Малонаселенными станут те чегемские места, овеянные славой предков. Что-то порядка тысячи человек насчитывается сегодня в Эльтубю и Булунгу. Но берегут люди обычаи и достоинство нации. В ноябре 2009 года побывал в этих местах московский журналист. Объездивший полмира, он неподдельно удивлялся гостеприимству местных жителей. С гостями при-

Селение Эль-Тубю. 1900-е гг.

ходит благодать, и это гуманное утверждение незыблемо, как сами горы.

Если бы приезжий журналист оказался гостем равнины, и там его радушно встретили бы дорогие сердцу Чхеидзе кабардинцы. Писатель так мало пожил на родине, так долго среди иных народов, что невольно закрадывается мысль, что все лучшее в его жизни случилось именно здесь, на благословенной земле Кабардино-Балкарии.

Как этнограф, Чхеидзе уверен, что природное естественное знание подсказывало горцам, как важен сначала все-таки сам человек, а потом его национальность или принадлежность к какой-то группе. Хотя обстоятельства все чаще загоняли и их, живущих довольно обособленно, в ситуации, когда надо было примкнуть к тому или иному лагерю, чтобы просто выжить. Обычай уступал место политическому выбору, и тогда страдали все. Гостеприимный Эльдар-бек не раз заявлял, что «справедливость и Бог выше крови». Конечно, это ведь глубоко выстраданное самим Чхеидзе, пережившим драму бело-красных фронтов на Кавказе, когда кровь в прямом и переносном смысле ничего не стоила.

А он мечтал о гармонии человека с самим собой, природой – храмом Всемогущего Бога, с небесами, несущими свет истины. Но реальность поставляла другие примеры, и кровные братья Леуан и Кадай в благословенном горном оазисе Орсундахе не сумели усмирить ни гордыни своей, ни понять ответственности перед потомками, которые пришли в мир и приняли на себя все обычаи, все обязательства, в том числе и кровной мести. И если Темир Кадаев, сын того самого Барзона, сдавшегося на милость адыгейцев-захватчиков, смирился с ролью плательщика дани иноземцам, то в ауле были и другие люди. Они помнили о роде Леуана-воина, тяготились несвободой и осуждали Темира за безнравственность, чувство вседозволенности, дикие выходки его самого и его дружков. Вот понравилась ему девушка, да жених у нее есть. Не беда, в его руках имеется множество средств это изменить. И он выбирает не только жестокое, но и вовсе немыслимое для горца: на просяное поле отца жениха загоняют коня, который не столько ест, сколько топчет растения – поля у орсундахцев крошечные, очищенные от камней, – и зерно это поистине драгоценно.

Несчастный отец с извинениями ведет коня к владельческому Темиру, старика убивают, сын его становится безумным, а невеста – наложницей убийцы. Когда появится желание выгодно жениться, то ее, беременную, сначала попытается пристроить за беззубого старика, а потом и вовсе убьет.

Затем хладнокровно украдет другую, украдет против воли, против обычая, да не сладится план его укрепить власть свою над аулом, породившись с родом Дзеннетты. И девушка окажется не простой, и защитни-

ком ее выступит Агелик, тот самый, что обычаем был обречен на кровную месть Темиру и имел право его убить. Но потомок Леуана, воспитанник воина Гизо и муллы Амирхана, выбрал иной вариант. Спасши Дзеннетту, привез плененного Темира на суд старейшин.

Не крови кадаевской жаждал Агелик, хотя знал уже свою историю и свою роль в возрождении Орсундаха, но урока человеческой морали всему аулу, когда «во имя правды и совести горской» перед лицом Аллаха должно свершиться народное правосудие. Да, он остановил самосуд. Но как быть с двоедушием, расколовшим орсундахцев, ведь и обиженные Темиром хотят сатисфакции, и кровные родственники его готовятся к отпору, да и пленные адыгейцы смеются: убьете нас, так «князь нашего племени вырежет ваших пешеходов. Опустеют ваши ущелья...».

«Да, кровь, кровь обещает залить Орсундах...»

И вновь Агелик находит выход, и снова опирается на знания, полученные в дар от своих воспитателей.

«Бог держит сторону правого, – так говорил Эльдар-бек, – справедливость и правда за нас». Так зачем кровь, когда можно договориться. И Агелик, скорбя о предках своих, тем не менее роднится с кадаевцами, прикоснувшись губами к груди матери Эльдар-бека. Погашен пожар вражды в ауле, отпущены на волю адыгейцы, да и неопасны теперь они, а князья их станут уважать горцев и считаться со свободным сильным народом Орсундаха.

А что Темир? Утративший сердце теряет и лицо. А лицо – это весь человек от рождения и до смерти. Небесная кара в виде молнии настигает бывшего тирана аула, обращая его в головешку. Как не вспомнить ужасный и вполне предсказуемый конец и самого фюрера, чьи обгорелые останки свидетельствуют об обреченности зла. Впрочем, вопрос это философский...

Вернемся к героям Чхеидзе. Темир как бы слеплен из предания о роде князей Рачикауовых, на самом деле пришлых, но узурпировавших власть в Чегемской теснине. Их безобразия настолько вышли за рамки терпимых, что Большое тёре Балкарии вынуждено было вынести им смертный приговор. Тоже не самосудом вершилось дело, а решением почетных и уважаемых людей, согласно адатам. А исполнителем приговора был назначен князь Малкаруков, как равный по социальному статусу. Как и в случае с Эльдаром (Агеликом), в живых остался лишь на тот момент нерожденный ребенок Рачикауовых, чья мать находилась в Дигории. Через восемь лет она привезла его в Чегемское ущелье, где Большое тёре дало мальчику новую фамилию и разрешило жить на родине отца. Так похожи и так несхожи

эти истории, но как мудро по тем временам была пресечена возможность кровной мести, которая на Кавказе кое-где все еще имеет место.

Агелик волею автора взял себе новое имя, совсем не случайное, а соединяющее в себе то, чего так недоставало вынужденному беглецу, и то, кем он стал для родного Орсундаха. Назвавшись Эльдаром в честь Эльдар-бека, согласно татарскому толкованию имени, он обрел и родину, и стал правителем своего народа. Больше не было Кадаевых, не стало и Леуановых. Эльдаровыми стали называться орсундахцы, и всем это пришлось по нраву. Потому что случилось по правде и справедливости.

«...Как пчела собирает мед в сотах земных, так Аллах собирает мед добрых деяний в нетленные соты небес. Эти небесные соты вечны, благовонны. В них содержится все, что зовем красотой, благородством сердечным, мужеством, правдой; в них вера и любовь, и забота о бедных, в них вера в Божественный суд, в них надежда на справедливость Аллаха здесь и за гробом».

Глубоко проросли семена веры и добра в правителе Орсундаха, посеянные его наставниками. Он усвоил, что обычаи гор священнее чести владыки. Он чистым сердцем своим услышал святое молчание гор. Он страстно и преданно молился Единому Богу. Не удивительно, что ему досталась Дзеннетта.

«Ароматный жасмин, осыпанный розой, – вот чем Дзеннетта была. Прекрасной алмазной звездой, сошедшей на землю. Ангелом Божиим, крылатой вестницей блага...»

Девушку ли имел в виду автор? Или страну Прометея, которой он восхищался, о которой помнил и тосковал, ведь нет никакого сомнения, что сердце его было отдано именно ей. Чхеидзе был уверен, находясь в центре Европы, что прогонят подлого насильника и расцветет благодатный край его мечты, свободный мир под высокими небесами. И снова птицы сошьют гнезда над самой бездной, и встанут на крыло подросшие птенцы, а люди терпеливо и мудро будут оберегать свои души и дома от чуждых нравов и засилья злобы. Бесконечно терпение Бога, несокрушима вера Его в человека, духовную взлетность и тонкость души, способные разгадывать Божьи знамения, способные к состраданию, сочувствию, солидарности и уважению прав не только живущих, но и умерших.

Так не бывает, но так хочется, чтобы все это было.

«Во имя Бога, Всемогущего, Милосердного. Во имя Бога, который прощает, награждает и карает. Во имя Бога, который держит в деснице своей прошлое, настоящее, будущее – в равновесии и справедливости», – имен-

но так ведь начинаются «Крылья над бездной». Что из того, что все повествование кажется сказкой? Оно, повествование, по сути есть глубочайшая притча. Душа жаждет благородства, победы добра над злом, «алых парусов» любви и верности. Спасая свою душу, спасаешь других. «И возымеет человек лишь то, что приобрел своим старанием» (сура 53, аят 39). Чхеидзе напоминает, что грех одного есть порок целой цепи. А вот семья как раз и является звеном рода людского. И «перед каждым есть выбор. Деятель зла навеки присуждается к каре. Исполнитель добрых сердечных движений поднимает людей к Божеству».

Так понимал жизнь и земное служение людям владыка Эльдар орсундахский, из «рода людей солнечной крови».

Нет никакого сомнения, что он есть alter ego самого Чхеидзе. Автор наделил главного героя живым народным сознанием, единственной истинной системой нравственных понятий и ценностей, народной опять же мудростью. Если жить ненавистью, а не любовью, вряд ли возможно остаться человеком.

Башня Балкаруковых. Эль-Тюбю. 1900-е гг.

«НРАВЫ НАЛЬЧАН ОТЛИЧАЛИСЬ ПРОСТОТОЙ...»

В материале «Фольклорист с характером авантюриста» (книга «Неизвестная Кабардино-Балкария», 2013) мы уже рассказывали о нальчанине Евгении Баранове (1869–1934) – который одним из первых начал собирать и публиковать легенды и сказки кабардинцев и балкарцев. Но Баранов не в меньшей, если не в большей степени был известен до 1917 года как журналист: российские читатели узнавали о том, что происходит в Кабардино-Балкарии и других областях Кавказа, из его сообщений, заметок, фельетонов, публиковавшихся в десятках газет и журналов страны. Часть из этих материалов наше издательство вернуло современному читателю, опубликовав книгу «Живой отголосок прошлого», которую подготовила архивист Евгения Тютюнина.

Публикуемый ниже отрывок из письма известного журналиста и фольклориста датирован 3 декабря 1925 года и привносит новые штрихи в историю столицы Кабардино-Балкарии. Ряд не совсем принимаемых нами сегодня оценок автора отвечает восприятию времени и дается поэтому без комментариев.

«...Эта слобода образовалась из крепости, основанной в начале 20-х гг. в центре Большой Кабарды знаменитым генералом А. П. Ермоловым. С течением времени около слободы образовался поселок из отставных и женатых солдат, затем появились армяне, европейские и кавказские, или, как называют их, горские евреи, выходцы из разных губерний России, потом – грузины, персы, казанские татары, в 3 верстах от Нальчика образовывается немецкая колония. В начале 60-х гг. (в 1862 году. – Авт.) крепость преобразовывается в слободу.

Население слободы по своей смешанности представляет собою этнографический конгломерат. Ближайшие соседи слобожан кабардинцы и тюрко-татары. Результатом такого соседства было то, что в обиход русской разговорной речи попало немало отдельных, большей частью исковерканных кабардинских слов. Но они употребляются, главным образом, в тех случаях, когда хотят усилить насмешку по отношению к какому-нибудь лицу. Так, например, раскосого называют татарским словом *куян* – заяц,

или кабардинским *тхатамакэх* – заяц; хитрого человека, себе на уме, называют по-татарски *тулькю* – лисица, или по-кабардински *байка* – лисица, и т. д. Но не могу сказать, чтобы русское население переняло бы какие-либо обычаи туземцев, хотя у них есть и прекрасные обычаи, например, гостеприимство, уважение старших. Наоборот, туземцы переняли от русских много скверного: пьянство, нарушение данного слова, лицемерие, разврат (физический), лживость. Русские относятся к туземцам неприязненно; причины, помимо исторических (четвертьвековая война с кавказскими горцами) – различие религии (туземцы – магометане), некоторые обычаи, например, кровомщение, похищение невест, а главное – хищничество, выражающееся в разбоях, грабежах, коно- и скотокрадстве, от которых приходится страдать почти исключительно слободскому населению.

...Все детское население слободы было разделено на несколько враждебных партий, например, «городские», то есть живущие в центре, постоянно враждовали с «астраханскими», живущими в предместье. Обоюдная перестрелка камнями происходила почти исключительно летом на речке или в степи. Эта вражда существовала и среди взрослых, между которыми

Нальчик. Алексеевская улица. 1900-е гг.

происходили нередко побоища, причем в ход пускались колья. «Астраханка» отличалась особенной грубостью нравов, хотя и среди остального населения они не были мягки.

...Нравы нальчикских жителей отличались своей простотой, доходившей до грубости и, пожалуй, некоторой распущенности, последняя наблюдалась, главным образом, среди населения предместья слободы, так называемой «Астраханки», где было немало пришлого элемента, не владевшего надельной землей и не занимавшегося земледельческим трудом, а промышлявшего ремеслами, случайными заработками. Там же ютилась и беднота, хотя ее было не очень много – я говорю о той бедноте, которая принуждена была просить „ради Христа“.

Здесь мы прервем Евгения Баранова и сделаем небольшое пояснение. По причине, что ныне мало кто из нальчан знает об «Астраханке», напомним, так назывался район на месте нынешней улицы Маяковского, получивший свое название, как считает Е. С. Тютюнина, от названия казарм располагавшегося здесь Астраханского казачьего полка. По другой версии жителями Астраханской слободы, или Астраханки, что было привычнее для обывательского слуха, являлись иногородние переселенцы, в основном из Астраханских степей, жившие в саманных домиках под соломенными крышами. Газета «Терские ведомости» от 29 августа 1908 года писала: «Итак – у коренных жителей, как полноправных хозяев, все: и земельный надел, и покос, и пастбищные места, и выгонные места, и усадебная земля, которую всегда можно продать иногороднему и брать с него деньги в свою пользу... Всякий согласится, что положение иногороднего крайне незавидно, но он сам пошел на эти условия, пошел добровольно, потому что ничего не поделаешь: нужда скачет, нужда пляшет... Тяжело приходится иногородним, особенно живущим в так называемой Астраханке. Это – самая что ни на есть беднота, голь перекатная».

Коренная нальчанка Нина Николаевна Сухова, с которой, собирая во второй половине 70-х годов прошлого века материал для истории комсомола Кабардино-Балкарии, мы тесно общались, колоритно, в деталях и красках, рассказывала о нравах, одежде «астраханцев». Вот несколько штрихов из ее воспоминаний: «Между слободскими и «астраханцами» была традиционная, можно сказать, классовая вражда, так как в слободе находились зажиточные. Если астраханский парень вздумает гулять со слободской девушкой – быть потасовке. И наоборот. Одежда астраханской молодежи тоже отличалась. Девушки в ярких, широких цветных юбках и сверху кофточки. Парни – в длинных косоворотках, подпоясанных узким ремешком, брюки вобранные в сапоги. Сапоги начищенные, обязательно со скрипом. В прохладную погоду сверх рубашки пиджак нараспашку, из-под

пиджака видна на четверть рубашка. На голове фуражка и обязательно из-под козырька вихрастый чуб. А летом для пущей красоты огромный цветок (георгин) в боковом кармане пиджака с левой стороны (пылкая любовь), а то и прямо на фуражке над козырьком. Это считалось шиком. Слободские же парни, даже бедные, подражали «знати» и в отличие от астраханских ходили в ботинках, брюки навыпуск, светлая рубашка, пиджак на застёжке. И цветы не прикалывали».

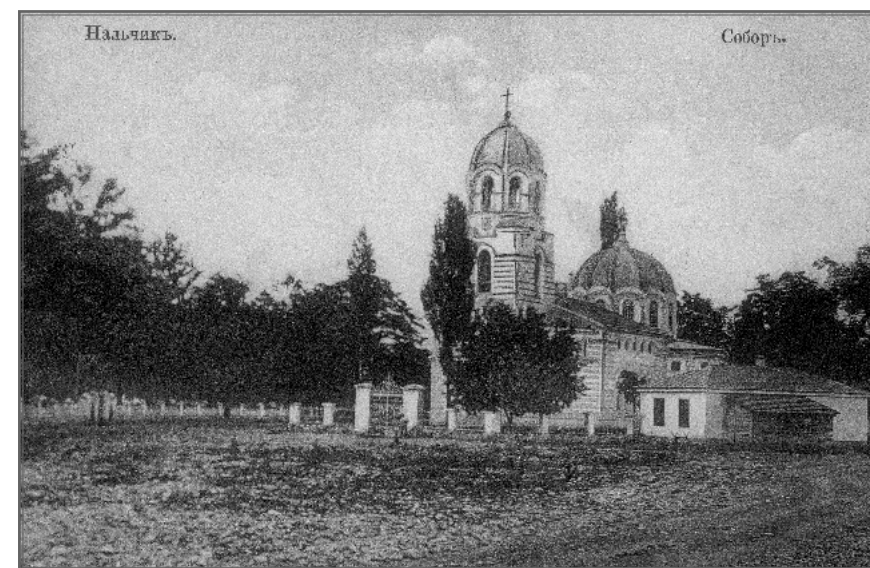
И снова строки из письма Евгения Баранова: «Воспитания детей, в прямом значении этого слова, у слобожан не было; родители заботились лишь о том, чтобы дети их были одеты и сыты, в остальном они (дети) были предоставлены самим себе, росли на воле, как дикие цветы в степи, и это было их счастье. Впрочем, в экстраординарных случаях родители «учили» детей, то есть пороли их «без всякого милосердия» за матерную ругань в их присутствии, за озорничество по жалобе потерпевших от него. С 10 лет дети понемногу начинали привыкать к тяжелому труду, а с 14–15 лет совсем уже запрягались в работу. В школу ходили только дети слободской аристократии и «буржуазии».

...Религиозное чувство, конечно, чисто внешнее, среди слобожан было сильно развито: все от мала до велика ходили и любили ходить в церковь; все посты строго соблюдались. Но та же самая «Астраханка» дала сектантов и, что важнее, несколько богоискателей, людей искренних, среди которых были люди философски настроенные. Толчок к религиозному пробуждению, к выработке своего религиозного мирозерцания, по моему мнению, дали «толстовцы», среди которых были столпы толстовства на Северном Кавказе – Скороходов и Алехин; последний находился в дружеской переписке с Толстым и сам по себе был человек благородный».

Сделаем еще одно небольшое отступление от цитируемого письма и расскажем, кем были названные выше лица. Кстати, в «Биографии моей жизни» сам Е. З. Баранов характеризовал их так: «Я сам никогда не был толстовцем, но к некоторым из них, как, например, братья Воробьевы, Алехин и Скороходов, относился с большим уважением, как к людям очень чутким и вполне порядочным». Владимир Иванович Скороходов (1861–1924) и Митрофан Васильевич Алехин (1857–1935) – активные последователи религиозно-философского учения Льва Толстого, так называемого толстовства, главными принципами которого являлись «непротивление злу насилием», «всепрощение, всеобщая любовь и нравственное самоусовершенствование личности». Первый из них – В. И. Скороходов – был относительно недолго связан с нашими местами. Вместе с князем Георгием Александровичем Дадияни и другими последователями Толстого в 1895 году

они приобретают землю в районе селения Лескен и основывают на территории третьего участка Нальчикского округа хутор Куру-Гада. По документам, выявленным В. Шевчуком, в полицейском отчете за 1897 год имеются сведения о том, что на этом хуторе проживало 12 семейств (сорок два человека), в том числе дворяне Г. А. Дадияни, Н. Я. Дадияни, В. И. Скороходов, О. Ф. Скороходова, В. В. Рахманов, О. А. Рахманова, М. М. Пудовов, Я. В. Петковская; мещане И. Н. Воробьев, А. П. Воробьева, Я. И. Киселевич; нижние чины Рогаченко, Д. Я. Рогаченко, П. Г. Рогаченко и почетный гражданин сын священника П. Н. Гастев.

И вновь вернемся к воспоминаниям Е. З. Баранова: «Выпить слобожане любили, но лишь по случаю – в годовые праздники, на свободе; случалось, напивались до положения риз, но пьяницами, тем более пропойцами, за самыми ничтожными исключениями, не были. Сквернословили почти все слобожане – одни с «сердцов», то есть в минуту раздражения, другие – по привычке, но в этом сквернословии не было тех разнообразия, выразительности и виртуозности, с которыми мне пришлось познакомиться впоследствии, во время моих скитаний, особенно же во время теперешнего пребывания в Москве. Слобожане в своем сквернословии, упоминая о родителях, затрагивали, да и то не всегда, «веру», «душу», «печенку», «се-

Нальчик. Симеоновский собор. 1900-е гг.

лезенку», но оставляли в покое «гробовую доску», «могилу», «состав» (?), «природу», «Бога» и т. д. В отношении сквернословия, оказывается, слобожане были младенцами.

Слобожане были и гостеприимны; это, конечно, не было гостеприимство кабардинцев и тюрко-татар, но все же гостей «об стол мордой» не угощали, а чем были богаты, тем были и рады, да и жили зажиточно в слободе, и заведения не было соседу занимать у соседа хлеба, а если это и случалось с какой-либо хозяйкой, то в этом была виновата она сама: поленилась испечь хлебы, за что и отвечала своими боками и спиной, ибо супруг считал своею обязанностью напомнить ей о ее обязанностях, а напоминал он или чересседельником, или ременным кнутом, или кулаком.

...У хорошей хозяйки всего было запасено на зиму: и калина, и сушеные груши (для пирогов), и квасы – грушевый, терновый, яблочный. Все это не стоило хозяйке и одной копейки, все можно было взять даром, стоило лишь хозяйке взять мешок или корзину, или ведро, и отойти от слободы версту, много две – в лесу, в степи всего этого было в изобилии. А хороших хозяек, идеальных, все же было немного – лень было да и жиром заплыли.

А слобожанки в большинстве случаев были упитанные, толстомысые. Но зато они были бабы веселые, любили песни. Песни собирались в слободе со всех концов России и хранились долго. Но в конце 90-х гг. «Романец» (романс) начал проникать в слободу. Но вместе с тем начинают слободские распевать и Пушкина, и Лермонтова. Я слышал «Утопленника» почти без переделки и целиком «В полдневный жар в долине Дагестана». В начале 90-х гг. проник в слободу граммофон и принес с собою много, много новых песен, потом, когда в слободу провели железную дорогу, мутным потоком хлынули из городов и «Романцы», и частушки, и много другого. Старые песни стали забываться, но и покинутые, они блещут своей самобытной красотой, как блистают снега на вершинах Коштан-Тау и Дых-Тау, которые огромными массивами поднялись на юго-западе».

На этом словами «Ну, довольно, а то уж разболтался» Е. З. Баранов заканчивает свое письмо.

ТОЛСТОВЦЫ

Первые попытки интеллигентных людей «сесть на землю», то есть непосредственно заняться земледельческим трудом и начать жить вполне крестьянской жизнью, на Кавказе относятся еще к концу 60-х и началу 70-х годов прошлого столетия, когда на восточном побережье Черного моря и в Кубанской области возникли небольшие, так называемые «интеллигентные» земледельческие колонии. Но эти попытки кончились неудачей, потому что колонисты не были предварительно практически подготовлены к земледельческому труду, да и между ними самими почти на первых же порах начались несогласия, споры, последствием которых и явилось полное распадение колоний. И с тех пор до половины 80-х годов того же столетия такие попытки не повторялись, если не считать тех случаев, когда интеллигентные люди, с целью занятия земледельческим трудом, «садились на землю» отдельными семьями, основывая маленькие хутора или, как их называли в свое время, «культурные одиночки». В период же 1885–1897 годов снова начали возникать земледельческие интеллигентные колонии, причем основателями их являлись исключительно «последователи учения Л. Н. Толстого» – «толстовцы».

Для них вопрос о том, возможен ли для интеллигентного человека земледельческий труд, уже заранее был решен в положительном смысле, да и, кроме того, иного труда они не хотели признавать, «сажая же на землю», они имели целью начать новую жизнь, которая как с внешней стороны, так и по своему внутреннему содержанию должна была резко «отличаться от городской жизни образованных людей».

Человек, говорили они, должен стремиться к нравственному совершенствованию своей личности путем отрешения от всяких излишеств, соблазнов и заблуждений, которыми так богата жизнь человека вообще, а «городского образованного человека» в особенности. «Человек должен путем трудовой жизни и размышлений познать самого себя, познать свое назначение на земле. А все это достижимо только при непосредственном занятии земледельческим трудом». И в то время как колонисты 60-х и 70-х годов относились безразлично к вопросам религии, для «толстовцев» она, как и земледельческий труд, является основой жизни.

Признавая единственно правильным и необходимым для правдивой жизни и счастья людей исповедание учения Христа, «толстовцы» отрицают церковь как таковую, ее догматы, обряды, «для жизни же по истинно-христианскому учению необходимо строгое исполнение его заповедей о всепрощении, непротивлении злу, любви к Богу и человеку».

Первоначально толстовцы пробовали было устроить свою колонию в Кубанской области, под городом Майкопом, но колония эта просуществовала сравнительно недолго, и большая часть колонистов в поисках лучших условий жизни направилась в слободу Нальчик Терской области (административный центр Большой Кабарды).

Своей внешностью и образом жизни толстовцы с первого же раза заинтересовали местных жителей. Было известно, что среди толстовцев находились люди с высшим образованием, а по профессии – врач, инженер, художник, учителя, между тем по внешнему виду они казались беднее даже и незажиточных слобожан; одевались они в поношенные крестьянские армяки, поддевки, зипуны, а у некоторых к тому же одежда была изорвана, вместо хорошей обуви носили опорки, лапти и только зимой – мужицкие сапоги; питались очень умеренно и, главным образом, растительной пищей.

Пока не было у них земли для своей колонии, они проживали на квартирах, нанимались на поденные работы – рубили дрова, копали канавы, работали на кирпичных и черепичных заводах (месили глину, выгружали из печей кирпичи и черепицу), плату же за труд получали более чем скромную. Некоторые из них занимались столярным ремеслом, сбывая свои изделия на слободских базарах, но несомненно, что источником их существования служили не эти скудные заработки, а денежные сбережения, сделанные раньше.

Один из толстовцев, человек еще очень молодой, нанялся в батраки к слобожанину, отличавшемуся своей слабостью к выпиванию. Хозяин с первых же дней службы у него толстовца начал обращаться с ним грубо, как, впрочем, обращался он и со своей семьей; за каждую оплошность он ругал его, а в пьяном виде приставал к нему с просьбой «научить его жить по закону Божию»; проспавшись, требовал у него же «на похмелье». Батрак терпеливо сносил хозяйскую брань, уговаривал его исправиться, иногда давал на «похмелье» пятак, будучи не в состоянии видеть его страданий. Конечно, хозяин не только не думал исправляться, но однажды полез на него с кулаками.

– Вот изобью тебя, и ты должен молчать, потому у вас вера такая, чтобы всякие обиды прощать, – говорил он.

Батрак покинул хозяина, не получив за свою службу ни копейки, хотя и проработал у него около шести месяцев, исполняя самые трудные работы.

Для слобожан толстовцы были людьми совершенно чужими, и какой бы то ни было связи между теми и другими не наблюдалось. Резко сказывалась разница в укладе жизни тех и других, но главной причиной розни являлась «толстовская вера», причем слобожане склонны были видеть в толстовцах людей, которые, в сущности, никакой веры не признавали. Впрочем, надо сказать, что и сами толстовцы не искали сближения не только со слобожанами-земледельцами, но и с тамошними интеллигентами, видя в последних людей, сознательно не желавших жить правильной жизнью, сознательно принимавших ложь за правду.

Распространением «новой веры» среди слобожан толстовцы специально не занимались, но каждому интересовавшемуся ею давали необходимые разъяснения. Слобожан, которые более или менее сознательно прониклись бы этой ве-

рой, не было, хотя, с другой стороны, два-три семейства открыто заявили, что они «переходят в толстовцы». Конечно, нечего и говорить о том, что этот «переход» был чисто внешний. Но один из этих слобожан, признав «веру» толстовцев «правильной», начал с того, что вынес из хаты иконы и перестал ходить в церковь, а тут подоспел и случай, давший ему возможность «доказать», что он «воистину не противится злу».

Раз ночью воры сделали пролом в плетне его двора, через который хотели увести лошадь, но что-то или кто-то помешал им в этом. Наутро соседи посоветовали слобожанину заделать пролом или же несколько ночей покараулить с ружьем воров.

– Зачем? – возразил слобожанин. – Если они (воры) приходили за лошадью, то, значит, она им нужна.

И не стал он заделывать пролома в плетне и караулить воров с ружьем, а на третью или четвертую ночь лошадь была уведена со двора.

Соседи подняли слобожанина на смех, а он им отвечал:

– Случилось то, что должно было случиться: если бы я и заделал пролом и стал бы караулить с ружьем лошадь, то все же рано или поздно она была бы уведена.

Но это был единственный случай, когда «новый последователь» таким образом заявил о своем «переходе» в толстовство. Остальные же «последователи», по тем или иным причинам, в скором времени не только «откачнулись» от толстовцев, но и начали относиться к ним отрицательно.

До основания своей колонии толстовцам пришлось прожить в слободе около четырех лет и по-прежнему заниматься поденными работами. Относительно их семейной жизни нельзя сказать, чтобы она протекала в полном согласии, ибо от времени до времени возникали у них довольно крупные недоразумения, из которых одно едва не кончилось трагически. Немалую роль здесь играла изолированность толстовцев от окружающего мира, однообразная жизнь в глухой слободе, а для людей, вынужденных на безделье (ибо случайная поденная работа не была тем настоящим делом, к которому стремились толстовцы), к тому же и очень скучная. Особенно же чувствовалось ее однообразие женщинами, женами толстовцев, на которых лежала почти вся домашняя работа. Если мужья их, вращаясь среди слободского населения, хотя немного и разнообразили монотонность этой серенькой жизни, то жены их были лишены этой возможности, так как почти все время проводили дома.

Необходимо сказать, что среди толстовцев были не сплошь люди, всецело уверовавшие в свою идею, наезжало к ним много молодых и пожилых людей, которые только увлекались толстовством. Собственно говоря, общего с толстовцами они почти ничего не имели, а ради скуки или новых ощущений хотели испытать «все тяготы мужицкого труда».

И это «испытание» начиналось с внешнего «опрошения»: пиджаки, жакеты, пальто заменялись грязными армяками, зипунами, шляпы – картузами, платками, а затем уже начиналась «работа». Правда, очень немногие из этих толстовцев пробовали ходить на поденщину, но за домашнюю работу все брались весьма охотно. Но что это была за «работа»!

Например, надо было запрячь в водовозку лошадь, и вот человек пять начинали «трудиться»: один тащил вожжи, другой дугу, третий хомут, а двое старались «вопхнуть» лошадь в оглобли. В криках, понуканиях не было недостатка, и часто кончался этот «труд» тем, что лошадь так и оставалась не запряженной, ибо никто из «работников» не знал, как надо запрягать ее, да и побаивался, как бы она не вздумала брыкнуть.

Таким же качеством отличалась и другая их «крестьянская работа». Мы помним, как грохотала улица, когда эти «толстовцы» вели на водопой корову: за длинную веревку, привязанную к рогам коровы, уцепился довольно рослый молодой человек и тянул ее почти изо всех сил, а позади шла девица, помахивала прутиком и покрикивала: «Ну-ну... пошла!». Корова упиралась, мотала головой и, наконец, вырвавшись, убежала.

Само собою разумеется, что хождение в мужичьих сапогах, армяках и «работа», вроде описанной, могли занять этих увлекавшихся людей на самое короткое время и, обыкновенно, случалось, что, побаловавшись недели две – месяц, они опять надевали свои пиджаки, жакеты и, к великому удовольствию гостеприимных хозяев, исчезали из слободы. И нечего, конечно, говорить о том, что ни один и ни одна из них потом не увлекались не только толстовством, но и работой, имеющей хотя бы небольшое отношение к мужичьему труду.

II

Что же представляли из себя действительные толстовцы?

В настоящем очерке не место рассматривать вопрос о том, на правильном или неправильном пути стояли толстовцы, уходя ради личного «спасения» от мира, отрицательно относясь к науке и цивилизации, – цель очерка совсем иная: дать в кратких общих чертах объективное описание жизни толстовцев на Кавказе. Поэтому мы, по возможности воздерживаясь от передачи личных впечатлений относительно их, скажем только, что большинство из них производило впечатление людей не всегда искренних, но были среди них и фанатики, которые, по имеющимся у нас данным, остались ими и до настоящего времени. Несомненно, что прежде чем начать новую жизнь, некоторым из них пришлось пережить тяжелую внутреннюю ломку, как это мы и увидим ниже.

Были среди толстовцев и люди очень оригинальные, к которым, несомненно, принадлежал отставной полковник, князь Георгий Александрович Дадияни.

Так как основание первой толстовской колонии в Кабарде, ее жизнь и конец ее существования тесно связаны с именем князя Дадияни, то на личности его необходимо остановиться более или менее подробно.

Наше личное знакомство с князем было непродолжительно и носило случайный характер, впечатления от него получались отрывочные. По этой причине, говоря о нем, мы воспользуемся воспоминаниями человека, близко знавшего его и жившего вместе с ним в колонии.

Чтобы понять, каким путем князь Дадияни дошел до признания жизни толстовцев «единственно правильной жизнью», необходимо, хотя бы в самых кратких чертах, познакомиться с его биографией.

Дед его был владетельным князем Мингрелии. Детство Г. А. Дадияни провел в деревне, а потом был отдан в кадетский корпус, из которого вышел офицером. Скучный запас знаний вынес он из этого корпуса, по крайней мере, сам он впоследствии уверял, что «он ничего не знает, разве только понимает толк в лошадях». Жизнь же, которую он вел по выходе из корпуса, была такова, что без ужаса он не мог оглянуться на нее. Пережил он и мирное время, и военное время, участвовал в двух кампаниях, потом, служа в Тифлисе в чине полковника, занимал видный административный пост, имел большие связи, знатную и богатую родню, и блестящая карьера делалась сама собой. Так он прожил почти до сорока лет и, быть может, был бы где-нибудь губернатором, если бы не встретил там же, на Кавказе, одного ссыльного, своего старого товарища и сослуживца.

«История этого человека была очень любопытна», – говорит автор воспоминаний. Принадлежал к высшему, знатному кругу общества, он был военным и, имея большие связи при дворе, быстро делал карьеру. Но после того, как он на войне убил неприятеля и был награжден отличием за храбрость, на него нашло глубокое раздумье... И тогда в душу его закралось сомнение в истинности общепринятых убеждений и верований. Начавшийся в нем душевный процесс заставил его бросить военную службу и прежнюю свою жизнь. Сначала он поселился в своей деревне, где, очень дешево продав крестьянам свою землю, сам стал жить трудовой крестьянской жизнью. Но он не скрывал ни от кого своих мыслей, и в результате очутился в ссылке в Закавказье. Здесь и произошла у князя Дадияни встреча с ним, а затем и крутой переворот в жизни.

Вся его личная жизнь, карьера представились чем-то нелепым и ненужным, и он решил уйти от этой жизни. Ушел он не сразу. Некоторое время он еще продолжал служить, но прежняя светская жизнь с выездами и приемами уже прекратилась. Он сделался вдруг как бы ходоатом перед высшим начальством за угнетенных, слабых, обиженных. Он обладал в большой степени способностью держаться просто и ласково как с людьми, стоявшими много ниже его по общественному положению, так и с людьми, стоявшими выше его в этом отношении. Быть может, роль ходоата примирила бы его со своим положением, но мысль о детях не давала ему покоя. Во что бы то ни стало, он решил изменить свою жизнь. В своей жене, воспитанной и выросшей в том же высшем кругу общества, он нашел полную поддержку.

Высшее начальство сначала не хотело верить, что Г. А. Дадияни выходит в отставку. «Бросить службу, отказаться от блестящей карьеры – ради каких-то туманных рассуждений, ради какой-то «философии», – все это казалось начальству безумием». Но Г. А. решения своего не изменил, и ему дали отставку.

Между тем материальное его положение было очень тяжелое. Совместно с братьями Дадияни был обладателем многих тысяч десятин земли в Мингрелии, но раздела ее почему-то нельзя было совершить, точно также и продать нельзя было, а доходов с земли братья ему никаких не высылали, быть может, потому, что он не умел настаивать.

И когда он вышел в отставку, у него на руках было всего две тысячи рублей, принадлежавших жене. На эти деньги решено было купить небольшой клочок

земли и устроить хозяйство. Сначала он поселился со своим старым другом, тем самым, встреча с которым повлияла на всю его дальнейшую жизнь, но вскоре тот последний был переведен с Кавказа в Прибалтийский край. За короткое время совместной жизни с товарищем Г. А. успел научиться работать и смотрел на будущее смело и уверенно.

В 1895 году, когда он с семьей приехал в слободу Нальчик, он производил впечатление очень простого, скромного, спокойного и вместе с тем очень твердого человека, каковым он был и на самом деле. Но, кроме того, он был необыкновенно правдивый и добрый человек.

С приездом Дадияни в слободу толстовцы приступили к поискам подходящего клочка земли, который и был, наконец, куплен.

Расположен он был в долине, в горах, покрытых чудным лесом. По нему протекала горная речка, около берегов которой выходило множество ключей с прекрасной водой. Но место было глухое: ближайшее осетинское селение было в четырех, а ближайшее русское в тринадцати верстах. Базар находился в 60 верстах. К этим неудобствам надо прибавить дождливое лето и массу камней на полях – то и другое, осложняя и затрудняя полевые работы, отнимало массу лишнего времени и труда, так что условия работы казались очень тяжелыми.

Участок земли был куплен зимой, а весной на него переселились Дадияни с семьей и еще некоторые толстовцы. Все лето, пока не были отстроены дома, жили в наскоро построенных сараях и только к осени перебрались в дома. Небольшие деньги Дадияни ушли на покупку земли и устройство хозяйства. Началась трудная жизнь. Надо было быть и около дома – накормить и напоить скот, убрать навоз, навозить и наколоть дров, наносить воды; надо было и работать в поле, а работника принанять было не на что, и Г. А. приходилось работать с раннего утра и до позднего вечера.

Питался он очень скудно: за недостатком средств, не мог есть чистый пшеничный хлеб, а ел из смеси пшеничной и кукурузной муки, мяса и молока совсем не было.

Напряженная работа продолжалась целые месяцы, причем Дадияни не признавал праздничного отдыха и только во время болезни отдыхал.

И, несмотря на такую тяжелую работу, питание впроголодь, он находил жизнь свою прекрасной. Одевался он почти по-нищенски и не обращал внимания на насмешки прохожих, когда ему приходилось бывать в слободе.

Как уже сказано выше, он был очень добр. Устраивая свое хозяйство и работая через силу, он еще помогал своему одинокому и безлошадному соседу, вспахивая его поле и исполняя другие работы. Доброта его простиралась и на животных, и за своими лошадьми он ухаживал с замечательною заботливостью.

Жизнь в колонии как будто бы сразу наладилась, но затем появились признаки ее недалекого распада.

Началось с того, что наиболее фанатичные толстовцы потребовали, чтобы в колонии жили только их единомышленники, а между тем среди колонистов были люди, хотя и не принадлежавшие к толстовцам, но занимавшиеся земледельческим трудом. Этим фанатикам казалось недопустимым, чтобы нетолстовцы могли

бы работать вместе с ними, так как «любители» не считали земельный труд единственно честным, нравственным трудом. В этом отношении наиболее терпимым оказался князь Дадияни. Но как бы там ни было, а раз возникло одно разногласие, за ним не замедлили явиться и другие.

Особенно много споров вызывал вопрос об умственном развитии детей. Одни высказывались за то, что умственными занятиями должен руководить человек со специальной педагогической подготовкой и свободный от других занятий, а другие, наоборот, что детям необходимо сообщить только кое-какие знания, а для этого не нужен педагог, потому что «дети могут приобрести их сами между делом».

Нетолстовцы настаивали на том, что дети свободно сами должны выбрать свою дорогу в жизни, а для того, чтобы они могли сделать сознательный выбор, они должны получить наивозможно более широкое умственное развитие, и прежде всего они должны научиться думать; а научить человека думать – это такая трудная задача, которой нельзя заниматься между делом. Князь Дадияни, по-видимому, был того же мнения, по крайней мере, он не раз говорил: «Если бы у меня были средства, я пригласил бы к детям хорошего учителя».

Но средств у него не было даже для покупки самого необходимого, и, чтобы добыть их, он берет «подряд» по поставке брусьев на спичечную фабрику. Работа была очень нелегкая. «После обеда почти все живущие на участке (в колонии) мужчины отправлялись в лес за восемь верст и тут накладывали на сани брусья, весившие каждый пудов 25 и более. С этими брусьями возвращались домой, перекладывали их на колеса и в ту же ночь, часа в два, то есть почти не спавши, трогались в путь. А путь предстоял нелегкий. Брусья надо было везти верст за 30, по дороге, покрытой тонким слоем льда; по пути приходилось переезжать вброд реку. Иногда лошади становились среди реки, и тогда приходилось слезать в воду, чтобы заставить их двинуться. Далее приходилось переезжать по узким мостам. Однажды князь Дадияни полетел вместе с брусьями с одного из таких мостов, и только благодаря какой-то счастливой случайности он остался жив. К ночи возвращались домой, день отдыхали, а потом принимались за ту же работу. Впрочем, этот ужасный заработок продолжался недолго: хозяин фабрики обанкротился, и требование на брусья прекратилось».

Однако, несмотря на дружный, по-видимому, физический труд, которым были заняты толстовцы, жизнь в колонии не ладилась, так как несогласия среди колонистов продолжались. Достаточно было какого-нибудь недоразумения, чтобы возникла из него «целая история»: начинались бесконечные споры, объяснения. Некоторые из колонистов не выдержали и возвратились обратно в Нальчик, где и занялись пчеловодством.

Один из них объяснил нам ближайшую причину своего ухода из колонии ни с чем не сообразной нетерпимостью тех из старых толстовцев, которые без всякого уполномочия со стороны остальных колонистов взяли на себя роль «руководителей», причем стремились превратить колонию чуть не в монастырь с особым уставом послушания. Не знаем, насколько это соответствовало истине, но уж тот факт, что колонисты начали чувствовать скуку, неудовлетворенность своею жизнью, говорил о том, что дни жизни в колонии были сочтены.

Особенно же остро почувствовал эту скуку, эту неудовлетворенность жизнью князь Дадияни. Автор цитируемых нами воспоминаний, характеризуя тогдашнее душевное состояние князя, говорит, что «Г. А., променяв прежнюю легкую, внешне блестящую, но пустую жизнь на жизнь тяжелого труда и многих лишений, конечно, сделал громадный шаг по пути нравственного совершенствования. Но как бы там ни был велик этот шаг, поступательное движение вперед все-таки не могло продолжаться все время безостановочно; для этого в колонии не было одного существенно важного условия, именно – широкого общения с людьми. В самом деле, борьба и нравственное усилие были необходимы лишь до тех пор, пока организм не приспособился к новым условиям существования. В те годы (в 40 лет), когда Г. А. вступил на этот путь, это приспособление должно было совершиться рано или поздно; должен был наступить тот момент, когда ручной труд делается потребностью организма – легким и приятным, сон становится настолько крепким, что и шесть часов его достаточно освежают, и простая, грубая пища начинает казаться вкусной. Тогда подобная жизнь уже не требует нравственных усилий – она становится легкой и приятной, и, чтобы не идти назад, человек должен найти новые источники приложения своих нравственных сил для того, чтобы эти силы росли, а не слабли. Не будет таких источников, и человек неминуемо почувствует громадную неудовлетворенность и не успокоится до тех пор, пока не найдет всем своим нравственным силам приложения. Именно такое душевное состояние переживал Дадияни.

Организм его был надорван тяжелыми трудами, очень многими лишениями, а неудовлетворенность жизнью росла с каждым днем, и он не раз высказывался о переселении со своей семьей в Мингрелию, но в то же время опасался, что, ведя там подобную трудовую жизнь, он будет чувствовать себя очень одиноким.

Возможно, что, в конце концов, он переселился бы, если не в Мингрелию, то, во всяком случае, в Нальчик, но тут смерть неожиданно постигла его: приехав в слободу на базар, он заболел на постоялом дворе непроходимостью кишок и умер в страшных мучениях. Перед смертью он завещал похоронить себя в колонии, в саду, под одной из яблонь, которые он сам насадил.

После смерти князя колония просуществовала очень недолго, колонисты один за другим начали покидать ее, и, наконец, земля и постройки были проданы осетинам. Всего же она просуществовала около пяти лет, и сами толстовцы находили этот срок продолжительным при тех несогласиях колонистов, которые возникли между ними почти с первых дней ее основания. Собственно говоря, она держалась князем, который умел улаживать споры, когда последние принимали острый характер. Сами толстовцы потом говорили, что было как-то неловко.

Евгений Баранов

Толстовцы / [Соч.] Е. Баранова. – М.: Дело, 1912. – 96 с. (Историческая библиотека, № 26).

НАЛЬЧАНЕ БАРАНОВЫ: «НЕ ЗАМАЙТЕ НАС...»

Судьба родившегося в слободе Нальчик русского писателя Евгения Захаровича Баранова (1869–1934) долгие годы была в центре поисков известного архивиста, автора множества статей и книг (в их числе «Судьбы кавказских пленников», «Грани региональной истории XIX–XX веков», «Моя Пушкиниана») нальчанки Евгении Сергеевны Тютюниной. Именно она в результате кропотливых изысканий выявила ряд материалов, раскрывающих страницы биографии известного русского фольклориста, обнаружила касающиеся его родственников документы.

Сегодня, благодаря любезному разрешению Е. С. Тютюниной, мы предлагаем их вниманию читателей, питая при этом весьма маловероятную, но все-таки надежду на то, что, возможно, остается в живых кто-то из родственников Баранова, могущих пролить дополнительный свет на историю этой коренной нальчикской семьи.

Итак, у Евгения Захаровича Баранова был старший брат – Иван. Точная дата его рождения нам неизвестна, но скорее всего это произошло около 1861 года. Известно, что к своим 30 годам он уже женат и более того – является отцом троих детей. Занимается семейным делом – торговлей, причем на этом поприще имеет немалый авторитет, о чем свидетельствует следующее обращение:

Секретно
№ 5705

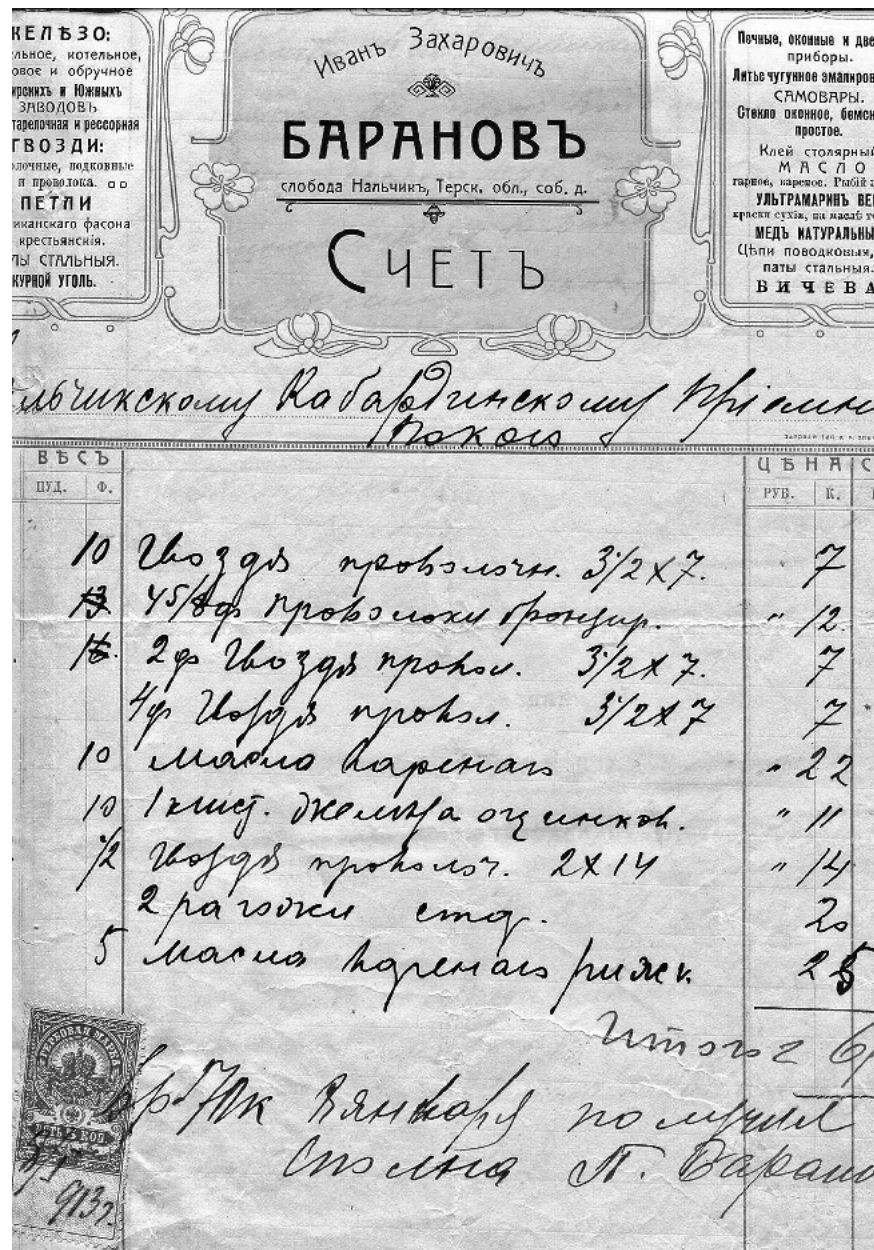
Начальник Нальчикского округа начальнику 2-го участка

Июня 7-го 1894 г.

Управляющий Ставропольской казенной палатой предполагает ходатайствовать о награждении торгового депутата слоб. Нальчик Ивана Баранова за полезную его деятельность в качестве торгового депутата наградой.

Ввиду этого предлагаю сообщить мне, не встречается ли каких-либо препятствий к удостоению Баранова наградой, а также доставить свое заключение в отношении предполагаемого награждения Баранова.

Подполковник В ы р у б о в

Награду в те времена так просто было не получить – отмечали не за близость к начальству, а за достойные дела на благо общества. Видно, на счету торговца Ивана Баранова их было немало, так как уже через десять дней на обращение поступил следующий ответ:

Начальник 2-го участка начальнику Нальчикского округа

18 июня 1894 г.

Имею честь донести г-ну начальнику Нальчикского округа, что препятствий к удостоению наградой жителя слоб. Нальчик Ивана Баранова не имеется. Со своей стороны я полагал бы наградить Баранова большой серебряной медалью из выдаваемых Департаментом торговли и мануфактур.

Начальник 2-го участка поручик К а с к е в и ч

Так как будущий фольклорист и писатель Евгений Баранов к торговле не испытывал никакого пиетета, то именно Иван после смерти отца унаследовал торговое дело, о чем свидетельствуют многочисленные фирменные бланки лавки И. З. Баранова со счетами за проданные товары, сохранившиеся в архиве.

В эти годы Иван Захарович является попечителем Нальчикской начальной школы, есть его имя и в списке приобретателей книги В. Н. Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе».

Оно же и среди попечителей одного из медицинских лазаретов, развернутых в Нальчике в период Первой мировой войны (документ этот датирован 1915 годом). Известно также, что в марте 1917 года И. З. Баранов избран представителем от слободы на областной продовольственный съезд в Георгиевске. Еще через пару лет – в документах слободской думы за 1919 год имеется посемейный список Барановых. В нем записаны: «Баранов Иван Захарович – 59 лет; жена Агафья Александровна – 55 лет; сын Петр – 34 лет».

Новая власть, провозгласившая приоритет прав униженных и обездоленных, не церемонилась с теми, кто, выйдя из низшего сословия, смог организовать и поднять собственное дело. Торговая лавка (вероятно, и жилой дом) Барановых были муниципализованы, то есть перешли в собственность городских властей Нальчика. В документах ряда предприятий и учреждений этого периода имеются уточнения, что они располагаются в бывшем доме Баранова.

Для самого же Ивана Захаровича наступили не лучшие времена. Вот как они отражены в архивных источниках:

«Именной список лиц, лишенных избирательных прав по г. Нальчику КБАО, составленный 1 апреля 1930 г.: 38. Баранов Иван Захарович – бывший торговец – Красивый пер. №9».

Номер, к сожалению, не обозначен, но переулок Красивый, сохранившийся практически в нетронутом виде до наших дней, не так уж велик – всего несколько домов, и возможность узнать, где проживал брат знаменитого фольклориста, не утрачена.

Еще один документ схожего рода:

«Протокол заседания городской комиссии по рассмотрению списка лишенцев 5 мая 1930 г.

С л у ш а л и: Рассмотрение списка лишенцев

П о с т а н о в и л и: 6. Баранов Иван Захарович

В порядке ст. 14 п. «б» инструкции считать оставленным в списке лишенцев как получающего доход от квартир и бывшего крупного домовладельца и торговца».

Здесь следует уточнить, кто такие лишенцы. Конституция РСФСР 1924 года содержала статью 65, направленную на отстранение эксплуататорских классов от власти путем лишения их избирательного права. К ним были отнесены «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; живущие на нетрудовой доход, частные торговцы и коммерческие посредники, монахи и служители культов, служащие и агенты бывшей полиции, бывшие жандармы, лица, руководившие деятельностью полиции, министры, губернаторы, председатели и прокуроры судебных палат».

Торговец И. З. Баранов, естественно, оказался в первых рядах нальчских изгоев, которых советская власть не только лишила избирательных прав, но и многих других: возможности работать в государственных учреждениях и на промышленных предприятиях, становиться как безработным в очередь на бирже труда, получать пособия, пенсии и даже продовольственные карточки, при введении последних в 1928 году. Уместно будет напомнить, что понятие «лишенчество» было отменено только в конституции 1936 года.

Имя И. З. Баранова встречается еще в одном, весьма печальном, выразимся так, документе – протоколе общего собрания крестьян г. Нальчика, состоявшегося 19 октября 1930 года в присутствии 200 человек:

«С л у ш а л и: 2. О кладбище. (докл. тов. Козловцев А. С.)

Нальчик. Дом по ул. Кабардинской, 27, в котором предположительно располагалась торговая лавка Барановых

П о с т а н о в и л и: 2. Учитывая нужду государства в дефицитных материалах (железо, доски, мрамор), общее собрание считает необходимым изъятие этих ценностей со старого кладбища. Рекомендовать горсовету в целях приближения мест культурного отдыха к крестьянским массам существующее кладбище закрыть и по истечении срока, необходимого по санитарным правилам, разделить его под парк, с отводом кладбища на границе юртовых земель – согласиться».

Это поистине варварское решение о закрытии церковного кладбища и сносе бесхозных памятников с целью дальнейшего использования строительных материалов, судя по всему, встревожило многих нальчан. В том числе и гражданина И. З. Баранова (назван адрес его проживания – ул. Карашаева, 68, ныне пр. Шогенцукова), объявившего, что на погосте находятся 4 могилы родных ему людей. Евгения Тютюнина считает, что речь идет об отце и матери Ивана Захаровича, его дяде Иване Макаровиче и, возможно, младшем брате Александре. Имя его, третьего из братьев Барановых, встречается лишь в поднадзорном листке 1888 года, что свидетельствует, правда, косвенно, – он не дожил до зрелых лет.

Были у И. З. Баранова и дети: дочери Дорофея (примерный год рождения – 1885) и Серафима (примерный год рождения – 1890), о которых, по причине незнания их послебрачных фамилий, ничего неизвестно, и сын Петр, внесенный в посемейный список Барановых 1891 года.

Из документа 1909 года – ответа старшины на просьбу группы слобожан, в основном, зажиточных, обратившихся к «обществу» с просьбой отвести им дополнительные земельные наделы для взрослых сыновей, узнаем, что «сыновья Ивана Баранова и Михаила Ананьева (зятя Барановых) еще не женаты и потому они в отдельных усадьбах не нуждаются».

Имя Петра Ивановича Баранова как свидетеля фигурирует в документе о покупке сада (1914). Из списка служащих Кабардино-Балкарского областного земельного управления за 1925 год узнаем, что Баранов Петр Иванович – кассир-счетовод. Представляет интерес его «политическая» характеристика, написанная в 1930 году. Это яркий образчик не только того, что советская власть и ее рьяные поборники контролировали практически каждый шаг тех, кого считали своими классовыми противниками, но и пытались, не находя свидетельств «противоправного» поведения, быть в какой-то мере объективными. Много приходилось читать подобного рода характеристик тех лет, но такую – дотошно-личностную – впервые.

«Баранов Петр Иванович – помощник бухгалтера-кассир. Родился в г. Нальчике в 1888 г., русский, социальное происхождение крестьянин, беспартийный, образование среднее, основная профессия – счетовод, вступил в союз с 1920 г., до революции нигде не служил. Проходил чистку в ноябре 1928 г. Как бывший торговец и сын бывшего крупного домовладельца, подлежал увольнению с должности, но принята во внимание его долголетняя служба в областном земельном управлении (с 1922 г.), по должности проявивший себя как безукоризненно честный работник, в силу чего сочли возможным оставить на прежней работе. В настоящее время как работник свое дело знает вполне. В высшей степени старательный. Очень аккуратен, в работе неумолим; последней занимается не в часы занятий (работает по вечерам), не считаясь с вредною (?) для его здоровья, является незаменимой частью в механизме облЗУ. Большинство (?) времени проводит в работе. В общественном отношении несет возложенные на него нагрузки, весьма исполнительный, безукоризненно (?), без инициативы (как необходимость). Учился в духовной семинарии, но не окончил. Холостяк «благонравного» поведения. В политическом отношении старается избегать всяких разговоров и толков («Не замай меня, живу и ладно»). Это, по-видимому, результат его социального положения, которое известно всем, как местного уроженца. Не прочь иногда (здесь неразборчиво. – *Е. С. Тютюнина*) и малозначительно поговорить о каких-либо недостатках при условии быть в стороне. Дорожит положением служащего и всеми силами пытается быть безустным, но ожидательно власти имеет заискивающее выражение (?) лица перед начальством. В общем человек безвредный и заслуживает доверия».

В Нальчике проживало немало родственников Барановых. В посемейном списке Нальчикской слободской думы по учету военнообязанных за 1919 год записана «Баранова Агафья Яковлевна – 65 лет, вдова, сын Николай Захарович – 26 лет. Служит в добровольческой армии Нальчика». В списке служащих Ленинского учебного городка (1924–1927) встречается имя Николая Ивановича Баранова, в другом случае – Николая Захаровича Баранова.

Таким образом, у Евгения и Ивана был младший (сводный) брат от их мачехи, о чем свидетельствуют документы Ленинского учебного городка (ЛУГа), созданного в Нальчике в 1922–1924 годах (упразднен в 1936 году) для подготовки кадров среднего звена различных отраслей народного хозяйства. Из них ясно, что Николай Захарович Баранов до 1923 года работал в мастерских г. Владикавказа, с октября 1924 года его имя среди служащих и рабочих учебного городка – инструктор слесарных мастерских. Имеется и уточнение к биографии: «1892 г. р., русский, окончил сельскую школу, беспартийный». Последние сведения о нем датируются 1927 годом.

В списке служащих ЛУГа встречается и женщина по фамилии Баранова, но неизвестно – жена ли это Николая или просто однофамилица. Вот что известно о ней: «Баранова А.Л., преподав. С 14/VII. До 1918 г. училась, с 1918 по 1919 г. в с. Куриловка Н-Узенского уезда Саратовской губернии, учительствовала с 1920 по 1921 г. в Саратове, ответственный секретарь райкомсомола, с марта по июль 1921 г. во Владимире, в 1921–1923 г. в гор. Ставрополе, из крестьян, член РКП – обком».

Завершая барановскую линию, скажем, что в Книге Памяти погибших в Великой Отечественной войне есть Баранов Владимир Николаевич, родившийся в Нальчике в 1920 году и погибший в 1944 году в Молдавии. Возможно, это сын Николая Захаровича и, соответственно, племянник Ивана и Евгения Барановых.

И еще один нальчикский род, имеющий самое прямое отношение к теме статьи. В поднадзорном листке Е. З. Баранова 1888 года говорится, что его сестра Ефросинья замужем за Михаилом Ананьевым, проживающим в Нальчике. Действительно, в посемейный список слобожан 1891 года внесена семья Ананьевых, причисленная к «коренным» жителям по общественному приговору, состоявшемуся 2 сентября 1891 года. В их числе: «Ананьев Михаил Степанов 46 лет, жена его Ефросинья 32 лет, сыновья их: Антон – 9 л., Сергей – 6 л., Александр – 3 лет. Дочь Анна 11 лет». Далее сообщается: «Владикавказский мещанин. Имеют недвижимую собственность. Имеет увольнительное свидетельство от 2 ноября 1891 г. № 3594».

Об Ананьевых упоминается в целом ряде документов советского периода. В списке служащих областного финансового отдела (на 15 сентября

1924 года) встречается «Ананьев Антон Михайлович, секретарь с 1/V-20. До этого Нальчикское общество взаимного кредита, Нальчикское казначейство. Крестьянин. Беспартийный. Подвергался чистке в 1923 г. и оставлен на службе. Утвержден».

В списке кулацких хозяйств (на 1930 год) по г. Нальчику числится «Ананьев Сергей Михайлович – Октябрьская 20/18», который, как свидетельствует протокол заседания комиссии по рассмотрению правильности отнесения к кулацким хозяйствам (от 7 марта 1930 года), «имеет дом; доход от квартиры 600 руб., 2 лошадей, сада 0,38 дес. земельным наделом пользуется; едоков 5 душ. Задание по кампаниям не выполнял, за что описаны и продано с торгов 2 лошади, фургон и линейка». А в протоколе заседания Нальчикского городского избиркома от 11 ноября 1930 года, в постановляющей части, содержащей список «высланных лиц из территории Каб. области», которых предложено «считать возможным исключить из списка лишенцев и держать в особом списке следующих», есть и фамилия Ананьева Сергея.

Сведения еще об одном из Ананьевых – Александре Михайловиче имеются в протоколе заседания облизбиркома от 23 ноября 1929 года: «Ананьева А.М., как бывшего белого военного чиновника, не доказавшего лояльности к Советской власти, на основании ст. 15-й п. «к» Инструкции лишить избирательных прав». Фигурирует его фамилия и в именном списке лиц, лишенных избирательных прав по г. Нальчику КБАО, составленном 1 апреля 1930 года.

А вот что можно узнать из протокола сельизбиркома Прималкинско-го сельсовета (1929): «Рассмотрев заявление гр-ки Ананьевой-Рябочкиной Нины Михайловны, не найдя никаких доводов о восстановлении ее в избирательных правах, в просьбе отказать и просить окризбирком об утверждении ранее вынесенного постановления сельизбиркома». После этого обращение Нины Михайловны рассматривали в низовой инстанции еще два раза, пока дело не дошло до облизбиркома, решившего 6 февраля 1929 года следующее: «Принимая во внимание, что гр-ка Ананьева-Рябочкина никакого отношения к своему бывшему мужу белому офицеру не имеет с 1920 г. и с того же срока живет своим собственным трудом, служа в различных советских учреждениях и, как видно из выписки о разводе от 25/II-26 г., она со своим мужем официально разведена, постановление Прималкинского окризбиркома отменить и Ананьеву-Рябочкину в избирательных правах восстановить».

И последняя, родственная Барановым нить. В поднадзорном листке Е. З. Баранова 1888 года сказано, что его «сестра Александра, 23 л., в замужестве за Василием Дробышевым, из купцов г. Георгиевска, занимаю-

щегося торговлей в слободе Нальчик». Но среди нальчикских жителей, как выяснила Е. С. Тютюнина, фамилия Дробышевы не встречается. Имеются сведения о Дробышевых – содержателях земской почты в казачьих станицах. Документ от 30 марта 1883 года гласит: «Взыскать 25 руб. с купца Василия Дробышева за содержание Георгиевской почтовой станции и с приказчика его мещанина Андрея Дробышева». А в документе 1887 года, содержащем сведения об обслуживаемых земскими тройками станциях, их числе и содержателях, читаем: «Прохладная – 3 – Илья Дробышев; Екатериноградская – 2 – Илья Дробышев; Павлодольская – 2 – Василий Дробышев; Луковская – 2 – Борис Дробышев».

Остается, повторимся, надеяться, что, возможно, кто-то из читателей сможет дополнить имеющиеся сведения о потомках нальчикских Барановых, Ананьевых и Дробышевых.

Нальчик. Почтовая площадь (ныне ул. Суворова). 1900-е гг.

ГРЕМЕЛ-ШУМЕЛ ВОЛЬНОАУЛЬСКИЙ ТАМАШИ...

Многие страницы биографии Владимира Алексеевича Гиляровского (1855–1935) тесно связаны с Кабардино-Балкарией. Это известно из его повести бродяжной жизни «Мои скитания» (1927). В 1875 году будущий бытописатель Москвы, а на тот момент артист цирка, только сменивший свою профессию на актерскую и отработавший сезон выходным актером (так назывались те служители Мельпомены, чья роль сводилась к одному выходу с короткими репликами, а то и совсем без слов) в тамбовском театре, устал от такой размеренной жизни. Ему опять «захотелось простора и разгула». И далее: «Я имел приглашение на летний сезон в Минск и Смоленск, а тут подвернулся старый знакомый, казак Боков, с которым я познакомился еще во время циркового сезона, и предложил мне ехать к нему на Дон, под Таганрог. Оттуда мы поехали в Кабарду покупать для его коневодства производителей.

Опять новые знакомства... Побывал у кабардинцев Урузбиевых, поднялся на Эльбрус...».

В. А. Гиляровский, которому на тот момент не исполнилось и 20 лет и чьи познания к тому моменту были весьма несистематичными (в первом классе остался на второй год, в 1871 году после неудачного экзамена сбежал из дома), допустил ошибку относительно национальной принадлежности таубиев Урузбиевых. И надо сказать, что в этом он был не одинок. П. Остряков, автор знаменитой статьи «Народная литература кабардинцев и ее образцы», опубликованной в 1879 году в журнале «Вестник Европы», также был неточен в определении этнонима балкарцев.

Но вот что интересно, впечатления от этой поездки и последующей, уже в 90-х годах, были столь яркими и волнующими, что Гиляровский неоднократно возвращался к ним как в своих произведениях, так и в письмах. В частности, в очерке «Восходящая звезда», который посвящен выдающейся русской актрисе М. Н. Ермоловой, очень много места уделено Кавказу, Балкарии, штрихами (но какими!) очерчено несколько колоритных персонажей горцев (Агой и Самат). Считается, что на страницах очерка нашла отражение непростая биография Шаухала Урузбиева, одного из первых дипломированных врачей на Северном Кавказе. Известно, что «Восходящая звезда» при первом издании книги «Люди театра», в который

она входила, была изъята автором, писавшим по этому поводу: «Всю романтическую и поэзию, которой полна первая глава, моя любимая глава, над которой я особенно увлеченно работал, – долой! От Ермоловой останется очень мало, «Ага» совсем не пойдет, это изменит план книги. Все-таки я ничуть не раскаиваюсь, что написал Ермоловой – Ага, которые приходится вынуть из этой книги: я их писал с удовольствием, писал и радовался».

А вот строки из письма В. А. Гиляровского Николаю Ивановичу Морозову, автору книги «Сорок лет с Гиляровским», написанные знаменитым журналистом 12 мая 1935 года, незадолго до смерти: «А то, бывало, с кем-нибудь из друзей верхом в ночь мимо кабардинских табунов махнешь на Бермамыт солнечный восход встретить, а иногда в облаках и свой портрет увидеть!»

В своих публикациях Гиляровский неоднократно употребляет слово «тамаши», которое сегодня мало что кому говорит: «Проехали мимо лежащего рядом с Нальчиком Большого аула (речь идет, понятно, о Вольном ауле. – Авт.), где для местных князей светил огнями и гремел шумом тамаши».

В. А. Гиляровский. Кабарда. 1890-е гг.

Худ. С. Малютин. Король репортеров.
1915

Ничего таинственного в нем нет, более того, из самого контекста следует, что речь идет об увеселительном заведении, известном нам кабаке, где не только ели-пили, но и гуляли, а где гульба, там и музыка – те же цыгане. В балкарском языке есть слово «тамаша» – потеха, веселье, праздник, игрище. В «Большом англо-русском словаре» оно – *tamasha* – трактуется как индийское, а переводится как увеселение, развлечение.

Но на Кавказе оно не прижилось, как и другое, обозначающее практически то же самое понятие – кухмистерская. Журналист Я. В. Абрамов, не раз бывавший в Нальчике практически в те же самые годы, когда и Гиляровский, писал в 1901 году в цикле материалов «Слобода Нальчик (Терской области)», опубликованных в газете «Приазовский край»: «Каких-либо увеселений в Наль-

чике пока нет совсем – и в этом заключается едва ли не лучшая сторона этого уголка. До сих пор нет ни одного шато-кабака. Правда, нет и ни одной гостиницы, ни одного ресторана (обеда отпускаются частными лицами). Единственным проявлением прогресса в данном отношении является «русско-азиатская кухмистерская», устроенная в так называемом «Атажукином саду», но это – просто обыкновеннейшая «шашлычная».

Что же касается В. А. Гиляровского, то это на самом деле была удивительнейшая личность – чистая, искренняя, светлая. Покидая этот мир, он говорил: «Никому мы не сделали никакого зла. Душа моя чиста... Чиста совесть... Как у новорожденного».

Мало кто знает, что фраза «Да святится имя твое» из главной молитвы христиан, ставшая ключевой в повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет», вначале была обращена писателем к Гиляровскому, который искренне любил Владимира Алексеевича и восхищался его непревзойденным талантом.

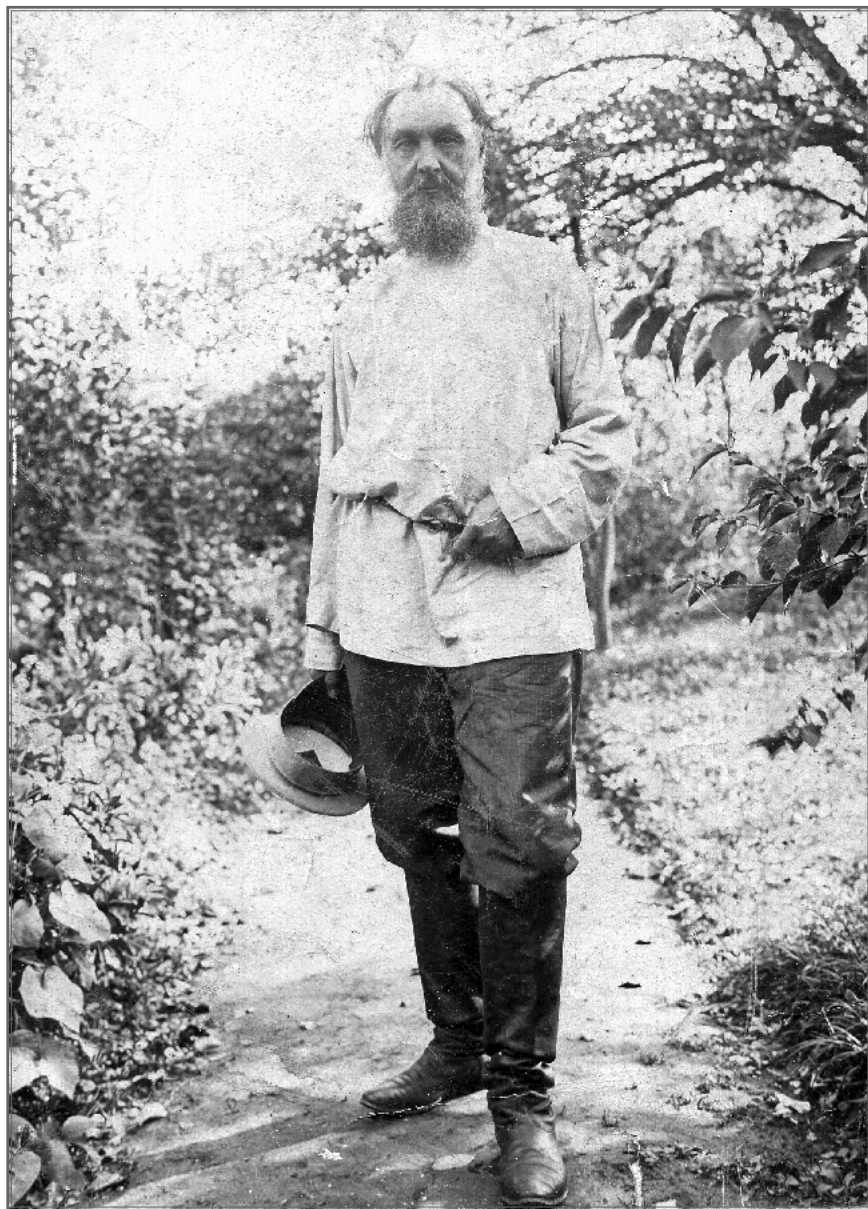
«ХОЧЕТСЯ ПОСКОРЕЕ ОТОЗВАТЬСЯ»

Имя художника Митрофана Васильевича Алехина (1857–1935) хорошо знакомо нальчанам – прожив в наших местах сорок лет, на своих полотнах он отобразил повседневную жизнь Нальчика, запечатлел нравы и лица слобожан. Но куда больше он известен не своими работами, а перепиской с великим русским писателем Львом Николаевичем Толстым.

Родившийся в 1857 году в Курске, в купеческой семье, Митрофан Алехин своей будущей стезей видел не торговую или предпринимательскую деятельность, а творческую, связанную с изобразительным искусством. Для чего в 1882 году поступил, а в 1888 году окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге. Незаурядный талант его был отмечен второй и первой серебряными медалями и званием классного художника 2-й степени.

В последние годы учебы Митрофан знакомится с учением Льва Толстого, на основе которого в 80-х годах XIX столетия возникло общественное движение, объединяющее людей, исповадовавших ненасильственный образ жизни, равноправие, свободу убеждений и верований, активный земледельческий труд (подробнее об этом в материале «Толстовцы», опубликованном в этой книге). В том же 1888 году он организует в Харьковской губернии толстовскую общину, которую вскоре (менее чем через год) разгоняют власти, заодно выселив и самого Алехина. Последовали новые практические попытки (столярная артель в Полтаве) следовать толстовским идеям. За ними – гласный надзор полиции, несмотря на который Алехин печатает на гектографе запрещенные произведения Толстого («Николай Палкин», «Церковь и государство», «Перевод и исследование евангелий»). Ссылка в Кутаисскую губернию, разгром полицейскими подпольной типографии и последующий за ним отъезд вместе с супругой на Северный Кавказ.

Вся последующая жизнь Митрофана Алехина связана с Нальчиком. В окрестностях слободы, на хуторе Долинском, уже имелась община толстовцев. Алехин становится в подлинном смысле этого слова ее душой. Дела и заботы общины, в первую очередь физический труд, занимают все его время. Но, наряду с занятиями сельским хозяйством, он находит время и для живописи. Именно в наших местах раскрылся реалистичный талант художника. Его «Горец», «Портрет князя Дадияни», «Автопортрет»,

Митрофан Алехин

«Портрет девушки в розовой блузе» свидетельствуют о незаурядном мастерстве.

Искусствовед В. А. Шлыков в работе «Изобразительное искусство Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1963) писал: «Кабардино-Балкария стала той колыбелью, в которой вырос талант Алехина-художника. Его «Автопортрет» выполнен в характерной для живописца манере, сочетающей строгий уверенный рисунок и простую композицию. Алехин изображен в рабочей блузе, с палитрой в руках. Его лицо сосредоточено. Обращенный на зрителя зоркий пронизывающий взгляд выдает аналитический склад характера живописца, который относится к окружающей действительности не холодно и бесстрастно, а подвергает ее художественной оценке.

В своих произведениях «Портрет горца», «Портрет девушки», «Мальчик-горец» и других Алехин с подкупающей искренностью воссоздает образы простых людей, раскрывая в них сдержанное достоинство, моральную красоту.

Жизнь и быт тружеников Кабардино-Балкарии, национальное своеобразие природы нашли свое отражение в алехинских картинах «Горный аул», «На водопое», «Базар в Нальчике»...

Естественно, надо помнить время, когда писались эти строки, – отметил искусствовед и недостатки (здесь уместно употребить словосочетание так называемые): «Творчество Алехина в целом не свободно от определенной идейной ограниченности, выражающейся в недостаточной социальной остроте, в отсутствии глубокого раскрытия противоречий народной жизни».

«Тем не менее, – отмечает В. А. Шлыков, – произведения художника ценны достоверностью в воссоздании облика представителей народов Кабардино-Балкарии, тонкой наблюдательностью к отдельным типичным сторонам быта горцев».

В этом контексте надо вспомнить созданные Алехиным портреты жителей Горско-еврейской колонии (одно время он преподавал рисование и черчение в школе, где в основном учились дети горских евреев, более того – сделал немало по организации работы этой школы).

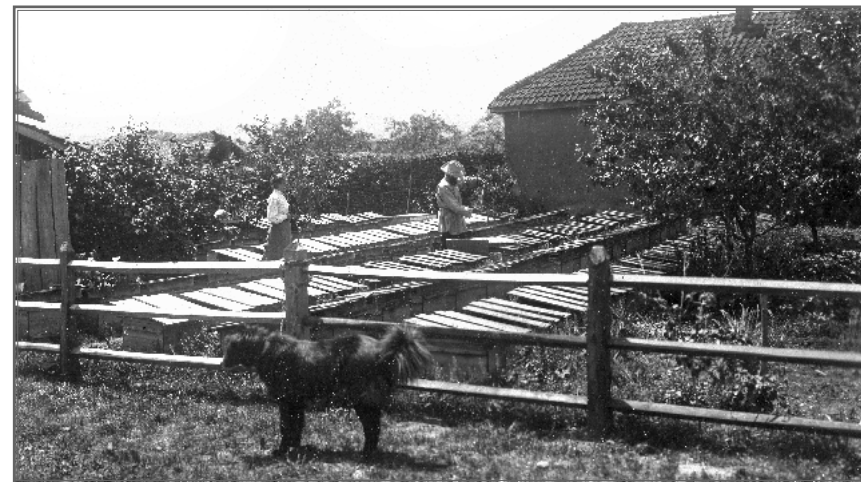
Портреты эти – не просто взгляд в прошлое, а в человека, его внутренний мир, запечатлевший всю гамму душевных переживаний. В заметке Марии Алхасовой, опубликованной в книге «Горские евреи в Кабардино-Балкарии», читаем: «Портреты «Горец» и «Горско-еврейская девушка» он писал именно с наших нальчикских горских евреев, а позировали ему мой прадедущка, 30-летний тогда, Абрамов (Гюршум) Григорий Исаевич и 16-летняя красавица, бабушка бывшей нальчанки, ныне проживающей в Нью-Йорке Светланы Ароновны Даниловой, – Надежда Акимовна Ифра-

имова». Позже Алехин вспоминал: «Их редкая, благородная красота поразила меня. На меня широко и открыто смотрели библейские глаза. Нигде раньше я не видел таких умных, ярких, красивых глаз, которые проникали в душу. Внешность Надежды напоминала мне лермонтовскую Беллу».

Подлинность последних фраз ставится под сомнение, так как подтверждения этой цитаты нигде не обнаружено. Так, в частности, считает архивист Е. С. Тютюнина.

К личности Митрофана Алехина обращались многие местные исследователи, но первой это сделала Антонина Васильевна Рыжеволова – русская учительница, имя которой ныне, к сожалению, совершенно забыто. А ведь это была удивительная женщина, посвятившая свою жизнь формированию активной жизненной позиции школьников в процессе внеклассной работы по литературе и литературному краеведению. Для этого она создала литературно-краеведческое общество учащихся Кабардино-Балкарии «Горный родник», целью которого было максимальное развитие творческой самостоятельности учащихся в овладении знаниями, общественной активности, духовное обогащение, непримиримость к чуждой идеологии, потребность к труду и деятельности. На взгляд некоторых, это звучит сегодня наивно и тоталитарно, но ведь работало, и еще как: в республике воспитывались настоящие патриоты своей малой родины и, естественно, большой – России. Вот что писал по этому поводу один из московских научных журналов: «Литературное краеведение – один из видов краеведческой работы в школе – предполагает изучение вопросов взаимосвязи русской и родной литературы, материалов о пребывании в крае писателей других национальностей, отражение в художественных произведениях братских литератур жизни, быта, обычаев родного народа. Такой подход к использованию материалов родного края на уроках русской литературы в национальной школе сформулировала А. В. Рыжеволова». Мы же добавим от себя: не только сформулировала, но и активно разрабатывала. О чем говорят исследования Антонины Васильевны, в нашем случае «Нальчик – Ясная Поляна» и «Писатель и наш край». Процитируем отрывки из них:

«Священник нальчикской церкви нередко предупреждал прихожан не общаться с немоянами» (так в слободе называли людей, отрицавших церковь и попов). Но связь Алехина и его друзей с населением была тесной. Жители Нальчика и аулов общались с ними, брали сочинения Толстого и другие книги. Бывали у Алехина доктор балкарец Абаев, Моллаев из Хасаньи, учитель Джабоев из Вольного Аула, учитель К. И. Гилядов, приезжие из других городов. Внезапные обыски у «немоян» даже усиливали к ним симпатии населения».

Пасека Митрофана Алехина

«Не такой уж неподвижной и мертвой, как кажется, была в 90-х годах прошлого века жизнь слободы Нальчик. Судя по письмам Алехина Толстому, и в этом глухом уголке напряженно работала мысль о переустройстве жизни. Алехин сообщает писателю, что в Нальчике появился студент Е., бросивший Петровскую академию, студент Чепик, исключенный из университета за свободомыслие. Попал в Нальчик и сельский учитель из бедных крестьян А. Г. Макеев, который решил бросить учительство, «ибо оно, – пишет Алехин, – стало уже не под силу ему с лицемерием и низкопоклонством».

«Алехин сообщает Толстому, что ему предлагают место учителя столярного дела в горской кабардинской школе за 25 р. в месяц, на всем готовом, кроме пищи и белья. Но он не идет в школу, а учит детей бесплатно дома».

А вот что вспоминала приемная дочь Алехина (племянница супруги) Аня Гаврющенко (в замужестве Щитова), чьи заметки «Вспоминая прошлое» опубликовала «Кабардино-Балкарская правда» (1960. 20 нояб.): «Сама я из бедной рабочей семьи. Поэтому родители отдали меня на воспитание в семью Митрофана Васильевича Алехина. Об этом гуманном, талантливым человеке у меня сохранились самые светлые воспоминания.

В доме Алехина собирались лучшие люди Нальчика. Ни одно из крупных событий в общественной жизни России не оставалось без их внимания.

У Митрофана Васильевича, очень образованного человека, была большая библиотека с произведениями Л. Н. Толстого. Некоторые из книг со-

хранились и поныне: собрание сочинений Л. Н. Толстого в 14 томах 1903 года издания, трехтомник не опубликованных ранее произведений Л. Н. Толстого, изданный в год смерти писателя, фотографии, картины, журналы со статьями о Л. Н. Толстом. К сожалению, после смерти Митрофана Васильевича часть книг осталась на руках его различных знакомых.

Митрофан Васильевич очень берег письма Толстого и после смерти любимого писателя передал их через Бонч-Бруевича в Москву, где они были опубликованы».

Здесь мы прервемся и вновь процитируем А. В. Рыжевалову. Вот что она пишет о взаимоотношениях Алехина с одним из соратников В. И. Ленина, советским партийным и государственным деятелем В. Д. Бонч-Бруевичем (1873–1955): «Владимир Дмитриевич не раз бывал в Нальчикском округе, всегда останавливаясь у Алехина. О своем пребывании в Нальчике он писал: «Летом 1909 года мне случилось быть в слободе Нальчик Терской области и жить в доме Митрофана Васильевича Алехина, одного из ранних последователей Льва Николаевича Толстого, строго проводившего в жизнь принципы его учения...».

Далее он говорит о судьбе писем Толстого к Алехину, часть из них отобрала полиция и присоединила к протоколам как вещественное доказательство виновности Алехина; другая часть погибла в саду, в кустах, где Алехин пытался спрятать пятнадцать писем.

Сохранился фотоснимок 1909 года, сделанный Алехиным в Нальчике, во дворе своего домика. На нем запечатлены В. Д. Бонч-Бруевич, его жена В. М. Величина, их маленькая дочь, доктор-балкарец Абаев и его жена, ранний последователь Толстого художник Г. К. Линденберг и другие друзья Алехина».

Вернемся к заметке А. Щитовой: «Часто Митрофан Васильевич рассказывал о том, с какими трудностями печатал запрещенные произведения Льва Николаевича Толстого на гектографе, как прятал их от полиции в своем саду. И сейчас я храню остатки форм гектографа.

М. В. Алехин, прекрасный художник, часто рисовал портреты Л. Н. Толстого по памяти. У него было много картин, изображающих чудесную природу и простых людей нашего края. Некоторые картины М. В. Алехина после его смерти приобрел Московский музей Л. Н. Толстого: автопортрет М. В. Алехина, Л. Н. Толстой в гробу, несколько видов Кавказа. Кроме того, в музее хранятся письма Алехина к Л. Н. Толстому и воспоминания, которые в преклонные годы начал писать художник».

Большинство кавказских толстовцев, после распада общины, разъехались, но Митрофан Алехин остался в Нальчике. Продолжал заниматься сельскохозяйственным трудом, разводил пчел; одно время столярничал,

В. Д. Бонч-Бруевич и В. М. Величина (первые справа) в гостях у М. В. Алехина. Нальчик, 1909

сапожничал. В 1911 году его имя среди организаторов кооперативного товарищества, семь лет он являлся председателем Нальчикского общества потребителей. Творчества при этом не оставлял. Более ста картин написано им в эти годы, но большинство из них, к сожалению, не сохранились – художник щедро делился ими со слобожанами, а если и продавал, то за сущие копейки. Тем не менее, несколько десятков его работ находится в Кабардино-Балкарском государственном музее изобразительных искусств. Картины «Толстой на смертном одре» (считается, что художник присутствовал на похоронах, но архивист Е. С. Тютюнина документальных подтверждений этому не нашла), «Автопортрет», «Портрет Дадияни» находятся в Москве – в Государственном музее Л. Н. Толстого.

После Октябрьского переворота 1917 года Митрофан Алехин работает преподавателем изобразительных искусств в школах 1-й ступени, преподает (в 1926–1929 годах) в педагогическом техникуме, читает лекции на

курсах повышения квалификации учителей по «педагогическому рисованию». Его, читаем в работе В. Ф. Гришаева «О создании в Нальчике мемориального музея художника М. В. Алехина», «хорошо знали в городе, называя «толстовцем» за его колоритный внешний вид: высокого роста, с седой пышной бородой, Алехин всюду, даже на работу, ходил в неизменной толстовке и сапогах». И хоть в заметке «Вспоминая прошлое» А. Щитова пишет, что «М. В. Алехин приветствовал нашу новую жизнь и искренне радовался, что советские люди так глубоко почитают его любимого писателя», сказать, что художник был востребован советской властью, тем более облагодетельствован, вряд ли будет правильно.

Сохранилось его ходатайство, датированное 1927 годом, с просьбой о назначении пенсии по старости как «полезному члену общества» с приложением трудового списка. Более того, А. В. Рыжеволова сообщает, что «когда решался вопрос о пенсии Алехину, Бонч-Бруевич подробно рассказал о нем первому наркому просвещения А. В. Луначарскому и передал ему документы Алехина, но они случайно затерялись. Персональная пенсия М. В. Алехину была назначена несколько позже при содействии

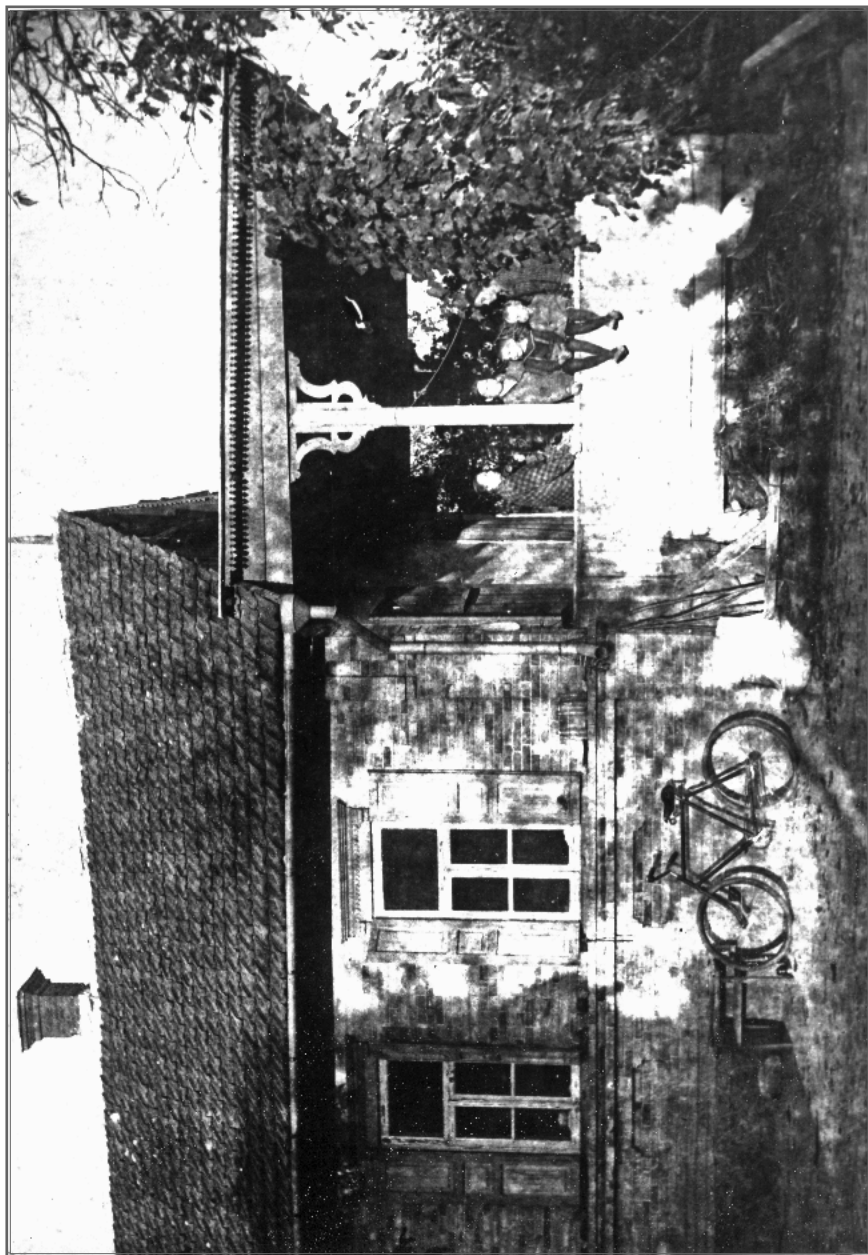
В мастерской

секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии Б. Э. Калмыкова». Но это, к сожалению, неправда. Советская власть так и не удостоила пенсионного вспомоществования художника «за незначительностью его заслуг», рассуждая, вероятно, следующим образом: одно дело красный партизан и совсем другое – толстовец, представитель реакционного учения. Поэтому в данном случае вернее было бы говорить о несодействии Калмыкова в просьбе.

В книге Нины Громовой «Нальчик и нальчане», выпущенной нашим издательством в 2006 году, имеются сведения о том, где проживал художник: «Семья жила на два дома. Сначала в центре слободы, на улице Крайней (ныне улица Революционная, 12), в доме, построенном еще в начале XX века, в котором Алехин прожил более десяти лет. Этот дом и сегодня существует в первозданном виде. Низкий фундамент, широкое окно, узкая дверь, выходящая прямо на улицу, ветхая крыша с пострадавшей от времени черепицей, облупившаяся штукатурка. Дом нуждается в реставрации, но скоро может случиться так, что и восстанавливать уже будет нечего.

В годы работы преподавателем изобразительных искусств в школе

Другой дом – на Мужичьем хуторе, на бывшей Ямной (ныне улица Добровольского, 71). В доме, хорошо сохранившемся, четыре комнаты, деревянные полы и потолки, печь с духовкой, веранда, переделанная в кухню. Была большая библиотека, а стены сплошь увешаны картинами художника с «Автопортретом» в зале. Рядом – времянка, где находились пчелы, а вокруг – густой сад с грушами, персиками, сливами и морем цветов, среди которых 50 кустов роз, садовые фиалки. Рядом стояла мельница на берегу реки, вдали – Детский дом (ныне школа-интернат на улице Калинина) и густой тенистый сад. В этом доме жили художник Митрофан Васильевич, его жена Маланья Васильевна, их приемная дочь Анна Федоровна, внучка Надежда Владимировна».

Митрофан Алехин – большой русский мастер кисти, ушел незаметно, тихо и неожиданно 25 апреля 1935 года – причиной смерти стал аппендицит, проявивший себя в столь пожилом возрасте. Художника можно было спасти, но до Мужичьего хутора, где это произошло, в те времена добираться было непросто. Был Митрофан Васильевич крепкого здоровья – сказался физический труд, болел редко, жить мог еще долго. Аня, его приемная дочь, долгие годы впоследствии корила себя, что послушалась отца, не хотевшего никого обременять, и не отвезла его в больницу. Похоронили Алехина на городском кладбище, при переносе которого впоследствии о прахе нальчикского толстовца никто не побеспокоился.

В 1988 году Нальчикский горисполком принял решение о создании дома-музея М. В. Алехина. Планировалось собрать в нем картины, рисунки, рукописи, документы, фотографии, книги, личные вещи художника, в том числе предметы мебели, сделанные его руками. Намечалось и создание при музее детской художественной студии. Но не сложилось. До сих пор нет мемориальной экспозиции, научного исследования анализирующего его творчество.

В 1998 году Министерством культуры КБР, Архивной службой КБР, обществом русской истории и культуры «Вече» была организована уникальная (персональная ретроспективная) выставка произведений М. В. Алехина в Кабардино-Балкарском музее изобразительных искусств. На ней были представлены картины из двух музеев (в том числе Национального), а также документы и фотографии из фондов ЦГА КБР. Но каталог так и не был издан.

...Впервые письма Л. Н. Толстого были опубликованы в «Известиях общества Толстовского музея» (Санкт-Петербург, 1911. № 1).

Письма М. В. Алехина Толстому хранятся в отделе рукописей Государственного музея Толстого, что на Пречистенке, 12. Из них печатались лишь небольшие фрагменты. Для настоящей публикации они предоставлены Е. С. Тютюниной, ей же принадлежат и комментарии.

Переписка Л. Н. Толстого и М. В. Алехина (1894–1898)

Переписка Л. Н. Толстого с М. В. Алехиным продолжалась несколько лет.

В предлагаемую подборку вошли письма начиная с 1894 г. – времени прибытия М. В. Алехина в Нальчике. Письма Л. Н. Толстого воспроизводятся по его Полному собранию сочинений (ПСС) в 90 томах (Юбилейное), изданного в 1928–1958 гг.

Письма М. В. Алехина печатаются по беловым автографам, хранящимся в Государственном музее Л. Н. Толстого (ГМТ) в Москве.

Документы расположены в хронологическом порядке, снабжены текстуальными и реальными примечаниями. Примечания пронумерованы в пределах каждого документа – в тексте обозначены в квадратных скобках, помещены после каждого документа. Источники комментариев – Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого и другая литература, а также архивные документы, в основном хранящиеся в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ссылки на них даются в круглых скобках после каждого примечания.

Тексты воспроизводятся по новой орфографии. Прочитанные предположительно слова, а также сокращенно написанные сопровождаются вопросительными знаками и раскрытием сокращений, заключенными в квадратные скобки.

№ 1. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

23 февраля 1894 г.

1894 г. Февраля 23-го. Москва

Спасибо за хорошее письмо [1]. Пишу хоть несколько слов пока. Мне жалко, что вы уходите оттуда [2]. Разумеется, я не судья, но жалко. Нет большей роскоши, как переходить с места на место. Как скоро семья, то уже большое отклонение от христианского идеала и требование оседлости неизбежно. Дай бог вам, т. е. Бод[янскому] [3] и Скор[оходову] [4], которым передайте мою любовь, так же как и другим товарищам, – устроиться, где бы не б[ыло] ничего нарушающего самые скромные требования матерей, как нарушает это нездоровый климат.

Любящий вас Л. Толстой.

Толстой Л. Н. ПСС. Т. 67. С. 47.

Печатается по копии, написанной рукою П. А. Буланже. Дата копии. Письмо не было послано. См. док. № 2.

1. Письмо это неизвестно.

2. Комментаторы Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого полагают, что М. В. Алехин проживал в поселке Самтреди Кутаисской губернии (ныне Республике Грузия), куда был выслан в 1893 г. На самом деле местом жительства М. В. Алехина являлось местечко Орпири той же губернии, куда он переселился добровольно по приглашению группы толстовцев.

3. Бодянский Александр Михайлович (1842–1916) – помещик, под влиянием идей Л. Н. Толстого отдал землю крестьянам, участник земледельческих общин. За пропаганду толстовского учения осенью 1892 г. выслан из хутора Гремячего Харьковской губернии (ныне в Украинской Республике) в Кутаисскую губернию под надзор полиции сроком на 5 лет. По мнению полицейского ведомства, здесь «среди туземного населения для пропаганды названного ссыльного не представлялось удобств». Летом по его просьбе переведён из гор. Кутаиса в местечко Орпири Сенакского уезда (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, ДП-00, оп. 98, д. 12, ч. I, л. 120).

4. Скороходов Владимир Иванович (1861–1924) – организатор и участник земледельческих общин. В 1894 г. проживал с семьей в Орпири вместе с А. М. Бодянским и другими.

№ 2. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

24 февраля 1894 г.

1894 г. Февраля 24-го. Москва

24 февраля

Вчера написал вам маленькое письмецо, дорогой Мит[рофан] Вас[ильевич], [1] только с тем, чтобы ответить на ваше, но не послал, а нынче еще прочел ваше письмо [2] Бирюкову [3], и хочется по душе поговорить с вами. Мне ужасно жалко, что расстроилась жизнь Бодянских и Скороходов. Им, семейным людям, надо или бросить жен и детей, – а этого нельзя сделать, – или жить оседло. А то это кочеванье должно быть мучительно женам, кот[орые] всегда (да простят они меня) в лучшем случае, ведя христианскую жизнь, ведут ее не для Бога, а для мужей. И им, бедным, это трудно. И потому, мне кажется, их надо беречь и жалеть. Еле-еле у мужа с женою, как Бодянский или Скороходов, установится кое-какое равновесие, кое-как они станут на ноги, а тут трудность переселения, нового устройства. И им не по силам, и всё с трудом воздвигнутое здание заваливается. Я знаю, вы скажете, что и не нужно жить с семьей: оставь жену, детей, что это сказано Христом, но я думаю, что это можно сделать только по взаимному согласию, и есть другое слово Христа и более обязательное: муж и жена не двое, а одна плоть, и что Бог соединил, того человек не может разъединить. Надо не жениться, как вы и другие, счастливые и сильные, но, женившись и имея детей, нельзя нарушить того, что сделано, нельзя стереть грех, а надо нести последствия его. И я думаю, что требовать или советовать мужьям бросать жен – большой грех. Правда, кажется, что дело Божье выиграет от этого, что без жены я сделаю много, больше того, что теперь. Но

ведь часто это кажется только. Если бы я мог быть вполне чист, вполне без греха, тогда бы так. Не надо этого требовать и советовать еще и п[отому], ч[то] при таком взгляде люди согрешившие, т. е. женатые, представляются самим себе и другим отпетыми, и это нехорошо. Я думаю, что и грешные и слабые люди могут служить Богу. Верьте, милый друг, что я, говоря это, защищаю не себя, а говорю, что думаю перед Богом. Раз согрешив браком, надо нести последствия своего греха наилучшим, наихристианнейшим образом, а не освободиться от него, делая новый грех, и в этом положении всеми силами служить Богу [4]. Другое, что хотел сказать вам, это о Дрожжине [5]. Это не первая жертва. Аполлов [6]. А еще Хилковы [7] и отъем их детей. На мое чувство жизнь становится серьезнее и требовательнее, и совершенно разделяю ваше чувство. Прошу у Бога случая и силы пострадать для его дела. Только страданием и смертью сам себе докажешь без сомнений и колебаний свою искренность. Прощайте пока, с любовью целую вас и всех наших друзей. Вчера проводили Ц[ецилию] В[ладимировну] Хилкову [8]. Ей отказали во дворце, но дело ее теперь в высокой инстанции.

Толстой Л. Н. ПСС. Т. 67. С. 49–50.

Опубликовано впервые (отрывками) в газете «Речь» (1911. № 219. 12 авг.) и полностью в «Толстовском ежегоднике» (ТЕ), (1911. С. 9–11. Год определяется ответным письмом адресата).

1. См. док. № 1.

2. Письмо неизвестно.

3. Бирюков Павел Иванович (1860–1931) – близкий сотрудник Л. Н. Толстого, автор его биографии. Письмо к нему Алехина неизвестно.

4. До Л. Н. Толстого дошли слухи, якобы М. В. Алехин советует А. М. Бодянскому и В. И. Скороходову освободиться от своих семей.

5. Дрожжин Евдоким Никитич (1866–1894) – крестьянин, заключенный в тюрьму за отказ отправиться на военную службу по религиозным убеждениям. Погиб (возможно, покончил с собой) в Воронежской тюрьме.

6. Аполлов Александр Иванович (1864–1893) – после окончания в 1885 г. Кавказской духовной семинарии назначен псаломщиком церкви в сел. Прасковее Ставропольской губернии. В октябре 1889 г. под влиянием идей Л. Н. Толстого подал прошение о снятии сана, приложив свою «Исповедь», полностью порвал с церковью в 1892 г. Явился прототипом священника Василия Никаноровича в пьесе Л. Н. Толстого «И свет во тьме светит», его взгляды и судьба отразились также в повестях Л. Андреева «Сын человеческий» и «Жизнь Василия Фивейского» (Русские писатели 1800–1917 гг.: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 97).

7. Хилков Дмитрий Александрович (1857–1914) – князь, гвардейский офицер, в 1891 г. за антицерковную пропаганду выслан из Харьковской губернии в Закавказье, проживал в с. Башкичет Эриванской губернии (ныне Республика Армения), в 100 км к югу от Тифлиса (ныне г. Тбилиси – столица Республики Грузия). Его брак не был оформлен церковью и потому мать Хилкова добилась разрешения отобрать его детей для «правильного» воспитания.

8. Хилкова (урожд. Винер) Цецилия Владимировна (1860–1922) – дочь полковника, с 1887 г. жена Д. А. Хилкова, в январе 1894 г. обратилась к Л. Н. Толстому с просьбой хлопотать перед императором Александром III о возврате ей детей: Бориса (род. в 1889 г.) и Ольги (род. в 1891 г.).

№ 3. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

6 марта 1894 г.

1894 г. Марта 6-го. Москва.

Получил сейчас ваше письмо [1], дорогой Митр[офан] Василь[евич], и оно так обрадовало и тронуло меня, что хочется поскорее отозваться.

Да, разумеется, ничто так не уясняет жизни истинной, как смерть таких людей, как Дрожжин. Христос говорил, что когда он умрет, то привлечет всех к себе; то же и с теми, кот[орые] следуют по его пути. Когда двое или трое соединятся во имя Его, то и Он среди нас. (Под Он я разумею Отца жизни.) Соединение во имя. Соединяемся же мы во имя Его иногда в этой жизни, но чаще с людьми, ушедшими из этой жизни, как с Дрожжиным. И он, уйдя из жизни, привлекает нас к себе и соединяет нас. Кто из нас не испытывал этого: находишься с людьми, далекими от тебя по духу (пускай они самые близкие по плоти), и чувствуешь себя в смерти; но вступишь в духовное единение с человеком и чувствуешь жизнь неумирающую, как я почувствовал, читая ваше письмо. Вы спрашиваете – понимаю ли я вас? Совершенно. С радостью чувствую, как одним пульсом с вами бьется мое духовное сердце. Так же, как и вас, меня неотступно после смерти Дрожжина нудит мысль последовать его примеру и сделать то, что он. Будем желать этого не переставая, готовиться, не забывая, не ослабевать и, может быть, и нам придется так же ярко сгореть, как он, а не придется – сотлеем все тем же огнем. Какое славное письмо студента! [2]

Прощайте пока, братски целую вас и наших друзей, которые с вами.

Л. Толстой.

Толстой Л. Н. ПСС. Т. 67. С. 62–73.

Печатается по копии с автографа, написанной рукою адресата. Автограф утрачен. Опубликовано впервые (отрывок) в журнале «Единение» (1916. I. С. 8). Дата копии, подтверждаемая списком писем Толстого 1894 г.

1. Письмо не сохранилось.

2. Романа (Авраама) Васильевича Юшко (1867–1918), студента Харьковского ветеринарного института (см.: ПСС. Т. 70. С. 56). Письмо Юшко не сохранилось.

№ 4. М. В. Алехин – Л. Н. Толстому

6 марта 1894 г.

Сегодня получил ваше письмо, дорогой Лев Николаевич [1], и не могу, чтобы сейчас же не ответить на него, ибо вы коснулись того вопроса жизни, который я никак не могу разрешить. Говорил я об этом со многими так называемыми женатыми

людьми, но ясного, определенного ответа не получил. Отвечали мне или словами Библии, или словами Петра и Павла (у которых только и есть о браке: у первого, что жены должны повиноваться мужьям [2] и что муж – глава жены, как Христос глава церкви [3]; у второго, что если женишься – не грешишь; не женишься – тоже не грешишь, но жениться – это развлечение, но я желаю, говорит он, чтобы вы служили Господу без развлечения, но если женился, не разводишься, а если развелся, не женись в другой раз; но что время уже коротко, т[ак] что женатые должны сделаться, как неженатые) [4], еще отвечали мне, что прежде чем стремиться к христианству, нужно в языческой жизни быть добродетельным (т. е. христианским язычником), еще – что основа жизни – это семья и что всё должно быть направлено на служение своему мужу, своей жене, своим детям, и еще, что влечение полов необходимо. А тут вы пишете: «что есть слова Христа (приведенные им из Бытия), что муж и жена – одна плоть и что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Но что надо не жениться, а если женился, то уже согрешил и нельзя стереть этого греха, а – нести последствия его» [5] (т. е. грех к смерти?). У Матвея же в 19 гл. с начала до конца говорится так: об обязанностях мужа к жене (но не жены к мужу): подходят к нему (искушая) фарисеи и, искушая, спрашивают: по всякой ли вине можно разводиться с женою, на что он и ответил, что по написанному сказано, что сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их, посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей [6] и будут два одною плотью. И так, что Бог сочетал, того человек да не разрушает [7] (эти слова взяты из Бытия и внесены в Евангелие, потому что в Бытии так сказано: когда Бог (Элоим) сотворил человека, мужчину и женщину сотворил их, и сказал, что они должны плодиться и размножаться и быть царями над всеми животными и есть плоды и траву. Но потом опять Господь сотворил из земли человека – Адама, которому стало скучно, и Господь во время сна вынул ребро и сделал жену – Еву и привел к человеку. Человек увидел и сказал: вот это плоть моей и кость от кости моей и назовется она женою, ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца и мать и прилепится к жене и будут (два) одна плоть. И были оба наги и не стыдились) [8]. Потом Христос говорит, что кто не за прелюбодеяние разведется с женою, тот грешен. И когда ученики его сказали, что если такова обязанность женатым – лучше не жениться. Иисус говорит, что не все вмещают это, но кому дано, ибо разные люди есть, которые розно воздержаны: одни скопят, другие не имеют похоти, а третьи воздерживаются ради Ц.Н. И когда привели детей, то он благословил их и сказал – их есть Царство Небесное. Потом юноша подходит, которому Иисус советует отказаться от всего и следовать за ним, если он хочет иметь жизнь вечную. Ученики, слыша все это, изумились и говоря: кто же может спастись, указали на себя, на что Ис[ус] ответил: вы получите награду свою. И всякий, кто оставит дома или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени моего – получит в сто крат и наследует жизнь вечную. Многие будут первые последними и последние первыми [9].

Последние стихи этой главы мне очень понятны, понятно и об обязанности мужа и воздержании и чистоте, как дети, но слова, приведенные из Ветхого завета, не понятны. Я понимаю, что если я оставляю жену, детей, отца, мать и друг[их] ради

утверждения и исповедания Истины, ради Его имени; но я не понимаю нарушения заповедей Моисея: чти отца и мать [10] утверждением того, что человек должен оставить отца и мать и прилепиться к жене (куда же отца и мать деть?).

Иисус, умирая на кресте, сказал Иоанну: вот мать твоя [11]. Он позаботился о матери. А то вдруг прилепиться к женщине и оставить отца, мать...

Нет, это что-то не так!

Вы мне пишете письмо после разговора с Бирюковым [12] и как будто подозреваете меня в том, что я причиною разъединения семей. И это неправда. Сперва потому, что если Бог сочетал и что если человек разъединить не может, то каким же образом я или кто другой разъединит, когда сильнейший соединил. А еще неправда потому, что я всегда стремлюсь к единению, а не к разъединению, и горько мне, когда вижу, что люди разъединяются, особенно семейные. Да я и не понимаю этого, что если я уйду от жены, и буду любить тех, которых считаю близкими себе; я не понимаю такой любви, при которой любя друга – ненавидишь жену. Любовь при ненависти не есть любовь истинная. Меня звали сюда, вот я и приехал [13]. Приехал и увидел, что, любя друг друга, забывают про детей, которые страдают от лихорадок. Вот я и сказал, что нужно отсюда убираться, хотя Бодянскому и неприятно это. Но дети – главное, они не понимают, не знают. Бодянская [14] увезла детей в Россию, а Скороходову пришлось искать другого места. У меня на Сев[ерном] Кавказе есть знакомые [15]. Гастев [16] и Скороход[ов] направились туда и там остались – работают и ждут всех нас. Я дожидаюсь погоды и удобного переезда, чтобы перевезти детей и Ольгу Фед[оровну] [17]. И ни Владимир, ни Бодянский с женами расходиться не думали и не думают, и никто, даже я, не подавал повода, не говоря уже о советах и требованиях, чтобы они расходились.

Я знаю, что у человека есть обязанности, изложенные в 10 заповедях, чтобы жить мирно: не делать идолов, не служить постоянно брюху своему, почитать отца и мать, не убивать, не прелюбодействовать, не красть, не лгать, не завидовать [18]. И знаю я, что если есть у меня жена – не разводиться и повода не подавать к этому, если есть дети – кормить и вырастить их, отца и мать почитать и кормить, жить в мире и согласии с соседями. Это мои обязанности в обыденной жизни. Но есть еще мое отношение к жизни общей всем людям – мирской. Жизнь эта полная соблазнов, накопившихся постепенно: первый – гнев и ненависть, второй – похотливость к женщине, третий – клятва и обещание, четвертый – противление злему или драка и ссора. Чтобы избежать этих соблазнов, нужно любить не только друзей, но – врагов. Назначение человека – быть совершенным, как Отец Н[ебесный], т.е. полнейшее равенство и утверждение и исповедание этой истины до отдачи своей жизни. Это воля Бога.

Итак: обязанности к ближним-семейным, отношение к общественной жизни, назначение человека в мире.

Я вас понял так: 1) не следует мешаться в семейные дела посторонним, 2) муж не должен бросать жены, 3) семейные должны жить оседло.

Первое и последнее я понимаю, но второе, т. е. не расходиться с женою, я не понимаю самого смысла этого выражения. Что значит не расходиться? – продол-

жать спать с ней и производить детей? Или не уходя от жены и детей, кормить их, но не спать с женою, не производя детей, т.е. остаться довольным тем, что имеешь. Но если согласия на это нет или жены, или мужа. Тогда что? Для меня этот вопрос самый сложный в обыденной жизни, и я никак не могу разобраться в нем. Напишите же, дорогой Лев Николаевич, помогите мне. Вы это знаете и вам это близко известно и вы над этим думали: что такое жениться? Что такое жена? Что такое МОЯ жена, МОИ дети?

Я видел и знаю, как это решают в жизни языческой, но не знаю, как это решить при стремлении к христианству, при служении Богу, Истине, в стремлении к равенству всех.

Простите, дорогой Лев Николаевич, что я вас затрудняю, но поверьте, что этот вопрос для меня и для многих очень важен. Простите меня, что я пишу вам, что будто вы подозреваете меня в разъединении семей; если вы и вправду пишете с таким чувством, то никак не из выводов моего письма, а больше понаслышке. Простите меня, что, может быть, я не так вас понял, но я пишу то, что чувствую. То, что у меня стремление к разъединению семей – это неправда, и если то, что я думаю, что вы обо мне так думаете – ошибка моя, то простите за мою слабость и несовершенство. Но я пишу искренно.

У вас много дела. Простите, что затрудняю, но это важно для меня.

Целую вас любя, Митрофан.

Самтреди Закавказ. ж. д.

P. S. Получили ли письмо раньше этого? [19]

1. См. док. № 2

2. Имеются в виду слова из первого соборного послания св. апостола Петра: «Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям?» (гл. 3, ст. 1).

3. Приведены слова не апостола Петра, а апостола Павла из послания к ефесянам: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава церкви...» (Еф. гл. 5, ст. 22, 23).

4. Из первого послания к коринфянам св. апостола Павла: «Соединен ли ты с женою? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь, и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти, а мне вас жаль. Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие... А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу. А женатый заботится о мирском, как угодить жене. Говорю это... для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечений» (1 Кор. гл. 7, ст. 27, 28, 29, 32, 33, 35).

5. Неточное цитирование письма Л. Н. Толстого от 24 февраля 1894 г. (ср. док. № 2). Бытие – первая книга, входящая в состав Ветхого завета Библии.

6. Здесь и далее подчеркнуто в подлиннике.

7. Довольно близкий к оригиналу пересказ Евангелия от Матфея (гл. 19, ст. 3, 4, 5, 6).

8. Заключение в скобки – не вполне точное изложение сказаний Библии о сотворении мужчины и женщины. В Библии (Ветхий завет) приведено два сказания: «И сотворил Бог человека по образу Своему по образу Божию сотворил его мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными и над всяким животным, пресмыкающимся по Земле» (Быт. гл. 1, ст. 27, 28). «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою... И навел Господь Бог на человека крепкий сон, и когда он уснул, взял одно из ребр его и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену и привел ее к человеку. И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей, она будет называться женою: ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей, и будут одна плоть. И были наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. гл. 2, ст. 7, 21, 22, 23, 24, 25). Имя Ева (Жизнь) было дано женщине Адамом при изгнании первых людей из рая (см. Быт. гл. 3, ст. 20).

9. Довольно близкое к оригиналу изложение части проповеди Христа в Евангелии от Матфея (Матф. гл. 19, ст. 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 21, 25, 27, 29, 30). Ц. Н. – Царство Небесное.

10. Одна из десяти заповедей, полученных по библейскому сказанию пророком Моисеем от Бога на горе Синай, гласит: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе» (Исх. гл. 20, ст. 12).

11. Из Евангелия от Иоанна: «Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! Се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Иоан. гл. 19, ст. 26, 27).

12. См. прим. 4 к док. № 2.

13. Прибытие М. В. Алехина в Орпири состоялось, видимо, поздней осенью 1893 г. Еще в феврале он писал Л. Н. Толстому из Полтавы о предложениях, сделанных ему несколькими единомышленниками поселиться совместно. Об одном из них он сообщал: «Так в прошлом месяце да и несколько дней тому назад я получил от Бодянского письмо, в котором он пишет, что мне необходимо ехать в Тифлис к молоканам для укрепления их и для защиты их от миссионеров, которые порядком надоедают. То же пишет Дм[итрий] Алекс[андрович] [Хилков]», спрашивая совета, как ему поступить. Л. Н. Толстой отвечал в письме от 25 февраля 1893 г.: «Другой ответ, – то, что я бы желал для себя, что бы вы сделали? Я желал бы для себя, чтобы вы отправились на Кавказ помогать молоканам. Вы им, на мой взгляд, можете помочь и укрепить и просветить их. А это мне хочется. Но именно потому, что это мне хочется, это не имеет никакого веса» (ПСС. Т. 66. С. 300–301). В августе 1893 г. из Полтавской губернии М. В. Алехин вновь сообщал: «Получил от Бодянского, Скороходова и других письма. Зовут туда. Думается поехать мирно пожить. Тут же мирною жизнью жить нельзя. Все гоняют в три шеи». Следующее письмо М. В. Алехина, отправленное уже из Орпири, можно датировать по упоминанию полученного им

«очень давно» письма Л. Н. Толстого от 4 сентября 1893 г., адресованного в Полтаву. Из Орпири М. В. Алехин писал: «Приехавши сюда, я всех застал больными лихорадкой – один Владимир не болел. Местность здесь красивая – две реки – Рион и Цхенис Скала, равнина, усадьба обсажена деревьями, много фруктов, сеют больше кукурузу и очень мало пшеницу. Можно бы было хорошо питаться, но главное – это лихорадка, от которой вот уже три месяца все страдают, особенно дети. Я настаиваю переехать поблизости в местность нелихорадочную и более возвышенную... Живут здесь: Гастев, Линденберг, Фалеев, Бодянский и Скороходов».

М о л о к а н е – религиозная секта, отрицавшая церковные обряды, подвергалась преследованиям властей.

14. *Бодянская Анна Григорьевна* (1845–1916) – жена А. М. Бодянского, ее дети – Александр, Михаил, Екатерина, Лазарь (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 330, л. 121 об.).

15. Видимо, в слободе Нальчик Терской области, где проживали Е. Н. Воробьев и К. Н. Ермолинский.

16. *Гастев Петр Николаевич* (1866–?) – бывший семинарист, участник земледельческих общин, участник помощи голодающим, автор опубликованных воспоминаний о Л. Н. Толстом.

17. *Скороходова* (урожд. Дегожская) *Ольга Федоровна* (1863–?) – жена В. И. Скороходова, их дети – Ольга, Александр, Елена, Мария (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 2, д. 15, л. 40). Имена других детей не установлены.

18. Весьма вольное (с дополнениями) перечисление библейских заповедей (ср. Исх. гл. 20, ст. 3–17).

19. Письмо М. В. Алехина было получено Л. Н. Толстым, о чем он сообщал 6 марта 1894 г. (см.: док. № 3). Ныне неизвестно. 10 марта 1894 г. Л. Н. Толстой писал Л. Л. и Т. Л. Толстым: «Получил нынче прекрасное письмо от Митрофана Алехина о смерти Дрожжина» (ПСС. Т. 67. № 78).

№ 5. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

19 марта 1894 г.

1894 г. Марта 19-го. Москва.

Получил вчера ваше письмо, дорогой М[итрофан] Василь[евич], и спешу отвечать, чтобы как можно скорее разрушить то хотя бы чуть-чуть недоброе чувство, кот[орое] могло оставить мое последнее письмо [1]. По вашему письму вижу, что и вы боитесь этого. И я очень благодарен вам за это. Я не думал никогда того, что вы разлучаете мужей с женами, и не мог думать, п[отому] ч[то] знаю, как дорога для вас любовь между людьми, и по письму вашему еще яснее вижу это. Я только хотел сказать, что при семейной жизни, при положении всех людей семейных таком, что они, как всегда, страдая, несут последствия своего греха и еле-еле могут установить свое равновесие, нельзя быть достаточно осторожным в воздействии на них. И что одно из главных условий, облегчающих их положение, есть оседлость (как вы верно говорите), и надо быть как можно осторожнее, чтобы не нарушать ее. Мне же казалось, что вы повлияли в этом смысле. Я не сообразил того, что вы это

сделали ввиду болезненности детей, кот[орая] вам со стороны была виднее, чем им. Была у меня и та мысль, какую в этом, что вы слишком прямолинейно понимаете слова Евангелия: оставь отца и мать, и жену, и детей и иди за мной; а о значении этих слов, главное, о том, как должно разрешать те столкновения и противоречия, которые происходят между семейными связями и требованиями Христа, т. е. истины, я ничего не знаю. Думаю, что разрешение этих вопросов не может быть извне, посредством правила или предписания, а каждый решает их по своим силам. Идеал, разумеется, остается всегда один и высказан в Евангелии: оставь жену и иди за мной; но до какой степени может человек это сделать, это знает только он сам и бог. Вы спрашиваете: что значит: оставь жену? Значит ли это: уйти от нее или перестать спать с ней и перестать производить детей? Разумеется, оставить значит: сделать так, чтобы жена была как не жена, а как всякая другая женщина – сестра. В этом идеал. И сделать надо это так, чтобы не раздражить жену, не соблазнить ее, не ввергнуть ее в злобу и соблазн. И это ужасно трудно. И всякий женатый человек, стремящийся к христианской жизни, чувствует сердцем всю трудность залечивания этой, им самим сделанной раны. Одно я думаю и говорю и сам пытаюсь делать, это то, чтобы, будучи женатым, всю жизнь свою и все силы свои напрягать на то, чтобы разжиться, не увеличив греха.

Спасибо, что написали мне такое хорошее письмо. Не взыщите, что бестолково пишу. Любя пишется. До свидания.

Л. Толстой.

Передайте мой привет нашим друзьям, к[оторые] с вами. И пишите.

Толстой Л. Н. ПСС. Т. 67. С. 88–89.

Опубликовано впервые: отрывками в книге «О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого» (Свободное слово, 1901. № 62. С. 66–67); в журнале «Всемирный вестник» (1906. № 2. С. 60–61) и полностью в ТЕ (1911. С. 11–12), с датой: «Москва, 19 марта 1894 г.».

Ответ на письмо М. В. Алехина из Самтреды Кутаисской губернии от 6 марта 1894 г., которым разрешились недоразумения по поводу отношения М. В. Алехина к семьям Бодянского и Скороходова.

1. См. док. № 2.

№ 6. М. В. Алехин – Л. Н. Толстому

20 марта 1894 г.

Доброе, ободряющее письмо ваше, дорогой Лев Николаевич, я получил. Оно попало как раз вовремя и ободрило нас [1].

15 марта здесь у нас был обыск: забрали всю переписку и ваши сочинения [2]. Пока результат неизвестен. Ждем со дня на день. Придется отсидеть [?]. Все будет зависеть от того, как посмотрят на ЦБ [3]. Наверное, многое перешлют в Питер. Впрочем, ничего не известно, известно, что все, что забрано, не будет по душе тем,

которые всех тянут во тьму и к гибели: свет им невыгоден, потому что освещает и светлое и темное, а темнота боится света. Чем все окончится, буду писать, а пока будьте здоровы и счастливы и да хранит вас Бог.

Искренно любящий Вас Митрофан.

1. См. док. № 3.

2. По словам полицейского отчета, 15 марта 1894 г. в м. Орпири был проведен обыск у Бодянского и в квартирах проживавших в его усадьбе: классного художника М. В. Алехина, дворянина Псковской губернии В. И. Скороходова и жены его, таганрогского мещанина Киселевича, калужского мещанина Фалеева и крестьян Харьковской губернии Автонома Федоровича Сеража, Василия Федоровича Резникова и Мелании Коваленковой. При обыске были отобраны рукописные и гектографированные копии произведений Л. Н. Толстого «О Христе» (точное название не установлено), «Краткое исповедание» (возможно, трактат «Краткое изложение Евангелия»), фрагменты произведения Дж. Даймонда «Война» (в переводе Арк. В. Алехина), копии писем Толстого Л. Н., рукописные и гектографированные, а также письма разных лиц, близких толстовцам (ГАРФ, ф. 102, ДП-00, оп. 98, д. 12, ч. 1, л. 119).

3. Царство Божие – так толстовцы называли сообщество своих единомышленников.

№ 7. М. В. Алехин – Л. Н. Толстому

13 июня 1894 г.

Не могу не поделиться с Вами некоторыми вестями, которые то оттуда, то отсюда приходится получать, зная, что все то, что близко мне, не может быть не близко Вам, дорогой Лев Николаевич.

Вот уже больше месяца, как мы приехали сюда в Нальчик [1]. Детишки Владимира [2] приехали больные, самый маленький дома умер. Владимир и Гастев продолжали работать на канаве, за которую, кажется, ничего не получают, потому узнали люди, что в суд не ходят [?], а я занялся посадкою огорода. Насадил много всего, уход был хороший: во время бездождия поливал, но здесь засухи очень редки, климат умеренный, здоровый, ветров совсем не бывает, зима умеренная, без заморозов. Картошка, капуста, лук родят хорошо. Груши и яблоки в лесу бесплатно. Водить пчел отлично. Работать можно. Кроме огорода, который за 3 версты от Нальчика, я еще делаю ульи для пчел Воробьеву [3] и живу в мазанке там же, где и пасака. Общения здесь много. Жители относятся без злобы и ненависти, многие сочувствуют. Начальство смотрит как на юродивых, а иные как на промотавшихся дворян.

Кроме Воробьева, есть еще здесь фельдшер [4] и недавно приехавший доктор Знаменский [5] с женою, который посеял лечебные травы на трех десятинах и вдвоем ежедневно на коленях ползает, выпалывая сорные травы. Доктор все просит, чтобы поселиться вместе и снять на аренду клочок земли, также и Воробьев желает совсем иной жизни. Вот так-то покуда мы живем. Козней пока никаких нет.

Но я думаю, что Вам уже известно, что Кудрявцева [6] посадили в тюрьму, сделав им тщательный обыск и в городе, и в деревне, и забравши 3 машинки и рукописи. К свиданию не допускают, даже жену и детей.

Постом из Павловок [7] я получил известие от одного крестьянина, что у них в мае был сделан обыск и забрана переписка. Наехало 31 жандарм, исправник и жандармский офицер. Никого не взяли, но раньше немного Павловская волость упразднена за неимением охотников вступать в должности старосты и десятских с присягою.

Потом еще одна пьяная женщина пришла в хату к одному отпавшему, которого не было дома, и начала ругать детей и бить и наконец отрезала им пальцы. Начальство и поп даже выговора не сделали, мол, штунда [8], авось покается.

Ну что еще написать. Хилков из Башкичета переехал к Прокопенко [9].

Алеша [10] уходит из Тверской к сестре [11] пока. Причина ухода та, что Новоселов [12] в основе изменяет образ жизни и хочет жениться. И Алеше стало одному тяжело. Наверное, придет сюда. Аркаша [13] в Смоленской и хочет переселиться на юг, должно, к штунде.

Всю зиму жил в Питере. Я его не понимаю. К чему, зачем? Не понимаю и Новоселова с его новою теорией: нищего духом. По нищете-то духовной и разъединяешься с людьми. Бодрость духа соединяет, привлекает души людей. Я приписываю разъединение обаянию, под которое попадают люди и делаются неискренними, как Новоселов и Аркадий.

Пишите. Как чувствуете себя. Что нового. Поклон Черткову [14]. Что пишете?

Любящий вас Митрофан.

Сообщите адрес Бирюкова и Попова [15], а мой таков: Нальчик, Терск[ой] обл[асти] М. В. Алехину.

1. Точная дата прибытия группы толстовцев в Нальчик не установлена. Видимо, это произошло в апреле 1894 г.

2. В. И. Скороходова.

3. *Воробьев Ефим Николаевич* (1852–1914) – «мещанин портового города Темрюка Кубанской области», служил капитаном на волжских пароходах, затем на железной дороге, с 1890 г. жил в Нальчике, занимаясь пчеловодством. Возможно, находился в родстве с вдовой унтер-офицера Дарьей Андреевной Воробьевой, в 1891 г. приписанной к числу коренных жителей Нальчика.

4. Возможно, *А. Головкин*. Назван фельдшером в обзоре Департамента полиции.

5. *Знаменский Сергей Николаевич* – в списке приезжих в Нальчик за 1893 г. значится как «ассистент при кафедре диагностики ведомства имп[ераторского] Харьковского университета, лекарь». В 1903 г. служил в Пятигорской городской больнице (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 266, л. 27 об., д. 600, л. 62).

6. *Кудрявцев Дмитрий Ростиславович* (? –1906) – помещик Николаевского уезда Херсонской губернии, занимался гектографированием и распространением запрещенных сочинений Л. Н. Толстого.

7. Сел. Павловка Сумского уезда Харьковской губернии, где жил Д. А. Хилков и собирались другие толстовцы, с 1889 г. подвергавшиеся гонениям властей. По при-

говору сельского схода от 19 мая 1891 г. М. В. Алехин был выслан оттуда в Курскую губернию с запрещением появляться в Сумском уезде. В феврале 1892 г. выслан Д. А. Хилков (см.: Недогарко О. Н. Два художника // Художник. 1990. № 11. С. 60).

8. Штундизм (штунда) – религиозное учение протестантского толка, родственное баптизму, т. е. отрицающее необходимость посредничества церкви в общении верующих с Богом. Опасность секты власти видели в подрыве государственной религии – православия, а также близости учения к социалистическим идеалам. «Отпавшими» (от православия) называли религиозных сектантов, не исключая и толстовцев.

9. Прокопенко. В 1894 г. проживал в сел. Кекеты.

10. Алехин Алексей Васильевич (1859–1934) – брат М. В. Алехина, по образованию химик.

11. Сестры Алехиных – Варвара Васильевна, в замужестве Пузанова – жена курского купца, Надежда Васильевна, в замужестве Румянцева, проживала в сел. Никольском Курской губернии.

12. Новоселов Михаил Александрович (1864–1920-е гг.) – основатель первой толстовской общины в Тверской губернии (в конце 80-х гг.), позднее отошел к православию.

13. Алехин Аркадий Васильевич (1854–1918) – брат М. В. Алехина, получил сельскохозяйственное образование, организатор земледельческой общины в сел. Шелевево Смоленской губернии.

14. Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936) – близкий друг Л. Н. Толстого, издатель его сочинений, в том числе запрещенных.

15. Попов Евгений Иванович (1864–1938) – один из соратников Л. Н. Толстого, сотрудник издательства «Посредник», автор работ по педагогике и сельскому хозяйству.

№ 8. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

24 июня 1894 г.

1894 г. Июня 24-го. Я[сна] П[оляна].

Спасибо за ваше письмо, М[итрофан] В[асильевич] [1]. Все, что касается вас и наших друзей, мне всегда очень близко. Только жалею, что мало подробностей: какая канава? Где Бодянский? Адрес Бирюкова: Кострома; Попова [2] – Москва: Зубово, д. Нюнина. Как раз у них у обоих с неделю тому назад были жандармы и делали обыск: забрали всё, что касалось Дрожжина, и еще то, что вздумалось. Обыски сделали в одно время в Костроме и в Москве. От обоих требовали содействия в обыске и подписки о невыезде, и оба одинаково отказались в том и другом. Очень мне больно и обидно, что другие страдают, а не я, с точки зрения гонителей самый виноватый. На днях отбыл здесь в тюрьме наказание Булыгин [3] за отказ поставить лошадей для воинской повинности. Я был у него в тюрьме два раза и порадовался на его бодрость и искреннюю радость и на ту пользу, которую через общение с его сторожами, судьями и заключенными принесло его заключение делу Божию. Дай

бог, чтобы все переносили так же, но всегда страшно и жалко за других, особенно когда есть матери, жены, дети, и хочется испытания самому. Передайте мою любовь Гастеву и Скороходову и напишите поподробней, как вы устроились. Смерть Ге очень тронула меня [4]. Я никак не ожидал, что я так сильно люблю его. Вы мало знали его. Это было умное, даровитое, страстно любившее Христа – кроткое дитя.

Про Кудрявцева я слышал, что его до суда выпустили на поруки. Файнерман [5] готовится к суду за открытие школы без разрешения. Прощайте пока, братски целую вас, так же как и всех наших друзей, которые с вами [6]. Пути, по которым идут Новоселов и ваш брат Аркадий, совершенно непонятны для меня, но уверен, что они ведут туда же, куда мы все идем: к истине и Богу.

Лев Толстой.

Толстой Л. Н. ПСС. Т. 67. С. 160–161.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

1. Ответ на письмо М. В. Алехина (док. № 7).

2. Е. И. Попов в это время собирал материалы для биографии Е. Н. Дрожжина.

3. Булыгин Михаил Васильевич (1863–1943) – гвардейский офицер, владелец хутора близ Ясной Поляны. Под влиянием идей Л. Н. Толстого вышел в отставку.

4. Ге Николай Николаевич (1831–1894) – известный художник, разделял идеи Л. Н. Толстого. Умер скоропостижно в ночь с 1-го на 2 июня 1894 г.

5. Файнерман Исаак Борисович (1863–1925) – учитель, журналист, жил в Полтаве (ныне в Украинской Республике), занимаясь столярным делом.

6. По-видимому, в копии письма здесь допущен пропуск. В ответном письме от 29 июля М. В. Алехин приводит слова из этого письма Толстого: «Все люди идут к Богу разными путями. Есть пути, связывающие нас с миром и с его соблазнами, и есть нить, связывающая нас с Богом. Всё стремление наше должно быть направлено на то, чтобы держаться на одной нити Божьей». Очевидно, эти слова Толстого предшествуют в письме следующей фразе: «Пути, по которым идут Новоселов» и т. д.

№ 9. М. В. Алехин – Л. Н. Толстому

29 июля 1894 г.

Письмо ваше, дорогой Лев Николаевич, я получил [1], оно доставило мне много радости теми известиями, которые вы передаете в нем. Я говорю, что известия о преследовании подействовали на меня благоприятно, потому что иначе и быть не может, ибо если есть преследования, то и есть все большее и большее сознание того, что настоящая жизнь не истинна, и вместе с этим является все большее и большее напряжение у заступников лжи. Как для остановки текущей воды требуются все большие и большие усилия для возведения запруд, так и для прекращения сознания того, что теперешняя жизнь – ложь, требуются усиленные напряжения со стороны поборников лжи. Но как текущую воду невозможно остановить, а если и хватит такого напряжения, что на некоторое время покажется,

что как будто бы и остановлено течение, то во всяком случае не может показаться, что течение остановлено при самом начале источника. Течение только тогда прекратится, когда иссякнет источник – в противном же случае все запруды размоются или же вода зальет громадное пространство и потопит все, что есть на этом пространстве, и в конце концов пойдет через запруды... но не остановится. Так и невозможно остановить сознания истины. Источник же истины неиссякаем, ибо без источника этого нет жизни: он – начало всего, он – жизнь, сознание, он – весь мир, он – Бог.

Потому-то и радостно мне, что знаю, что без преследований не может быть и напряжения. А если преследования есть, то это доказательство того, что течение пошло по той местности, где была засуха. И люди стараются удержать течение. А оно заливает все большее и большее пространство по мере увеличения препятствий, ибо само течение не прекращается и не может никогда прекратиться.

Но горько только одно: что вместе с естественной рекой являются искусственные орошения. Вместо единого, истинного пути христианского, этот путь еще раздробляют и усложняют такими добавлениями, которые заслоняют и затемняют его, как водоросли и тина на стоячей воде. Так, мне кажется, и пути Аркад[ия] и Новосел[ова] [2], вместо уяснения вносят в сознание затемнение. Я не сужу их, нет, но мне ужасно скорбно, что они удаляются от нас и говорят: мы нашли настоящее понимание. Вы говорите, что пути, по которым они идут, ведут туда же, куда идем и мы [2]. Или что все люди идут к Богу разными путями [2]. Я этого не понимаю, потому что думаю, что есть один истинный путь – путь Христов, ведущий к Богу, или, как вы выразились: есть нити, связывающие нас с миром и его соблазнами, и есть нить, связывающая нас с Богом. Всё стремление наше должно быть направлено на то, чтобы порвать нити, связывающие с миром, чтобы держаться на одной нити Божьей. Если эта одна нить – христианство, то я вполне понимаю, но не понимаю – если всякий идет своим путем к Богу: и палач, вешая, и Ирод, приказывая убивать себе подобных [3], и губернатор, поря мужиков [4], и монах в келье под елью, и человек, отказывающийся от палачества, от наместничества, от ханжества и безделья, – все идут к Богу. Я думаю, что идти к Богу можно только одним путем Христовым: утверждать словом и делом истину до отдачи жизни своей. Остальное не пути, но повертки с настоящего пути, и прямо к истине не ведут, а только удаляют от Истины – Бога. Я не говорю, что мы или я идем истинным путем; нет, но я говорю, что истинный путь Христов – ясный, простой путь; его и держаться бы, и не уклоняться, и если не делом, то хотя бы словом не усложнять и не затемнять его; а сознавая себя грешным и гадким, удерживать внутри себя чистым тот идеал, который указал нам Христос – идеал непосредственного общения с Богом – Истиною: жить открытою совестью, не лгать, а постоянно увеличивать и в себе, и в людях любовь и единение.

Вот те мысли, которые вызвало во мне ваше письмо. Не знаю, ясно ли я их высказал, но чувствую, что мысли эти я не должен выкидывать из сознания своего, потому что стремление к одному целому неделимому и одною прямою не породит путаниц, предположений, обширных доказательств от противного, а неуклонно

направит к выполнению на деле этих стремлений и к единению; ибо единое само по себе не может разъединиться.

Теперь напишу вам о том, как мы все здесь устроились. Вначале, когда еще я и жена Скороходова с детьми не приезжали сюда, Владимир и Гастев взялись копать канаву у одного кабардинца (канаву в 1 аршин протяжение 1200 с[?]), так как другой работы не нашли. Когда мы приехали, то к ним присоединился еще Фалеев [5] (тоже из Тверской). Таким образом, они рыли канаву, а я занялся посадкою овощей, для чего и сняли мы небольшой кусок земли в трех верстах от Нальчика у некоей Долинской [6], которая владеет 50-ю десятинами земли, из коих 7 или 8 распаханно, остальная же под пастбищем и сенокосом. У Долинской работают: Ермолинский [7], товарищ Аркадия [8] по Петровской академии, теперь же статистик Нижегород[ской] губернии, получающий материалы сюда и зимою подводя итоги кажущегося равновесия, т.е. статистически; Чепик [9], молодой человек, исключенный из университета за свободные идеи и находящийся под надзором, нынче же хочет поступить в Ярославский лицей для окончания юридического образования с целью впоследствии служить народу путем разрушения. Фильтраций как тот, так и другой не признают, а признают наслоение и взрывы от соединения газов до бесконечности – в этом весь прогресс. Михайловский [10] в этом направлении для них путеводная звезда. Таким образом, я и еще крестьянка Харь[овской] губернии Малаша [11] работаем над огородом и живем рядом с Долинскими на пасеке у Вор[обьева], которого вы знаете по письмам [12]. Вместе с обделыванием огорода я занимаюсь деланием ульев для Воробьева, и если кто закажет, то и шью сапоги, а кроме того, как бы сторожу пасеку. Пасека у Воробьева в 300 ульев. Результаты огородной работы хороши: уже с месяц приварка не покупаем: огурцы, фасоль, горох, картофель, капуста, морковь, баклажаны, бобы, бураки – все это уже не купленное; покупаем только муку (50–60 коп. пуд). 1,5 месяца тому назад наши кончили канаву и получили за нее более 50 руб. и взялись за делание ульев и рамок для Воробьева, работы хватило на месяц. Ульями и рамками заработали руб[лей] 30, кроме того, еще помогали одному крестьянину косить и убирать траву, он живет по соседству с нашими и делится с ними, в чем наши терпят недостаток, да еще с неделю трое ходили на поденщину – по 70 коп. полоть бакшу у барыни [13], котор[ая] поила чаем и предлагает поселиться рядом. Кроме всего этого Гастев был 1 день вестовым у инспектора ветеринара, который приезжал сюда осматривать скот, так как здесь проявлялась в малом количестве (10 шт.) чума [14]. Скотина слободы разделена на сорта: рабочая, яловая, подростки, малолетки, дойные и хворые, и всякому сорту за слободою устроены особые загороди, самая близкая загородь – для дойных коров, куда и все жители слободы по вечерам и утрам ходят доить всякий свою корову. Крик, толкотня, ругня на докторов и полицейских в продолжении часа времени раздается над загородью, пока все коровы не выдоются и бабы, и мужики не разбредутся по домам, по дороге издавая изредка громкие словечки. Так как у Скороходова есть корова, то и он ежедневно два раза ходит выдаивать ее. Кроме того, еще те, которые имеют какую-либо скотину, должны отбывать дежурство в загороди или еще что-либо, относящееся к делу чумы. Дошла очередь и до нашей

коровы, потребовался вестовой для приехавшего инспектора. Гастев и пошел на дежурство. Пришел утром рано. Хозяйка квартиры сказала ему, что нужно почистить докторские сапоги, что он и исполнил. Встали и доктора, и инспектор. Высунувши голову из двери комнаты, инспектор крикнул: «Вестовой!» Явился Петр Никол[аевич]. И его послали за мылом и каким-то порошком в аптеку, потом еще куда-то. По дороге он забежал домой и рассказывал, был очень весел. Наконец, посылки кончились. Сел Петр Никол[аевич] себе на лесенке около двери и почитывает книжечку. Выходит инспектор и останавливается около вестового и говорит: «Ты чего не встаешь, когда я прохожу мимо?» – «Не нахожу надобности вставать перед таким же существом, как и я сам». – «Тебе никто не говорил правил и законов, относящихся к твоей службе?» – «Никто, – отвечает Гастев, – да мне и не нужны никакие ни правила, ни законы людские, а нужны: равноправность человека и закон Божий». – «Я на тебя донесу!» – «Я не скрываюсь и ничего не скрываю», – говорит Гастев. Наконец, инспектор посылает к старшине записку о том, чтобы он таких вестовых не присылал. Инспектор не пошел из дому, а вернулся в свою комнату и долго ходил. Наконец зовет: «Вестовой!» Является Гастев. «Сходи за пивом» – «Во-первых, почему вы не зовете меня вы, так же, как я вас, а во-вторых, за пивом и водкою я не пойду, ибо сам я не пью и другому не желаю, чтобы он пил, и поэтому служить ему в этом не могу, в кабаке я не хочу ходить, да это и не в области моей обязанности. Я пришел, чтобы переносить от вас к кому-либо другому письма или приказания, относящиеся к делу чумы, но никак не хождение за мылом, порошком и пивом». Начались разговоры, расспросы и переспросы. В конце концов Петр Николаевич сказал им, что мол вы привыкли, чтобы вам на задних лапах служили и что вы слугу считаете не человеком таким же, как и вы, а животным, низшим по чину; но я все это понимаю, а пришел служить к вам только потому, что у нас есть корова и пришла очередь отбывать за нее повинность». Доктора после разговора такого начали называть Вы и кроме как с пакетами никуда не посылали и рано вечером отпустили домой. Через несколько дней начальник округа прислал старшине приказ, чтобы впредь никому вестовых из жителей слободы не назначать, а те, кому нужны вестовые, могут приискивать себе по найму за деньги [15].

В настоящее время работы, которые были, переработали. Я продолжаю сидеть на пасеке, собирать овощи, смотреть за пчелами и кое-что поделывать столярного, сапожного и отчасти делиться мыслями и вестями с другими, как это сейчас и делаю по отношению к вам. Наши ходят жать пшеницу. Но больше всего все заняты вопросом: где бы поселиться? Все мы и еще приехавший к нам Киселевич [16], Воробьевы, один приехавший сюда доктор из Харькова, Знаменский с женою (он на трех десятинах посеял разные травы медицинские, употребляемые народом, стоит за народную медицину); два крестьянина семейных [17]; Николай Дудченко [18], приезжавший сюда на неделю и высказавший желание перебраться сюда; Алеша [19], проживающий теперь в Курске у сестры [20], и еще один крестьянин-штундист [21], которого гонят от себя баптисты за то, что он в сношении со мною; все заняты тем, чтобы совместно арендовать на 10 лет кусок земли и поселиться на нем, не устраивая общины, и жить кто как может, не стесняя другого. Если что

возможно сеять или работать совместно, то и хорошо, но лишь бы арендовать совместно и выплачивать за аренду деньги. Верстах в 7 от Нальчика есть Якубова Поляна в 100 десятинах при реках Нальчике и Белой. На этой Поляне есть места и низменные, и возвышенные, и пастбищные, и сенокос. Всем она нравится. Цены здесь небольшие: не дороже 1 р. за десятину, а то и меньше. Владетели Поляны – балкарцы Хулама, живущие за 40 верст от этой поляны и пригоняющие (не все) весною на эту поляну пасти овец на один месяц, остальное же время она пустует. Наводили справки о ней. Одни говорят, что отдадут, другие – нет. И вот во вторник 26 июля двое из наших пойдут в Хулам и наведут справки [22]. Начальник округа как бы содействует этому [23]. Желательно бы было поселиться совместно, но не знаю, как удастся. Если не удастся совместный поселок, то придется селиться у Долинской. Она предлагает за 8 руб. 3 десятины (в год) с правом постройки. Из трех десятина одна распаханная под огород, а остальные под сенокосом. Или же в крайнем случае останемся в Нальчике и будем искать работы и арендовать кусками землю под хлеб вблизи Нальчика у жителей его. Мне же предлагают место учителя столярного ремесла в Горской кабардинской школе [24] за 25 руб. в месяц на всем готовом, кроме пищи и белья.

Вот в коротких словах наше проживание в Нальчике. Время от времени нас кое-кто посещает из приезжающих на лечение в Пятигорск или Железноводск и Кисловодск. Все посетители любопытствуют и берут на прочтение ваши сочинения.

Недели две тому назад был здесь Бодянский с женою. Пробыл три дня. Полицией не был замечен, но через 4 дня спрашивали полицейские фамилию гостя нашего, но его уже не было здесь.

Живет Бодянский с неким Михаилом Павловичем – одиноким пожилым человеком, жившим у него еще в Харькове, и крестьянином Харьковской губернии Автономом [25], который месяц тому назад пошел к сектантам Закавказья с проповедью против поступления в военную службу. В последнее же время у Бодянского гостила жена его и вот он, провожая ее, завернул и к нам, а от нас с Н. Дудченко пошел через перевал обратно в Кутаисскую губернию.

Арестовали ли Бодян[ского] дорогою за самовольное отлучение из места ссылки, этого еще не знаем, потому что от него не было еще писем. Результаты обыска в Орпире никакого не слышно [26].

На днях сюда пришел учитель из Тульской губ[ернии] некий Фадеич Макеев, уроженец Воронеж[ской] губ[ернии] [27], бывал у Влад[имира] Григ[орьевича] [28], котор[ый] его знает. Он два месяца пробыл у еропкинцев [29]. Там ему не понравилось, в особенности моление перед иконою Христа в терновом венце и приемы знатных гостей с особенным приготовлением, а в особенности потока[ние] (?) попам и служилому люду, потом еще разделение на общинников и практикантов, последние не могут вмешаться как в экономическую, так и в духовную жизнь первых. Макеев хочет бросить учительство, ибо оно стало уже не под силу ему с лицемерием и низкопоклонством, а ищет места, где бы ему приткнуться. Если аренда земли состоится, он, пожалуй, останется и с нами.

Из жизни наших общих друзей мне известно то, что Хилков переехал с Прокопенко ближе к Тифлису и живут вместе с Дадияни [31], адъютантом Шереметьева [32], который тяготеет службою и ищет тоже совместного более или менее обеспеченного житья-бытья и места.

Студент Юшко, которого письмо я присылал Вам, бросил институт и поселился с женою и сыном Васью на берегу Черного моря около Новороссийска на трех десятинах, взятых в аренду земли, и продолжает умножать ЦБ [33].

М. Дудченко [34] снял в Полтаве 3 дес.[ятины] земли и занимается огородом, к нему пришел некто Тахович [35] [?] и постоянно помогает в работе огородничества доктор Волкенштейн [36], который все продолжает томиться своей слабостью.

Аркадий Вас[ильевич] в Смоленской губ[ернии] в Шевелеве [37], хочет продать ее [?] и приобрести кусочек земли на юге, а теперь там же вместе с С. Соловьевым [38] пишут какое-то богословское сочинение.

Между тем ходят слухи, что вы писали царю насчет детей Хилкова и что получили словесный ответ через [неразб. -ча] [?], что если еще раз напишете ему письмо, то он пошлет вас профессором в Томский университет. Правда ли это? Или что-либо в этом роде? [39]

Вот, кажись, [?] и все, что я знаю. Пишите и вы, что у вас нового слышно. Между тем посылаю вам присланную мне из-за границы выдирку из тамошних газет насчет Дрожжина [40]. Я писал туда и там было напечатано во многих русских и иностранных газетах. Не знаю по-английски. Переведите и пришлите мне. А пока жду от вас письма и прошу передать мою любовь Вл[адимиру] Г[ригорьевичу] [41] и сказать ему, что письмо его я получил. Не пишу ему, зная, что вы прочтете ему мое письмо. Целую вас. Митрофан

Как горестна кончина Ге [42], я близко с ним был и говорил только раз, а никак не забуду его горячую душу.

1. См. док. № 8.

2. Слова из нескольких писем Л. Н. Толстого

3. *Ирод* – правитель Иудеи, который, по евангельскому преданию, узнав о рождении Иисуса Христа, приказал истребить всех младенцев, чтобы уничтожить Иисуса, как возможного в будущем царя Иудейского (Матф., гл. 2, ст. 1, 2, 3, 16).

4. Об одном таком случае М. В. Алехин писал Л. Н. Толстому в мае 1891 из дер. Багреевки Сумского уезда Харьковской губернии: «На днях недалеко отсюда Курский губернатор выпорол 80 чел. крестьян за то, что они отказались провести железную дорогу по своей земле».

5. *Фалеев Николай Вадимович* – «калужский мещанин», участник земледельческих общин.

6. *Долинская Екатерина Петровна* (ок. 1852 г. – ок. 1926 г.). – «жена технолога», в 1887 г. приобрела участок земли в 50 десятин вблизи Нальчика. Позднее здесь возник хутор Долинский. Ныне курортная зона Нальчика.

7. *Ермолинский Константин Николаевич* (1856 – 1894) – земский статистик, выпускник сельскохозяйственного вуза, вероятно Петровско-Разумовской академии. Поселился вместе с четой Долинских на их участке вблизи Нальчика.

8. Брат М. В. Алехина. Петровская сельскохозяйственная академия – Петровско-Разумовская земледельческая и лесная академия, основанная в 1865 г. под Москвой – высшее учебное заведение

9. *Чепик Александр Алексеевич* – «сын коллежского секретаря», неоднократно приезжавший на участок Долинской. В июле 1894 г. «бывший студент юридического факультета Московского университета» А. А. Чепик, проживавший на хуторе Долинской с 14 сентября 1893 г., обратился в Нальчикское окружное управление за свидетельством о политической благонадежности, необходимым для продолжения образования (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 440, л. 4 об; д. 325, т. 2, л. 49–49 об.).

10. *Михайловский Николай Константинович* (1842–1904) – публицист, социолог, один из идеологов русского народничества.

Замечание М. В. Алехина помогает определить идейный характер воззрений основателей хутора Долинского.

11. *Коваленко Мелания Васильевна* (?–1951) – крестьянка, жила вместе с М. В. Алехиным в земледельческих общинах и в Нальчике.

12. Е. Н. Воробьев писал Л. Н. Толстому с 1889 г.

13. Е. П. Долинская.

14. В 1894 г. эпизоотия чумы рогатого скота поразила 24 населенных пункта Нальчикского округа, в результате падеж крупного рогатого скота составил 1,6 % от всего его поголовья. Карантинные меры в Нальчике действовали с апреля по октябрь 1894 г. (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 296, л. 111–111 об.; д. 325, т. 4, л. 478).

15. Такой приказ не обнаружен.

16. *Киселевич Яков Иванович* (1860(?) –?) – «Таганрогский мещанин», проживал вместе с толстовцами в м. Орпири.

17. Их имена не установлены.

18. *Дудченко Николай Иванович* (1869–1917) – участник земледельческих общин проживал вместе с М. В. Алехиным в дер. Багреевка Сумского уезда Харьковской губернии, откуда был выслан в мае 1891 г., о чем М. В. Алехин подробно писал Л. Н. Толстому. О его отъезде на Кавказ М. В. Алехин сообщал в феврале 1893 г., подвергался преследованиям властей за связь с закавказскими сектантами-духоборами.

19. *Алехин Алексей Васильевич* – брат М. В. Алехина.

20. Видимо, Варвара Васильевна Пузанова.

21. Его имя не установлено. Штундист – последователь религиозного учения штунды (штундизма). Это учение протестантского толка, родственное баптизму, т.е. отрицающее посредничество церкви в общении верующих с Богом. Опасность секты власти видели в подрыве государственной религии – православия, а также близости учения к социалистическим идеалам.

22. Хуламское общество – одно из балкарских, или так называемых «горских обществ» – группа поселений, расположенных в высокогорном Хуламском ущелье. В 1894 г. насчитывало 2240 жителей, в основном занимавшихся скотоводством. Им принадлежало 6148 голов крупного рогатого скота и 152 210 овец и коз. Из-за недостатка пастбищ в горах использовали поляны в общественных лесах

по предгорьям. Поляны сдавались в аренду на пастбищный период (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 296, л. 14 об.–15, 67 об.–68).

23. *Вырубов Дмитрий Алексеевич* (1849–?) – «из дворян Владимирской губернии», окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище в 1871 г., на Кавказе с 1875 г. Начальник Нальчикского округа с 1887 г. в чине подполковника (ЦГА КБР, ф. 9, оп. 2, д. 3). По некоторым данным, отличался либеральными взглядами.

24. Нальчикская окружная горская школа соответствовала трехклассному училищу. В 1894 г. в ней работало 12 преподавателей, обучалось 106 учеников разных национальностей (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 296, л. 102 об.–103).

25. Вероятно, Сераж Автоном Федорович. Фамилия Михаила Павловича не установлена.

26. См. прим. № 2 к док. № 6.

27. *Макеев Александр Гордеевич* (а не Фадеич) (1864–1918) – сын крестьянина сл. Россоша Воронежской губернии, по одним сведениям, окончил Воронежскую учительскую семинарию, по другим – самоучкой подготовился и сдал экзамены на звание сельского учителя. В ноябре 1893 г. поступил учителем в с. Архангельское Тульской губернии, позднее был уволен за отказ от присяги, с 1894 г. на Кавказе. В начале 1895 г. писал Л. Н. Толстому из Сочи, посылая рассказы и спрашивая совета, где поселиться. Л. Н. Толстой отвечал: «...в вашем намерении поселиться на земле я бы очень желал вам помочь и буду стараться» (17.03). «Не перебраться ли вам на Северный Кавказ и прочь от лихорадок, и в большой станице можно найти работу – учительство» (ПСС. Т. 68. С. 50, 76). С 1901 г. проживал под надзором полиции в ст. Баталпашинской Кубанской области (ныне г. Черкесск – столица Карачаево-Черкесской Республики).

28. В. Г. Чертков.

29. Община, основателем которой был педагог Еропкин Виктор Васильевич (1848–1909). Община располагалась на хуторе «Криница» в 80 верстах к югу от г. Новороссийска, считалась старейшей толстовской колонией на Северном Кавказе. Ее история изложена, в частности, в брошюре: *Баранов Е.З.* Толстовцы. М., 1912.

30. В подлиннике слово не дописано. Восстановлено по смыслу.

31. *Дадиани Георгий Александрович* (1857–1900) – «из мингрельских родовых князей», подполковник, вышел в отставку в конце 1894 г. О нем см.: *Рахманов В. В.* Князь Георгий Александрович Дадиани. По личным воспоминаниям. М., 1905. Переиздано: *Котляровы М. и В.* Неизвестная Кабардино-Балкария. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2013. С. 382–390.

32. *Шереметьев Сергей Алексеевич* (1836–1896) – главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий Кавказским военным округом.

33. См. прим. 2 к док. № 3. В марте 1895 г. А. Г. Макеев просил Л. Н. Толстого выслать деньги Р. Юшко в Геленджик. По сведениям полиции А. В. Юшко арендовал в октябре 1896 г. участок Тхуаб в 70 верстах от Геленджика, на котором основано поселение под названием «Братский хутор». Подозревался в активном распространении запрещенных произведений Л. Н. Толстого (ПСС. Т. 68. С. 50).

34. *Дудченко Митрофан Семенович* (1867–1946) – участник земледельческих общин. В письмах 1892–1893 гг. М. В. Алехин подробно рассказывал Л. Н. Толстому

о преследованиях, которым подвергались М. С. Дудченко и его гражданская жена Мария Федоровна Симонсон в Харьковской и Полтавской губерниях.

35. *Тахович* – его личность не установлена.

36. *Волкенштейн Александр Александрович* (1852–1925) – земский врач, жил в Полтаве. В 1893 г. М. В. Алехин просил Л. Н. Толстого адресовать письма для себя на имя Волкенштейна.

37. *Алехин Аркадий Васильевич* – брат М. В. Алехина.

38. *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900) – религиозный философ и публицист.

39. См. док. № 2 и прим.

40. Этого приложения нет.

41. В. Г. Черткову.

42. Фраза приписана на полях вдоль текста.

№ 10. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

18 августа 1894 г.

1894 г. Августа 18-го. Я[сна] П[оляна].

Спасибо, дорогой друг Митрофан Васильевич, за ваше длинное хорошее письмо [1]. Мы его читали вместе с Чертковым и вместе радовались. То, что пишете мне, возражая на мои слова о том, что все мы тем или другим путем придем к Богу, совершенно справедливо. Я отступил от истины из желания не осудить и найти точку примирения. Тяжело осуждать, хочется не делать того, что делают те, кот[орые], считая себя в истине, осуждают других и нас. Одно, что можно, мне кажется, и что я и делаю, когда не увлекаюсь и слежу за собой, это не оспаривать, молчать, а говорить только тогда, когда тебя спрашивают, – не для спору, а из желания узнать.

Чертков дня 4 как уехал отсюда, и уехал очень больной лихорадкой, к[оторая] совсем ослабила его. Несмотря на болезнь, он всё свое время и силы употребляет на работу служения Богу, как умеет и может. Вчера приехал к нам Количка Ге [2]. У него что-то неладно в семье, и теперь, после смерти отца, он оставляет хутор и ищет, где бы поселиться. Я ему советую идти к вам. Что вы скажете? Особенного между нашими друзьями, чего бы вы не знали, кажется, ничего нет. Попов занят работой о Дрожжине, восстанавливая отнятое. Он много узнал в своей поездке и о душевной силе людей, вносящих свет в жизнь, людей, неизвестных нам, и о жестокости и заблудности мучителей и гонителей. Жалко будет, если весь этот материал пропадет, не переданный людям. На днях был у нас Великанов [3]. Знаете ли вы его? Это учитель в земской школе Лукояновск[ого] уезда. Летом нынче был у меня юноша, его ученик, сильный, ясный юноша [4]. И мне радостно было узнать, что около Великанова сложился кружок его учеников, людей христианского духа. Более ж всего меня радовало последнее время то, что в Европе происходит и явно обозначилось в последнее время христианское движение жизненное, т. е. проповедь изменения всего строя жизни. Такие люди – в Англии Кенворти [5], о к[отором] писали в «Неделе» [6] и кот[орого] книги мы переводим и будем распространять,

другой Морисон-Давидсон [7] – прекрасные две книги его, которые переводятся. Люди эти в сношениях с нами и совершенно разделяют наши верования. То же в Германии. Нынче и на днях писал двоим. Один Грунский в Штутгарте издает журнал «Против течения», другой Шмит [8], сотрудник журнала «Религия Духа» и сочинитель прекрасной брошюры «Мамон и Велиал», в к[оторой] он отрицает кесарю кесаря, присягу и богатство. Тоже переведем [9]. Мне кажется, что одновременно разгорается свет с одной стороны и сгущается мрак с другой: казни, розги, гонения за веру, поощрение убийств на дуэлях [10]; в Европе безумная ненависть к анархистам с безумным приложением око за око. Писать письмо к государю я писал, но ответа никакого не получал [11], только знаю, что оно очень не понравилось. Передайте мою любовь всем милым друзьям: Скороходову, Гастеву, Дудченке.

Л. Толстой.

Толстой Л.Н. ПСС. Т. 67. С. 196–197.

Печатается по листам 12–14 копировальной книги. Датируется на основании надписи на копии рукою М. Л. Толстой: «Митрофану Васильевичу Алехину. 18 авг. 1894».

1. Ответ на письмо М. В. Алехина от 29 июля 1894 г. (см. док. № 9).
2. *Ге Николай Николаевич* (1857–1940) – сын художника. Сведений о посещении им Нальчика не обнаружено.
3. *Великанов Павел Васильевич* (1860–1945) – земский учитель, сочувствовал взглядам Л. Н. Толстого.
4. *Иван Егорович Черкасов* (?–1895).
5. *Кенворти Джон* – английский пастор, писатель, переводчик сочинений Л. Н. Толстого.
6. Статья Раппопорта «Толстовство в Англии (Письмо из Лондона)» (Неделя. 1894. № 2. 15 мая). «Неделя» – газета либерально-демократического направления, выходившая в Петербурге с 1866-го по 1901 год.
7. *Морисон-Давидсон* (1843–1906) – английский писатель и общественный деятель.
8. *Шмит Евгений Генрих* (1851–1916) – австрийский публицист, по политическим взглядам анархист, переводчик сочинений Л. Н. Толстого.
9. Статью Э. Шмита «Мамон и Велиал» (Mammon und Belial. Гамбург, 1894) Толстой имел в виду поместить в русском переводе в рукописном «Архиве Л. Н. Толстого».
10. После запрещения в 1891 г. дуэлей семейным офицерам и тем, которые уже трижды дрались на дуэли, в 1894 г. приказом по военному ведомству за № 118 и 119 были вновь изданы «Правила о поединках», согласно которым дуэль признавалась обязательной во всех случаях, когда не могло быть достигнуто примирение или же примирение считалось несовместимым с традиционными понятиями об офицерской чести.
11. Вероятно, по поводу детей Д.А. Хилкова. См. в док. № 9.

№ 11. М. В. Алехин – начальнику Нальчикского округа [1]

31 октября 1894 г.

Г. [осподину] начальнику округа

Присылка Вами полуграмотных людей с саблями и револьверами, требование явиться в управление к таким же людям, украшенным цепями вокруг шеи, принудили меня написать Вам эту записку, дабы отказ мой от присяги [2] не извратили бы по невежеству присылаемые Вами одурманенные, обращенные с самого детства в рабов люди.

Вот уже идет десятый год, как я положительно перед всеми отказался от церковно-государственной господствующей в России религии, почему-то называемой христианскою, отказался от всех тех обрядов и обязанностей, которые налагает эта религия на так называемых православных христиан, т. е. людей, записанных в младенческом возрасте при так называемом крещении в особенную церковную книгу, называемую метрика, – и до сего времени – как вам небезызвестно, я не держусь никакой обрядной религии.

Присягать не являюсь потому:

1. Что к присяге приводят служители и представители вышеупомянутой религии попы, произнося странные слова: «клянусь или обещаюсь перед Богом, св. Крестом и Евангелием» и т.п., и заставляя людей повторять эти странные слова, подымать вверх руку, целовать крест, тот крест, на котором умер Иисус за утверждение истины и разоблачение лжи, и прикладываться к положенной на Евангелие обложке, которая закрывает ту вечную истину, тот закон Божий, который вложен в душу каждого существа, носящего имя человек, тот закон, который Иисус устно передал апостолам и который записан евангелистами так: «а я говорю вам: не гневайся, но смирись со всеми; не смотри на женщин, как на предмет похоти, и не разводишься с женою; не противься злему и сноси всякие обиды; не судись и отдавай все, что берут у тебя силою; не клянись вовсе; полюбите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего небесного. Но горе вам, книжники и фарисеи (правовверные), – лицемеры...» (Матф. гл. 5 и 23) [3].

2. Веря в этот вечный закон, чувствуя Его внутри себя и исповедуя Его перед людьми, я не могу изменить Ему ради временных людских правил и обрядов, прямо противоречащих здравым смыслом, разумом, данным нам Отцом жизни – Богом и словами Иисуса Христа, записанными в Евангелии (Матф. гл. 5, 6) [4].

3. С тех пор как я отпал от так называемого православия с его разнообразными обрядами и службами, я перестал быть двуличным, т.е. лицемером, а сделался искренним со всеми; перестал бояться людского суда, но стал бояться суда совести моей, чувствуя, что я делаю меньше, чем я в силах делать то дело, которое поручил мне Отец жизни моей – Бог (Иоанн, гл. 4 ст. 20–24) [5] жизни, которую я долж[ен] всю посвятить на служение Ему, а не отдельному человеку или отдельной стране, где я случайно родился и записан в церковную книгу под именем «Митрофана» и наконец я не в силах делать и говорить то, что прямо в основе противоречит само себе, ибо в присяге говорится: «клянусь или обещаюсь перед Богом, св. Крестом и

св. Евангелием Его» и т. д., а в Евангелии-то и написано: «не клянись вовсе» (Еванг. Матфея, гл. 5, стих 34–38) [6]. Недоумения и улыбки полицейских, слова: «Это даром не пройдет, сгноят в Сибири, запорят», произносимые служащими в управлении, нисколько не устрашают меня, но еще больше разоблачают передо мною ненависть и человеконенавистничество и представителей вышеупомянутой религии. Да и могут ли устроить какие-то бессмысленные слова, когда я знаю, какой ждать от людей награды за то, что я исповедую закон Бога и учение Христа, который сказал: «как меня ненавидели, так и вас возненавидят, как меня гнали, так и вас будут гнать» (Ио. гл. 15) [7]. Даже «наступит время, что каждый убивающий вас будет думать, что он тем служит Богу» (Иоан, гл. 16) [8]. «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь, я победил мир. Вы друзья мои, если исповедуете то, что я заповедую вам. Сия есть заповедь моя: да любите друг друга и познаете истину, и истина освободит вас» (Иоан, гл. 8, ст. 32; гл. 15, ст. 12, 14) [9].

Дай Бог, чтобы каждый из людей, получивший образование, искренно исповедывал бы перед людьми то, во что верит и что говорит ему совесть, и не затемнял бы, не вырывал бы изнутри у трудового народа ту искру Божию, тот закон истины, который присущ всякому человеку, и делом бы показал забитому народу – младенцу, про который сказал Христос: «Горе тому, кто соблазнит одного из меньших сих, лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море» [10], что он такой же, как все, как говорит Христос, «сын одного отца», т. е. брат, следовательно, равный всем; – то наступило бы Царство Божие, которое обещал нам Христос, говоря: «не ищите здесь или там; ибо Царство Божие внутри вас есть» (Лука, гл. 17, ст. 21) [11].

Вот в кратких словах то, что я исповедую, во что искренно верю и что вечно.

Митрофан Алехин.

31 октября 1894 г.

Нальчик

ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 1467, л. 1–2 об. Копия.

1. Печатается по писарской копии, время и обстоятельства появления которой не установлены. Одно из изложений «символа веры» толстовцев.

2. В связи с кончиной императора Александра III, наступившей 20 октября 1894 г., предписано принять «чинами и всем населением... узаконенной верноподданнической присяги воцарившемуся императору Николаю II Александровичу и наследнику его великому князю Георгию Александровичу». Об окончании приведения к присяге жителей Нальчика сообщалось окружному управлению 20 января 1895 г. (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 315, л. 16, 28, 42).

3. Весьма краткий пересказ так называемой Нагорной проповеди Иисуса Христа – одного из постулатов толстовского толкования христианства. Изложенное соответствует, в основном, тексту Евангелия от Матфея (Матф., гл. 5, ст. 22–25, 27, 28, 31, 34, 39, 40, 44, 45; гл. 23, ст. 13).

4. См. прим. 2. Гл. 6 содержит, в основном, призыв к аскетизму, а также молитву «Отче наш» (Матф., гл. 6, ст. 9–13).

5. Из Евангелия от Иоанна: «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе; Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоан., гл. 4, ст. 23–24).

6. Из Евангелия от Матфея: «А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город Великого Царя; Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным» (Матф., гл. 5, ст. 34, 35, 36).

7. Из Евангелия от Иоанна: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел... Если меня гнали, будут гнать и вас» (Иоан, гл. 15, ст. 18, 20).

8. Евангелие от Иоанна, гл. 16, ст. 2.

9. Из Евангелия от Иоанна: «Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Вы друзья мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Иоанн, гл. 15, ст. 12, 14). «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил Мир (Иоан, гл. 16, ст. 33). «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоанн, гл. 8, ст. 32).

10. Евангелие от Луки, гл. 17, ст. 1, 2.

11. Из Евангелия от Луки: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом. И не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо Царствие Божие внутри вас есть» (Лук., гл. 17, ст. 20, 21).

№ 12. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

11 декабря 1894 г.

1894 г. Декабря 11-го. Москва.

Дорогой Митрофан Васильевич,

Вчера прочел ваше письмо к Евг[ению] Ив[ановичу] [1] и спешу вам написать хоть только то, что переживаю с вами то, что вы переживаете, и страдаю и радуюсь за вас и люблю вас. Напрасно представляют себе человека сильным, слабым, добрым, злым, умным, глупым; человек бывает то то, то другое: то силен, то слаб, то разумен, то безумен, то добр, то зол; человек не определенная постоянная величина, а нечто постоянно изменяющееся, то опускающаяся, то поднимающаяся. Оттого-то мы и знаем всякого рода людей и можем любить всяких людей, что бываем всякими. И оттого плохо человеку жить без Бога, что тогда он вечно колеблется, весь то падает, то поднимается. Только признание Бога и своей души происшедшим от него, подобным ему существом, дает возможность человеку падать, и видеть свое падение, и не признавать его, и подниматься, зная, что этот подъем свойствен мне, дает возможность жить в сознании с Богом и сказать, как Христос в минуту слабости: да мимо идет чаша сия, и тут же сказать: но не так, как я хочу, а как ты. Я потому говорю это, что в вашем первом заявлении о присяге [2] было как бы излишнее желание обличить и вызвать гонение и пострадать, а в тепереш-

нем отношении вашем к властям, как вы описываете его, как будто желание, чтобы чаша эта прошла мимо [3]. Я, к сожалению, не испытал этого, но в воображении постоянно испытываю то то, то другое настроение. В сознании же своем постоянно, особенно когда читаю письма, как ваше, досаду на то, что эти люди преследуют и гонят людей за распространение моих книг, а не гонят того, кто их написал и пишет. Если я ошибаюсь о вас, то простите меня. Но помните то, что всё, что случается с вами, всем нам, и мне особенно, близко к сердцу, и что мы все душою с вами.

Третьего дня провезли здесь Веригина [4] в Березов, мы виделись с его братом и спутником. Было радостное общение. Прощайте пока, братски обнимаю вас.

Л. Толстой.

Толстой Л.Н. ПСС. Т. 67. С. 281–282.

Впервые опубликовано в ТЕ (1911. № 1. С. 17). Датируется на основании слов: «Третьего дня провезли здесь Веригина».

1. Письмо к Е. И. Попову неизвестно.

2. Вследствие вступления на престол 21 октября 1894 г. Николая II в России повсеместно была проведена среди населения гражданская присяга новому царю. М. В. Алехин отказался дать присягу, подав об этом заявление.

3. Возможно, речь идет о заявлении М. В. Алехина на имя начальника Нальчикского округа (док. № 11).

4. *Веригин Петр Васильевич* (1859–1924) – руководитель кавказских духовоборов, в феврале 1887 г. арестован с последующей высылкой в Архангельскую губернию, а в декабре 1894 г. – в Обдорск Тобольской губернии. В 1902 г. переселился в Канаду.

Его брат – *Иван Васильевич Веригин* – духовобор.

№ 13. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

14 февраля 1895 г.

14 февраля 1895 г. Москва

Сейчас прочел, дорогой друг Мит[рофан] Вас[ильевич], ваше письмо к Вер[е] Вел[ичкиной] [1]. Ваша записка о присяге прекрасна [2], я бы прибавил только в конце: не «клясться или обещаться ему в особенных, исключительных чувствах считаю не только ненужным, но и противоположным учению Христа». Письмо ваше получил и, вероятно, уже ответил [3]. Подкрепи вас Бог. Знаете ли вы про докт[ора] Шкарвана [4] в Австрии, кот[орый], будучи военным врачом, отказался продолжать свою службу и посажен в сумасшедший дом.

Пока прощайте.

Любящий вас Л. Толстой

Толстой Л. Н. ПСС. Т. 68. С. 30–31.

1. *Величкина Вера Михайловна* (1868–1918) – врач. Будучи студенткой Цюрихского университета (Швейцария), работала в деле помощи голодающим в России в

1891–1892 гг., где познакомилась с М. В. Алехиным и другими, позднее переправляла из Женевы (Швейцария) в Россию запрещенные произведения Л. Н. Толстого, активно переписывалась с М. В. Алехиным и его единомышленниками. Во время обыска у них 15 марта 1894 г. в Орпири обнаружены три ее письма к М. В. Алехину. С 1900 г. – жена В. Д. Бонч-Бруевича.

2. Возможно, док. № 12.

3. О каком письме идет речь, неясно.

4. *Шкарван Альберт Альбертович* (1869–1926) – врач. По религиозным убеждениям отказался от военной службы в г. Кашау (Венгрия). По национальности словак. Автор книги «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача» (1898).

№ 14. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

16 мая 1895 г.

16 мая 1895 . Москва

Дорогой Митрофан Васильевич.

Давно не имею от вас известий, и мне это грустно. Винават в этом я, п[отому] ч[то] не отвечал на последнее ваше письмо [1]. Вчера получил от Файнермана письмо, в к[отором] он пишет о вас, что дело ваше назначено к слушанию в Вильне. (Почему в Вильне?) [2] Когда? В чем дело? И я так живо вспомнил о вас, что захотелось вам написать и получить от вас вести. Ф[айнерман] пишет, услышав про то, что мы собирались за границу, что это так и надо, и что надо, когда гонят в одном городе, бежать в другой, и что вы даже думали об этом. Не знаю, как вы думаете, но я считаю, что не надо никуда ни от чего уходить: везде те же люди, тот же я, и главное, тот же Бог, от кот[орого] я могу удалиться и погибнуть и с к[оторым] могу соединиться и быть неуязвимым. Я думаю, что, напротив, надо по отношению гонений поступать по словам: претерпевый до конца спасен будет. И думаю, что претерпевый до конца, как Христос, не только сам спасется, но и спасет многих. Только претерпеть понимая и потому прощая и любя. Помогите вам Бог так пережить предстоящее вам испытание.

Слухи о нашей поездке за границу были справедливы. Жена очень и физически больна, и душевно страдает от смерти Вани, сына меньшого [3], и хотели было уехать, но теперь раздумали, чему я рад.

Я все еще в Москве. Здесь из друзей наших Горбунов [4], Трегубов [5] и Дунаев [6], которых я изредка выдаю, остальные разъехались, как вы, верно, знаете. Что вы и ваши? Пишите мне.

Любящий вас Л. Толстой

Толстой Л. Н. ПСС. Т. 68. С. 94–95.

1. О каком письме идет речь, неясно.

2. Вильно (ныне г. Вильнюс – столица Литовской Республики). В Вильно в конце 1894 г. обнаружен гектографированный экземпляр произведения Л. Н. Толстого «Царство Божие», в изготовлении и распространении которого обвинен М. В. Але-

хин. По этому факту возбуждено уголовное дело, следствие по которому проходило два года. В итоге дело поступило в Сенат, решением которого было прекращено, поскольку его автор Л. Н. Толстой оставался на свободе.

3. Младший сын Л. Н. Толстого Ваня скончался от скарлатины 23 февраля в возрасте 7 лет.

4. *Горбунов-Посадов Иван Иванович* (1864–1940) – редактор издательства «Посредник», близкий друг Л. Н. Толстого.

5. *Трегубов Иван Михайлович* (1858–1931) – сотрудник издательства «Посредник», автор работ о сектантстве.

6. *Дунаев Александр Никифорович* (1850–1920) – директор московского торгового банка, близкий знакомый Л. Н. Толстого.

№ 15. М. В. Алахин – прокурору Виленской судебной палаты

20 июня 1895 г. [1]

Прокурору Виленской судебной палаты

Начальник Виленского жандармского управления известил меня через здешнюю администрацию, что дело по обвинению меня в пропаганде сочинений Толстого передано Вам, как представителю судебной власти в Вильно. Я считаю долгом своим дать Вам некоторые разъяснения как моих поступков относительно распространения сочинений Л. Н., так и моих взглядов на Власть – как административную, так и судебную, а также и моего верования, на котором основаны мои понятия и поступки.

Я считаю долгом своим это потому, чтобы Вы, как личность, взявшая на себя почему-то право судить себе подобные личности и отстаивающая свое право судии силою насилия и лишения свободы, силою, которая носит имя подневольных людей: солдат, жандармов и палачей, – могли бы без всякого затруднения надписать свое решение относительно моей преступности, имея у себя мое личное признание, а не доносы жандармов и полиции.

Сперва всего изложу вкратце свое верование, а потом и истекающий из него мой взгляд и отношение к администрации и судебной власти.

Я верю в жизнь по учению Иисуса. А потому всеми силами должен стремиться жить так, как изложено у евангелистов: не делать зла другим; всех считать равными; не убивать и не злиться; не блудить и не смотреть на женщину как на сам[к]у; не клясться и не обещаться; не мстить, но терпеть обиды от неразумных и злых; не судиться, а отдавать все, что другие признают своим; не ненавидеть, но любить всех: и друзей, и врагов, и своих, и чужих.

Я верю в Бога, как по учению Иисуса, в Отца жизни, – истину, которую Иисус выразил словами: Бог – Дух (И., 14, 24) [2]. Я в Отце и Отец во мне (И., 14, 10) [3]. Я и Отец – одно (И., 10, 30) [4]. Я есмь Истина, Путь и Жизнь (И., 14, 6) [5]. Я на то и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине, и всякий, кто от истины, слушает голоса Моего (И., 18, 37) [6]. Если вы пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сделает вас свободными (И., 8, 31, 32) [7].

Выписанные места я понимаю так: Бог – дух, следовательно, не видим и не осязаем. Иисус, родившийся от женщины Марии, – видимый человек. Он, Иисус, видимый, и Отец Бог невидимый – одно и то же. Он, как человек, неразрывно связан с Богом; он – сын Бога. Они неразрывно связаны: «Я в Отце и Отец во Мне». В нем истина и путь и жизнь. И не только Иисус неразрывно связан с Отцом, но и все люди связаны и с Отцом, и с сыном, и между собой. Так Иисус говорил своим ученикам: «Еще немного и мир уже не увидит меня, а вы увидите меня, ибо я живу и Вы жить будете. В тот день узнаете вы, что я в Отце Моем и Вы во мне и Я в Вас» (И., 14, 19, 20) [8].

Следовательно, все те люди, котор[ые] делают правду и живут по истине, по учению Иисуса, – подобны Христу, как сыну Бога, и Богу, как Истине. А все противники добра и правды, отделившие себя от людей, сказавши: Мы власть, а вы невольники, все они – противники учения Христа (антихристы). А все те, которые выделились из людей, сказавши: Мы духовные, а вы мирские, все эти – хулители духа, т. е. разделившие в человеке Отца и Сына, Бога и Христа, тоже – противники учения Христа (антихристы). Первые – это Власть: администрация и суд. Вторые – это духовенство: попы и монахи. О вторых я писать Вам не стану, потому что, как духовных, я их не признаю; ибо дух Божий во всех людях, а не в полах только.

А если они и называют себя духовными, будучи людьми, то они хулители духа, а по словам Иисуса: хула на Духа не простится... О первых же – о власти или начальствующих – Иисус говорит так своим последователям: «Цари господствуют над народами и владеющие ими благодетелями называются. А вы не так: но кто из Вас больше, будь, как меньший, а начальствующий, как служащий» (Лук., 22, 25, 26) [9]. Первосвященникам и начальникам, когда его брали на суд к Пилату [10], сказал: «Каждый день я бываю с Вами, но Вы не подымали на меня рук; но теперь ваше время и власть тьмы» (Лук., 22, 53) [11]. По вышеприведенным словам видно, что Иисус не признавал никакой власти над тем, кто живет по правде; но всякую власть считал тьмою.

Мое же понимание таково: есть людская власть над тьмою, и есть людское начальство над злом; но над добром и светом властитель не человек – плоть; но Бог – Дух.

Относительно суда Иисус говорит так: не судите и не будете судимы и т. д. (Матв., 7, Лук., 6, 37) [12]. Следовательно, отвергает всякий человеческий суд. Но говорит отвергающий меня и не принимающий слов моих имеет судию себе: слово, которое я говорил, оно будет судить его в последний день; ибо я говорил не от себя, но пославший меня Отец, Он дал мне заповедь, что сказать и что говорить. И я знаю, что заповедь его есть жизнь вечная. Итак, что я говорю, говорю, как сказал мне Отец (Ио., 12: 45–50) [13]. Из слов этих понятно, что всякий, кто знает учение Иисуса, учение о правде и добре, имеет судией себе самое это учение.

Мое же понимание таково: всякий человек судится судьями того закона, какой и подсудимый и судья признали для своей жизни обязательным. Так Свод законов Росс[ии] действителен в руках тех судей и над теми подсудимыми, котор[ые] признают для себя обязательным только этот закон, а все те, которые преступают

этот закон, наказуются по §§. Но если человек не считает для себя обязательным в жизни этот закон, а другой какой-либо. Должен ли он быть судим судьями этого закона? Нет. Всякий судится по тому закону, кот[орый] считает для себя обязательным в жизни.

А законов только два: Божий – вечный, для всех; людской – временной, для признающих его. Закон Божий изложен евангелистами со слов Иисуса Христа и заключается в неделании зла, а в делании добра; не в наказуемости, а в прощении; не в суде, а в милости.

Закон людской, изложенный в сводах законов, таков: человек раб человеку. Люди не равны – один может бить и судить другого. Один человек может быть судьею, а другой может быть судим. За злое платить еще большим Злом. Не прощать виновных и должников и не миловать преступников писанного людского Закона.

Я для себя считаю обязательным Закон Бога по учению Иисуса, следовательно, должен буду и судим по этому закону. А живя в стране, называемой христианскою и, следовательно, исповедующей Закон Бога по учению Христа, я наперед знаю свой суд; ибо совесть моя говорит мне все то, что я сделал преступного перед Законом Бога.

Но Вас, как представителя судебной власти и исполнителя людского Закона, я не признаю, ибо я исповедую и признаю для своей жизни обязательным только Закон Бога, т. е. учение Христа, и вас по этому учению считаю не как человека, взявшего на себя власть судьи, но как человека, могущего прощать обиды другим и не платить злом за зло и имеющего, как и все люди, образ и подобие сына Божьего, а не призрака – Судьи, который не привлекает к себе сердца людей, как существо любящее, но отталкивает, как палач. И потому, какое бы решение вы ни написали относительно моей преступности перед Сводом Законов, я его не принимаю. Но если явятся исполнители этого вашего решения, я против власти тьмы противиться не стану и в неволе буду вольным в исполнении Закона Бога.

Послушайте, что говорит Вам ваш подсудимый. Может ли он так говорить? Да, может. Я вам говорю не как виновный, но как человек говорит человеку, знающему, что все люди равны, что нет ни высших, ни низших. Я знаю, что Вы это все знаете и потому пишу Вам и умоляю Вас вспомнить, что ведь и Вы равны с преступниками, и вы преступник Закона высшего, чем тот, котор[ый] вы применяете к другим, – Закона Бога, учения Христа, учения о сыновности всех людей Богу Отцу, следовательно о братстве и равенстве всех. Вы равны всем. Но зачем же Вы судите?

Я Вам пишу это не для того, чтобы Вы смягчили преступность мою; нет, – но я пишу для того, чтобы Вы совсем не судили, а сказали бы в себе: все люди братья... и я брат всем... не хочу судить никого.

Я зовусь христианином, но отвергаю делом учение Христа. Хочу быть последовательным.

Вот в коротких словах мое верование, на котором основаны и понятие мое о властях, и отношение к ним.

Простите, если найдете что-нибудь оскорбительного для Вас: но поверьте, я не хотел ничем оскорбить вас, а писал только то, чему я верю и что исповедую.

Сочинения Л. Н. Толстого я считаю не разногласящими с учением Христа.
Нальчик. Июня 20-го
М. Алехин

1. Печатается по автографической копии, приложенной к письму М. В. Алехина к Л. Н. Толстому от 20 марта 1896 г. Год написания установлен по времени возникновения дела по обвинению М. В. Алехина в распространении запрещенных сочинений Л. Н. Толстого (см., напр., запись в дневнике Л. Н. Толстого от 18 мая 1895 г.). В полицейском обзоре М. В. Алехин характеризовался как один из самых активных пропагандистов толстовского учения, включая распространение собственных сочинений, написанных «в развитие религиозной стороны учения», попытках воздействия на сектантов разных толков.

2. В указанном М. В. Алехиным стихе Евангелия от Иоанна таких слов нет (см.: Иоан, гл. 14, ст. 24).

3. Довольно точное изложение Евангелия от Иоанна, гл. 14, ст. 10.

4. Там же, гл. 10, ст. 30.

5. Там же, гл. 14, ст. 6.

6. Там же, гл. 18, ст. 37.

7. Точная цитата (Иоан, гл. 8, ст. 31, 32).

8. Точная цитата (Иоан, гл. 14, ст. 19, 20).

9. Точная цитата из Евангелия от Луки (Лук., гл. 22, ст. 25, 26).

10. Понтий Пилат – римский наместник Иудеи в 26–36 гг., в правление которого, согласно евангельскому преданию, был казнен Иисус Христос.

11. Довольно точное изложение Евангелия от Луки (Лук., гл. 22, ст. 53).

12. Из Евангелия от Матфея: «Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы: и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Матф., гл. 7, ст. 1, 2). Из Евангелия от Луки: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лук., гл. 6, ст. 37).

13. Довольно точное изложение Евангелия от Иоанна, гл. 12, ст. 45–50.

№ 16. М. В. Алехин – Л. Н. Толстому

[Август 1895 г.]

Нальчик Терской области

Дорогой Лев Николаевич, вот уже более двух месяцев, как я вам писал о том, за что меня тянут к суду. Получили ли Вы это письмо? [1] А то у нас зачастую письма не получают те, кому они адресованы, а попадают в руки жандармерии. В течение целых двух месяцев не получил ни одного письма. А на днях получил от Бодянского [2] конверт с припискою, но без письма, и конверт запечатан двумя печатями жандарм[ского] упр[авления]. Сейчас я пользуюсь случаем послать вам письмо это, чтобы оно попало вам лично. Один знакомый [3] едет на север и обещался опустить в почтов[ый] ва[гон].

На днях я получил от прокурора палаты бумагу такого содержания: дело мое по обвинению меня в уголовн[ом] преступл[ении] было передано мини-

стру юстиции, котор[ый] по соглашению с минис[тром] внутренних дел сочили удобным худ[ожника] Алехина, обвиняемого в государственном преступлении, освобо[дить] от надзора полиции, а самое дело прекратить. А из Департамента полиции прислали бумагу о том, чтобы я о себе дал им сведения. Я написал так: по диплому Академии – художник, но ни званий, ни происхождений не признаю, а считаю всех людей равными. Вероисповедания свободного – по учению Христа. Питаюсь трудами рук своих. Семейного положения не признаю, но имею всех людей братьями и сестрами [4]. Присылали опять из округа за мною, но я не пошел.

Теперь собираюсь написать в М[инистерство]В[нутренних]Д[ел] о духоборцах [5]. Неужели он совершенно слеп или ничего не знает о том, что здесь мирных людей разоряют, именно мирных [?], даже оружие сожгли и не противлялись. Наверное, вам уже обо всем писал Дмитрий Алек[сандрович] [6], а 14 авг[уста] было в Рус[ских] Ведом[остях] [7]. Как не стыдно позволять об этом печатать. Ведь так ясно видно кто злодей! Как вы смотрите, если написать мин[истру] в[нутренних] дел? Я думаю так: как бы глух человек ни был, все же как-нибудь можно ему передать то, что желательно, чтобы он если не услышал, то понял бы. И если [бы] это было не близко к сердцу, то мы что можем и чем можем, должны помочь, если не помочь, то вызвать хотя доброе чувство у гонителей к гонимым. Ведь пожар загорается с искры, так и тут надо надеяться [8].

Огородина вся посеяна. Огород на славу. Все уродило отлично и много. Арбузы, дыни, фасоль, горох, тыквы, лук, морковь, капуста, сельдерей, бураки, кукуруза, огурцы, кабачки, груши – не знаешь, что варить. Покупаешь только хлеб. Мука здесь 50 коп. пшеничная. Все лето я сидел на пасеке – работал ульи и смотрел за пчелами.

Это лето много было радости. Сюда на несколько дней приезжал Волкенштейн [9] из Полтавы. Потом сюда приехал из Тифлиса Дадиани [10] с семьей, он был адъютантом у Шереметьева и бросил службу и захотел жить попроще. Семья Рахмановых здесь [11]. Из Керчи Кожушко [12], он жил со мною в Харькове. Линденберг [13] живет здесь и занялся пасекою.

Лотом еще приезжала докторша Кудрявцева со станции Кавказской [14]. Вы ее знаете. Она очень мне понравилась. Душевный человек. Жаль, что очень недолго пришлось с нею говорить – много было народу и кутерьмы. Дадиани и Скороходовы и Бодянская [15] хотят купить десятины 150 земли здесь. Но всё продаются места с лихорадками.

Привет всем знакомым. Целую вас. Пишите о себе и о других.
Митрофан.

1. Письмо неизвестно. Видимо, это был ответ на письмо Л. Н. Толстого от 16 мая (док. № 14), до адресата не дошедший.

2. Бодянский А. М. – см. прим. 3 к док. № 1.

3. Возможно, Гастев, прибывший в Ясную Поляну в сентябре.

4. Упоминаемые документы не обнаружены.

5. Духоборы – религиозная христианская секта, возникшая в России в се-

редине XVIII в. Признавали присутствие Бога в душе каждого человека и потому ненужность церкви и ее обрядов. В повседневной жизни – идеи равенства людей и общности имущества. Подвергаясь гонениям царского правительства, в 1841–1844 гг. водворены на жительство в Закавказье на положении ссыльных. В конце июня 1895 г. в знак отказа от военной службы собрали и торжественно сожгли имевшееся у них оружие. Власти расценили этот акт как подготовку к восстанию и начали репрессии.

6. Д.А. Хилков. Опубликовано 4 письма Л. Н. Толстого к Д. А. Хилкову за 1895 г. (см.: ПСС. Т. 68. С. 45–47. № 50. 12 марта. С. 83–84. № 79. С. 134. № 129. 29 июля. С. 271. № 234. 30 нояб.), в которых идет речь и о гонениях на духоборов.

7. «Русские ведомости» – ежедневная общественно-политическая газета, выходившая с 1863 г. по 1918 г. в Москве.

8. Намерение М. В. Алехина было одобрено Л. Н. Толстым (см. док. № 17), но неизвестно, было ли выполнено. Министром внутренних дел в 1895–1899 гг. был И. Л. Горемыкин (1839–1917).

9. Волкенштейн А. А. В книге приехавших на летний период в сл. Нальчик за 1895 г. записаны: «12 августа – ординатор больницы Полтавского богоугодного заведения надворный советник Александр Александрович Волкенштейн, [прибыл] из Тифлиса» и «ученик 7-го класса Полтавской гимназии Сергей Волкенштейн» (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 330, л. 15 об. – 16).

10. Дадиани Г. А. В книге приезжих за 1895 г.: «Июля 27 – подполковник Георгий Александрович, князь Дадиани, из мингрельских родовых князей Дадиановых Кутаисской губернии. При нем жена Надежда Яковлевна и дети: сын Владимир 9 лет и дочь Елена 4 лет, [прибыли] из Зугдидского уезда Кутаисской губернии, [остановились] в доме Андрея Баскакова» (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 330, л. 107 об. – 108).

11. Рахманов Владимир Васильевич (1865–1918) – врач, автор статей по вопросам воспитания и медицинского просвещения. В книге приезжих за 1895 г.: «Июля 5 – лекарь Владимир Васильевич Рахманов, при нем жена Ольга Дмитриевна, [прибыли] из гор. Волынска, [остановились] в доме Колтаниковой» (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 330, л. 83 об. – 84).

12. В книге приезжих за 1895 г.: «Августа 15 – мещанин портового города Керчь-Еникальска Таврической губернии Михаил Петрович Кожушкин, [прибыл] из Керчь-Еникальска, [проживает] по паспорту, выданному из Керчь-Еникальска мещанской управы от 20 марта 1895 г. за № 416 сроком на один год, [остановился] в доме Николая Харитоновна», а также «Жена Серпуховского мещанина Евгения Павловна Верзе, с детьми Борисом 8 лет, Владимиром 6 лет, Ольгой 4 л. и Анною 2 лет». «По свидетельству, выданному из полицейского управления Керчь-Еник[альского] градоначальства от 3 августа 1895 г. за № 194 сроком на 11 месяцев», прибывшая одновременно с ним из одного города и остановившаяся в том же доме (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 330, л. 115 об. – 116).

13. Линденберг Герман Романович – художник и гравер.

14. В книге приезжих за 1895 г.: «Августа 10 – жена вольнопрактикующего врача Петра Григорьева Кудрявцева Мария Федорова Кудрявцева, [прибыла] из гор.

Ялты, по билету, выданному из управления Кавказского отдела Кубанской области от 23 декабря 1894 г. за № 27 сроком на один год, [остановилась] в доме Дарии Воробьевой» (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 330, л. 15 об. – 16). В письме А. Г. Макееву в начале апреля 1895 г. Л. Н. Толстой писал: «На Кавказе у меня знакомых есть только на Северном Кавказе в станице Кавказской жена доктора Кудрявцева – Марья Федоровна» (ПСС. Т. 68. С. 76).

15. *Бодянская А. Г.* В книге приезжих за 1895 г.: «Сентября 29 – жена потомственного дворянина хутора Гремячки Волчанского уезда Александра Михайлова Бодянского – Анна Григорьевна Бодянская, при ней 5 детей – сыновья Александр 12 лет, Михаил 8 лет, Лазарь 2, Владимир 1 ? года и дочь Екатерина 3-х лет [прибыла] из г. Ростова 24 сентября 1895 г. по метрической выписи бракосочетания, выданной священником слободы Большой Бабки Покровской церкви Волчанского уезда Харьковской епархии от 16 октября 1892 г. за № 34 и по удостоверению мужа дворянина Александра Михайловича Бодянского от 1 декабря 1893 г. [остановилась] в доме бывшей еврейской школы» (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 330, л. 121 об. – 122).

№ 17. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

4 сентября 1895 г.

4 сентября 1895 г.

Мне казалось, что я отвечал вам на ваше письмо, дорогой Митрофан Васильевич [1]. Если же не отвечал – не помню, – то простите меня.

Думал же о вас часто и о вашем деле. Еще в конце зимы я рассказывал Кузминскому [2] о вашем деле и полученной вами бумаге, и он мне сказал, что такие дела всегда прекращаются. Я не писал тогда этого вам, боясь того, чтобы не вышло обратное, теперь же вижу, что он прав и что люди ушли вперед против законов. О духоворах мы знаем, и я уж давно написал корреспонд[енцию] в англ[ийские] газеты, но мне посоветовали наши друзья подождать, пока получатся более точные сведения. Сведения же эти привезет нам П. И. Бирюков, кот[орый] поехал на Кавказ и к[оторого] мы ждем каждый день. Хорошо бы было, если бы он побывал у вас. Он хотел.

В Австрии в Будапеште есть некто Imgen Schmitt, который издает журнал под заглавием «Религия духа». Это человек и журнал совершенно единомышленные с нами. И человек он очень даровитый и горячий. Он написал теперь, как он называет это, манифест, в котором выражает – по случаю гонения на христиан нашего времени, отказывающихся от исполнения противных христианству дел и в особенности суда над Шкарваном, – выражает всю нелепость и жестокость таких гонений. Он прислал мне этот манифест и на днях напечатает его. Мы же со своей стороны напишем, как сумеем, то же самое по случаю духовоборов. Вы хотите написать мин[истру] в[нутренних] д[ел] [3]. И прекрасно. Так не только будет одна искра, но несколько и, если угодно Богу, они загорятся. Загорятся ли они теперь, и увидим ли это пламя, увидеть кот[орое] томила душа Христа, – дело божие, но раздуть эту искру в себе, зная, что этим я зажигаю других, это наше дело и дело всегда радост-

ное. И даже как оглянешься назад, видишь, что сетование о том, что не увидишь пламени, несправедливо. Пламя разгорелось и разгорается в сравнении с тем, что было, но оно кажется малым в сравнении с тем, что оно будет и должно быть. В последнее время определились за границей, кроме многих разбросанных везде единоверцев, два определенных и деятельные центра: один в Будапеште – Шмит, и другой в Англии – Кенворти. Оба молодые, деятельные, горячие, даровитые и вполне совпадающие с нами центрами. Радуюсь на ваше житье. Привет всем друзьям, к[оторые] с вами. Пишите чаще.

Любящий вас

Л. Толстой.

4 сентября 1895 г.

Толстой Л. Н. ПСС. Т. 68. С. 154–155.

1. О каком письме идет речь, неясно.

2. *Кузминский Александр Михайлович* (1843–1917) – судебный деятель, свояк Л. Н. Толстого.

3. См. док. № 15.

№ 18. М. В. Алехин – Л. Н. Толстому

16 февраля, 12 марта 1896 г.

12 марта 1896 г.

Нальчик

Воробьев, ехавши в Полтаву, хотел заехать в Москву, но раздумал и привез письмо обратно [1].

Дорогой Лев Николаевич, пользуюсь случаем, чтобы написать вам эти несколько строк. А давно уже я не писал Вам да и писать было нечего. Жизнь моя сейчас довольно однообразна: работа за верстаком и переписка с друзьями. Нарушилось это однообразие тем, что я на Рождество ездил в Курск, Харьков и Полтаву. Повидался со всеми там живущими друзьями. Между тем в Полтаве родилось у там живущих желание ехать на Гавайские острова или еще куда, только за пределы России. Причина этому та, что большинство из них люди семейные и очень трудно кормить семью, живя в городе. В деревнях же жить запрещают. Да и в городах и то часто отрывают от работы обысками и требованиями. Бессемейным еще ничего, но с семьей считаться со всеми такими затруднениями нелегко. Вот и возникло такое желание переселения как можно большего числа семей. Зная хорошо жизнь друзей и их нужды (которые только и могут устраниться, живя совместно несколькими семьями на земле, а не в городе), я не против такого переселения и даже дал согласие, если соберутся средства, вперед поехать согладала. Хотел было ехать к духовоборам, но Владимир Григорьевич [2] замедлил деньгами. А сейчас я не могу, потому что Малаша [3], которая живет вместе со мною, очень большая женщина, и ей нужна моя помощь. Когда я уезжал в Россию, то она чуть не умерла, а друзья, здесь живущие, не очень-то навещали ее, потому что сильно заняты покупкой

участка земли. Потом у меня еще с осени забрано много столярной работы. Да и поездка сейчас невозможна, потому что на переезде завалы и за Кавказом страшные снега.

Владимир и Дадиани покупают, кажется, даже и купили землю верстах в 40 от Нальчика, земля уединенная и, по-моему, не весьма удобная, говорят даже и лихорадочная [4]. Так как у меня лично теперь нет денег на покупку, то я и не могу участвовать в покупке, да и зачем я буду покупать, зная, что все это непрочное. А если знаю, что все это непрочное, то и нерассудительно делать это. А знаю я потому, что в Харькове имею земли, но не живу на них, потому что нельзя мне жить таким, каков я, в Харьковской губернии. В Полтавской в деревне тоже нельзя. Чего же я буду здесь обзаводиться прикрепителем. Да и по характеру моему я не могу прикрепляться к чему-то определенному моему – вроде земли, лошадей и пр., когда я живу и без этого. Здесь, в Нальчике, работа у меня постоянно есть. Огород отличный: и себе и другим, и продаю. Я соглашался селиться вместе, но только чтобы послать письменно свои верования начальнику области с просьбой, чтобы он ответил нам, что можем ли мы держать такие верования, беспрепятственно селиться и жить совместно в вверенной ему области. Никто не согласился на это. Тогда я послал лично от себя, которое и прилагаю [5]. Посылаю также и мое письмо к прокурору палаты [6].

У нас здесь все не ладится со Скороходовыми. А не знаю, кто виноват в этом. Может быть и я, потому что, может быть, я очень прямолинейный в отношениях. А может, и они, потому что осуждают меня за то, что я по своим убеждениям сделать не могу. Не знаю, но я чувствую, что никогда худого я им ничем не сделал и никогда не увлекал ни к чему лживому и не настаивал ни на чем противном учения Христа. Я всегда стремился к единению, но не к единению земельному (оно непрочное), но к единению в смысле братства и единомыслия и всегда готов всем жертвовать ради этого братского Христова единения, поддерживая друг друга в слабостях каждого, и убежден, что при таком единении всем было бы хорошо, ибо никто не был бы голоден, а если и голодали, и гнали бы, и преследовали, то всех как одного. И тогда легко бы было. А то иногда слышишь такие упреки от близких: «Ты святой, тебе можно, а нам куда, грешным». Я часто вспоминаю ваши слова, дорогой Лев Николаевич, что «единение возможно только в истине». Я это ясно чувствую. Ибо какое может быть иное единение? Земельное – собственников? Истинное ли оно? Нет.

За собственностью стоят тьшки и тюрьмы. «Единение в истине», я думаю, состоит в том, что люди, единящиеся делом и словом, отвергают существующую в обществе людском ложь: церковную, государственную и обыденную житейскую.

Если люди не сходятся на этом, то на земле на совместной работе никогда не сойдутся, потому что всякий будет тянуть к себе, а не к Истине и Богу.

Будьте так добры, дорогой, напишите мне, взвесивши все стороны вопроса о переселении куда-либо за границу России и как вы смотрите на поселок, как селятся Скороходовы в глуши. Полтавские друзья и Бодянский пишут за переселение. Я же лично туда, куда все, но если по разбору, то я остаюсь здесь. У меня и здесь много знакомых и друзей и много общения.

Пришлите, пожалуйста, ответ по почте, а то Воробьев может задержаться в дороге надолго.

В ожидании письма. Крепко вас люблю и целую. Ваш Митрофан. Привет всем.

16 февр[аля]

Как вам покажется мое письмо к прокур[ору].

Р. С. Скороходовы уже перебираются за 45 верст. Я остаюсь здесь.

Да и лучше. У меня здесь много любовных общений с жителями. Весна, уже надо копать под огород и выставлять пчел.

Лучи Ре[н]тгена [7] поражают меня. Нет более ценностей видимых. Чтобы жить в Боге, нужно не видеть видимого и не ценить его жизнь существ, основа существования которых невидима. Бог невидим. Жить в Боге: ничего не видеть. Видимо же Зло. Все видеть – жить во зле. Как вы думаете о лучах?

1. Написано 16 февраля и передано с Е.Н. Воробьевым, но им не доставлено по назначению и потому вторично послано 12 марта.

2. В.Г. Чертков.

3. М.В. Коваленко.

4. Группой толстовцев куплен участок земли вблизи сел. Лескенского (ныне сел. Лескен-1 в Республике Северная Осетия–Алания) в местности Куру-Гада (Лебединый сад), где они поселились общиной.

5. Док. № 19.

6. Док. № 15.

7. Рентген Вильгельм Конрад (1875–1923) – немецкий ученый-физик. В ноябре 1895 г. открыл электромагнитное ионизирующее излучение, проникающее через плотную материю (рентгеновские лучи).

№ 19. М. В. Алехин – начальнику Терской области.

Не позднее 12 марта 1896 г. [1]

Господину начальнику Терской области

Прошение

Ссылки некоторых из наших единомышленников в Закавказье, запрещение проживать жившим и имевшим земельную собственность в Харьковс[кой] губ[ернии] и запрещение жить в селах Полтавс[кой] губ[ернии] так называемым толстовцам. Ссылки в Закавказье и Сибирь за отпадение от православия так называемых штундистов. Аресты, битье плетками и заточение в тюрьмы за сожжение орудий убийства, за заявление, что по словам Господа нужно любить врагов и за отказ от солдатчины так называемых духоборов... Все такие поступки правящего и начальствующего класса принудили меня, проживающего в Нальчике и нижеподписавшегося, обратиться к Вам с просьбой о том, что можем ли мы во вверенной вам области приобрести участок земли, совместно поселиться несколькими семьями и беспрепятственно, без каких бы то ни было давлений и требований со стороны Вас и Вам подчиненных, проживать на этом участке.

Принудило меня обратиться к Вам с просьбою, потому что, приобретя участок и поселясь на нем и держась убеждений вполне согласных с остальными толстовцами, штундистами и духоборами, не потерпеть бы то же, что потерпели последние.

М.[итрофан]А.[лехин]

[Ответа еще не было]

1. Датируется по упоминанию в письме М. В. Алехина Л. Н. Толстому от 12 марта 1896 г. (док. № 18).

№ 20. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

20 марта 1896 г.

Очень рад был получить ваше письмо, дорогой Митрофан Васильевич [1], п[отому] ч[то] давно не имел от вас известий. На вопрос ваш о поселении вне России и в глуши, как Скорох[одов] с Дадиани, я могу ответить только то, что на первый вопрос о выселении из России: с точки зрения христианской ответ тот, что христианин, если он христианин и жизнь свою полагает не в плоти, а в духе, всегда свободен, и ему незачем переменять место и искать новых условий жизни. Если же человек не чувствует себя свободным, то вопрос о поселении в пределах России или вне ее есть вопрос практический, в кот[ором] я не судья. То же и при переселении с места на место, как это сделали Скорох[одовы]. Это может иметь практические выгоды и удобства, но не может влиять на большее или меньшее осуществление христианской жизни. Покупка земли в собственность скорее может иметь обратное влияние, т[о] е[сть] увеличить соблазны. Но должен сказать при этом, что думаю, что как в деле брака человеку лучше оставаться целомудренным, но когда брак совершился уже, то человеку надо держаться раз совершившегося брака и стараться сделать его насколько возможно более целомудренным, так и по отношению земли: лучше быть чистым от собственности, при раз же установившейся связи с землею посредством собственности надо держаться этой земли (если она только удовлетворяет скромным потребностям) и сделать пользование ею как можно более неискл[ючительным], т. е. не отстаивать ее прямым насилием, судом или угрозой насилия. Я думаю, что вы благую часть избрали. И если бы мне пришлось другой раз и свободно жить, я старался бы жить работой на земле, но не имея связи с землею. Всё это идеальное представление о том, к чему, по-моему, должно стремиться, но жизнь людей семейных, уже раз связавших себя с землею, может только издали приближаться к этому идеалу, и потому вы, человек, оставшийся свободным, будьте снисходительны к нам, не судите нас строго, не говорите, что если мы не сделали всего, то мы ничего не сделали, а принимайте во внимание то большее или меньшее приближение, те маленькие шажки, но все-таки шажки, кот[орые] делают люди с связанными ногами. Очень, очень грустно за то, что вы разъединяетесь с милым Владимиром! [2] Разумеется, виноваты и вы. Если только подумать о том, как скоро не будет того тела, и того и другого, кот[орые] разъединяют вас, а останется один дух, который был и будет един, то как противны

покажутся те скрытые требования самолюбия животного, кот[орые] мешают радости единения.

Ваше письмо прокурору очень хорошо [3]. Я его читал кое-кому и буду распространять. Мне жаль, что вам нельзя было идти к духобор[ам].

Я думаю, что как они нужны нам, так и мы можем быть нужны им. Напишите, что здоровье Малаши [4], и передайте ей мой привет.

Л. Т[олстой]

Толстой Л. Н. ПСС. Т. 69. С. 67–68.

1. Док. № 18.

2. Скороходовым.

3. См. док № 15.

4. М. В. Коваленко.

№ 21. М. В. Алехин – Л. Н. Толстому

[Ноябрь 1896 г.] [1]

Письмо ваше, дорогой Лев Николаевич, я получил [2]. Оно доставило мне много радости. Особенно близка мне в вас та душевная скорбь, которою вы томитесь в сознании своего ничтожества, и та радость, которую вы видите во всем, что делается Его велением, а не хотением человеческим, которое есть гордость. Да подаст Он вам силу и крепость в стоянии на путях Его и в устранинии себя от соблазнов мира этого, чтобы в кротости, смирении и любви держаться на том месте, которое назначено Им для прославления Имени Его и чтобы слова хулителей и судей ваших рассеивались смирением вашим перед волею Его.

Сейчас прочел приложение к Церк[овным] Вед[омостям] [3] за ноябрь, которое всецело посвящено обличению вас в антихристианстве. Это обличение составлено из писем Ад. И. Добренского к Др. К. по поводу отказа его от воен[ной] службы и писем М. Соп[оцько (?)] [3] к Чер[ткову(?)] и к Вам. Меня поражает в нападениях на вас то, что нападающие, не замечая сами, осуждают тот порядок настоящего строя, как государ[ственный], так и Церков[ный], в котор[ом] они сами находятся, и, применяя всевозможные выхватки из Евангелия и Библии по отношению вас, в то же время бессовестно ругаются сами и приводят как авторитет Церкви – Иоанна Кронш[тадтского] [5] и других, которые называют вас безумным и антихристом, забывая, что Христово учение не в осуждении и ругании, а в смирении и добрых делах, и что кто скажет брату своему «безумный» – подлежит геенне огненной.

Меня удивляет еще то, что, как М. Сан(?) так и Новос[елов (?)] и Аркад[ий], не признавая праведности в христианско-государственной церкви, ссылаются на непогрешимость вселенской. Почему? Почему вселенская непогрешима, а последующая – русская – грешит? Отчего не обратиться к зерну христианства – учению Христа, из которого выросло дерево, застилающее ветвями своими почти полвселенной, под которыми толпятся народы массами, тесня друг друга и призывая всех тех, которые не под деревом, говоря: «Идите под ветви этого дерева и смотрите,

как они развесисты и густо покрыты листвою – ни дождь, ни палящие лучи солнца не проникают через них». Все идет под дерево и восхищаются широкими листьями и раскидистыми ветвями его, которые, постепенно все более и более удлиняясь, покрываются новыми зелеными листьями; но восхищаясь, забывают, что наравне с ветвями на противоположном конце ствола дерева без зелени, удлиняясь и утолщаясь, растут такие же ветви, но более гибкие, покрытые почвою и попираемые тысячами ног, корни, от которых зависит вся видимая роскошь дерева.

Христос – это зерно, из которого выросло дерево, т. е. вселенская и последующие церкви. Корни же дерева это – темная масса народная, внутренняя вера которой питает все дерево, т. е. Церковь. Не Церковь дает пищу темному народу, но он, мужик – верующий, питает и кормит всех тех пышных учителей, которые как листья – то зеленеют, то темнеют, то желтеют, то осыпаются.

Отчего же прямо не обратиться к зерну, из которого выросло все дерево? Отчего не посмотреть на корни и перестать топтать их, а дать более притоку воздуха к ним, чтобы дерево не только росло, но и приносило плод, по которому можно узнать и самое дерево. Корни не приносят плода, но питают дерево, которое должно приносить плод. Не важно, чтобы дерево защищало от дождя и солнца, а важно, чтобы оно приносило плод добрый.

Так и наши учителя Церкви, и наши проповедники правды, осуждая и осмеивая друг друга, не принеся доброго плода, – все питаются верою и силою народа – мужика, который в смирении своем несет иго и, крестьясь, говорит: «Господи, помилуй».

Евгения Андр[еевича?] [6] судили воен[ным] судом и приговорили к 3-недельн[ому] аресту, подведя статью «о неявке к месячным сборам». Судили при закрытых дверях; между тем один из судей, Поточак[?], отказался судить иною статьею.

Из Шлиссельб[ургской] крепости недавно после 12/2 [?] лет? одиночн[ого] заключ[ения] выпустили первую жену Волкенштейна.

Сын ее, студент С[анкт]П[етербургского] универс[итета], виделся с нею в Петропавловке – ее высылают на жительство на Сахалин.

Аркадий в Москве. Хотел повидаться с вами. Был ли у Вас? Как понимаете вы его? Интересно. Видите ли Алешу?

На днях я еду на Кавказ. Закончу, может быть, там дела, а может, и останусь там. Не знаю.

Если будете писать, пишите: Нальчик, Терской обл. Митр. Вас. Алехину.

Был на хуторе Байрачном [7]. Мужички живут ничего себе – лес не рубят, хотя попервах и ссорились. Звали меня жить вместе с ними.

Пока будьте здоровы и бодры и да хранит вас Бог.

Целую вас и всех друзей.

Митрофан

1. На подлиннике сверху надпись карандашом неизвестной рукой: «М. Алехин, Курск, ноябрь 1896 г.».

2. Док. № 20.

3. Церковные ведомости – еженедельный журнал, издававшийся с 1888 г., официальный орган высшего в Российской империи церковного органа – Святейшего синода.

4. Солоцько Михаил Аркадьевич, бывший студент, одно время разделявший идеи Л. Н. Толстого, в 1895 г. находился в заключении в тульской тюрьме.

5. Иоанн Кронштадтский (в миру – Иван Ильич Сергиев) (1829–1908) – высокопоставленный церковный деятель, резко критиковавший Л. Н. Толстого за его учение.

6. Сукачев Евгений Андреевич – приверженец идей Л. Н. Толстого, близкий знакомый М. В. Алехина.

7. Хутор Байрачный (в Харьковской губернии) – здесь была организована одна из земледельческих общин, членом которой был М. В. Алехин.

№ 22. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

7 декабря 1896 г. [1]

7 декабря

Сейчас получил ваше письмо, дорогой Митрофан Васильевич [2], и очень благодарен вам за него, благодарен вам за любовь, кот[орую] вижу в нем, за любовное обличение меня в моих грехах... [3] Не буду говорить о тех условиях, к[оторые] заставляли меня [4] в грех, в это возвращение, как вы верно говорите, на старое, скажу только, что я понял свой грех и покаялся и каюсь в нем и не делал и не сделаю того, что справедливо возмутило нас, и особенно последнее время выбираюсь из того положения, в к[оторое] незаметно стал возвращаться. То, что мы все рассыпаны в разные места круга и каждый по-своему в своей среде осуществляет, как может, то, чем духовно живет, по-моему, хорошо. Мы все все-таки идем к одному и все связаны не искусственно, внешне, а внутренне, сознанием того единого начала жизни, кот[орое] одно мы узнаем в себе и которое через разделяющие нас тела связывает нас. Я это не переставая чувствую и почувствовал по вашему письму и не переставая радуюсь этому. Ваши письма к судьям и дисциплинарный бат[альон] я нахожу очень хорошим и полезным делом. Кроме того вечного дела: идти вперед к ясности сознания и выражения истины и осуществления ее в жизни, нам предстоит настоящее дело при всех возможных случаях твердить наши зады для тех, кот[орые] их не знают, и это вы делаете вашими письмами к властям, и это я стараюсь делать тоже.

Всё, что вы пишете о ваших возражениях вашему брату, я точно так же, или почти так же думаю... [3] Сейчас остановился писать и перечел ваше письмо, чтобы найти то место, по отношению кот[орого] я говорю, что почти согласен, но, прочтя, не нашел. Мне показалось, что вы приписываете слишком большое значение осуществлению ц[арства] б[ожия] на земле, о кот[ором] мы судить не можем, но увидел, что вы думаете то же, что и я: что наше внутреннее увеличение в себе любви во внешнем и будущем представляется нам осуществлением ц[арства] б[ожия],

но что нельзя и не должно думать, что мы знаем цель жизни: наше дело исполнять волю его, а будет то, что он хочет и как он хочет. Письмо ваше мне было очень радостно, п[отому] ч[то] оно проникнуто тем же страданием за неравенство людей и стремлением избавиться от участия в нем, к[оторое] б[ыло] одним из главных толчков в моем пробуждении, и теперь, накануне смерти, с особенной силой пронесшееся во мне.

[5] Прощайте пока, братски целую вас и благодарю за письмо. Ваш план поселения в Курске мне нравится.

Л. Толстой.

Толстой Л.Н. ПСС. Т. 70.

1. Датируется по упоминанию о письмах М. В. Алехина судьям и в дисциплинарный батальон. 1 ноября 1896 г. в дневнике Л. Н. Толстого записано, что он обратился в Кавказский (конкретно в Екатериноградский) дисциплинарный (штрафной) батальон, прося его командира облегчить участь содержащихся там кавказских духоборов, отказавшихся от военной службы по религиозным мотивам. Возможно, в ту же инстанцию обращался и М. В. Алехин.

Комментаторы Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого датируют письмо приблизительно, по содержанию, по упоминанию обличительных записок, неоднократно подававшихся М. В. Алехиным судьям и другим административным лицам, на основании чего помещают письмо в 1894–1897 гг.

2. Возможно, док. № 21.

3. Многоточие в подлиннике.

4. В подлиннике: мне.

5. Абзац редактора.

№ 23. М. В. Алехин – Л. Н. Толстому

30 марта 1898 г. [1]

Нальчик, 1898 г., 30 марта

Не знаю, как Вы, дорогой Лев Николаевич, но я соскучился, ничего не слыша о Вас и о Вашем здоровье; да и давненько-таки я ничего не писал Вам ни о себе, ни о живущих здесь. Прочёл о том, что ваше «Искусство» уже печатается [2], у меня явилось непреодолимое желание написать Вам кое-что по этому предмету. Когда я занимался живописью, меня всегда стесняли те рамки, которыми ограничена эта отрасль введения в жизнь человека истинности его назначения. Я очень любил живопись, но любил как занятие свободное, дающее художнику более или менее независимое положение в обществе, как и положение писателя, художника, свободного от низкопоклонства, чинов, определённого вознаграждения за самоунижение. Когда я обладал уже техникою воспроизведения видимого, предо мною стали такие вопросы: что писать? Для кого писать? Писать ли для класса привилегированного или же для народа? Ответить на эти вопросы мне было легко, потому что я зиму вращался среди привилегированных, а летом среди крестьян в дерев-

не. Мужу не нужно того искусства, которому я обучался в академии, потому что он не может стать на ту степень безделья и развращенности, на которой стоит высший класс городского сословия, – ему нужно такое искусство, которое бы было полезно ему, облегчило бы его непосильный труд и нищенскую жизнь и сделало бы его человеком, а не забитою, затёртою, изнасилованною [?] скотиною. Высшему же классу, привилегированному, обеспеченному материально, живущему на горбах крестьян, искусство нужно лишь на столько, на сколько оно доставляет наслаждение и забаву. Следовательно, искусство нужно только, как самоизоляция для класса художников. Искусство – для искусства. Искусство же историческое – бессмысленно, потому что оно фантастично и индивидуально.

Что же такое искусство? Искусство есть природная сущность человека. У животных есть сущность приспособляться. У человека кроме этой сущности приспособления есть высшая – одухотворяться и одухотворять. Искусство есть одухотворение и оно присуще только человеку. Самое слово Искус – испытание – показывает, что человек в жизни своей испытывается, следовательно, движется вперёд и всё более и более одухотворяется. В таком движении вперёд есть три степени одухотворяемости: частная, или единичная, общая, или массовая, и высшая, или жизнь в духе.

Художник ли, писатель, актёр, певец, строитель, запершись внутренне от людей, передаёт степень своей одухотворённости пером, книгой, резцом и это воспроизведение предъявляет людям той среды, в которой он вращается, оставаясь сам весь в той же обыденной обстановке, как и все. Когда он воспроизводил своё внутреннее одухотворение на бумаге ли или на холсте, или на камне, – он был нем, слеп и глух ко всем окружающим его и ко всему внешнему миру. Поэтому писатель, художник... [3] калеки: слепцы, глухие, немые. Среди цивилизованных искусством занимаются многие и поэтому оно распалось на мелочи – от церковей до отхожих мест, следовательно, и калек очень много – и их надо кормить и для них нужно устраивать богадельни вроде академий, консерваторий – высших художественных классов. Это первая единичная или частная степень одухотворённости.

В старину это было проще. Художников было мало и они все были физические калеки: слепые, глухие, немые, хромые; их водили и возили из дома в дом, из посада в посад, и они, одухотворяясь внутренне, передавали игрою ли, голосом ли (эпос), письмом предмет своего одухотворения. Но в истории народов были моменты массового одухотворения, как в Греции, Италии. В то время Бога сделали [?] осязаемым в виде человека. Это язычество. Оно и до сих пор продолжается. Высшая же степень одухотворяемости – христианство – жизнь в духе. И вот искусство и должно служить этой высшей степени, которая присуща всем людям, отрешившись от личного и массового, а воспринявшими всеобщечеловеческое, т.е. христианское одухотворение, проявляющееся в равенстве, мире и любви. Оно присуще всем и каждому. Оно человеческое.

Как цель науки – знать, так цель искусства – одухотворять. Наука – форма, искусство – движение. Адам, вылепленный из глины со всеми тонкостями человеческого организма, – наука; живая душа, вдунутая в Адама – искусство.

Не знаю, поймёте ли вы меня, но мне хотелось высказаться вам раньше, чем прочту вашу статью. Я выписал её от Конусова, но, говорят, она очень сокращена.

Высказанные мысли привели меня к тому, что я оставил живопись и перешёл к физическому труду среди народа.

Радостно было читать в «Неделе» Меньшикова [4] «О любви и семейном сожительстве». Много правды, искренности, но довольно и неустойчивости. Но еще радостней было читать в «Неделе» Вл. Соловьева [5] о Целомудрии и бессмертии. Эта статья вполне мне по душе.

Наверное, Вы уже знаете, что Аркадий [6] переменял иночество на служение городу, судя по письмам сестры, увлекается этим служением, участвуя во всех собраниях, увеселениях и крестных ходах. Не знаю, надолго ли хватит его на это. Алеша [7] же отшельничает в Москве в ожидании платной должности лаборанта. Вообще он как-то не жизнерадостен.

Пишет Сукачев [8] из Англии, и судя по письмам, он нуждается в близком человеке, хотя и хвалит тамошние порядки и свободу и зовет всё туда, но, как мне кажется, тамошняя свобода не освободит человека от его слабостей и грехов, а только поверхностно сгладит их до поры до времени, но потом эти слабости и грехи с силою выползут наружу. Только тогда человек возрождается к праведности, когда он увидит, почувствует все свое бессилие и смирится. А бессилие он почувствует, когда поживет с униженными, подавленными, изнасилованными и увидит, что он виновен в этом и доля его – хотя одному из этих меньших помочь. Но уйдя в спокойные, тихие, свободные условия жизни, он, греховный, не возрождается, а только на время шлифуется поверхностно.

Из живущих здесь Воробьёв всё пишет что-то: не то повесть, не то роман. Герман [9] в[о] Владикавказе зарабатывает деньги чертежами на ж[елезной] д[ороге] и кажись [?] не скоро бросит это занятие – мало остаётся. Скороходовы, Дадияны, Рахмановы, Пятковские и Пётр Гастев [10] живут в горах. Рахманов и Пятков[ский] ещё на службе, но отстроились хорошо и жёны их уже живут там. Петро жил в наихмах у Пятковского целый год за 100 р. Он держался твёрдо. Милый человек! Владимир [11] виляет всё. Чудаковат он. Главное – мало там ладу и причиною всего земля. Денег они много затратили на постройки, на покупку земли, инвентаря и прожили два года, но земля-то там плоховата. Пчёл завели – почти вымерли. Весна холодная, дождливая. Да вам известно, что такое в горах выше 2000 ф[утов]. За мукою и сбыт картошки нужно ехать за 60 вёрст. Вообще жить им трудно будет, когда доживут последние гроши запаса и им перестанут присылать извне помощь.

Сам я всё живу в Нальчике. Отношение с жителями хорошее. Ко мне часто приходят за советом. Устроился я так. Зимую живу на квартире в Нальчике [12] и столлярничаю. Этот год за зиму исполнил заказ на 100 ульев для пчёл с рамками по 1 р. 20 к. за улей. И сейчас закончил работу и начну себе делать ульи и садить огородину в поле, а 1 мая выеду в степь с пчёлами, у меня уже 50 семей, и буду жить там до 1 октября в шалаше. Там же и огород, и бакча. Прошлого лета собрал и мёду и воску и было много огородини. Так что всю зиму мы сами кормимся, да и другим уделяем. Денежных расходов у нас 10–12 руб. в месяц с квартирою и дровами зимою, летом же руб. 6–7. Этот год хлеб здесь до двух рублей пуд. Многие бедствуют и живут на кукурузнике. Вообще работою я здесь обеспечен и мне все охотно отдают и готовы платить дороже против других, зная, что сделаю хорошо. Как видите, жить

мне здесь хорошо – никакого устройства – кроме пчёл. Малаша [13] живёт со мною и много помогает мне и делает жизнь мою здесь более постоянною и оседлою. Передвижение для неё очень затруднительно – потому что очень часто болеет и слаба, но все-таки лето живёт в балагане и ей лучше летом. Да, много ей повредила здоровье общинная жизнь – она за всех женщин (интеллигентных) должна была отбояриваться: человекам 15 белья одна мыла и обед и ужин готовила да и от многих выносила взгляды как на низшее существо. По ее рассказам, она много перестрадала – а всё исполняла и молчала – даже мне и то недавно сказала это. Да, правда, интеллигенты мало внимательны к слабым и стоящим не на одной ступени образованности. Это крупный недостаток был общинников и общинниц. Не знаю, как в Англии. Я думаю, и там тоже есть низшие и высшие.

Итак, Лев Никол[аевич], я занялся пчеловодством – старый я стал – кости от тяжелой работы иногда побаливают, но всё-таки работаю. Главное же, и Малаша занимается пчёлами вместе со мною, и мёд как-то оживляет.

Вот, видите, начал об искусстве, а кончил мёдом. И то, и другое сладко. Простите и, пожалуйста, напишите о себе и о других, что знаете, а также не умолчите о моем суждении об искусстве. Целую Вас и крепко люблю и жду письма.

Ваш Митрофан.

Нальчик Терской области

1. Датируется по почтовому штемпелю. На подлиннике сверху надпись карандашом «Нальчик 1898 год. Алехин М.».

2. Тратат Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» печатался одновременно в России и Англии в переводе на английский язык (переводчик Э. Моод). Первые пять глав помещены в журнале «Вопросы философии и психологии» (1897. Кн. 5), редактором которого был Н. Я. Грот.

3. Отточие автора.

4. Меньшиков Михаил Осипович (1859–1919) – журналист, одно время разделявший идеи Л. Н. Толстого, затем отошедший от них и выступивший против них с реакционных позиций.

5. Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – религиозный философ и публицист.

6. Алехин Аркадий Васильевич.

7. Алехин Алексей Васильевич.

8. Сукачев Евгений Андреевич, близкий знакомый М.В. Алехина.

9. Г. Р. Линденберг.

10. Приверженцы идей Л. Н. Толстого, поселившиеся общиной на р. Лескен. Пятковские (Пытковские) Михаил и Татьяна Васильевна (Теличенко). О других членах общины см. примечания выше.

11. Скороходов.

12. Свидетельство того, что первые годы в Нальчике М. В. Алехин жил в наемном доме (считается, что по нынешнему адресу – ул. Революционная, 12). Позднее построил собственный дом на Мужичьем хуторе (ныне – ул. Добровольского, 71).

13. М. В. Коваленко.

№ 24. Л. Н. Толстой – М. В. Алехину

12 [?] апреля 1898 г.

1898 г. Апреля 12-го[?]. Москва.

Письмо ваше было мне очень приятно вообще [1], п[отому] ч[то] люблю вас и рад всегда общению с вами. Потом мне очень радостно было найти в вашем письме вкратце выраженные те же мысли, к[оторые] высказаны и мною. Это доказывает то, что отношение к искусству всякого христианина одно и то же.

Посылаю вам книжку [2]. Простите, что пишу так кратко. Очень много дела и мало сил. А живу радостно и так же смотрю на приближающуюся смерть. Целую вас.

Л. Толстой.

Толстой Л.Н. ПСС. Т. 71.

На обороте: Кавказ. Нальчик. Митрофану Васильевичу Алехину.

Впервые опубликовано в «Известиях общества Толстовского музея» (СПб., 1911. 1 июля. С. 18). Датируется на основании почтовых штемпелей.

1. Вероятно, письмо от 30 марта 1898 г. (Док. № 23).

2. Л. Н. Толстой. Трактат «Что такое искусство?».

Публикацию подготовила Е. С. Тютюнина

СУДЬБА ПЕРВОГО РЕДАКТОРА

Этот материал об истории газеты «Кабардино-Балкарская правда». Но начнем мы издадека – с преамбулы, которая видится необходимой.

...Несколько лет назад в издательстве появился человек, предложивший купить у него книги исторической направленности – монографические издания, научные труды, репринты редких выпусков прошлых лет. Заинтересовавшись, мы попросили показать что-нибудь из принесенного, а открыв одну из обложек, не удержались от реплики: «Мы знали вашего отца – выдающегося, не побоимся этого слова, ученого, внесшего огромный вклад в воссоздание истории одного из этносов республики». Посетитель потускнел, пообещал прийти в следующий раз, но больше так и не появился.

Потом мы узнали, что покупатель на предложенные им книги все же нашелся – уж очень многие из них были специфичные, востребованные нынешним временем, когда кое-кто видит истинный патриотизм не в сегодняшней работе на нацию, а в желании отодвинуть как можно дальше в прошлое ее истоки. Печально было в этой истории и то, что у ученого, чья библиотека пошла по рукам, были и другие дети, более того, даже продолжившие его дело. Тем не менее желание одного из них подзаработать на отцовском хлебе отодвинуло на задний план родовую память.

Точно также, как в только что произошедшем факте продажи военного кителя известного в республике человека. Понятное дело, интерес представлял не сам китель, а ордена и медали на нем – множество наград, в том числе орден Александра Невского, пользующийся повышенным спросом у коллекционеров. Мы видели этот китель, вернее фотографию человека, облеченного в него, – совпало так, что в одном из изданий, только что выпущенных нами, в числе уважаемых людей Кабардино-Балкарии помещен и его портрет. Фишка, как выражаются сегодняшние молодые люди, данной истории в том, что продавал эти награды опять же близкий человек. И продал. Но история имела последствия. Спихнулись другие родственники, обратились к правоохранителям и те достаточно быстро нашли покупателей, которые за свой интерес серьезно поплатились – не только

вернули награды, но и заплатили весьма ощутимые штрафы. Но такой финал скорее исключение, чем правило.

И третий случай, имеющий самое прямое отношение к поднятой нами теме. История повторилась один к одному – в издательство пришел молодой человек, в руках у него был обычный полиэтиленовый пакет, а в нем документы – множество документов: конверты с подколотыми к ним письмами, вырезки из газет, фотографии, исписанные от руки листки пожелтевшей бумаги. Когда мы стали просматривать их, то сердце обмерло – архив принадлежал Г. И. Петрову. Напомним, Георгий Иванович Петров (1899–1979) – личность легендарная: организатор и первый редактор республиканской газеты, он оставил своей деятельностью, книгами заметный след в истории Кабардино-Балкарии.

Но был у этой истории и личный, если так выразиться, привкус. Дело в том, что в студенческие годы один из авторов этих строк проживал с родителями в одном доме с Георгием Ивановичем, а после его кончины стал свидетелем, как ближайшая родственница первого редактора на просьбу передать в партийный архив его бумаги ответила отказом. Мотивация при этом была такова: надо было очищать балкон, и она выбросила весь ненужный хлам, то бишь архив. Подобный поступок близкого человека вызвал у окружающих прогнозируемую реакцию. В частности, один из авторов этих строк разразился статьей «Что нас переживает...», опубликованной в газете «Советская молодежь» и изобилующей гневными репликами в адрес не помнящих родства.

И вот спустя более тридцати лет выясняется, что петровский архив не был выброшен на помойку, а находится все в том же доме, в той же квартире, на том же балконе. Об этом рассказал молодой человек, как выяснилось из дальнейшего разговора, не имеющий ни малейшего отношения ни к Г. И. Петрову, ни к его архиву, волею случая (речь снова идет о родственниках, но теперь уже внуках) ставший его обладателем. Молодой человек оказался жестким прагматиком, сразу заявив, что он легко расстанется со всеми этими залежавшимися кипами газет и бумаги, но за деньги. Сумму он затруднялся назвать, ибо не представлял, что это за архив, но начал с весьма значительных цифр.

Узнав, что бумаги скорее всего имеют историческую, но не финансовую ценность, – расстроился, достал из кармана коробочку с орденом Великой Отечественной войны второй степени и орденскую книжку на имя Г. И. Петрова. И еще больше огорчился, что таких орденов к юбилею Победы было выпущено миллионы и продать его ему будет весьма затруднительно.

На предложение осмотреть архив последовал отказ. На просьбу описать, что еще находится на балконе, обещал сообщить. Оставил на не-

сколько дней пакет с документами (коробочку с орденом сразу забрал), разрешив снять с них копии. И исчез надолго. Так следы петровского архива потерялись во второй раз. Но у нас на руках копии ряда документов, которые позволяют осветить некоторые малоизвестные страницы истории «Кабардино-Балкарской правды», в частности, личность Г. И. Петрова.

Завершив на этом нашу несколько затянувшуюся преамбулу, обратимся к ним. Прежде всего к воспоминаниям Г. И. Петрова. Но вначале строки, позволяющие оценить то положение, которое занимает Георгий Иванович в истории печати республики. Они из архивной справки, выданной 7 декабря 1973 года и подписанной заведующей партархивом Кабардино-Балкарского обкома КПСС Л. Татароковой. Итак, «...установлено, что Петров Г. И. 12 февраля 1922 г. был освобожден от занимаемой должности редактора газеты «Красная Кабарда» в связи с мобилизацией в войска. (Протокол № 7 заседания обкома ВКП(б) от 12 февраля 1922 г.)

С 6 июля 1922 г. (протокол заседания президиума обкома ВКП(б)) по 15 ноября 1923 г. (протокол заседания бюро обкома ВКП(б) от 15 ноября 1923 г.) работал ответственным редактором газеты «Красная Кабарда». Освобожден от работы в связи с откомандированием в распоряжение Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б).

С 4 апреля 1928 г. по 8 января 1930 г. работал редактором газеты «Карахалк» в г. Нальчике Кабардино-Балкарской автономной области. Освобожден с указанной работы в связи с откомандированием его в распоряжение Северо-Кавказского крайкома ВКП(б).

С 7 октября 1935 г. по 21 ноября 1937 г. работал редактором газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» в г. Нальчике Кабардино-Балкарской автономной области.

Тов. Петров Г. И. в 1929 и 1937 годах являлся членом Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б).

А вот как эти короткие сведения освещаются в воспоминаниях. Итак, организация газеты как таковой: «В начале января 1921 года я был командирован в Нальчик редактором окружной газеты-плаката «Кавроста» и начал вести подготовку к выпуску первой местной газеты, организуя сельковский и авторский актив. По заданию Нальчикского окружного РКП(б) и окрисполкома начал выпускать газету «Красная Кабарда». В ней приняли

Георгий Петров

активное участие командированные в Нальчик политотдельцы и военные работники А. Н. Антониковский, И. Н. Боровицкий и другие, а также прибывшие сюда на отдых и лечение старые большевики П. Н. и О. Б. Лепешинские, помогавшие мне в выпуске первых номеров «Красной. Кабарды» своими советами и статьями.

Незабываемую помощь и поддержку первой местной газете все время оказывал Б. Э. Калмыков. Его яркие и глубоко содержательные рассказы о героических днях гражданской войны на Северном Кавказе и участии широких народных масс в борьбе за советскую власть я начал записывать; с согласия автора они публиковались на страницах «Красной Кабарды», начиная с номера, посвященного 4-й годовщине Октябрьской революции (7 ноября 1921 г.), а затем были изданы отдельной брошюрой.

В августе-октябре 1921 г. я побывал в Москве, в составе делегации Кабарды, занимаясь вопросами организации материально-технической базы печати: машины, шрифты, бумага, а также по оргвопросам будущей письменности.

В конце 1921 г. в Нальчике было организовано одно из первых в стране хозрасчетное издательство «Красная Кабарда», хозяйственной стороной которого умело руководил Д. Д. Незлин. При издательстве начала работать комиссия из учителей по подготовке нового алфавита, заказ на который был сдан в 1922 г. (на изготовление шрифта). Тогда же мною была издана на новом алфавите первая разрезная кабардинская азбука.

Учитывая активное участие газеты «Красная Кабарда» в строительстве молодой автономной области, Кабардинский обком РКП(б) в мае 1922 года постановил ежегодно отмечать день 1 июня как памятное событие – выпуск первого номера газеты «Красная Кабарда».

По сигналам селькоров «Красной Кабарды» местные органы многое делали по успешной борьбе за ликвидацию бандитизма, за поголовную грамотность, подъем сельского хозяйства. Когда после голода 1921 года кулаки и недобитые еще помещики начали скупать у бедноты за бесценнок урожай прямо на корню, мною по письмам и устным рассказам селькоров была составлена и направлена в центральную печать корреспонденция, в ответ на которую правительством был издан декрет об аннулировании кабальных сделок, а мною было получено от сестры В. И. Ленина Марии Ильиничны Ульяновой личное письмо с приглашением участвовать в «Правде». Тогда же ТАСС (бывшее РОСТА – Российское телеграфное агентство. – *Авт.*) зачислило меня своим корреспондентом.

«Красная Кабарда» регулярно выходила на четырех страницах три раза в неделю, хотя в аппарате ее было всего два человека – редактор, фактические обязанности которого приходилось мне выполнять почти непрерывно

но с 1 июня 1921 года по 15 января 1924 года, и моя ученица и помощница Е. Я. Годович. Все остальные сотрудники, включая и воспитанного газетой поэта-сатирика Анатолия Арского, были внештатными. С 1922 года при газете издавалось сатирическое приложение «Красная заноза» по типу «Крокодила».

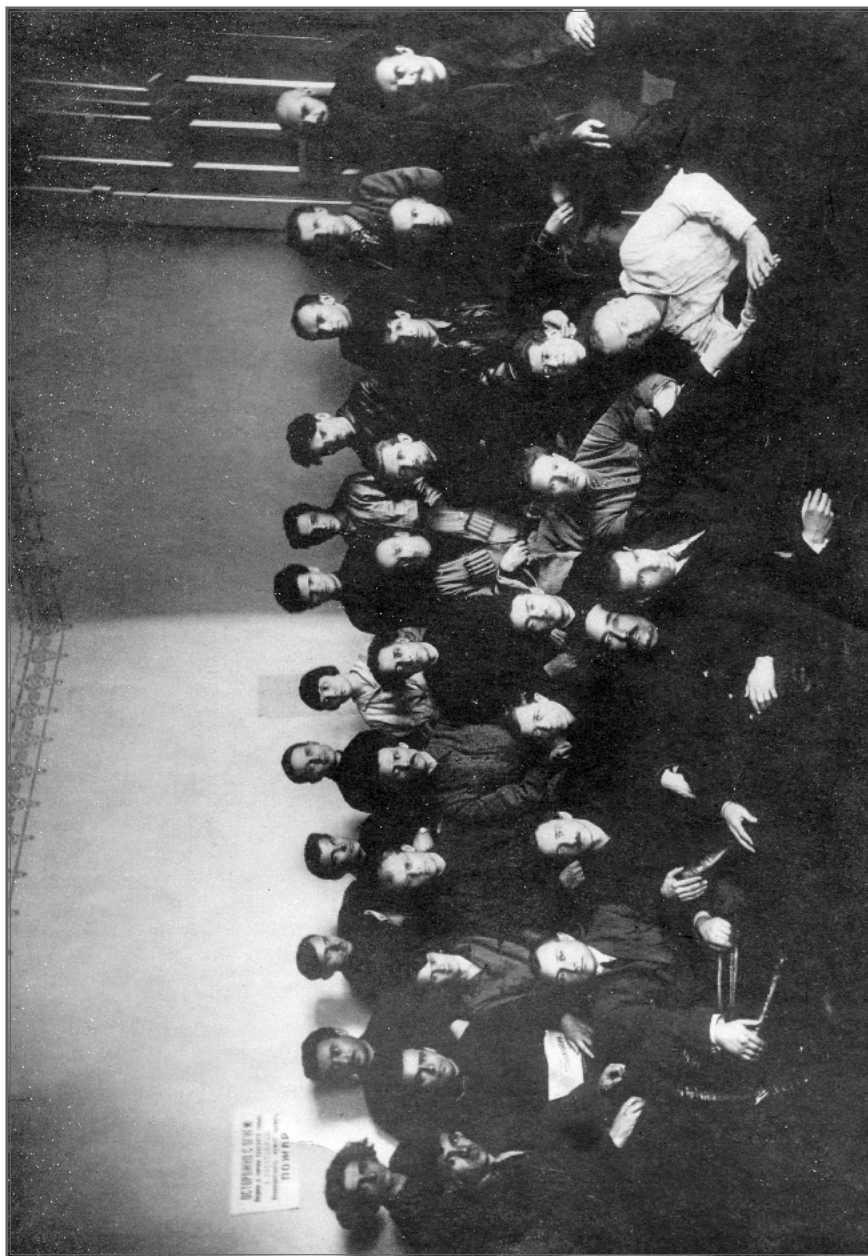
Инструкторский отдел Центрального комитета РКП(б) в 1922 году отметил весьма важную положительную особенность «Красной Кабарды» – ее широкие и тесные связи с массами, что позволяло на примерах местной жизни разъяснять вопросы политики партии и советской власти. Это же отмечалось и в обзоре Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), в то же время вносившем некоторые поправки в политическую линию газеты. Высокая оценка работы газеты «Красная Кабарда» была дана 5 мая 1923 года в статье Н. Чижовой на страницах «Советского Юга» – органа Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б).

Посчитав, что работа в Кабарде налажена, в январе 1924 года партия направляет Георгия Петрова на новый участок – в черноморскую окружную организацию (Новороссийск – *Авт.*), которая осенью 1923 года выступила против линии ЦК – за троцкистскую платформу. Поручено – восстановить местную печать. И вот результат четырех месяцев: тираж газеты «Красное Черноморье» вырос с 600 экземпляров до 5 тысяч.

В марте 1925 года Бюро ЦК РКП(б) направляет Георгия Петрова на работу в краевой центр печати г. Ростов-на-Дону. Его назначают заведующим отделом внешней информации газеты «Советский Юг». Рядом с ним трудились те, чьи имена станут гордостью советской литературы – Александр Фадеев, Владимир Ставский, Вера Панова, Павел Максимов.

Три года проработал Г. Петров в «Советском Юге» и вновь командировка в Кабардино-Балкарию, на этот раз по просьбе местного руководства. Вот как пишет об этом сам Георгий Иванович: «В тяжелом состоянии застал я весной 1928 года когда-то хорошо налаженное в 1922–1923 годах хозяйство печати. Обыватели, рвачи и пьяницы из редакции и типографии (здесь следуют фамилии, но мы опустим их) развалили материально-техническую базу печати, привели в негодность машины. С помощью обкома ВКП(б) и лично Бетала Калмыкова за короткий срок хозяйство печати было не только восстановлено, но и реконструировано: установлены и отремонтированы все машины, типография электрифицирована и вновь стала рентабельным предприятием».

Было создано Кабардино-Балкарское национальное издательство, налажен выпуск учебников и литературы на местных языках. Обе эти должности – редактора областной газеты «Карахалк» и заведующего национальным издательством – и исполнял Г. И. Петров в 1928–1929 годах.

А в скором времени вновь пришлось собирать чемоданы – Северо-Кавказский крайком ВКП(б) мобилизует Петрова на организацию массовой колхозно-совхозной печати в Сальском округе (в составе Северо-Кавказского края), где в то время создавалось крупнейшее в мире сельскохозяйственное производство – зерносовхоз «Гигант».

А потом были редакторские должности в целом ряде других изданий, пока в сентябре 1935 года Петрова в третий раз не командировали в Кабардино-Балкарию с целью реорганизации газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» из издания районного типа, какой она тогда была, в массовую областную газету.

Вот что вспоминает Георгий Иванович о том времени, ставшем самым мрачным в его жизни: «Перестройка газеты происходила в невероятно трудных условиях, связанных с огромным ростом тиражей и в то же время низкой квалификацией работников. Для преодоления этих трудностей приходилось работать над созданием новой технической базы печати (ротационной), готовить коллектив газеты к работе в новых условиях скоростной печати, и в то же время вести подготовку новых кадров корреспондентов газеты из работников сельского хозяйства и культуры, для чего я вел семинар при ВКСХШ в Нальчике и проводил такой же семинар при пединституте.

Я же, как редактор одной из ведущих в стране газет, по решению крайкома ВКП(б) был направлен на курсы редакторов при ЦК ВКП(б).

И как раз тогда, когда оставалось воспользоваться плодами вложенного труда, за день до пуска ротации, когда в Нальчик переезжал из Пятигорска пединститут, а в газету вливались подготовленные ею же свежие силы, совершенно вне всякой связи с происходящим в печати и в жизни Кабардино-Балкарии и ее парторганизации 19 ноября 1937 года заведующим отделом печати ЦК Л. З. Мехлисом в газете «Правда» было опубликовано постановление. Вот его констатирующая часть: «За нежелание вести активную борьбу с буржуазными националистами – снять с работы редактора газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» Г. Петрова». Такая формулировка тогда была равносильна объявлению врагом народ. В точном соответствии с нею я был репрессирован».

Сегодня невозможно ответить на вопрос, что послужило основой для подобного рода партийных выводов и заключений. Но без всякого сомнения началом стало одно из подметных писем, написанных подлой и завистливой рукой.

< Съезд редакторов газет Северного Кавказа. Г. И. Петров третий слева в верхнем ряду. 1925

Естественно, на подобный посыл главной газеты страны мгновенно отреагировали подручные партии, тут же сфабриковав соответствующее дело. Вот, в частности, строки из него («КБП» уже частично обращалась к нему в номере от 13 января 2000 года): «В конце 1937 года 4-м отделом УГБ НКВД КБАССР была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная группа в редакции республиканской газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», руководителем которой являлся бывший ответственный редактор этой газеты Георгий Иванович Петров.

Главной задачей группа ставила насильственное свержение советской власти в целях изменения существующего в СССР государственного строя. Практические задачи группы, определявшие программу ее действий, сводились к шпионажу, террору, вредительству и реставрации капитализма в Советском Союзе. Объединяющей политической платформой для всех участников группы являлось неверие в возможность построения социализма в одной стране».

Как говорится, прозвучало бы слово, а дело найдется. Один за одним подвергаются аресту журналисты. Вот их список и соответствующая дата ареста.

Двадцать пятого ноября 1937 года арестован Якименко Николай Васильевич, заведующий сельскохозяйственным отделом газеты, а уже на следующий день, 26 ноября, – судя по всему, с задержанным поработали в соответствующем духе, – сразу четверо: сам Петров Георгий Иванович, Пивнев Василий Петрович – ответственный секретарь редакции, Шаков Таусултан Исхакович – технический редактор Нациздата и Шаваев Салех Чаруевич (на других страницах дела – Салах Чируевич) – ответственный редактор газеты на балкарском языке. Спустя четыре дня – 1 декабря арестовывается Якименко Андрей Васильевич – корреспондент, писавший под псевдонимом Андрей Черный, а в конце месяца, 31 декабря 1937 года, Сабанин Василий Алексеевич – заведующий промышленным отделом газеты.

По большому счету практически вся редакция оказалась в застенках НКВД, но, судя по всему, такая скученность врагов народа в отдельно взятом коллективе смущала организаторов: делу не хватало масштабности и 4 февраля 1938 года в состав контрреволюционеров включается Салтурина Людмила Александровна – машинистка Нальчикского горкома ВКП(б), а 14 февраля группа врагов народа обретает окончательный вид: арестовывается Ростовцев Михаил Родионович (в другом месте Романович) – специальный корреспондент ТАСС по Кабардино-Балкарии. Все проходят по пресловутой 58-й статье с подпунктами 8 – террористический акт, 10 – контрреволюционная пропаганда и агитация, 11 – участие в контрреволюционной организации.

Особенно зловеще данные обвинения звучали в контексте подлинных реалий тех лет в биографии «Социалистической Кабардино-Балкарии», которая, как вспоминает Георгий Петров, «одной из первых в стране начала работать над задачей перенесения опыта стахановцев в сельское хозяйство, и вскоре нашлось немало передовых колхозников, которые, по существу, применяли те же методы, что и стахановцы, и добивались замечательных результатов. Опыт «Социалистической Кабардино-Балкарии» освещался на страницах краевой газеты «Северо-Кавказский большевик» и в центральной «Правде».

Наказание за труд на благо родины оказалось поистине щедрым. Так получилось, что в наших руках оказалась справка НКВД, в которой идет речь о деле Г. И. Петрова и его товарищей. Вот что в ней, в частности, говорится: «НКВД КБАССР в ноябре месяце 1937 года в редакции газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» были арестованы по обвинению в контрреволюционной право-троцкистской группе...» Далее следует приведенный нами выше список из девяти человек.

«28–29 июня 1938 года Спецколлегией Верховного суда КБАССР участники контрреволюционной группы осуждены:

Петров Г.И. к ВМН (высшей мере наказания. – *Авт.*), Пивнев В. П. к 10 годам лишения свободы, Якименко А. В. к 15 годам лишения свободы, Шаваев С.Ч. к 6 годам лишения свободы, Шаков Т. И. к ВМН, Ростовцев М. Р. к ВМН, Салтурина Л. А. к ВМН».

Мера наказания Якименко Н. В. и Сабанина В. А. в справке не указана. Но приговор, к счастью, не был приведен в исполнение – по протесту прокурора РСФСР 21 августа 1938 года он был изменен. И – процитируем означенную справку дальше – «28 октября 1938 года Уголовная коллегия Верховного суда РСФСР в порядке надзора определила: Петрову Г. И. ВМН заменена 25 годами лишения свободы, Якименко Н. В., Ростовцеву М. Р. – 20 годами лишения свободы, Шаваеву С. Ч., Пивневу В. П. и Якименко Н. В. приговор отменить и дело передать на новое рассмотрение.

В результате пересмотра дела в 1939 году НКВД КБАССР все обвиняемые из-под стражи, за отсутствием состава преступления, были освобождены с прекращением дела, за исключением Пивнева В. П. и Шаваева С. Ч., как умерших в лагерях; на Петрова Г. И. приговор оставлен в силе».

Справка датирована 27 января 1940 года, подписана лейтенантом госбезопасности Атановым, начальником 1-го спецотдела НКВД КБАССР.

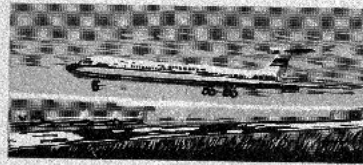
И еще более пяти лет Г. И. Петров содержался под стражей, несмотря на то, что по протесту прокурора СССР определением Коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 19 апреля 1941 года первичный

Уважаемый Георгий Иванович,
не отвечала так долго на Ваше письмо
потому, что мне его переслали
из Ленинграда только на-днях.

Вернувшись домой, передал его
в Ленинградский Секретариат Со-
юза СП, занимающийся в числе
прочего пересылками писем.

Адрес З. В. Шрейкмана Секрета-
риату, безусловно, известен.

6
Здор
ств

2. х. 6

АВИА

Куда Мальчик
пр. Ленина,
д. 14, кв. 46
Кому Георгию Ивановичу
Петрову

Адрес отправителя В. Ф. Макова
Тандукское, Крым, дом писателей

приговор в отношении него был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Второго мая того же года следователь, принявший дело к производ-
ству, расследование приостановил до прибытия Г. Петрова из Воркутла-
гера НКВД. Но в связи с начавшейся Великой Отечественной войной эта-
пирование заключенного не было произведено и о Георгии Ивановиче
просто-напросто забыли. И лишь 13 апреля 1945 года старший помощник
прокурора Кабардинской АССР (балкарский народ к этому времени был
подвергнут насильственному выселению) по спецделам, рассмотрев в
порядке надзора следственное дело по обвинению Г. И. Петрова, произ-
водством его прекратил за отсутствием в действиях последнего состава
преступления.

Об этом же говорит и справка за подписью Пивоварова, начальника от-
дела Комитета государственной безопасности при Совете министров Ка-
бардинской АССР, за № 2123 от 2 августа 1956 года: «Выдана гр-ну Петрову
Георгию Ивановичу в том, что он 26 ноября 1937 года был арестован быв.
НКВД КБАССР и содержался под стражей до 18 апреля 1945 г.

Освобожден из-под стражи по постановлению Прокуратуры Кабар-
динской АССР от 13 апреля 1945 года в связи с прекращением дела за от-
сутствием в его действиях состава преступления».

С 26 ноября 1937 года по 17 апреля 1945 года незаслуженно отсидел в
тюрьме и лагерях Георгий Иванович Петров. «Однако, – как он завершает
свои воспоминания, – действие тяжелой формулировки Л. З. Мехлиса про-
должалось в отношении меня: партийное дело мое не пересматривалось,
к работе по специальности я допущен не был».

После возвращения в республику (а куда ему еще было возвращать-
ся?) он пять лет работал плановиком на мелькомбинате № 9, затем, вплоть
до ухода на пенсию в 1957 году, в Каббалкпотребсоюзе – инженером по
транспорту, инструктором организационного отдела.

К журналистике, любимому делу, которому был предан душой и серд-
цем, его не допустили. Никто перед человеком, стоящим у истоков печати
Кабардино-Балкарии, так и не извинился. Если не считать извинением фе-
деративную пенсию, которой ему пришлось добиваться долгие годы, на-
правляя запросы в разные инстанции, орден, врученный на старости лет,
и ордер на жилье на проспекте Ленина, из которого старика практически
перед самой его смертью чуть ли не принудительно переселили, дабы ос-
вободить целый этаж для одной знаковой на тот момент личности, правда,
выделив первому редактору вместо двухкомнатной квартиры трехком-
натную...

АНАТОЛИЙ АРСКИЙ – ПОЭТ ПРОЛЕТАРСКИЙ

Его имя сегодня никому ничего не скажет. Раз-другой оно встречается в «Истории Кабардино-Балкарской АССР» (М., 1967), да и то в общем списке: «В начале 20-х годов в Нальчик на постоянную работу приехали опытные работники, участники Гражданской войны...». И в конце его фамилия – А. Г. Арский.

В книге «Секундная стрелка истории», в разделе, повествующем о первых выпусках газеты «Красная Кабарда», этому человеку посвящены целых два предложения: «Развивалось поэтическое дарование близкого к редакции юноши Анатолия Арского. Его сатирические фельетоны в стихах украшали многие номера». Здесь же, в списке сотрудников за 1922 год, находим: «Арский Анатолий Г., поэт – отдел культуры, искусства, литературы».

Авторы этих строк также мельком упомянули Арского в своей книге по истории комсомола Кабардино-Балкарии «Юности горячие сердца».

Встречается оно и в воспоминаниях, научных трудах, но тоже в назывном порядке.

И это о человеке, стихи которого сравнивали с произведениями Владимира Маяковского, а судьбу с судьбой Сергея Есенина, которому предрекали славу Демьяна Бедного, о котором восторженно писал Александр Фадеев, которого в последний путь провожали тысячи людей, а над Цемесской бухтой стоял долгий протяжный гул от десятков паровозных гудков. Воистину был прав Антуан де Сент-Экзюпери, тонко заметивший, что «слишком ранняя смерть равносильна грабежу: чтобы осуществить свое жизненное призвание, надо жить долго». Анатолий Арский ушел из жизни в 24 года...

Что нам известно о его короткой биографии? Настоящая фамилия поэта была Духов, а Арский – псевдоним. Нетрудно догадаться как возникший: от слова пролетАрский.

Он родился в 1901 году в Ейске (по другим данным – в Азове). Родители – артисты провинциального театра, понятно, люди небогатые. К тому же ушли из жизни в юношеские годы Анатолия. Далее было беспризорничество, когда вместе с младшей сестрой мальчик просил милостыню на ростовских улицах. Здесь детей заметили бродячие артисты, когда-то знавшие их родителей. С ними Анатолий объездил многие южные города,

научился читать – как он сам пишет – по уличным вывескам. Понятно, с каким восторгом юноша встретил Октябрьскую революцию, которую в наше время назовут переворотом, на чьей стороне принял участие в Гражданской войне. Красная армия, большевики – вот его выбор.

Известно, что Арский был командиром разведгруппы, но где и какой, уточнить не удалось. В 1920 году он уже в Грозном – заведует армейским клубом, выступает с чтениями своих стихов перед красноармейцами; его частушки на злобу дня пользуются большой популярностью. Грозненская газета публикует и его первое стихотворение, сатирическое по жанру. Затем демобилизация из рядов Красной армии, приезд в Нальчик: Арский направлен на работу в так называемый Помгол – комиссию, образованную в 1921 году для помощи голодающим в связи с катастрофическим неурожаем, постигшим обширные территории советской России, прежде всего Поволжья...

О нальчикском периоде короткой жизни Арского можно узнать из воспоминаний Георгия Петрова: «Он появился в Нальчике в редакции «Красной Кабарды» (Г. И. Петров был ее первым редактором. – *Авт.*) в первые месяцы ее существования. В буденовке, в длинной армейской шинели, с открытым, не по возрасту серьезным лицом (ему не было еще и двадцати), он привлекал своими светлыми задумчивыми глазами.

Он принес в редакцию свою заметку о помощи жертвам страшного бедствия в Поволжье. Заметка была написана прямым крупным почерком и очень простыми словами, в которых чувствовалась внутренняя сила. Вскоре в газете появился первый стихотворный фельетон Анатолия Арского, бичующий любителей легкой наживы, бросившихся в спекуляцию. С этого момента началось его творчество поэта-сатирика.

После Помгола Арского направили на работу в Нальчикский отдел ОГПУ. На посту чекиста его перо стало острее. Все чаще он обращается к большим темам. Вместе со стихами о партии, о революции в газете появился первый отрывок из большой задуманной им поэмы «Карахалк» («Беднота»), посвященной народам Кабардино-Балкарии.

Его яркий, самобытный и разносторонний талант раскрывался буквально на глазах. Он организует профсоюз РАБИС (работников искусств), ставит спектакли, устраивает вечера. Сцена, трибуна, эстрада были его стихией. Он был в «гуще масс», всегда на народе. Как актер играл на сцене вдохновенно, волнующе и пользовался большим успехом. Но чаще выступал как эстрадный поэт.

Из написанных им в Нальчике произведений наиболее значительны стихи о Ленине и о первых курсантах Ленинского учебного городка, где А. Г. Арский работал некоторое время воспитателем.

Курсанты быстро подружились с этим щедро одаренным природой человеком, но его влияние на молодежь, рост авторитета были не по душе националистическим элементам. Против него началась травля, и он вынужден был перевестись на работу в Новороссийск.

Сегодня уже невозможно узнать, по какой конкретно причине Арский был вынужден уехать из Нальчика. Скорее всего кому-то не пришлось по нраву его хлесткие стихотворные строки, в которые без всяких экивоков вставлялись имена тех, кто, на взгляд поэта, стоял на пути нового строя. Именно поэтому Арского в Нальчике называли не иначе как «Наш Демьян Бедный».

В начале 1924 года – читаем о нем в справочнике «Новороссийские писатели» – Анатолий Арский переезжает в этот причерноморский город, «где по рекомендации комсомола поступает на службу в Черноморский окружной отдел ГПУ. Именно в Новороссийске в полной мере проявился незаурядный художественный талант Арского, его организаторские способности. Надо признать, что с приездом Арского местная культурная жизнь получила новый заряд энергии. Анатолий Григорьевич почти сразу стал одной из центральных фигур культурного строительства в городе. Он сотрудничает с газетой «Красное Черноморье», редактирует журнал «Норд-ост», много сил отдает работе в Новороссийской ассоциации пролетарских писателей, публикует поэму «На рельсах» – рассказ о гибели красноармейца, взорвавшего железнодорожный мост, чтобы остановить наступление белых. Это произведение – характерный образец комсомольской поэзии 20-х годов».

Поэма «На рельсах» действительно заслуживает особого разговора. Напечатанная в новороссийской газете «Красное Черноморье» 26 ноября 1925 года, ровно за месяц до гибели ее автора, она стала своего рода его завещанием, квинтэссенцией всего до этого сказанного Анатолием Арским.

Ее содержание достаточно просто – в вагоне, за окном которого проносятся сторожевые будки, красноармейские посты, один из пассажиров, вспоминая недавнее прошлое, рассказывает эпизод гражданской войны. ...Отряд красноармейцев отбивает атаку за атакой белых. Вот-вот кончатся патроны, наконец, приходит приказ отступить. Но для того, чтобы задержать противника еще на какое-то время, необходимо взорвать мост.

Командир выстраивает бойцов:
– Кто добровольцем пойдет?
Шаг вперед!
Дрогнул, качнулся отряд.

Ждет добровольцев комбат...
Глаза у бойцов горят.
И гулко шагнул весь ряд,
И крикнули все без слов:
– Каждый из нас готов,
Каждый коммуны сын!..
– Спасибо, но нужен – один.
– Если один, то – я,
Вышел вперед мой брат.
– У каждого есть семья,
Я лишь один не женат...
Мне прикажите взорвать.
– Ты?.. Хорошо, ступай,
Будь твердым и твердо знай:
Лучше погибни сам,
Но мост не отдай врагам.

Заканчивается поэма «На рельсах» эпизодом, подчеркивающим ее конретику и реальность:

Протяжный свист прервал рассказ неожиданно,
Опять мелькнул красноармейский пост,
И мой сосед, слова роняя странно,
Шепнул: «Сейчас прошли мы этот мост...»

Характерная для того времени стилистика: темперамент, напор, простота изложения, воплощенные в рубленном слого знаменитой тихоновской «Баллады о гвоздях». Они же в его многочисленных стихах, ставших песнями («Песня о радости», «Весна»), которые запела молодежь. В поэме «Рытвина», посвященной опять же юношам и девушкам, их досугу и быту, принимающему порой совсем не социалистические, как тогда говорили, формы. Ее впоследствии напечатал журнал «Октябрь» (1926. № 1), а до этого, в отрывках, ряд газет Северного Кавказа.

Арский много выступает с чтением своих стихов. В августе 1924 года – на одной площадке вместе с приехавшим в Новороссийск Владимиром Маяковским. Его строчки действительно созвучны Маяковским:

Бился судорожно Орел
В генеральской лапе.
Речь в тылу буржуйчик вел:

Владимир Маяковский

Наше дело в шляпе.
Но расплаты час настал:
Красным громом вскоре
Был отброшен вражий вал
От Орла до моря...

На творчество Арского обращают внимание Александр Фадеев и Владимир Ставский. Вот как вспоминал об этом ростовский журналист и писатель Павел Максимов (1892–1977): «В те годы, когда А. Фадеев работал в Ростове, к нам в редакцию газеты «Советский Юг» и журнала «Лава» приходили из Новороссийска стихи Анатолия Арского. Они были интересны и по форме, и по содержанию. А. Фадеев хорошо отзывался о них, и они часто появлялись и в газете, и в журнале. Помню, как А. Арский приехал в Ростов на одну из краевых конференций пролетарских писателей.

Был он такой же молодой, как и А. Фадеев, светловолосый, в белой летней рубашке с расстегнутым воротом, в пенсне со сверкающими стеклами. Вероятно, здесь же, на конференции в Ростове, он впервые и познакомился с А. Фадеевым. Друг Анатолия Арского, бывший редактор новороссийской газеты «Красное Черноморье» Г. И. Петров писал мне по этому поводу:

«Анатолий Арский появился в Новороссийске в июне-июле 1924 года, а познакомился с А. Фадеевым в октябре 1924 года (в Ростове) при командировке по делам Новороссийской литературной организации «Железное перо». Это я хорошо помню, так как был зампредом или секретарем этого «Железного пера».

...Об этом знакомстве А. Арский рассказывал и мне, и всем в редакции «Красного Черноморья» так горячо, что до сих пор это помню. Это был какой-то пленум или оргсобрание РАППа (Ростовская ассоциация пролетарских писателей), и тогда же он познакомился с А. Фадеевым».

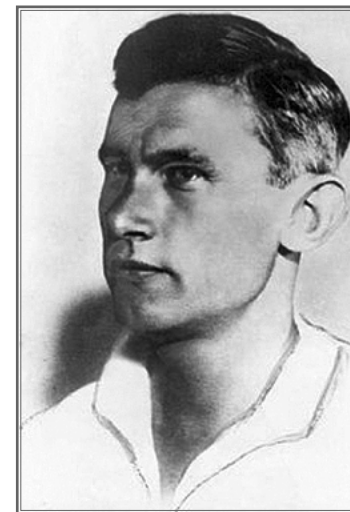
Я видел его на этой конференции. Это был общительный, приветливый человек. Но чувствовалась в нем в то же время и серьезность, я бы даже сказал, настороженность бойца, коммуниста (он был кандидат в члены партии). Он производил очень хорошее впечатление политически грамотного человека, культурного и талантливого молодого поэта. А. Фадеев сразу подружился с ним и, пока А. Арский был в Ростове, их часто можно

было видеть вместе, будто они уже давние друзья.

В Ростове на конференции А. Арский был не в форменной, а в обычной городской штатской одежде, в которой ходили все молодые ростовчане, но я знал, что он служит в ГПУ, но скоро должен уволиться и переехать в Ростов на учебу и оргработу в СКАППе (Северо-Кавказское объединение ассоциаций пролетарских писателей). Обо всем этом он уже договорился с А. Фадеевым. Мы все с нетерпением ждали его переезда в Ростов, в нашу писательскую семью».

П. Максимова дополняет Г. Петров: «Вспоминаю восторженные рассказы дружившего со мной молодого поэта Анатолия Арского о его встречах с А. Фадеевым. Последняя их беседа началась в полдень в редакции «Советского Юга», а закончилась далеко за полночь на квартире Фадеева. А. Фадеев любил Арского за его кипучую натуру, самобытный талант и особенно за его неизменное стремление быть всегда в гуще масс, выступать со своими стихами перед рабочей аудиторией. А. Фадеев высоко ценил творческое дарование Арского и возлагал большие надежды на его организаторские способности».

Но не сложилось... Не будем забывать, что Арский был не только поэтом, но и чекистом. В ночь на 27 декабря 1925 года он дежурил по Черноморскому отделу ГПУ. Пришли сведения, что на окраине города видели двух налетчиков (их фамилии были Миронов и Комберьян), только что совершивших дерзкое ограбление квартиры. Стало известно, где бандиты скрываются. Арский выехал на задержание. Вместе с красноармейцем он зашел в дом, увидел сидящих за столом двух неизвестных, по-

Александр Фадеев

Павел Максимов

На этом фото нет Анатолия Арского, зато есть те, о ком идет речь в материале: А. Фадеев (6-й слева в третьем ряду), Г. Петров (3-й слева в третьем ряду), Г. Кац (1-й слева в первом ряду)

требовал предъявить документы. Один из бандитов, не вставая со стула, выстрелил из пистолета, находящегося в кармане; другой ранил спутника Арского. Смерть поэта-чекиста была мгновенной...

Павел Максимов вспоминает: «О трагической гибели А. Арского сейчас же узнал и А. Фадеев. Когда он, придя в редакцию, шел по коридору, был молчалив, сосредоточен, и лицо его было так сурово, будто он принял решение дать бой врагу и быть к нему беспощадным.

В тот же день он много говорил об Арском с поэтом Григорием Кацем и журналистом Г. И. Петровым, который рассказал следующее: «А. Фадеев предложил мне написать статью-некролог об А. Арском, как давно знавшему А. Арского и помогавшему поэту в его первых шагах еще в 1921 году и позже, и я на всю жизнь запомнил обстоятельства, при которых писал эту статью, так было тяжело переживать эту смерть, и каждое слово для статьи мне давалось с бою».

На следующий день, 30 декабря, в «Советском Юге» на третьей странице под заголовком «Памяти Анатолия Арского» были помещены статья А. Фадеева «На посту», статья Г. Петрова «Друг, борец и поэт», стихотворение Григория Каца «Товарищу» и фотопортрет А. Арского.

В своей статье А. Фадеев дает оценку литературному творчеству безвременно погибшего молодого пролетарского поэта: «Нет никакого сомнения в том, что в лице Анатолия Арского погиб один из наиболее даровитых пролетарских поэтов Северного Кавказа... Так можно сказать не только потому, что все написанное им, во-первых, отражает различные моменты нашей борьбы и строительства под нужным нам углом и, во-вторых, несет в себе зерна подлинного художества, но и потому, что Арскому было только 24 года, он беспрерывно рос в своих стихах и обещал гораздо больше того, что успел дать... Арский выявил в своих стихотворениях и свое лицо, являющееся в то же время лицом того класса, который определил направление его творчества и которому он отдал не только свое дарование, но и жизнь...

...Арский являлся одним из активнейших работников в Северо-Кавказском объединении пролетарских писателей и руководителем Новороссийской ассоциации. Но в то же время он был рядовым пролетарским бойцом на скромном посту работника ГПУ, охранявшим наши завоевания и погибшим на этом посту».

Анатолий Арский был действительно пролетарским поэтом, оправдав свой звучный псевдоним. Но ему просто не хватило времени, чтобы стать поэтом-лириком. Его лирические стихи еще ждали своего часа, который так и не наступил. Но прочитайте в эти строчки, и вы почувствуете, как много ему было дано:

Поник в молчанье лес густой.
Лесные чащи тишью полны.
И только ветер над землей
Ковер из листьев золотой
Колеблет и собирает в волны...

Или это описание зимнего пейзажа:

Морозный воздух чист и ясен.
Туманный сбросив свой убор,
Вершины гор ласкают взор.
Как в панораме, вид прекрасен...

Так судьбе было угодно, что в эти самые декабрьские дни из жизни ушел выдающийся русский поэт Сергей Есенин. И вот что мы читаем в книге «Любимый сын России» ростовчанина, доктора философских наук Андрея Данцева: «Примечательно, что на Дону кончина Есенина была во многом воспринята сквозь призму еще одного потрясения. Случилось так, что в день ленинградской трагедии 28 декабря в Новороссийске был убит бандитами известный на Северном Кавказе пролетарский поэт, сотрудник газеты «Советский Юг» Анатолий Арский. На Дону, как и во всем Северо-Кавказском крае, куда входил Донской регион, это убийство вызвало негодование общественности. Драматическая судьба поэта-северокавказца взволновала многих жителей юга. Кстати, убийца Арского был вскоре убит на Ростовском вокзале в перестрелке с оперативниками. Как сообщалось в печати, «у него найдены вырезки из газет с сообщениями об убийстве поэта».

В Северо-Кавказской краевой газете «Молот» от 1 января 1926 года был помещен материал Павла Кофанова, названный «Еще двое... (вместо некролога)»: «Они всегда умирали не своей смертью, певцы мировой печали и мировой грозы – поэты. В жизни своей скитальцы, певцы мятежа и протеста – они со смертью своей как бы завершали свою музыкальную мелодию... Так умер великий Пушкин. Так умер скорбный романтик Лермонтов. Так теперь в расцвете молодости умерли эти двое».

Вскоре в Ростове РАПП организовал вечер памяти Есенина и Арского, о чем сообщила газета «Советский Юг» 15 января 1926 года...

Одна из улиц Новороссийска названа в честь Анатолия Арского. В Нальчике, как мы уже говорили, память о нем не сохранена.

КАВКАЗ, КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ...

...На вопрос, кто автор книг, перечисленных ниже, не ответил ни один из наших знакомых, достаточно хорошо знающих историю республики. А ведь названия не просто говорящие, они имеют прямое отношение к Кабардино-Балкарии: «Вечный снег и лед» (1901), «Кавказ» (1906), «Картины Кавказа» (1915), «На высоте» (1923), «К ледяным полям Эльбруса» (1925), «От Казбека к Эльбрусу» (1928), «Кавказские Альпы. Путеводитель по Кабарде и Балкарии» (1929), «Эльбрус» (1930), «Поход на Эльбрус» (1936), «Кабардино-Балкария» (1937).

Не сомневаемся, что задумались и вы. И это печально, так как имя их автора, сделавшего очень много для популяризации Кабардино-Балкарии, да и всего Кавказа в целом, сегодня практически никому, за исключением библиографов, не известно. Забыт он сам, забыты его многочисленные книги, не переиздававшиеся долгие десятилетия. И это несмотря на то, что многие их страницы написаны языком образным, они эмоциональны и искренни, продиктованы восторгом перед красотами нашего края.

Автор этих книг – известный русский и советский географ Сергей Сергеевич Анисимов. Через всю свою жизнь (12.03.1876–28.10.1948), которая пришлось на непростое, переломное в истории России время, он пронес возвышенную любовь к Кавказу – краю, «где можно созерцать нетронутую красоту природы, где можно найти богатейший материал в области исследования всех естественно-исторических наук, где на небольшом относительно пространстве пред путешественником проходят все стадии жизни человека на земле от тех первобытно-пастушеских времен, когда люди пасли стада и дружески принимали странников, до современной промышленной культуры с трубами заводов, с грохотом и шумом машин, трамваев и автомобилей».

Занимаясь подготовкой к печати работ С. С. Анисимова, пишущие эти строки были поражены тем, насколько скуден имеющийся материал о биографии самого географа, хотя умер он всего лишь 65 лет назад. В Интернете на нескольких сайтах размещена одна и та же короткая биографическая справка. В библиотеке удалось обнаружить только одну статью (Связь времен // Ветер странствий. 1985), автор которой – Николай Бондарев тоже не нашел ответа на вопрос, почему имя знаменитого путеше-

ственника оказалось вычеркнуто из современной истории. Но и после его статьи труды географа так и не пришли к читателю.

Почему же так произошло? Может, имелся какой-то запрет на упоминание имени Анисимова? Идеологическая составляющая, закрывшая путь его книгам в наше время? Последняя, конечно, была, но, очищенные от ее шелухи, труды Сергея Анисимова, написанные в годы советской власти, только выиграли бы, обрели большую цельность, емкость, образность. Вчитываясь в книги краеведа, написанные в двадцатые-тридцатые годы прошлого века, буквально ощущаешь, насколько тяжело даются ему притянутые за уши вставки в поэтический текст здравии и славы советскому строю и вождю. Но без этого обрамления работам этим был заказан путь к читателю.

На наш взгляд, дело не в каком-то мифическом заговоре или недругах писателя-краеведа, а в том, что не нашлось людей, заинтересованных в возвращении его творчества – ближайшие родственники умерли, детям их оказалось не до трудов забытого предка, тем более что материальная составляющая от их переиздания никак не могла быть прибыльной.

Дошло до того, что в том же Интернете до сих пор нет ни одной фотографии Сергея Анисимова. Долгое время неудачными были и наши поиски, пока не был обнаружен живописный портрет, принадлежащий кисти известного художника Александра Куприна. Того самого, что наряду с П. Кончаловским, Р. Фальком, А. Лентуловым организовал некогда знаменитое общество «Бубновый валет». Поиск был долгим, потому что каталог работ А. Куприна, где воспроизведен портрет С. Анисимова, в силу крошечного тиража в библиотеки практически не попал, а разошелся по рукам посетителей выставки.

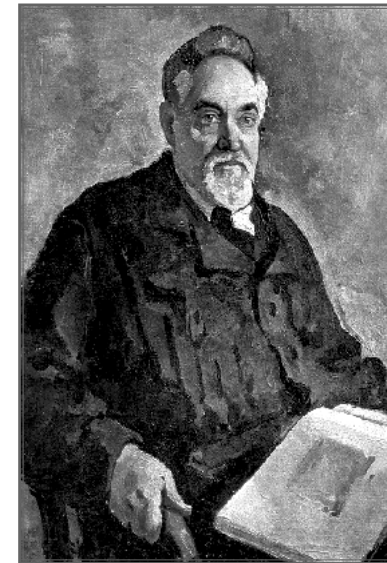
Каким же был жизненный путь Анисимова? Из автобиографической справки, составленной самим Сергеем Сергеевичем, явствует, что он родился в феврале 1876 года в городе Фатеже Курской губернии. Окончив в 1895 году Воронежскую гимназию, продолжил учебу на медицинском факультете Московского университета, после двух курсов понял, что ошибся в выборе будущей профессии, перевелся на юридический факультет петербургского университета, который и завершил в 1902 году, став адвокатом. Работал в Курске, потом в Днепропетровске, далее переехал в Москву. Значим вклад С. Анисимова в революционную деятельность – участвовал в сходках, демонстрациях, арестовывался, сидел в различных тюрьмах, терпел тяготы тобольской ссылки. Как адвокат выступал в качестве защитника в политических процессах, некоторые из которых прогремели на всю Россию. Всего таких процессов было более ста, причем многие из них нашли отражение в книгах Сергея Анисимова. Тема эта сейчас мало кому интересна, тем не менее назовем несколько из почти двух десятков отдельных

изданий – «На пути к смерти» (1913), «Приговор» (1927), «Бунт в Тобольской каторжной тюрьме № 2» (1928), «Трагедия невинного» (1928), «Бессудная земля» (1929), «Тюрьма горит» (1930), «В судах Столыпина» (1931), «Как это было» (1931), «Драма на этапе» (1933)...

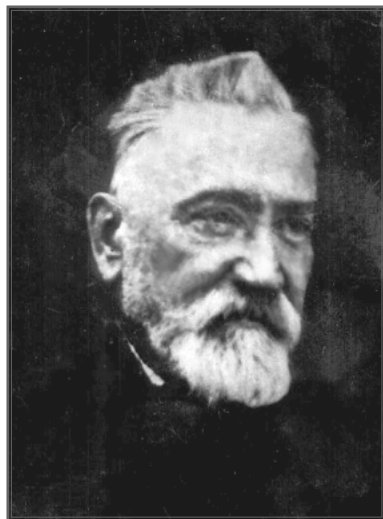
Как автор работ по истории революционного движения Сергей Анисимов был необычайно востребован – ежегодно, а то и несколько раз в год издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных поселенцев выпускало по несколько его книг и брошюр, ныне, в силу понятного рода причин, совершенно забытых.

Интерес к Кавказу пробудился у Сергея Сергеевича еще в студенческие годы, вылившись в самую первую книгу – «Вечный снег и лед» (1901) – восторженный гимн природе гор. И еще почти 20 раз после этого (самостоятельно и в составе научных экспедиций) приезжал Анисимов на Кавказ – совершал путешествия по его ущельям и долинам, прокладывал и описывал туристические маршруты, знакомился с достопримечательностями природы и историческими памятниками, изучал менталитет проживающих здесь народов, пристально и заинтересованно вглядываясь и пропагандируя их обычаи и традиции. Эти поездки вылились в многочисленные краеведческие книги, которых за тридцать пять лет было написано более тридцати. Их общий объем составил свыше 170 печатных листов. Помимо названных выше, среди них надо назвать работы «Кавказский край» (этот путеводитель издавался трижды – в 1924, 1927, 1928 годах), «Военно-Грузинская дорога», «Военно-Сухумская дорога и курорт Теберда», «Военно-Осетинская дорога», «Черноморский Кавказ», «Кавказские минеральные воды», «Абхазские Альпы», «Сванетия», «Казбек»...

Особенно должна быть благодарна С. С. Анисимову Кабардино-Балкария – его первая и главная любовь, которой он остался верен до конца своей жизни. Помимо десятка книг, в большинстве своем целиком посвященных ей, он в 1934–1935 годах участвовал в организации Школы альпинизма РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия) в Терсколе на южном

Худ. А. Куприн. Сергей Сергеевич Анисимов

Сергей Сергеевич Анисимов

склоне Эльбруса, в создании методики массовых восхождений, читал курс орографии Кавказа для командного состава. Имена слушателей этой школы стали известны всей стране в 1942 году, когда они встали на пути фашистов на перевалах Эльбруса.

Любовь к Кавказу географ передал своей дочери Татьяне – талантливая художница, она с раннего детства сопровождала отца во многих его путешествиях, запечатлев на своих картинах горы и горцев. Особенно много работ посвятила Татьяна Приэльбрусью.

Все свои работы по Кавказу Сергей Анисимов делил на разделы, относя к первому из них художественные и художественно-географические очерки о высокогорных областях; ко второму – научные работы, явившиеся

результатом экспедиций в Сванетию (1928–1929) и Северную Осетию (1936); к третьему – работы научно-описательного характера (статьи для энциклопедий и справочников); к четвертому – научно-популярные книги; к пятому – опыты научно-популярной обработки общего путеводителя по региону и отдельным районам; к шестому – популярные географические монографии с маршрутами. И в каждом из этих направлений он преуспел – общий объем выпущенных им работ, причем без учета более 60 статей в журналах «Всемирный турист», «Огонек», «На суше и на море» и ряда других, превышает 220 печатных листов. Шесть-семь многостраничных томов!

В годы Великой Отечественной войны С. С. Анисимов неоднократно выезжал на линию фронта, где выступал с лекциями перед бойцами, образно и восторженно рассказывая об истории и географии страны, которую они защищали. Его доклады «Классики о немцах» регулярно печатались в фронтовой и заграничной печати. В 1943 году вышла последняя работа С. Анисимова – географическая монография «Путешествие П. А. Кропоткина», за которую ему была присвоена степень кандидата географических наук.

Известный географ не был облакан советской властью, не удостоен высоких государственных наград. И это по большому счету несправедливо, ведь, как говорилось в Почетной грамоте Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР (1946), «Развитие туризма в

СССР тесно связано с именем писателя-географа С. С. Анисимова. Многие годы своей жизни т. Анисимов посвятил делу изучения и описания нашей Родины. Его многочисленные справочники, путеводители и другие труды по Кавказу были теми пособиями, на основе которых советские туристы и альпинисты прокладывали свои первые пути в горах и строили планы своих восхождений. Товарищ Анисимов известен среди наших туристов и альпинистов как увлекательный докладчик и как активный общественник, вложивший немало труда в дело подготовки кадров инструкторов, руководителей и экскурсоводов».

Будучи на отдыхе в Гаграх в 1948 году, Сергей Сергеевич умер. Влюбленный в Кавказ, открывший ему свое сердце, он ушел в небытие на его земле, с его образом в глазах. И Кавказ, как свидетельство верности, принял его последнее дыхание.

А свой земной приют С. С. Анисимов нашел в Москве, на знаменитом Ваганьковском кладбище. После долгих поисков его могилы, что расположена на 23-м участке, мы увидели, что она находится за одной оградой вместе с захоронением Владимира Даля, знаменитого составителя словаря русского языка. Букет цветов, положенный на могилу Сергея Сергеевича, был единственным за долгие десятилетия. Но верится, что выпущенная нашим издательством книга, в которую вошли анисимовские работы «Поход на Эльбрус» и «Вокруг Эльбруса», первая ласточка в деле возвращения трудов незаслуженно забытого географа-краеведа, открывшего для многих людей страну гор, отдавшего, говоря кулиевскими словами, свое «сердце – Кавказу всему».

Ваганьковское кладбище. Памятник на могиле С. С. Анисимова (справа)

СУЛТАНЭ

В компании с братом я шел из Балкара в Чегем. Это две горных котловины к востоку от Эльбруса, разделенные высокими выступами или контрфорсами Главного хребта, замкнутые между Главным и Боковым хребтами Большого Кавказа. Мы побывали у ледников вершины Каштан-тау и оттуда, поднявшись на высокий перевал с альпийским лугом, спускались в котловину Чегем. Наконец, после скитания больше недели под открытым небом, пришли в аул. Наш проводник-балкарец привел нас к своим сородичам.

– Султанэ, гости! – крикнул он, смотря куда-то вверх на скалы.

Послышался шорох сыплющихся камней, и мы увидели высоко над собой фигуру в черкеске. Какой-то человек скользил к нам вниз по склону, прыгая по нагроможденным скалам. Махая широкими рукавами, он точно на крыльях перелетал к нам все ниже и ниже. Мы замерли, глядя на него в страхе, что он сорвется.

Но вот Султанэ, невредимый, спустился к нам и весело здоровался с открытой улыбкой, из-за которой прекрасно блестели зубы. Это был подросток-горец, и на лице его сиял еще мальчишеский задор сквозь возмужалые юношеские черты. Его улыбка была полна восторга жизни и ежеминутно освещала его лицо сквозь легонькую напускную дымку серьезности. Рука Султанэ гордо, как у воина, лежала на кинжале.

Султанэ был ученик 6-го класса реального училища Владикавказа, сын старшины селения. Отца не было дома, и он принимал нас, как хозяин, по-горски, по всем обычаям гостеприимства. Женщин не было близко, их тени мелькали около женской половины сакли и на дворе. Они справляли в сумерках свои хозяйственные дела и по распоряжению Султанэ стали готовить нам пищу. Султанэ же ввел нас в мужскую половину сакли, в кунацкую, украшенную по стенам оружием и коврами. У длинной стены располагались сплошные шкафы в виде полок, задернутых занавеской. В них хранились перины и подушки для гостей и хозяев. Пол был устлан паласами (войлочные ковры).

В одной из стен был огромный камин с широкой трубой в виде усеченной пирамиды. Султанэ усадил нас на низенькие скамьи пред круглым столиком тоже на низких ножках, а сам стоял и не хотел сесть, как мы ни приглашали его. Его гордая поза и весь вид точно говорили нам: «Вот вы думаете, я молод. Но вы еще посмотрите, что я могу сделать».

Мы умылись над медным тазом из «кумгана» (медный кувшин с длинным горлом) ключевой водой и вышли во двор из сакли. Она стояла высоко на склоне, и под нами развевался весь аул. Это было собрание огромных каменных гнезд, лепившихся по крутым стенам в трещине глубокого ущелья, которое тут же выхо-

дило в широкую горную котловину. Внизу у последних саклей уютными квадратиками расстилались хлебные поля по дну долины. За ними по противоположному более пологому склону рос могучий хвойный лес. Темные вершины его таинственно уходили вдаль, на самый перевал.

Вошла полная луна. Она была так светла и ярка, что Султанэ сказал нам:

– Я знаю здесь каждый камень. Когда мы поужинаем, я и ночью при луне покажу вам все – и наши башни, и нашу реку, что вырывается прямо из каменной скалы, и сведу вас вверх к самой голове ущелья, где находятся памятники христианских погребений.

Мы исповедуем ислам, – разъяснил он. – Мы магометане. А эти памятники стоят у нас с незапамятных времен. Чьи они, мы не знаем, но мы их не трогаем. Не беспокоим покойников.

После ужина он действительно повел нас осматривать местные достопримечательности, как говорят туристы. Сверкая даже в темноте белками глаз на бронзовом лице, Султанэ не шел, а точно плавно несясь впереди нас вверх по крутой тропе. Его светлая черкеска опять мелькала пред нами, как крылья ночной птицы. Потом тропа круто спустилась вниз, и мы вошли в густую лунную тень. По легкому перекидному мосту перешли гремющий горный поток, и опять черкеска Султанэ выступила на яркий лунный свет из черной тени. И снова он быстро понесся перед нами вверх по тропе, а мы осторожно двигались за ним.

Но вот тропа уперлась в черную почти отвесную стену. Султанэ остановился, взял меня за руку и сказал:

– Держитесь за руки, а то здесь совсем темно. Сейчас мы подойдем к самому истоку, вот в той черной трещине. Я подведу вас совсем туда, и вы увидите, как земля выбрасывает там воду прямо из себя и ревет так, что ничего не слышно.

Мы призадумались немножко, но затем пошли.

– Ничего, ничего! Тут неопасно, – ободрял нас по дороге Султанэ, когда мы лезли куда-то вниз по темным скалам, в ревущую под нами пропасть. – Здесь очень интересно, – кричал мне, нагибаясь к уху, Султанэ, чтобы перекричать поток.

И вдруг он издал по-горски сильный и звенящий крик и разорвал и наполнил им ущелье. Бесчисленные отклики отзывались ему, точно все то сказочное, что жило, казалось, в громадах темных скал, заговорило с ним.

Султанэ крикнул еще и еще, и его крики понеслись куда-то в глубину земли, в туннель подземного потока, как будто проникая в земные недра.

Султанэ послушал и с восторгом спросил:

– Правда, хорошо?

Затем он взял меня за руку и осторожно повел по какому-то карнизу. Мы были на дне узкого ущелья-коридора в полной тьме и видели только высоко над собой синюю полоску неба с яркими звездами. Двигались мы ощупью куда-то в ревущую пропасть, точно в пасть тому сказочному существу, что издавало этот дикий рев. Было слегка жутко, но и приятно, а Султанэ удивлялся нашим опасениям и бесечно увлекал нас за собой вперед.

– Уже пришли! Вот здесь! Смотрите! – воскликнул он и осветил моим электрическим фонариком устье потока. Пред нами кипела белая пена, летевшая из каменного коридора в глубину земли. Она светилась, играла и брызгала нам в лицо

мелкой водяной пылью в кружке электрического света. Но Султанэ гасил фонарик, и тогда нас охватывала такая полная и грозная тьма, как будто ущелье поглощало нас своей пастью. А Султанэ опять нажимал кнопку электрического фонаря, и пред нами вновь кипела подземная река, жутко кружила головы и заманчиво тянула в свою бездну с узкого карниза, на котором мы стояли.

Султанэ отдал мне фонарь, сказал, чтобы я не гасил его, а сам присел и вдруг, напрягшись, прыгнул и перелетел на камень, выступавший скалой из kloчущей воды. Я направил фонарик на него и осветил его спину и обрез речного туннеля перед ним. Свет фонаря несли полосой в глубину. Султанэ, прыгая с камня на камень, пробрался внутрь, обернулся и опять по-горски звонко закричал. И его голос понесся в глубь подземного потока, словно дразнил и звал оттуда какое-то чудовище. А чудовище это сердилось, ревело и пускало ему навстречу пенистые волны. Но Султанэ не унимался и перекликался с ним тысячекратным эхом.

Вдруг мой фонарь погас: не то испортился, не то иссякла его энергия. Мы замерли в страхе за нашего милого гонца. Но Султанэ кричал нам, что он все видит и знает в потоке каждый камень. Мы, было, совсем потеряли его из глаз. Но через минуту Султанэ вернулся к нам на наш карниз, и, присмотревшись к его лицу, я увидел его в экстазе от пережитого впечатления.

– Знаете, еще год назад здесь было совсем сухо и не было реки, – Султанэ сделал загадочное лицо и продолжал: – Просто здесь была сухая дырка. Старики говорили, что раньше, давно когда-то, здесь тоже была река, но лет 50 назад она куда-то вдруг ушла. До прошлого года я много раз лазил туда. Можно было пройти на версту, а может быть, и больше. Там было сухо. И вот прошлый год всю весну гремели грозы и шли дожди, и вдруг в один день оттуда хлынула вода и полетели камни. По всему аулу пошел такой шум, как будто ломалась сама земля. Люди в селении сидели, укрывшись в саклях. Старики вынули Коран и молились над ним...

Я и другие сверстники бросились к потоку смотреть. И вот что я увидел. Тут на повороте, где мы шли, стояла старая сакля. В ней жил старик с тремя дочерьми. Сакля была заперта, а я видел, что вода подходит к ней. Я отворил дверь и увидел старика. Он стоял на коленях над Кораном и шептал. Сзади него все три дочери молились, закрывши лица, и не знали, что на них вот-вот могла налететь вода. Я закричал, схватил младшую за руку и вытащил наружу. Вода уже хватала ограду сакли. Я велел испуганной девушке бежать вверх по тропе, а сам вскочил обратно в саклю и схватил старика за плечи. Но он упрямо отмахнулся от меня, упал ниц и еще плотнее прижался лицом к листам Корана. А ждать нельзя было. Я толкнул старика в спину, но он ничего не понимал и не слышал. Тогда схватил за руки обеих старших дочерей. Но они обомлели со страху, упирались и не хотели бросать отца. Я не знал, что мне делать, и сначала растерялся. Потом бросил старшую, а среднюю схватил поперек и вынес наружу. Здесь я увидел, что поток несется уже через двор сакли. Увидев это, девушка окаменела. Я поставил ее на ноги, взял за руку и вывел по тропе повыше. Вдруг она поняла, что случилось, упала на камень и закричала, чтобы я спасал отца. Я опять побежал к сакле. Но на дворе на меня налетел поток, и я сразу оказался в воде по горло. Она понесла меня и бросила на стену сакли. Тогда, уцепившись за нее, я по камням выбрался на кровлю. Я стоял на ней и через крышу точно видел, как старик и старшая дочь погибали под ней. Их залила вода,

они даже не пытались выскочить наружу. А я стоял на кровле и ждал, что вода вот-вот или сорвет саклю, или доберется до меня. Но вода так же быстро стала спадать, как и поднималась.

Через несколько минут она спала совсем. Когда я с девушками вошел в саклю, старик и старшая дочь были без чувств. Мы брали их за руки, кричали, поднимали головы, заставляли дышать. Но ничто не помогло. Оба погибли. Уцелела лишь старая книга Корана. Она намокла, но ее высушили, она и теперь еще живет у дочерей.

Потом, когда поток спал, осталась вот эта подземная река. Она течет теперь, как будто бы всегда текла на этом месте.

Султанэ закончил свой рассказ и повел нас спать в старую саклю своего отца. Мы повозились немного и улеглись на полу на перинах, рядом с Султанэ. Он быстро заснул. А я лежа долго еще прислушивался к шуму потока, пока незаметно сон не одолел и меня.

В том, что рассказывал Султанэ, не было, конечно, никакого чуда. Горный склон, к которому прилепился его аул, сложен из известковых пород, и свойства известняков обуславливают все описанные явления. Известняки легко поддаются размывающему действию воды. Она просачивается с поверхности в нижележащие слои, доходит до пород, которые трудно размываются водой, и по склону их пластов начинает стекать и создает здесь целую сеть подземных потоков и рек, размывает для них огромные туннели и галереи. В зависимости от количества воды эти потоки то пересыхают, то вновь возникают. Когда в подземных галереях случаются обвалы и разрушения, потоки меняют свои русла. Одно из таких явлений, очевидно, имело место в ауле Султанэ.

Кроме подземных рек и потоков, в известняках от деятельности воды образуются еще, как известно, пещеры. Иногда они достигают очень больших размеров. Вода просачивается сквозь своды этих пещер, отлагает на них растворенные в ней известь и соли. Обычно со сводов их свешиваются вниз известковые фигуры наподобие ледяных сосул. Это всем известные из учебников географии сталактитовые пещеры. Их также много в склонах Пастбищного, или Мелового, хребта Большого Кавказа и в других местах. Многие из тех, кто бывал в Кисловодске, знают такую сталактитовую пещеру на берегу Подкумка и в Эшаконском ущелье. На южных склонах Большого Кавказа, в горах, сложенных из известняков, также имеются подземные потоки и сталактитовые пещеры. Многим, кто excursionировал у Сухума, известна сталактитовая пещера, находящаяся в местности Гумо, у деревни Михайловской, в восьми километрах от города. Пещеры эти большие, с куполообразными сводами, с очень узкими переходами. Свешивающиеся с них сталактиты очень оригинальны по формам и красивы. Впечатление они дают сильное. Однако когдаходишь в их тьму и, особенно, когда пробираешься в узких темных коридорах, переходах между пещерами, то бывает жутко и неприятно. Особенно нехорошо, когда в холодной и сырой тьме этих подземелий гаснет факел или портится электрический фонарь. Тогда становится так неприятно, что хочется скорее выбраться на простор дневного света. Без местных людей или проводников никогда не следует ходить и лазить в такие пещеры, ибо во тьме их переходов нетрудно заблудиться или свалиться в какую-нибудь яму. Надо обязательно брать с собой факел или свечи, или магний, или хотя бы электрический фонарик.

Когда мы утром пили чай, Султанэ показывал нам сохранившееся в его семье средневековое оружие. Это были кинжалы и кривые, изогнутые сабли, великолепно отделанные серебром и перламутром. Было несколько кремневых пистолетов с изогнутыми рукоятками. Особенно заинтересовало нас одно ружье – кремневое с маленькой изогнутой ложей и с дулом в $1\frac{3}{4}$ метра длины с таким широким отверстием, что вместо пули в него можно было бы забить целый грецкий орех. Эта винтовка с нарезкой представляла собой осадное оружие.

Все это были остатки того быта, когда единственным законом, охранявшим жизнь и имущество человека, была родовая месть.

Затем мы пошли посмотреть старую боевую башню. Она имела вид четырехгранной высокой и тонкой пирамиды, верх которой был усечен. Высота башни – метров 13. В ней было несколько этажей. Внутри они соединялись очень узенькой лестницей, по которой трудно было пролезть. Окон не было. Узкие бойницы прорезали стены башни, как дыры ласточкиных гнезд.

Полазив по ней, обойдя ее вокруг, присмотревшись к каменной кладке на извести, поглядев в бойницы, примерив к ним осадную винтовку, которую с наслаждением тащил Султанэ, мы ярко и легко представили себе то время, когда эта башня не была, как теперь, доживающим век памятником былой горской жизни, а являлась средоточием острой и горячей борьбы и действительно служила надежным средством защиты ее владельцам. На стенах башни были видны следы обстрела ее, а один из верхних углов ее обвалился, и камни лежали тут же. Из их груды рос бурьян, а на одной из стен у самой верхушки на солнечном припеке росла веселая и нежная березка. Она приютилась на высоте, недосягаемой для человека, красовалась на солнце, ясно свидетельствуя о том, что силы жизни проникают во все на земле и берут везде свое, лишь бы им не мешали.

Затем мы пошли посмотреть памятники христианских погребений. Родной аул Султанэ населен чегемцами, или обществом племени балкарцев. Это – тюркское, или турецкое, племя, исповедующее ислам. Но чегемцы-магометане не трогают христианских памятников, оставшихся здесь от эпохи, предшествовавшей их поселению. Расположены они были над аулом на небольшой площадке пологого склона. По форме они представляли нечто похожее на скирды, в которые складывается в нашей средней полосе хлеб, – небольшого размера, всего метра в 3–4 высоту. Сложены они были из камней на извести, на два округлых ската. Это были надземные погребения, по-видимому, оставшиеся здесь от осетин, которые лет 500 назад были вытеснены отсюда балкарцами. Точно такого же вида погребения можно и теперь видеть у осетинских селений. Султанэ привел нас и рассказал о них ходящие в их ауле легенды, по которым один из памятников он считал местом погребения своего предка, от которого, по расчету Султанэ, сам он находился в 12-м или в 14-м поколении.

Осмотрев погребения, мы поблагодарили любезного Султанэ, оседлали коней и отправились с проводником в Урузбий – в другую, соседнюю горную котловину у Эльбруса, тоже населенную балкарцами.

Анисимов С. Вокруг Эльбруса. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007.

ВСЮ «БОЛЬ МЯТУШЕЙСЯ ДУШИ»...

Ровно сто лет назад, осенью 1913 года, в Тифлисе вышел «Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края» Д. Д. Пагирева, в котором были собраны названия практически всех географических объектов Кавказа (с синонимами), известные в начале XX века, соотнесенные с их географическими координатами и другими характеристиками.

Автором этого воистину монументального труда – он содержит около 34 000 названий! – является управляющий делами Кавказского военно-топографического отдела Дмитрий Дмитриевич Пагирев (1865–1913). Что нам известно об этом подвижнике статистики? Он родился 27 июля 1865 года в Темир-Хан-Шуре Дагестанской области, где его отец, впоследствии генерал-майор в отставке, служил поручиком 82-го пехотного Дагестанского полка. Учился в Ставропольской гимназии, далее – на историко-филологическом факультете Московского университета. Поступив в 1889 году на государственную службу, Д. Д. Пагирев практически до конца жизни служил в статистических учреждениях Закавказья, с 1904 года занимая должность старшего редактора статистического отдела при Закавказском статистическом комитете.

Более 13 лет Дмитрий Дмитриевич отдал подготовке и выпуску в свет изданий отдела, исполняя обязанности управляющего делами Кавказского отдела. Под его редакцией напечатано девять томов «Известий Кавказского отдела» и восемь книг «Записок Кавказского отдела». В рамках последних и вышел его «Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края...», оцененный современниками как «крупнейший вклад в специальную литературу о Кавказе».

За свою короткую жизнь (Дмитрий Дмитриевич скончался на 49-м году, сто лет назад, в сентябре 1913 года) он создал немало работ, посвященных различным вопросам изучения Кавказа, среди которых, кстати, и «Кавказские календари» (настольные и стенные) на 1906, 1907 и 1908 годы.

С юношеских лет он писал стихи, его переводы с армянского и английского – этими языками Пагирев владел в совершенстве – регулярно печатались в газете «Кавказ». Изданный в 1911 году поэтический сборник свидетельствовал о немалом поэтическом даре, как и о даре переводчика вышедший отдельной книгой роман из персидской жизни «Избиение евреев».

Эти данные почерпнуты нами из некролога, напечатанного в XXII томе «Известий Кавказского отдела». В нем же Дмитрий Дмитриевич характеризуется как человек «в высокой степени впечатлительный и богато одаренный от природы», не удовлетворявшийся «деятельностью в одной какой-либо области, в одном каком-либо направлении», обладавший «поразительной энергией и неутомимой жаждой», «с необыкновенным увлечением принимавшийся за взятое дело».

Сегодня видится, что именно этими чертами характера должен был обладать тот, кому по силам было вернуть пагиревский Указатель современному

читателю. Ведь переизданию этой библиографической редкости, столь остро необходимой всем, кто в той или иной мере профессионально интересуется Кавказом – историкам, этнографам, краеведам, ботаникам, мешал целый ряд моментов, затрудняющих восприятие Указателя. Необходимо было в соответствии с требованиями новой орфографии изменить алфавитный порядок, перевести высоты местностей в метровую систему измерения, а самое главное – по-иному выстроить форму расположения приводимых данных, ведь в дореволюционном Указателе координаты местности начинаются не с широты, а с долготы, которая к тому же отсчитывалась не от Гринвича, как это общепринято сейчас, а от меридиана, разделяющего Европу и Америку и смещенного от гринвичского на 17°30' к западу.

Одним словом, чтобы привести пагиревский труд к современной, удобной для пользователя форме, предстояло проделать огромную работу. За нее взялся известный ученый-ботаник из Санкт-Петербурга, ведущий специалист по флоре Кавказа Ю. Л. Меницкий.

...О нем автор этих строк узнал более 45 лет назад, летом 1967 года, когда двоюродная сестра Тамара Никитична Попова, окончившая биологическое отделение КБГУ и продолжившая учебу в Ленинграде, приехала

в Нальчик знакомить родственников со своим мужем Юрием Леонардовичем Меницким. Надо сказать честно, на родных и близких, как и на меня, в то время школьника начальных классов, он не произвел особого впечатления. Как внешне – ростом под метр девяносто, долговязый, нескладный, в какой-то мере даже неуклюжий, с неровными прядями волос, в немодной оправе очков с толстыми линзами и одежде, излишне просторной и неглаженной...

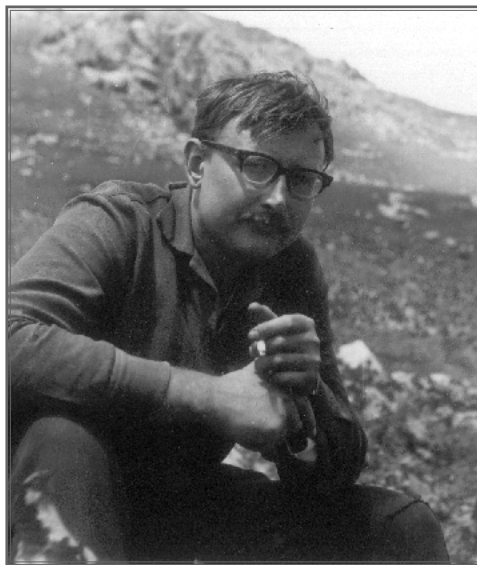
Да и внутренне, если так выразиться, он больше молчал, чувствуя себя неловко среди родственников, пытающихся показать, что они хоть из провинции, а тоже не лыком шиты, и посему уверенно рассуждавших о самых высоких материях. А если и вставлял какую-то реплику своим глухим, басовитым голосом, то чаще всего невпопад, словно говорил для себя, отвечая каким-то своим внутренним мыслям.

Только со временем (а виделись мы раз-два в год, преимущественно в конце августа, когда Тамара и Юрий после окончания своих летних экспедиций по Грузии, Армении, Азербайджану, автономным – на тот момент – республикам Северного Кавказа, обязательно заезжали в Нальчик) пришло понимание, с каким глубоким ученым свела нас судьба.

Доктор биологических наук, автор более ста научных публикаций, в том числе трех монографий, среди которых монументальная – «Дубы Азии», удостоенная высшей для ботаников премии имени В. Л. Комарова. Крупный специалист по систематике ряда семейств флоры Кавказа и отдельных регионов внетропической Евразии, один из первых отечественных ботаников, работавший в области использования методов многомерной статистики в систематике растений, руководитель работ по созданию компьютерной базы данных флоры Кавказа...

«Выдающийся российский ботаник-систематик» (эти оценки взяты нами из мартиролога «Потери науки», опубликованного в томе 87 (2002. № 7) «Ботанического журнала»), «в высшей степени оригинальный ученый и человек» Юрий Леонардович – действительно был личностью неординарной, необыкновенной, самобытной. Его эрудиция поражала всех, кому довелось с ним общаться: глубокое знание классической литературы как русской, так и зарубежной – часами цитировал Эзопа, Хайяма, Шекспира; живописи – мог свободно заменить профессионального экскурсовода в Эрмитаже; музыки – исполнение великих творений ее гениев он освоил с помощью компьютера, обожал Бетховена, особенно его сонаты № 8 («Патетическую») и № 14 («Лунную»)...

И вот что удивительно – при таких «гуманитарных» предпочтениях был «на ты» с техникой, мастером на все руки. Мог починить прибор практически любой сложности; собирал радиоприемники, деталями от которых

Юрий Меницкий

был завален его рабочий стол; увлекался фотографией; когда появились компьютеры, одним из первых оценил их великую миссию, освоил в совершенстве, применив как в своей научной деятельности, так и в том, что лежало как будто за сферой его профессиональных интересов.

Именно так он пришел к решению заняться пагиревским указателем. И огромный объем предстоящей работы

не пугал, а, наоборот, зажигал, воодушевлял его. Сам процесс подготовки оказался невероятно сложным и затратным. Сканирование, исправление многочисленных ошибок, обусловленных не столько старой орфографией и качеством шрифта, как несовершенством (на тот момент) распознающего программного продукта; составление специальной программы; приведение долготы местности к Гринвичу, преобразование высот в метры; окончательное редактирование и ручная сортировка в связи с требованиями новой орфографии...

За всем этим – многие-много часов напряженного, вызывающего искреннее уважение подвижнического труда. Ведь надо сказать и о том, что ни одно из издательств не заказывало пагиревский указатель, вся работа велась в свободное от работы время, более того, не было никакой ясности – кто и когда издаст этот труд. Тем более что уже началась перестройка, на глазах происходило расслоение общества на богатых и бедных, резко рванули вверх цены, а зарплаты ученых, особенно академических учреждений, остались на прежнем уровне. Помимо зарплаты, кстати говоря, на тот момент отставшей даже от микроскопического прожиточного минимума, другого приработка у Меницких не было. Что скрывать – денег не хватало на питание, не говоря уже о новой одежде. Приходилось отказывать себе буквально во всем: Юрий Леонардович очень любил рыбу, но покупал ту, что помельче, а значит, подешевле.

У меня слезы стояли в глазах, когда я узнал от одной нашей общей знакомой, как отчитали ученого с мировым именем в продуктовом магазине: «Не копайся, старик, мелочь и кошкам нужна!».

А «старику» было немногим за пятьдесят и знакомством с ним гордились известнейшие ботаники из Германии, США, Вьетнама, куда его неоднократно приглашали, где его ждали, просили о консультациях и куда он в силу все тех же финансовых трудностей так и не смог выехать, а консультации, которые готовы были оплачивать, оказывал бесплатно, делая в письмах смущенную приписку, что он просит оплатить только почтовые расходы. Удостоился Юрий Леонардович в эти годы и внимания российских властей – ему выделили так называемую ельцинскую стипендию. Чтобы получить ее, надо было оформить огромное море бумаг, а вот размер этого ежемесячного вспомоществования еле-еле достигал все того же прожиточного минимума.

С новым указателем Ю. Л. Меницкий в 1998 году пришел ко мне, в то время возглавлявшему издательский центр «Эль-Фа». До сих пор корю себя, что не сделал все возможное, чтобы эта работа как можно скорее пришла к читателю, хотя и анонсировал ее среди готовящихся к печати. Мало того, уже в скором времени обстоятельства столь изменились, что вопрос издания отодвинулся на неизвестный срок.

А потом произошло и самое непоправимое. ...В ту ночь, 5 сентября 2001 года, почему-то не спалось. Около половины второго встал, зачем-то оделся, пошел на кухню. Включил чайник. Пытался читать газету. Словно неосознанно (или осознанно?) ожидал беды, вестником которой мог быть только звонок телефона. Но от кого? Но о ком? Нас, родных, так мало осталось после времени потерь, выпавших на 1997 и 1999 годы. И телефон зазвонил: «Юра умирает!».

«Юра? Какой Юра? Наш Юрка, двоюродный брат, давно умер...» Не сразу, но начинаю понимать – Тамара вместе с мужем только что приехала из Краснодара. Им надо было в Пятигорск, но билеты имелись лишь до Нальчика. Они и решили заглянуть на день-другой, остановились в родительском доме на Орджоникидзе. Звонила по просьбе Тамары соседка: только что Юре стало плохо...

Такси, на котором доезжаю только до улицы Головки – перевернутая машина на пути, внутри – стонущий человек. Водитель останавливается сразу, сам спешит на помощь. Я не задерживаюсь, сквозь темень ночи бегу навстречу беде, ибо знаю, что она уже забрала свою очередную жертву и по-другому не может быть. Высоко в небе сияют далекие-далекие звезды, цикады своим несмолкаемым пением наполняют воздух, и такие спокойствие и умиротворенность царят вокруг, что сам мой вопрос кажется

кошунственным и бессмысленным: «Как?» – «Юры больше нет, – это голос Тамары, голос человека, еще не понимающего, что произошло, еще не осознающего всю бездну, открывшуюся в эти мгновения. – Он захрипел, я спросила, что с ним, он не ответил. Тогда я включила свет, а он уже не дышит, стала делать массаж сердца, но было уже поздно. Побежала к соседям, попросила позвонить и «скорую» вызвать...»

Подъезжает машина «скорой помощи», врачи быстро и привычно констатируют инфаркт, а с ним и уход человека, еще полчаса назад живого, бодрого, строившего планы на будущее, живущего этим будущим, коренного петербуржца, пережившего ребенком блокаду... Почему судьба привела его в Нальчик? Только ли потому, что не было билетов до Пятигорска? Или для того, чтобы встретиться на одном погосте с сыном, лечь с ним рядом в землю? Почему отвела так мало – неполных 64 года, и те наполнила жизненными превратностями и горечью потерь. В 1981 году в экспедиции погиб сын Ванечка, которому, видно было по всему, предстояло стать светлейшей головой; теперь из экспедиции не вернулся он сам – Юрий Леонардович Меницкий, скромнейший труженик ботанической науки, «влюбленный в Кавказ – прекрасную страну, которой он остался верен до конца». Это строчка одной из телеграмм соболезнования. Их пришло на нальчикский адрес множество и в каждой – слова о неизмеримости потери: «Оплакиваем кончину выдающегося ученого», «Поражены известием о смерти удивительного знатока флоры Кавказа», «Отечественная наука понесла невосполнимую утрату», «Навсегда сохраним в наших сердцах память о Юре, Юрии Леонардовиче – большом ученом и прекрасном человеке».

...Он ценил людей, а больше всего – компетентность, порядочность и доброту, то есть все то, что было стержнем характера его самого. Он работал без отдыха и выходных, он спешил сделать как можно больше, переживая от внутренней неудовлетворенности, от того, что в силу разного рода причин, преимущественно материальных, не может раскрыться полностью, его страдающая душа не знала покоя... Эти строчки были написаны нами до прочтения некролога, посвященного Д. Д. Пагиреву. Поэтому тем более знаменательными видятся слова, заключающие последний и звучащие сегодня как перекличка судеб: «Он жаждал вложить всю неудовлетворенность и тоску своей мятущейся надломленной души», «сраженный параличом сердца, умер этот неутомимый человек, далеко не истощив на своем жизненном пути всей своей трудовой энергии и огромных жизненных сил».

...Как-то незадолго до кончины Юрий Меницкий скрупулезно, с калькулятором, подсчитал, сколько экспедиций на Кавказ совершил сам, сколько

Тамара и они вместе, в каких местах побывали, какие маршруты освоили, а потом сделал парадоксальный вывод: ни один из ботаников за всю историю не посетил мест больше.

Что к этому добавить? Он всю жизнь был верен Кавказу, и Кавказ приютил его. И поэтому посвящение Д. Д. Пагиревым его Указателя памяти бывших начальников Кавказского военно-топографического отдела: Иосифа Ивановича Ходзько, Иеронима Ивановича Стебницкого, Евгения Александровича Жданова, Павла Павловича Кульберга и всех чинов этого отдела, трудами которых была создана пятиверстная карта Кавказского края, мы, выпуская книгу, посчитали возможным и обоснованным дополнить именем Юрия Леонардовича Меницкого.

Юрий Меницкий и Тамара Попова

МАРШЕВЫМИ КОЛОННАМИ НА ЭЛЬБРУС

Читателей материала о писателе Сергее Анисимове заинтересовал факт участия знаменитого кавказского географа в работе Школы инструкторов альпинизма (Школа военного альпинизма) РККА. Что это было за подразделение в Рабоче-крестьянской Красной армии, чем занимались его слушатели, в каких мероприятиях (а под ними надо понимать прежде всего восхождения) участвовали, мы и попытаемся рассказать. Но сразу предупреждаем: это будет краткий экскурс, ведь Школа военного альпинизма – это даже не страница, а целая глава в истории советского альпинизма, которая еще ждет своего исследователя.

Если очерчивать основные вехи созданной Инспекцией физкультуры и спорта Красной армии в Терсколе школы альпинизма, прежде всего надо обратиться к хронике массовых учебных и спортивных восхождений военных альпинистов и инструкторов. Их пик пришелся на тридцатые годы прошлого века и главными вехами стали альпиниады РККА, получившие, кстати, такое определение по предложению наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова.

Первая из них состоялась в 1933 году – то есть ровно 80 лет назад – и включала в себя «звездный поход через перевалы Главного Кавказского хребта с восхождением на г. Эльбрус». В ней приняло участие 102 слушателя военных академий и командиров ряда военных округов. Поход, проведенный по пяти маршрутам, сходящимся у подножия Эльбруса, с последующим восхождением на Восточную вершину (поднялось 58 человек), должен был способствовать подготовке для армии кадров, знакомых с альпинизмом. В этих целях осуществлялась «исследовательская работа по установлению принципов акклиматизации, основ режима горного марша, основ тренировки, норм питания, видов и количества снаряжения, возможности применения в горах армейских радиостанций, авиации».

Далее альпиниады проводились ежегодно. В составе второй (1934) в такой же «звездный поход через перевалы Главного Кавказского хребта» отправилось в составе 9 колонн 300 человек, а поднялись на Восточную вершину Эльбруса 276 военных альпинистов. Это было выдающееся по тем временам достижение, и поэтому мы расскажем о нем подробнее чуть ниже.

Проходившая зимой 1935 года третья альпиниада, ставшая первым массовым походом альпинистов РККА в этот самый сложный для восхождений период, омрачилась трагической гибелью одного из горовосходителей. Из 50 ее участников на Восточную вершину поднялось 37 человек.

Покорился Эльбрус и 254 участникам четвертой Альпиниады РККА, состоявшейся летом того же 1935 года. В 1936 году прошли пятая (зимняя) и (шестая) летняя альпиниады РККА.

Как и полагается в такого рода политических мероприятиях (а альпиниады были ими), утверждался вышестоящими инстанциями руководящий костяк в лице начальника, помполита и начальника штаба. Начальником альпиниад дважды были В. Г. Клементьев и А. И. Гланцберг, помполитом трижды – А. И. Глаз, начальником практически всех штабов – В. А. Благовещенский.

Это не просто известные горовосходители – это имена, вписанные в историю советского альпинизма. Например, Василия Григорьевича Клементьева (1883–1967) считают зачинателем российского военного альпинизма. Биография этого кадрового военного удивительна: от георгиевского кавалера царской армии до заместителя командующего войсками 4-го Украинского фронта в годы Великой Отечественной войны. Но главным делом для В. Г. Клементьева стал армейский альпинизм. И не случайно на вопрос газетчика: «Почему вы занялись таким непонятным делом, как обучение красноармейцев основам горной премудрости и даже создание целой системы такого обучения и воспитания?» он ответил емко: «Я военный человек, а военный, тем более старшего чина, обязан знать как, где и какими средствами он может победить своего противника».

В августе 1928 года Василий Георгиевич организовал экспедицию на Эльбрус с целью испытания табельного армейского обмундирования и снаряжения, его пригодности для высокогорных условий. В 1930 году под его непосредственным руководством состоялся поход 57 курсантов военных училищ и слушателей военных академий из Нальчика в Кутаиси через перевал Шаривецк.

Далее были альпиниады РККА, где помощником В. Г. Клементьева по политической части являлся Абрам Ильич Глаз (1902–1994), предложивший создать для их обслуживания авиазвено. Именно он одним из первых поднял вопрос о подготовке инструкторских кадров и создания материальной базы армейского альпинизма, вылившийся в конечном итоге в приказ наркома обороны СССР о строительстве военного альплагеря ЦДКА в Терсколе и создании Школы инструкторов альпинизма. В организации последней А. И. Глаз принимал также самое активное участие. Забегая вперед, скажем, что в 1975 году Абрам Ильич был начальником учеб-

ной части массового восхождения армейских альпинистов на Эльбрус, в котором приняло участие 600 человек.

Еще один из активных участников альпиниад, Август Иванович Гланцберг (1900–1938) – герой Гражданской войны, военный инженер 1-го ранга, также в числе организаторов школы военного альпинизма в Терсколе: был ее начальником, руководителем курсов по обучению горному делу командного состава РККА. В феврале 1938 года арестован, обвинен в принадлежности к «шпионской организации альпинистов и туристов» (!) и в том же году (10 сентября) расстрелян.

Ну а теперь самое время рассказать о второй Альпиниаде РККА (1934), тем более что это можно сделать в деталях и подробностях, так как весь ход грандиозного по тем временам мероприятия оказался отражен в книге Сергея Анисимова «Поход на Эльбрус» (М.: Учпедгиз, 1936). Но прежде всего скажем о главной цели, решению которой должно было способствовать данное мероприятие. Вот как писал об этом автор книги: «Две трети состава альпиниады – слушатели различных военных академий, горы же представляют огромный интерес для людей всех специальностей. Для всех военных они интересны, так как по горам проходят границы Союза на

Альпиниада РККА. Группа военных альпинистов под руководством А. М. Гусева спускается с Эльбруса. 1935

Кавказе, на Памире и в других местах... Для всех инженеров, организаторов транспорта, горы ставят очень серьезные задачи быстрых и удобных средств сообщения на автомобилях, на самолетах или по рельсовым путям. Техника горных дорог несравненно труднее, чем равнинных, а здесь, с ледяных полей Эльбруса, командиры видели перед собой весь Главный хребет Кавказа и на живой карте его рельефа могли мысленно ставить перед собой и разрешать все проблемы транспорта в горах, преодолевая в воображении любой наклон, просверливая тоннелями горные массивы. Для инженеров-электротехников и гидротехников горные потоки Азау и Терскола, Донгуз-Оруна и реки Баксан ставили интереснейший технический вопрос об использовании грандиозных запасов их «белого угля», или энергии текучих вод. Командиры, участники альпиниады, представители практических научных военных дисциплин при виде этой грандиозной горной системы, протянувшейся на 1700 км с востока на запад, невольно начинали ставить перед собой вопросы применения военной техники в горах».

Самому восхождению на Эльбрус предшествовали многодневные походы через высокогорные перевалы Большого Кавказа, участники которых были разбиты на 9 колонн примерно по 30 человек в каждой. Пять колонн двигались с севера, четыре колонны – с юга (через Сванетию), а слушатели Военной электротехнической академии совершили почти трехтысячный велопробег по маршруту Ленинград–Терскол. Во время походов командиры решали тактические задачи, изучали возможности применения различных видов оружия в горных условиях, проводили занятия по ориентированию, опробовали возможности связи: радио, телефонной, световой сигнализации.

А летчики авиазвена альпиниады (в него входили три самолета) впервые совершили полеты по ущельям Кавказа. Вот что писал об этом С. С. Анисимов: «Авиазвено альпиниады в 20 км от Терскола в ущелье реки Баксан расчистило аэродром и там устроило свою базу, и оттуда над Терскольским лагерем дважды в день неожиданно появлялся самолет. Едва он показывался черной маленькой стрекозой, вьющейся в ущелье, все высыпали из палаток и приветствовали смелых летчиков. Самолет реял в узком пространстве между горными склонами, делал виражи, поднимался, снижался над соснами, проносился над лагерем, делал круги и, выбрав момент, сбрасывал, наконец, красную змейку вымпела с донесением для штаба и тюк с почтой и газетами. ...Двенадцать раз самолеты перелетали через перевалы в Сванетию, и сваны впервые в жизни увидели и узнали, что такое аэроплан. В течение альпиниады самолеты сделали 325 летных часов и еще большее количество посадок и подъемов, чего никогда раньше никто здесь не делал, а операции самолетов в ущельях Большого

Кавказа многим казались даже вообще невозможными. Совершая полеты над ледяными полями и вокруг конусов Эльбруса, летчики-наблюдатели производили фотосъемки, и штаб альпиниады пользовался ими при разработке маршрута для своих эшелонов на вершину Эльбруса».

Но здесь мы немного забежали вперед. Итак, 18 августа командиры, участвующие в альпиниаде, собрались на юго-восточном склоне Эльбруса, в лагере Терскол, где должны были пройти акклиматизацию. Снова цитата из книги «Поход на Эльбрус»: «Огромная древняя морена, покрытая стройными высокими соснами... Среди больших валунов из черных и розоватых порфиroidных лав Эльбруса раскиданы белые военные палатки и между ними маленькие альпийские палатки – так называемые палатки Сдарского, защитного цвета.

...В лагере был организован походный душ. Построена печь, выпекавшая ежедневно свежий хлеб лучше московского. В походных кухнях повара готовили горячие блюда; свежие овощи, мясо и фрукты доставлялись в изобилии. Питание почти приближалось к санаторному.

На приюте «Кругозор» был разбит палаточный лагерь, куда доставили на ишаках продукты питания, дрова для костров, альпийское снаряжение. Также продукты питания, примусы, керосин, дрова, войлок для подстилок, теплое альпийское снаряжение были заброшены на «Приют одиннадцати», где имелся небольшой барак ОПТЭ (Отдел пролетарского туризма и экскурсий. – Авт.) вагонного типа.

От Терскола через «Кругозор» была налажена телефонная связь с «Приютом одиннадцати» по проводам и установлено радио. Перед началом штурма группа радиосвязи протянула телефонный провод до седловины и установила там аппарат в небольшом приюте-хижине, построенном в 1933 году Интуристом.

Наконец, в промежутке, на лавовых скалах, выше «Приюта одиннадцати», между ним и седловиной, на высоте 4800 м, на так называемом «Приюте Пастухова», была разбита палатка для медицинской помощи на случай горной болезни или признаков обморожения».

Вести на штурм ледяной части Эльбруса колонны альпиниады должны были альпинисты-инструкторы ОПТЭ. В каждом отделении, состоявшем из 8–9 человек, имелся свой инструктор. Были назначены инструкторы колонн. Альпиниада была разбита на три эшелона, по три колонны в каждом. Эшелоны должны были идти последовательно один за другим под руководством старших инструкторов.

Двадцать третьего августа, 2 часа дня... Вот как описывает эти минуты С. С. Анисимов: «Участники выступавшего эшелона сушили у своих вещевых мешков, смазывали рыбьим жиром альпийские ботинки, шили

для лица маски, подсушивали на солнце отсыревшие в дождливые дни свитера, теплые носки, рукавицы, варежки. Протирали и промывали очки-консервы, осматривали альпенштоки, пригоняли к ботинкам кошки, пришивали к шлемам завязки, собирали и укладывали высокогорный паек на четыре дня – сыр, шоколад, конфеты, печенье, яблоки, копченую колбасу, шпроты, сливочное масло, хлеб, галеты...

...В 3 часа помполит альпиниады А. И. Глаз повел на штурм первый эшелон. 24 августа «эшелон вошел в ледяные и снежные пустыни Эльбруса на такую высоту, что все уже ощущали полную отрешенность горного мира от той земли, где течет жизнь с ее борьбой, радостями и огорчениями. ...За второй ледниковой мореной перешли на фирновые поля Эльбруса и растянулись длинным зигзагом вверх по его ледяным полям. Здесь все надели очки, подвязали кошки, натерли лица желтой глетчерной мазью. ...С полпути уже показался на востоке Казбек, к западу широко и далеко развернулась вся линия Абхазских Альп и впереди нее мощная убранный кружевом снегов вершина Штавлер. Прямо на юг раскрылись горы Сванетии с двумя куполами Ужбы, с яркой ледяной пирамидой Тетнульда... Вниз, прямо из-под ног, полого спускалось необозримое фирновое поле Эльбруса... Оно сверкало своими сплошными россыпями бриллиантов и

В 1932 году «Приют одиннадцати» представлял из себя деревянную постройку, рассчитанную на 40 мест

обожгло бы глаза и лица хуже всякой раскаленной печи, если бы на глазах не было темных оливковых или дымчатых очков и лица не имели крепкого загара и не были покрыты глетчерной мазью».

Лишь к полудню эшелон добрался до «Приюта одиннадцати»; участники устали неимоверно, ведь каждому пришлось нести на себе рюкзак с двадцатикилограммовым грузом, а это: спальный мешок, провиант на пять дней, теплая и штормовая одежда для восхождения на вершину.

Двадцать шестого августа начался сбор к штурму вершины. Впереди ожидал долгий марш по льду в кошках с подъемом почти без остановок в 1400 м по вертикальной линии. Предстояло подниматься в строю, тремя последовательными эшелонами, каждый по три колонны, четыре отделения в колонне. Более того, перед представителями разных родов войск стояли свои задачи: «инженеры-радиоты приспособляли свои аппараты к высокогорным условиям и должны были поднять один из них на вершину, чтобы установить условия передачи и приема с высоты в 5600 м и усовершенствовать его конструкцию; кавалеристы и ветеринарные врачи привели на «Приют одиннадцати» трех коней в седлах с нагрузкой и должны были поднять их еще выше; военные врачи все время вели наблюдение над своими товарищами: исследовали кровь, устанавливали давление, слушали сердце, следили за малейшими признаками горной болезни, испытывали все практикующиеся средства ее предупреждения и лечения, устанавливали точно методику акклиматизации».

Около двух часов эшелон – отделение за отделением, растянувшись на ледяном поле метров на триста, взял направление на «Приют Пастухова».

Там короткий отдых и снова в путь – к седловине, добравшись до которой все как по команде упали на снег. Получасовой отдых и снова вперед – осталось преодолеть какие-то триста метров по вертикальной линии. Но на это ушло целых три часа: в 15 часов 25 минут 26 августа, спустя тринадцать с половиной часов марша, 86 командиров, входивших в первый эшелон, достигли вершины. Здесь их уже ожидали кинооператор Беляков и помогавшие ему носильщики – балкарцы Исуп Тилов и Магомет Кочкаров, втащившие на вершину сорокакิโลграммовый аппарат. Снятые на вершине кадры вошли в документальный фильм «Альпиниада РККА», который сохранился в архивах.

Начинается спуск. Картина его и последовавшего в дальнейшем эпизода весьма красноречива и стоит читательского внимания: «Спуск в противоположность подъему идет чрезвычайно быстро и совсем не так стройно. Одни обгоняют других. Шагают «семимильными шагами», прыгают, бегут, летят. Наиболее усталых двух-трех человек инструкторы спускают на плаще, как на салазках, и не устают командовать, чтобы строго держа-

лись «тропы». Магомет Кочкаров с тяжелым киноаппаратом идет позади. Перед ним один из командиров с протоптанной дороги сбивается в сторону. «Иди по дороге!» – кричит Магомет, чтобы командир не сбивался со следа. Но тому хочется бежать по нетронутому снегу. И вдруг на глазах у Кочкарова: «был человек... нет человека... пропал человек».

Магомет в ужасе бежит туда, где он был... Вслед за ним подбегает инструктор, замыкавший спуск. И они видят в трещине легкомысленного альпиниста. К счастью, она неглубока, и с помощью альпийской веревки его быстро достают. Все обошлось благополучно, без серьезных ушибов. Командир, сконфуженный, как школьник, бежит дальше вниз, старательно держась протоптанной эшелоном «тропы».

Подъем длился тринадцать с половиной часов, а спуск занял всего три. Потом был ночной сон, пролетевший как одно мгновение, и под «Марш летчиков» эшелон двинулся вниз. По пути встреча со вторым эшелоном, которому еще предстояло покорить Эльбрус: короткий митинг, прилет самолета, сбросившего победителям на парашюте мешок, в котором находились виноград, яблоки, арбузы. Последние от такой транспортировки не пострадали...

Более успешным оказалось восхождение второго эшелона – на вершину в четыре часа дня 29 августа поднялось 98 человек (отстали двое).

Приют «Седловина» был сооружен в 1933 году на седловине Эльбруса (высота около 5300 м)

Третий эшелон, которым руководил А. И. Гланцберг, поднялся 1 сентября в 4 часа 15 минут на вершину в полном составе. Итого: 276 командиров на вершине Эльбруса. Вот как оценивал осуществленное С. С. Анисимов: «Успех «Альпиниады РККА» – это свидетельство блестящей организованности, ...свидетельство большой внутренней дисциплины каждого из участников. В ходе ее подготовки и проведения была разработана методика массовых восхождений, созданы кадры инструкторов-альпинистов».

Не менее важным было и то, что в дни «альпиниады» вся Кабардино-Балкария жила ее интересами и напряженно следила за ее успехами. Не осталось высокогорного селения, над которым самолеты альпиниады не делали бы своих виражей, не сбрасывали бы вымпелы с приветствиями.

Второго сентября в Терскольский лагерь собрались колхозники Балкарии с женщинами и детьми из всех ущелий, был организован общенародный праздник. Горели костры, подали всем обед. Командиры и колхозники обменивались речами, приветствовали и благодарили друг друга. Во всех выступлениях подчеркивался необычайный успех альпиниады, обусловленный дружной поддержкой и сочувствием всего населения Кабардино-Балкарии. На вечерней заре летчики на самолете катали колхозников. До полуночи в Терскольском лагере раздавались песни, шли танцы».

Третьего сентября участников альпиниады приветствовал Нальчик. Командиры вошли строем в город, где на площади (в начале улицы Кабардинской) их долгими овациями встретили рабочие, служащие и колхозники, число которых превышало 15 тысяч человек. Горовосходителей буквально забросали букетами цветов. Вечером в парке состоялся митинг, завершившийся грандиозным банкетом.

Одним из итогов альпиниады и стало создание в Терсколе Инспекцией физкультуры и спорта Красной армии Школы военного альпинизма, с которой мы и начали свой рассказ. Ее первый выпуск инструкторов-альпинистов РККА, получивших солидную теоретическую и практическую тренировочную подготовку в восхождениях на наиболее трудные вершины Большого Кавказа, состоялся в 1935 году.

Не прошла бесследно альпиниада и для Кабардино-Балкарии: в октябре 1935 года в Нальчике был открыт первый в Советском Союзе альпийский клуб, а летом по инициативе Бетала Калмыкова проведена Колхозная альпиниада местной молодежи допризывного возраста – на вершину седлового Эльбруса поднялись 638 юношей и девушек.

В ЧАБУРАХ С ТУРЬЕЙ ТРАВой...

В предыдущем материале мы рассказали о том, как в августе 1934 года проходила Альпиниада Рабоче-крестьянской Красной армии на Эльбрус, в ходе которой на восточную вершину поднялось 276 командиров РККА. Именно с первой половины тридцатых годов прошлого века берет начало история массовых восхождений на высочайшую точку Европы. Стоит напомнить, что уже в следующем, 1935 году на Эльбрусе побывало более двух тысяч человек: 196 – в составе Альпиниады ВЦСПС, 254 – Альпиниады РККА, 340 – Альпиниады Азербайджанской дивизии им. Орджоникидзе.

Но самой массовой стала первая альпиниада Кабардино-Балкарии (Колхозная альпиниада КБАО), организованная по инициативе секретаря обкома ВКП(б) Бетала Калмыкова. 638 рабочих и колхозников республики во главе с руководителями партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций покорили восточную вершину Эльбруса. Об этом восхождении наш рассказ.

...По большому счету это было действительно великое событие – молодые люди, многие из которых и в горах-то побывали впервые, не знакомые в подавляющем большинстве своем с элементарными навыками пребывания в горах, не имеющие необходимого снаряжения, можно сказать, на голом энтузиазме отправились покорять и в конечном итоге покорили высочайшую вершину Европы. И сегодня, когда канатки значительно сократили путь к Эльбрусу, когда найдены и набиты тропы и имеются благоустроенные промежуточные стоянки, могучий великан покоряется далеко не каждому, более того, немало случаев, когда на его макушки не смогли в силу разного рода причин ступить известные альпинистские асы. А тут сельская молодежь середины тридцатых годов – необученная, малограмотная, не знающая толком русского языка (тоже немаловажный фактор в организации подобного рода массовых мероприятий), попавшая в экстремальную обстановку, где незнание и неумение грозит неминуемой бедой. При которой не поможет ни самая тщательная подготовка, ни всезнающие проводники, ни контролирующие каждый шаг инструкторы.

Предшествовала Колхозной альпиниаде КБАО широко развернутая в республике кампания – так называемый «Поход 500». Столько колхозных альпинистов должны были принять участие в восхождении, но заявле-

ний (их принимало ОПТЭ – Общество пролетарского туризма и экскурсий (1927–1936)) было подано ровно в пять раз больше – 2500. Участие же приняли 709 человек, взойшли на вершину 638, в том числе 53 женщины.

И еще несколько цифр, характеризующих участников. По национальному составу: 216 кабардинцев, 183 балкарца, 140 русских, 9 немцев (сведения об оставшихся – а это 90 человек – не приводятся). По классовому признаку – главному в советском обществе – 77 рабочих, 447 колхозников, 38 служащих (куда относились оставшиеся 76 не ясно). Стоит упомянуть, что среди покорителей оказалось 40 членов ВКП(б) и 318 комсомольцев.

А теперь расскажем, как снаряжали (на примере ста молодых колхозников из балкарских районов) участников, для чего обратимся к воспоминаниям доктора Н. Ф. Томаревского. Итак, во дворе сборного пункта каждый «получил: обувь (две пары чебуrows или ботинок), теплые шерстяные носки (4–6 пар), две пары белья, две пары брюк, из которых одна пара – теплая (ватные стеганые), свитер теплый (один или два), стеганку на вате (телогрейка), бурку, теплую шапку или красноармейский шлем, кроме того по две–три пары рукавиц или теплых шерстяных варежек, рюкзак, альпеншток и дымчатые очки...

Отдельно в сумках и мешках были заготовлены хлеб (из расчета по одному кило на человека в день), сахар – по 100 граммов в день, сыр, курдючное сало, сливочное масло, клюквенный экстракт, чай, лук, чеснок и др. овощи».

Далее колхозные альпинисты разместились на грузовиках и почти десять часов преодолевали расстояние от Нальчика до Терскола, которое было почему-то обозначено равным 142 километрам. Нынешнее – по точно такому же маршруту – составляет 125 км, а преодолевается, благодаря комфортабельным дорогам, менее чем за два часа.

В 8 вечера грузовики добрались до Терскола, молодые люди были размещены по палаткам, а уже с утра началась подготовка. Построение в колонны, зарядка (она была основана на комплексе физупражнений ГТО), утренний моцион (многие юноши и девушки впервые узнали, что такое зубные порошок и щетка). Кстати, организаторы позаботились о последних, раздав в лагере средства личной гигиены тем, кто их не имел. Более того, уже в первый день (14 июля) был развернут походный (с теплой водой) душ – закрытый с трех сторон фанерными стенками, он пропускал за день до 700 человек, пункт первой медицинской помощи, парикмахерская, где два цирюльника, работая без усталости, освободили от лишнего груза (то бишь волос) сотни колхозников, чьи головы знали до этого лишь привычные домашние ножницы.

Во главу угла было поставлено прежде всего физическое состояние участников альпиниады. Вот как вспоминал об этом Н. Ф. Томаревский:

«Всем проверяем пульс в покое и после нагрузки: 15 приседаний (функциональная проба). У громадного большинства пульс 60–70 после нагрузки доходит до 80–90 и в конце первой минуты возвращается к норме. Максимальное и минимальное кровяное давление в пределах нормы – в покое и после нагрузки, но несколько более повышенное, чем в Нальчике: 100–60–65; 110–65–70. Тоны сердца чисты, границы в норме, больных с какими-либо органическими поражениями внутренних органов нет. Все благополучно. Больных легкими тоже нет. Сердечно-сосудистая система у громадного большинства в полном порядке. У всех уши, нос, глаза в порядке. Общее физическое и моральное состояние у колхозников-альпинистов хорошее. Колхозы дали лучших проверенных ударников, крепких телом и здоровых духом. Лагерь собрался в мощный коллектив, спаянный не только своим родством по месту жительства и привязанности к горам, но и воодушевленный одним лозунгом, одним стремлением: вперед и выше!».

Кстати, медико-санитарное обслуживание альпиниады было организовано для того времени идеально: два медосмотра, санобработка включала прохождение через парикмахерскую всех участников, душ со сменой белья накануне восхождения, проверку ног, обуви, одежды, обязательное мытье ног перед каждым восхождением. Помимо амбулаторного пункта в лагере, было организовано еще три: на «Приюте одиннадцати», в палатках на «Приюте Пастухова» и на седловине.

Распорядок дня участников альпиниады был таким: после завтрака тренировочные походы, обед (в два часа дня), отдых («мертвый час»), теоретические занятия, сдача норм на значок ГТО, ужин (в 8 часов) и отбой в 9 вечера.

Наступило 16 июля. Завтра – на вершину. Вот как об этом вспоминает Н. Ф. Томаревский: «Парикмахерская и душ работают по-ударному. Обувь смазывается жирами (курдючным салом, особой сапожной мазью с рыбьим жиром). Еще раз примеряется обувь на две-четыре пары теплых шерстяных носков или новые чабуры с турьей травой. Ребята без конца моют ноги и купаются. Укладывают самое необходимое в рюкзак. Проверяют его вес. Груз должен быть не больше 14 килограммов для мужчин и 8 килограммов для женщин».

И – штрихами – этапы восхождения.

Семнадцатого июля после трехчасового марша с двумя длительными перерывами «колонна прибыла на Кругозор. Взводы разошлись по палаткам, часть разместилась в деревянном бараке – базе ОПТЭ. Многие сняли ботинки и чабуры, надели легкие чувяки, многие гуляли просто босиком, давая ногам отдых. Около 7 часов вечера был дан строгий приказ: немед-

ленно ложиться спать, обязательно раздевшись и в спальнях мешках... Около часу ночи раздался рев сирены. Подъем.

...Вот и «Приют одиннадцати». Наиболее уставшие и с признаками горной болезни расположились в палатках и в деревянном бараке, а наиболее крепкие развели среди скал и камней костры, вскипятили воду и приготовили чай».

19–20 июля согласно партийному указанию («Надо пробить на «Приюте одиннадцати» сутки-двое», – заявил тов. Калмыков) первая колонна отдыхала на скалах «Приюта» – «поднимались по сигналу, убрали барак, палатки, готовили чай, завтракали, совершали легкие, недолгие прогулки, очищали территорию приюта от мусора, сушили обувь, носки».

Подошел, наконец, день штурма: «Наскоро закусили, тихо, бесшумно оделись, надели кошки, разобрали альпенштоки. В карманы набрали сахара, конфет, сушеных, кислых фруктов, изюм, флажки, обшитые войлоком, чтобы не замерзли, или небольшие флаконы с чаем, разведенным клюквенным экстрактом. Ноги еще накануне вымыли холодной водой. Пальцы ног смазали курдючным жиром, обернули бумагой, надели по 2–3–4 пары теплых носков. Между кошкой и подошвой ботинок помещали толстую стельку из кошмы, предохраняющую ноги от замерзания. Лицо, в особенности губы, щеки, нос, лоб, смазывали курдючным салом или глетчерной мазью...»

И... «Тов. Калмыков медленно, но твердо ступая пошел вперед. Колонна двинулась за ним. ...Колонны подошли к конусу восточной вершины, остановились у скал. Повернули на северо-запад, идут до подошвы конуса наискось, вверх к седловине. Подвигаются медленно, но верно. Вот они уже у поворотных камней, у самой седловины. Вдруг подул ветер. Поднялся легкий буран. Небо заволочло тучами. Колонны скрылись в тумане».

...Покорился Эльбрус не всем. Но те, кто достиг вершины, спускались вниз «уставшие, но бодрые, с довольными, сияющими лицами».

Участников первой колонны сменяют те, кто входит во вторую. В ней – «жители долин. Дисциплинированность, подтянутость, осторожность. Много призывников. Военный строй. Другая выправка, поведение. У многих за плечами винтовки. Идет военизированная колонна. Ведет их комиссар области тов. Кандауров».

Жителям долин пришлось выдержать куда более серьезное испытание – разыгралась снежная буря, практически лишившая участников видимости: «за два-три шага не различить соседа». В мгновение «сильным порывом ветра засыпало снегом всю колонну. Вот несколько человек упало на снег, лежат в глубоком обмороке. ...Сильным порывом ветра сбита с ног девушка Фица Тежиева (так в оригинале). Глубокий обморок; кровью

носом, подняться не может. Быстро укутали ее в спальный мешок и отправили вниз. Но колонна упорно идет вперед и выше! Несмотря на яростную бурю, сильнейший ветер, доходивший до 70 метров в секунду, колонна взяла восточную вершину Эльбруса».

Потом наверх пошла третья колонна, за ней, в ночь на 12 августа – четвертая, последняя...

И несколько эпизодов восхождения.

...У слесаря сушильно-варочного завода (был и такой в Нальчике) пошла из носа кровь – один из первых признаков горной болезни. Доктор велел спускаться вниз. На что молодой человек ответил, что вниз он не пойдет даже под угрозой смерти: «Доктор, я выдержу. Вы понимаете, мне никак нельзя вернуться. Что я скажу у себя в ячейке?.. Нет, вниз я могу пойти только с вершины». И доктор понял комсомольца Алиева, которым руководили не «личные интересы, не мелкое тщеславие, а жажда оправдать доверие комсомола». И он не стал докладывать командирам, что парню надо спускаться вниз. А Алиев «оторвал кусок ваты, заткнул обе ноздри и вернулся в строй, в свое отделение».

...Колхозница Балкарова из селения Нижний Курп не уступала мужчинам в ломке кукурузы и на молотье. Закаленная работой, она уверенно шла к вершине Эльбруса, несмотря на ураган и тридцатиградусный мороз. Уже у самой вершины ее спутница упала в снег. И тогда комсомолка Балкарова сняла с себя теплую телогрейку и прикрыла девушку. И пошла вперед в легком шерстяном джемпере. А когда ее спросили, кому именно она помогла, то ответила: «Я не знаю этой девушки. Она русская, из Нальчикского района».

...Когда до вершины оставалось всего несколько шагов, внезапно налетевший порыв ветра сшиб одного из горовосходителей. Тот – другого, и вот уже вниз катятся сразу три человека, набирая с каждым мгновением все большую скорость. А за ними летят камни и камни ждут их впереди. Люди замерли, многие закрыли лица руками в ожидании трагической развязки. Но тут от колонны отделились двое, бросившись наперерез падающим. Один из них попытался вбить в лед ледоруб, но не успел. Тогда он повернулся навстречу летящим телам и встретил их грудью. Он не удержал их и покатился вместе с ними. Но второй все-таки закрепил ледоруб и остановил падение людей. Кто были эти двое? Колхозники-балкарцы Маше Жеппуев из Верхнего Баксана и Ибрагим Толгуров из селения Безенги.

Покорили Эльбрус, как мы уже отмечали, 638 человек, которых торжественно встречали 3 сентября в Нальчике, на городском стадионе, где собралось более двух тысяч человек. Одновременно чествовали и

Первая Альпиниада (так называемая колхозная) Кабардино-Балкарии. В центре (перед знаменосцем) – Б. Э. Калмыков. 1935

252 командира РККА, также, в рамках социалистического соревнования двух альпиниад, взойшедших на Эльбрус...

Паря над вершинами

Из воспоминаний летчика Нальчикского аэроклуба Суворова:

– Для обслуживания колхозной альпиниады нашим аэроклубом было создано специальное авиазвено, состоявшее из трех самолетов: одного «П-5» и двух «У-2» (учебного и санитарного). Была поставлена задача – организовать связь с поднимающимися на вершину колоннами, переброску продуктов, фруктов, почты, свежих газет и всего, что может потребоваться колоннам, а также оказание быстрой медицинской помощи, если она понадобится.

Самолет «У-2» обладает прекрасным качеством с точки зрения простоты управления, не требователен к аэродромам, т. е. на нем можно производить посадку на небольшой площадке. Для горных полетов, и в частности для обслуживания восхождения на Эльбрус, этому самолету не хватало потолка, его расчетный потолок, т. е. высота, выше которой он в силу недостаточной мощности мотора не может подняться, – 4200 м. Полеты же должны были в основном производиться на высоту больше 5000 метров. Это положение меня несколько смущало.

Приступая к обслуживанию и руководствуясь опытом работы авиазвена Военно-воздушной академии в 1934 году, мы избрали своей основной базой посадочную площадку в Баксанском ущелье, недалеко от селения Верхний Баксан, на высоте 1600 метров над уровнем моря.

Аэродром Верхнего Баксана, наряду с недостатками (малые размеры и неровность почвы), обладал одним незаменимым качеством – над ним при любой облачности всегда оставалось окно, через которое просвечивала синева неба.

На аэродроме мы прожили около месяца, т. е. все время, пока продолжалось восхождение всех четырех колонн. За этот срок успели провести 25 полетов на «Приют одиннадцати», 8 полетов к вершине и неоднократно летали в Нальчик для связи штаба с городом.

Наибольших результатов в части достижения высоты нам удалось добиться при восхождении третьей колонны. Я вылетел около 7 часов утра, захватив бензину на час сорок пять минут. Техника я не взял с собой, стремясь облегчить как можно больше самолет. Ветер дул вверх по ущелью. Используя все возможности изгибов ущелья, я минут через 30 уже достиг высоты 3200 метров. До серой пелены облаков оставалось метров 200–300. В стороне горы Донгуз-Орун виднелось синее пятно неба. Я направился туда.

Внизу в окно виден небольшой клочок земли, она далеко, высотомер показывает 4700 метров. Потом – ослепительно яркое солнце. Только теперь начинаю ощущать холод, термометр на станке крыльев показывает –10°. Вокруг Эльбруса облачное поле плавно поднимается и вершину окутывают все такие же густые облака.

Несмотря на то что я нахожусь на 500 метров выше расчетного потолка самолета, высота все продолжает расти. Самолет превратился в планер, мотор не дает ему снижаться, а восходящий поток воздуха увлекает его вверх. Подойдя к облакам, обволакивающим вершину с наветренной стороны, и сделав несколько кругов, я убеждаюсь, что колонны увидеть не удастся. Бесполезно кружиться дальше, к тому же и время требует возвращения. Я в воздухе уже час двадцать пять минут. Нужно, чтоб хватило бензина на обратный путь. Высотомер показывает 5400 метров, температура –13°. Я основательно продрог, несмотря на ярко смеющееся солнце.

Сбавив обороты мотора, иду на аэродром. Нырнув через окно под облака и почувствовав приятную теплоту, я бросаю управление, самолет прекрасно отрегулирован и отлично летит сам. Поспешно пишу краткое донесение и, вложив его в красную ленту, снова беру управление.

Кружусь над штабом альпиниады. Там видны люди, наблюдающие за мной. Они ждут донесение, они приветственно машут руками. Снижаюсь над самыми соснами и, прицелившись, чтобы попасть прямо в лагерь, бросаю развевающийся красной полоской великел. Еще один вираж над лагерем – и убедившись, что великел поднят, иду на аэродром.

...По дополнительным сведениям, полученным из штаба, я узнал, что колонна должна быть на вершине между 11 и 12 часами. Решаю сделать еще один полет, тем более что облака как будто бы начинают расходиться.

Теперь я уже уверенно иду по уже пройденному пути, и высота набирается гораздо быстрее. Через пятьдесят пять минут я над западной вершиной, она закрыта от облаков. Еще несколько кругов – и я могу идти на восточную. Высота вполне достаточная, прибор показывает 5800 метров.

Пронoshусь над восточной вершиной. Там среди оголенных ветром камней что-то движается. Вглядевшись, вижу машущих мне руками людей. Это колонна отдыхает перед спуском. Часть колонны еще движется по склону. На вершине только передовые.

Еще пара виражей. Бросаю великел с приветствием и, поддавшись ветру, стремящемуся отнести меня на противоположную сторону вершины, перехожу ее. Здесь самолет, несмотря на ревущий бешено мотор, как камень летит вниз мимо обнаженных камней вершины.

В этом снижающем потолке за какие-нибудь полторы минуты я теряю 1300 метров и вокруг Эльбруса прохожу к «Приюту одиннадцати», чтобы бросить радостную весть об успехах колонны.

Над «Приютом» низко нависли серые снежные облака, сыплет редкий снег и рвет со страшной силой ветер, но сбросить донесение здесь уже не трудно. Пронoshусь над крышей «Приюта», взмах левой руки – и красная лента падает недалеко от выбежавших людей. Еще одно донесение в штаб – и через 15 минут самолет катится по аэродрому.

На аэродроме летный состав звена Альпиниады РККА неохотно верит моей победе. Да и трудно поверить, чтобы «У-2» превысил свой расчетный потолок на 1600 метров. В силу восходящих потоков верят также слабо. Но я и не пытаюсь их убеждать – ведь у меня было 150 человек свидетелей. Вся третья колонна, находящаяся на вершине, видела меня над своими головами.

...В целом, звеном были выполнены почти все стоявшие перед нами задачи. Мы почти регулярно забрасывали почту на «Приют одиннадцати», неоднократно перебрасывали фрукты, мясо и прочие продукты для четвертой колонны. Нами было переброшено теплое белье, носки, несколько пар горных ботинок, ватные куртки и войлок для утепления обуви.

Непреодолимую конкуренцию нам составили телефонисты. Они телефонизировали весь Эльбрус и нам почти совершенно не пришлось организовать связь – штаб по телефону получал все сведения о движении колонн.

На опыте проведенных полетов можно с уверенностью сказать, что полеты в горах – я говорю о горах Северного Кавказа – не представляют чрезвычайной сложности, но требуют отличной работы материальной части и тщательного изучения условий при различном направлении ветров и различной погоде, так как незначительное изменение этих факторов может создавать самые различные комбинации потоков, которые могут значительно влиять главным образом на набор высоты.

Развенчав печальную славу буржуазных одиночек альпинизма...

Из воспоминаний помполита школы альпинизма РККА А. Н. Глаза:

– В 1933 году Красная армия провела первую Альпиниаду РККА, положив начало массовому туризму в стране. Из 87 человек, допущенных к восхождению, взойшло на вершину Эльбруса 58 человек. Это был мировой рекорд массового восхождения на высочайшую вершину Европы.

В 1934 году вторая Альпиниада РККА поставила еще высший рекорд. Тремя эшелонами из 286 человек поднялось на восточную вершину Эльбруса 276 командиров. Перед этим семью колоннами командиры прошли по ущельям и перевалам Кабардино-Балкарии, Сванетии и Карачая. Прекрасные отношения, установленные командирами РККА с балкарцами и кабардинцами во время альпийских походов, еще более закрепились. Не-

обычайную теплоту, искренность и уважение к Красной армии выражали носильщики и проводники балкарцы, которые сопровождали и помогали нам в походах.

Так из года в год крепла дружеская связь между командирами-альпинистами и колхозниками передовой орденоносной Кабардино-Балкарии. Эти отношения закреплялись и усиливались тем исключительным вниманием и помощью, которую нам оказывал областной комитет партии во главе с его руководителем тов. Калмыковым.

В лагере второй альпиниады, расположенном в Терсколе, необычайное оживление. Командиры-альпинисты готовятся к приему гостей. Сегодня будет «курманлык». Командиры принимают в гости колхозников Кабардино-Балкарии и с ними подводят итоги альпийских походов. Верхом, пешком, на арбах стекаются сотни колхозников к нашему полотняному городку. Собрались старики и старухи, юноши и девушки. За много десятков километров пришли они сюда на праздник.

На митинге от обкома партии выступал тов. Звонцов. Он от имени колхозников области вызвал нас на соревнование.

– Мы обязуемся поднять на Эльбрус 500 колхозников, – говорит Звонцов.

Мы со своей стороны обещали руководителям орденоносной области помочь им в организации массового похода. Так родилось соревнование по штурму Эльбруса. Обмен опытом, совместные совещания с обсуждением степени подготовленности альпинистов стали правилом и потребностью работы. На заседаниях штабов, на инструктаже политсостава, на вечерах у костра командиры делились своим опытом занятий со своими друзьями-колхозниками. Инструктор и руководитель колхозной альпиниады Бетал Калмыков ковал эту победу и спланировал ее состав на наших глазах. Лично наблюдая, контролируя и помогая, он уверенно вел своих колхозников к победе.

Как ни сердился старый Эльбрус, как ни раздувал он гигантские меха ветра, пурги и бурана, как ни охлаждал энергию и волю людей лютым морозом – ничего не вышло. Один за другим поднимались эшелоны колхозников, а вслед за ними и командиров, вписывая новую страницу побед нашей великой родины. 638 рядовых колхозников установили новый мировой рекорд массового восхождения, окончательно развенчав печальную славу буржуазных одиночек-индивидуалистов альпинизма. 638 колхозников и 252 командира, поднявшиеся на высочайшую вершину, показали, на какие изумительные высоты ведет страну наш мудрый и великий Сталин.

Эпизоды восхождения

Рассказывает врач Н. Ф. Томаревский: «Идем дальше. Вдруг видим – знамя пошатнулось, вот-вот упадет. Саид Хаджиев подхватывает его. Знаменосец Зоя Малкарова, бледная, падает на снег. Сильная головная боль, тошнота, слабость, частый пульс слабого наполнения, кровь носом. Идти дальше нельзя. Надо спускаться вниз.

– Ни за что! – говорит Зоя. – Немного отдохну и пойду.

Отдохнула. Через несколько минут встала и, шатаясь, побрела. Но не назад, вниз, а дальше – вперед и выше».

С третьей колонной взошел на вершину Эльбруса симпатичнейший дед Купоев Алексей Тимофеевич, 73-летний колхозник Прималкинского района. Безусловно забракованный врачами по старости, он с такой детской радостью, с таким энтузиазмом готовился к походу, что ни у одного из нас не повернулся язык запретить непосильный для него поход.

И дед Купоев дошел до вершины. Хотя его, беднягу, и стащили оттуда в спальном мешке до «Приюта Пастухова», но все же он был бесконечно счастлив своим героизмом.

Проводник Саид Хаджиев в шестнадцатый раз поднялся на Эльбрус: «Но самое радостное, самое хорошее восхождение было теперь. Я провел на Эльбрус двести молодых, здоровых, лучших людей родной Кабардино-Балкарии и самого знатного человека области – Бетала Калмыкова. Хорошо шли мои комсомольцы, хорошо шел сын мой Бетал. Только потому, что это были комсомольцы, только потому, что их снаряжали в поход все колхозы области, что за ними следил весь Союз, только потому, что их готовила и воспитывала перед восхождением партия великого Сталина – все двести взошли на вершину. И я говорю: мне 63 года. Мне пора бы уже отдохнуть. Но разве захочешь отдыхать в такое время, когда молодые, здоровые, славные идут туда, где редко ступала нога человека?»

Зоя Малкарова, комсомолка колхоза им. Калмыкова (селение Нижний Чегем): «С нами во главе колонны шел тов. Калмыков. Он двигался в ногу с опытными альпинистами, он лично подбадривал отстающих, он вносил в семью альпинистов бодрость и волю к победе. Мы удивлялись его выносливости. Первый раз он шел на Эльбрус и шел лучше нас всех. Мы смотрели на любимого Бетала, и сердца наши загорались огромной гордостью за нашу партию.

На Эльбрус нас вела партия. Если бы мы не знали, не чувствовали этого на каждом шагу, трудно сказать, каков был бы исход альпиниады. Но мы видели, что лучшие люди партии шли впереди нас, и это придавало нам силы. ...Первое слово, которое вырвалось из всех уст, когда мы вступили на высочайшую точку Европы, было – Сталин».

Николай Алиев, участник восхождения: «На седловине вдруг пошла из носа кровь. Врач предложил вернуться. Не вернулся. На привалах втыкал ледоруб, упирался в него спиной и ложился на снег вниз головой. Стал отставать, врач предложил: «Вернитесь». Не вернулся.

Догнал товарищей, вышел к самому проводнику Тилову и вслед за ним вошел первым».

Телеграммы с вершины Эльбруса

Дорогой, родной, наш любимый Сталин!

Взяв высочайшую вершину Европы – суровый Эльбрус, мы ...первое слово радости победы обращаем к тебе, нашему мудрому учителю, к тебе, величайшему проводнику миллионов трудящихся к вершинам счастливой радостной жизни бесклассового общества.

Мы пришли на Эльбрус не за рекордами.

Преодолевая буран, вечные льды, снега, мы думали только о тебе, наш родной любимый Сталин, о нашей родине, о крепости наших границ.

Пусть знают враги революции, откуда и где бы они ни совершили вылазку, что каждый трудящийся нашей родины станет в несокрушимые ряды, чтобы победить их, как победили мы суровую стихию горных вершин.

Дорогой товарищ Ворошилов!

Тебе, ближайшему соратнику великого Сталина, стальному наркому обороны, вождю Красной армии, другу трудящихся Кабардино-Балкарии, мы шлем пламенный привет с высочайших вершин Европы – сурового Эльбруса.

Мы заверяем тебя, что каждый из нас и каждый трудящийся области, по зову нашей славной коммунистической партии и великого вождя родного Сталина, с таким же бесстрашием, с такой же настойчивостью, как побеждали стихию горных высот, будет бороться, чтобы сокрушить врага, если он вздумает напасть на нашу великую родину.

Дорогой, родной товарищ Орджоникидзе!

Взяв вершины сурового Эльбруса, мы ...шлем тебе, ближайшему соратнику Сталина, стальному наркому тяжелой промышленности, другу и учителю трудящихся нашей области, пламенный привет.

Для нас, пребывавших под гнетом царизма, это праздник здоровья, мужества, для наших колхозов это праздник богатства и мощи, это торжество великого колхозного строя, сделавшего нашу жизнь такой интересной, содержательной и радостной.

Сталин – Эльбрус всего человечества!

Из речи секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии Бетала Калмыкова на вершине Эльбруса:

– Товарищи колхозники!

Разрешите поздравить вас с большой, прекрасной победой.

В трудных условиях, в холод, в бурю вы взошли на самую высокую гору Европы.

Вы – лучшие люди нашей области.

Вы – бесстрашные люди нашей родины.

Вы – гордость нашего Союза, наши герои, наш самый ценный капитал.

Недосягаемо высился Эльбрус. Но большевики пришли и взяли этот Эльбрус, и поблелел Эльбрус перед ними.

Такие люди – большевики!

Мы шли в самых трудных условиях, мы устали, но когда все взошли на вершину, то наши взоры первым долгом обратились к тому, кто вдохновил нас на эту победу, кто вдохновил нас в нашей борьбе за счастливую жизнь. Наши взоры обратились к Сталину, к великану, к Эльбрусу всего человечества, нашему любимому вождю.

Большевики взяли Эльбрус. Но мы не зазнаемся, не успокаиваемся на этом. Впереди – море работы. Нам предстоит взять Эльбрус культурной, зажиточной жизни. Нам предстоит сделать Кабарду и Балкарию самым цветущим местом Советской страны.

Мы должны сделать так, чтобы Кабардино-Балкария была самой богатой и самой счастливой.

Взять Эльбрус культурной, зажиточной жизни – это значит иметь много хлеба, много мяса.

Взять Эльбрус зажиточной жизни – это значит иметь всего вдоволь.

Взять Эльбрус – это значит иметь хорошие школы, хорошие больницы, хорошие клубы, хорошие дома.

Это значит спать на удобных, красивых кроватях, жить культурно и зажиточно.

Взять Эльбрус – это значит иметь прекрасное животноводство, чтобы колхозы Кабарды и Балкарии жили весело и богато.

Это значит иметь прекрасное садоводство, чтобы колхозы Кабарды и Балкарии кушали прекрасные фрукты.

Эльбрус – это много хлеба.

Эльбрус – это много культуры.

Эльбрус – это много счастья в наших колхозах.

Эльбрус зажиточной жизни – это цветущая Кабардино-Балкария.

Да здравствует Эльбрус всего человечества – великан Сталин!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЖЕРТВА ВЕЧНОЙ ГОРЫ

Первое массовое восхождение на Эльбрус (Колхозная альпинида КБАО, состоявшаяся в 1935 году) вызвало невиданный интерес, прежде всего юношей и девушек, к альпинизму. То, с какой внешней легкостью молодые рабочие и колхозники республики покорили восточную вершину Эльбруса, настроило кое-кого из комсомольских деятелей на шапкозакидательский лад: коль 638 человек взойшли удачно, то и мы справимся. При этом игнорировалось то, как тщательно готовилась альпинида, каким тяжким был акклиматизационный период, сколь много опытных проводников было привлечено и какое огромное внимание уделялось технике безопасности.

Из февральских документов 1936 года явствует, что республиканская организация ВЛКСМ запланировала провести несколько летних восхождений. Узнав об этом, комсомольцы Эльбрусского района решили опередить всех и организовать ...зимнее восхождение на восточную вершину, более того, запланировали его не далее как на март. То есть подготовка как таковая даже не подразумевалась. Не брался во внимание и тот факт, что восхождения в летнее и зимнее время предполагают разную подготовку и подготовленность, ведь температуры зимой на Эльбрусе весьма и весьма низкие – тридцать-сорок, а то и пятьдесят ниже нуля.

Мало того – не были привлечены не только профессиональные инструкторы-альпинисты, но даже те, кто имел хоть какой-нибудь опыт горвосхождений. Посчитали, что хватит усилий обычных проводников, чьи знания местности, конечно, были важны, но умения не предполагали действий при критических ситуациях. И еще один нюанс: включили в состав участников, согласно партийному лозунгу по раскрепощению горянок, семь девушек. Слабых, незакаленных, совершенно не подготовленных физически. Включили по принципу: ударница, активистка, общественница...

В состав группы из 33 человек (известны имена 31-го из них) вошли представители всех селений Баксанского ущелья, в том числе четыре проводника. Руководителем был назначен секретарь райкома ВЛКСМ Мурат Мамукаев.

Одиннадцатого марта участники восхождения прибыли на Приют одиннадцати, где предстояло пройти акклиматизацию и овладеть азами

альпинистских навыков. Большинство балкарских юношей и девушек, а именно они были включены в группу, здесь впервые увидели кошки (металлические приспособления для передвижения по льду), карабины, ледорубы, другое альпинистское снаряжение. А ведь увидеть мало – предстояло этим всем научиться пользоваться за 5–6 дней. Как научились, станет ясно на рассвете 17 марта, на которое назначили восхождение.

В то же время природа благоприветствовала ему: распогодилось, небо очистилось от облаков, затих ветер и даже несколько поднялась температура – мороз не достигал двадцати градусов.

И само восхождение шло весьма удачно: без особых трудностей добрались до седловины, где разделились на две группы: одна (из 27 человек) двинулась покорять Восточную вершину, другая (6 человек) – Западную. Поднялись все без исключения. Водрузили на вершинах знамена райкома комсомола, оставили памятные записки и воодушевленные двинулись в обратный путь. Он, путь, казался всем уже известным, доступным, быстрым. Но внезапно выяснилось – юноши и девушки это никак не ожидали, а опытные горвосходители (напомним, что их не удосужились даже привлечь) им не объяснили, что спускаться куда труднее, чем подниматься.

О том, что произошло дальше, рассказывает Владимир Кудинов – ветеран альпинизма, приехавший в нашу республику в 1934 году и до конца жизни оставшийся верным Приэльбрусью. Он автор книг «Эльбрус в наши дни» (1954), «Альпинизм в Кабардино-Балкарии» (1957). Но самая известная его работа – знаменитая «Эльбрусская летопись» (1969), которую наше издательство только что перепечатало в однотомнике «Постижение Эльбруса».

В кудиновской летописи есть небольшая главка, которая так и называется «Трагедия на Эльбрусе». В ней автор пишет: «Спускаться оказалось гораздо труднее. Ведь при подъеме человек идет медленно, кошки под тяжестью его тела глубоко врезаются в лед и надежно держат, перед альпинистом ледяной склон, уходящий вверх, не кажется страшным. При спуске картина резко меняется: склон уходит куда-то в глубину, взоры невольно устремляются вниз, где далеко под ногами виден весь предстоящий путь. Ледяные склоны, скользкие и ненадежные, блестят на солнце. В человека закрадывается страх, кажется, что зубья кошек не выдержат тяжести его тела. Он нерешительно опускает ногу на склон, и кошки действительно плохо держат. А надо делать как раз обратное: с силой и решительностью «вбивать» кошку, тогда все ее зубья надежно врезаются в лед.

Группы двигались по семь и восемь человек. Передний и задний связались узлом «проводника» (один из способов альпинистской обвязки), остальные были прикреплены к веревке скользящими карабинами. Связ-

ки спускались в некотором отдалении друг от друга. Одна, состоящая из физически более выносливых ребят, уже достигла Приюта Пастухова, а последняя только вышла из седловины.

Когда одной из связок оставалась сотня-другая метров до Приюта Пастухова, у Аубекира Курданова, шедшего последним, «разболталась» кошка. Он поскользнулся, упал и быстро заскользил по льду, своей тяжестью сшиб идущую впереди Рахимат Хусейнову, потом других, и вот все семь человек полетели на скалы. Проводник Исмаил Джаппуев, идя со своей группой несколько ниже и в стороне, услышал крики, оглянулся и, отвязавшись от общей связки, бросился наперерез сорвавшимся, пытаясь их задержать. Он понимал, что это вряд ли удастся, но чувство товарищества заставило его, рискуя жизнью, спасать других. Героический поступок Исмаила не предотвратил катастрофы: его сбили с ног, и вот уже восемь человек стремительно летят на скалы, нанося друг другу ранения острыми кошками и ледорубами.

За этой жуткой картиной с ужасом наблюдали зимовщики с Приюта девяти. Сорвавшиеся альпинисты перелетели через скалы Приюта Пастухова и скрылись от взоров за перегибом склона. Не сговариваясь, все бросились на помощь.

За тридцать минут зимовщики поднялись к месту катастрофы. Глазам предстала картина, от которой кровь леденела в жилах. На склоне, недалеко от нижних скал Приюта Пастухова, без движения лежали сорвавшиеся. Некоторые стонали и звали о помощи. На льду, по пути их падения, кровавые следы, обломки ледорубов, сорванные во время падения кошки, обувь и окровавленная одежда...

Три альпиниста оказались мертвыми, остальные сильно изуродованы, некоторые находились без сознания. Живым оказали первую помощь и стали спускать их на метеостанцию. Погиб Исмаил Джаппуев, которого удалось узнать только по остаткам одежды. Очевидно, он принял на себя первый удар о скалы, остальные перелетели через него и остались живы. Среди погибших были также Аубекир и Рахимат. Хотя внешне они выглядели не так жутко, как Исмаил, но головы у них в нескольких местах пробито зубьями кошек.

О катастрофе сообщили по радио в Тегенекли. Уже ночью пришел спасательный отряд, возглавляемый представителем обкома партии М. И. Звонцовым и опытным проводником Юсупом Тиловым. Врач оказал пострадавшим посильную медицинскую помощь. Затем их перевезли вниз в больницу. Несмотря на принятые меры, в пути скончался Хасан Таймазов, так и не пришедший в сознание с момента срыва.

Спускать пострадавших вниз по ледникам и снегам было очень трудно. Малейшее сотрясение или толчок причиняли им мучительную боль, по-

этому приходилось транспортировать пострадавших чрезвычайно осторожно. Несмотря на то что больных уложили в сани, сделанные из лыж, и спуск начали рано утром, в Терскол удалось доставить пострадавших только поздно вечером.

Погибших похоронили в Баксанском ущелье, а на первой поляне Старого Кругозора высекли на громадном камне имена и дату гибели восходителей».

Нелишне будет напомнить, что к этому времени число погибших при восхождении на Эльбрус за более чем столетний период (об этом говорится в той же кудиновской работе) составляло всего 21 человек. А тут сразу четыре жертвы... Кстати, об этом случае рассказала областная газета «Социалистическая Кабардино-Балкария» (1936, 28 марта).

О том, что причиной трагедии явилось легкомысленное отношение к опасностям, подстерегающим в горах, мы уже сказали. Владимир Кудинов, непосредственно причастный к описываемым событиям, выделил пять главных ошибок, допущенных организаторами восхождения и приведших к гибели людей.

Они таковы: «Первая и, пожалуй, самая основная – это отсутствие инструкторов альпинизма. Группой руководили проводники, не имевшие достаточной альпинистской подготовки.

Вторая серьезная ошибка – неверный подбор участников. Нельзя было отбирать для такого серьезного мероприятия людей, не занимавшихся ранее альпинизмом, а значит, не имевших никакого понятия о серьезности данного восхождения. Одного желания подняться на Эльбрус зимой мало, абсолютно необходимы навыки горовосхождений даже для тех, кто родился и вырос в горах.

Третья – это обучение «азам» альпинизма непосредственно перед восхождением. Участники не успели (да и не могли успеть) как следует освоить технику передвижения на кошках по крутым ледяным склонам, а проводники не проследили за успеваемостью своих подопечных, не знали слабых и сильных сторон каждого участника.

Четвертая ошибка – связка из семи и более альпинистов. Это недопустимо. Связываться должны не более трех человек. Тогда инструктор имеет полную возможность все время держать под контролем своих участников и своевременно, на ходу, исправлять допущенные ошибки.

Наконец, последняя – это неправильная тактика движения, примененная проводниками. Наиболее слабым из сорвавшихся был Аубекир Курданов. Еще при подъеме на вершину он чувствовал себя плохо, а его поставили последним в связке. При спуске наиболее слабых надо пускать первыми, это позволяет инструктору все время наблюдать за их движением. Если бы Курданов шел первым, то при срыве его задержали бы товарищи.

Место инструктора при подъеме на любую вершину впереди, а при спуске – сзади связки, тогда все моменты спуска перед глазами. Если бы это было учтено и восхождение совершалось тактически правильно, трагедии бы, безусловно, не произошло».

Закономерен вопрос: почему сегодня, спустя почти восемьдесят лет, мы вспомнили об этом столь печально завершившемся восхождении. Дело в том, что памятная плита с именами погибших оказалась забыта на долгие годы. В 1986 году Кямал Соттаев, Руслан Гулиев и тракторист-механик Ильяс Джаппуев, занимаясь планировкой трассы в районе Старого Кругозора, обратили внимание на плоский камень с закругленным верхом. Перевернув его, прочитали надпись. Тогда мужчины решили поднять плиту на платформу станции, что было достаточно сложным делом – пришлось тащить ее почти 300 метров.

Здесь, на платформе, плита пролежала до 2013 года, пока поисковый отряд «Мемориал–Эльбрус» не спустил ее на поляну Азау.

В Приэльбрусье до находки плиты о трагедии 1936 года слышали и даже были уверены, что погибло шестеро. Удалось узнать, что плита была установлена по инициативе Юсупа Тилова. Он был противником данного покорения и вместе со знаменитым горовосходителем Сеитом Хаджиевым отговаривал организаторов экспедиции от опасной затеи покорить Эльбрус в это время года.

Еще до спуска плиты учредители отряда «Мемориал–Эльбрус» Фати-ма Тилова и Омар Курданов занялись историей самой песни. Расспросы велись в Тегенекли, Былыме, Нальчике. Старики рассказали, что авторами «Реквиема» – известно три варианта в количестве 46 строф – были Хашим Толгуров, Наны и Нашы Джаппуевы и Айшат Узденова, участница того восхождения. Среди авторов называют также Хамида Орусбийева.

Сегодняшние старики из Тегенекли Къази Хаджиев и Мухутдин Хаджиев впервые услышали «Реквием» в Казахстане от Мухаммата Залиханова и Чукая Тилова. Оба вспоминают, что возглавлял спасательную операцию Замурат Шаваев, уже тогда бывший спасателем.

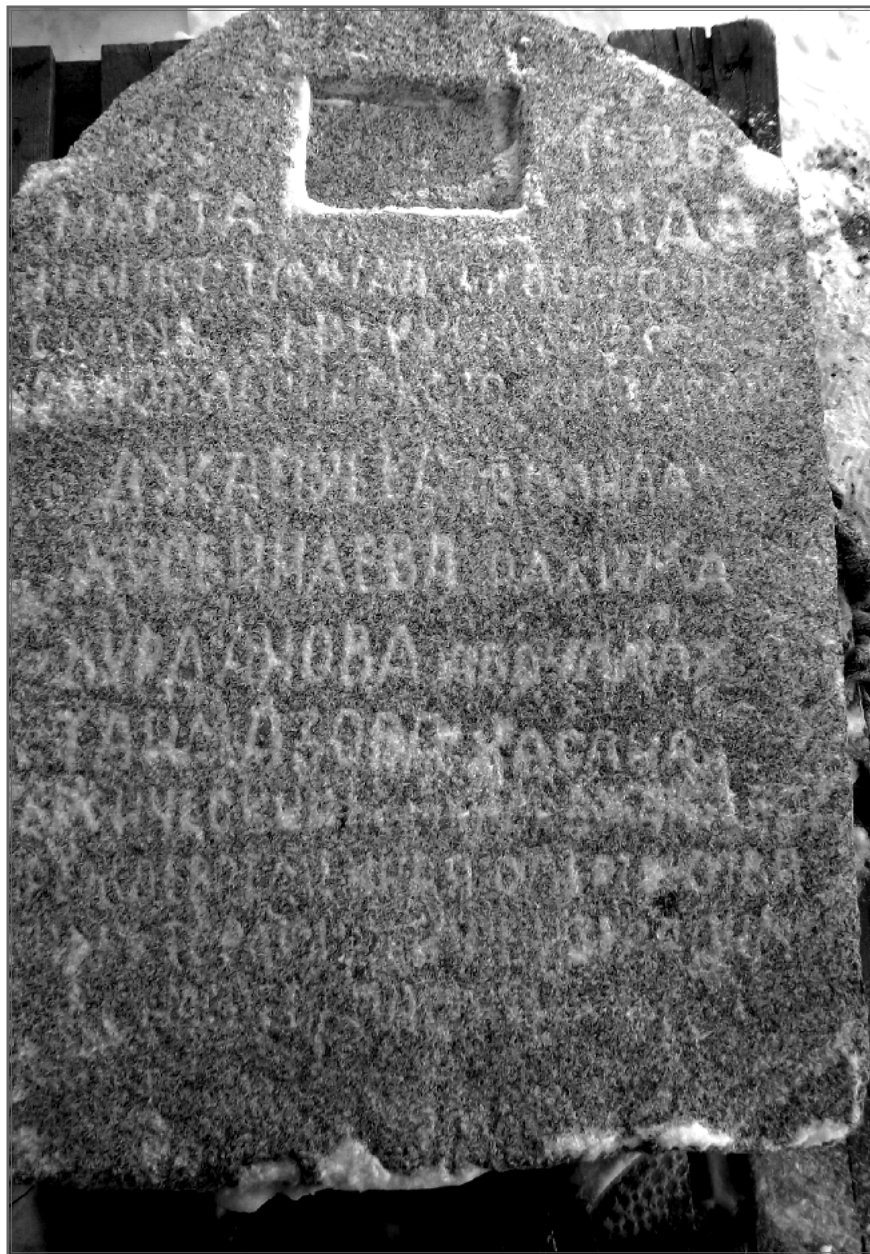
Текст песни впервые записала Танзиля Хаджиева, балкарский литературовед, ныне работающая в Москве, в 1985 году в Верхнем Баксане со слов народного врачевателя Махмуда Геккиева. А его родственник поэт Магомед Гекки, в чьем переводе говорят со сцены балкарского театра герои таких классических произведений, как «Тартюф», «Макбет», «Ревизор» и многих других, съездил в Верхний Баксан и Былым, опросил всех, кто хоть что-то помнил о драме на Эльбрусе, уточнил фамилии ее участников, соединил три варианта «Реквиема», переданных ему из Приэльбрусья, и сделал перевод на русский язык.

...Вернули плиту из небытия в 1986 году, но интерес к ней появился в 2013-м, потому что изменилось отношение людей к истории, которую, как сказал Омар Курданов, лично он потрогал руками, когда вместе с ребятами начал заниматься поиском останков советских солдат, погибших на Эльбрусе в 1942 году. Люди стали внимательнее к тому, что было до них, собственная история приобрела особую ценность. А драматический исход той комсомольской альпиниады предостережет всякого, кто решит без основательной подготовки подниматься к вершинам Вечной Горы. Глава администрации с.п. Эльбрус Узеир Курданов, вынашивающий планы создания в рамках Приэльбрусья историко-этнографического музея, предполагает найденную плиту сделать его экспонатом, а на том месте, где она была установлена в 1936 году, поставить новую, перенеся на нее оригинальную надпись. А она, кстати, такова: «26 марта (вероятно, дата установки плиты. – Авт.) 1936 года. Нелепый случай на восточном склоне Эльбруса вырвал из рядов Ленинского комсомола (далее четыре имени: Джаппуев Исмаил, Хусейнаева Рахимат, Курданов Абдуллах, Таймазов Хасан). Героический поступок Исмаила Джаппуева и безвременная смерть комсомольцев неизгладимы в нашей памяти».

В заключение стоит сказать о том, что Владимир Кудинов допустил ошибку в имени одного из погибших – Курданова звали не Аубекир, а Абдуллах, о чем и свидетельствует надпись.

Приводим и список участников (31 из 33), где значком * обозначены получившие травмы, а значком ** – погибшие.

Абдуллаева Сакинат Махмудовна
Алчагиров Исмаил
Байдаев Аслан
Байдаев Кямал
Балаев Кёккёз
Борчаев Аубекир
Борчаев Кёккёз
Геккиева Аминат* Жюжаевна
Геккиев Шамиль* Хусейинович
Гуданова Сейжан
Джаппуев Исмаил**
Джаппуев Наны Балуккуевич
Джаппуев Нашы
Журтубаев Али
Журтубаева Зулейха*
Залиханов Магомед

Залиханов Хызыр
 Картлыков Билял
 Кудает Оюс
 Курданов Абдуллах**
 Макитов Юсюп
 Мамукаев Мурат
 Отарова Рабийгъа
 Соттаев Махмуд
 Таймазов Хасан**
 Теммиев Юсюп
 Тилов Ахия
 Узденова Айшат* Тпаевна
 Узденов Ачах Алибийевич
 Хусейнаева Рахимат** Махмудовна
 Этезова Абат

А вот та самая песня, названная «Сарнау», что можно перевести на русский язык как «Реквием». Это действительно реквием по молодой девушке, чья жизнь прервалась в самом начале пути. Строчки, рассказывающие о судьбе юной Рахимат Хусейнаевой, строчки, звучащие от ее имени – ушедшей, говорящей с оставшимися жить, поражают искренностью чувств, высотой трагедии, простотой сравнений.

РЕКВИЕМ

1
 Юйюбюз аллы биченликде
 Аскер атла ойнайдыла;
 Сен да альпинист боллукъса деп,
 Къуллукъчула къоймайдыла.
 2
 – Атха мин, дедиле, минмедим,
 – Бичен чал, – дейле, чалмадым;
 Ажалым къойгъан болмаз эди,
 Терилтген таудан къалмадым.
 3
 Эльбрус дейдиле, Минги таугъа
 Нечик ушайды атына;
 Андан кёпле сау къайтмайдыла,
 Бара турмагъыз къатына.

1
 На лугу, перед нашим домом,
 Резвятся армейские кони;
 – Ты станешь альпинистом, –
 Настаивает начальство.
 2
 Заставляют сесть на коня – я не села,
 Заставляют сено косить – я не косила;
 Видимо, смерть ожидала,
 От манящей горы не отступила.
 3
 Эльбрусом называют Минги-Тау,
 Имени своему гора под стать;
 Немногие возвращаются оттуда живыми,
 Уж лучше не подходите к ней.

- 4
Минги тау деп айтмаз эдиле
Бирси таулача тау болса;
Бызынги элден келмез эдим
Манга сакъ атам сау болса.
- 5
Ол огъурлу атам ёлгенли,
Анам этеди аталыкъ;
Эр кишилик анамда къалып,
Кесим этеме шапалыкъ.
- 6
Минги таугъа тебретедиле,
Эки отрядха юлешип –
Жууукъ-ахлула дыгалас этип,
Урушха сюргенча кюрешип.
- 7
Босагъадан атлагъанымлай
Ышанмагъанма халыма;
Къарт анамы аманат этдим
Къарындашчыгъым Маммагъа.
- 8
Минги таугъа къарагъанымда –
Къан жауарыкъгъа ушайды;
Альпинистлени ашыргъанла
Камсамол Наны бла Ишайды.
- 9
Минги таугъа чыгъып барабыз,
Минги тауну кюнюдю, – деп;
Жарлы анам алай сытылыр:
– Мени къызым туююдю, – деп.
- 10
Ёрлеп тебрedik – баралмайма,
Тутмай эдиле санларым;
Келип башыма тиедиле
Чурукъларымда налларым.
- 11
Таугъа чыкъгъанлагъа проводник –
Ол Джаппулану Ишайды;
- 4
Не называли бы тебя Минги-Тау,
Если бы ты была, как другие горы;
Из Безенги я бы не пришла,
Если бы был жив оберегающий меня отец.
- 5
С той поры как умер благородный отец,
Мама у нас вместо него;
Мужскую работу мама исполняет,
Я сама занимаюсь по дому.
- 6
Собирают нас на восхождение,
Разделив на два отряда –
Соседи-родичи суетятся,
Будто отправляют на войну.
- 7
Лишь перешагнув через порог,
Я почувяла неладное;
Мать-старушку оставляю на аманат
Братишке Магомету.
- 8
Когда я посмотрела на Минги-Тау –
Похоже (не снег, не дождь) кровь пойдет;
Альпинистов ведут
Комсомольцы Наны и Ишай.
- 9
Мы идем на Минги-Тау,
Надеясь на погожий день;
Бедная мама вскрикнет без звука:
– Это не дочь моя.
- 10
Идти не могу – ноги не несут,
Вялость во всех суставах;
Колотят меня по голове
«Кошки» на обуви моей.
- 11
Проводник у восходителей
Джаппуев Ишай;

- Кёкге айланып бир къарагъыз
Ой, къан жаугъаннга ушайды.
- 12
Минги таугъа ёрлеп барабыз
Жангыз жыжымгъа тизилип;
Бизге къап-къара къан жаугъанды
Жип ортасындан юзюлюп.
- 13
Бир ариу чыгъып бара эдик,
Эки тёппеге юлешип;
Ишай жипни тутуп тургъанды –
Жаны чыкъгъынчы кюрешип.
- 14
Зурнукла кирик биз барабыз,
Ах, Минги тауда ауушха;
Сени жауунг тынгылагъаед
Анда къычырыкъ тауушха.
- 15
Жип юзюлюп, алай къычырдым:
– Хасан, бери нек келдим? – деп,
Эки кёзю аралып къалды:
– Мен да сени бла ёлдюм, – деп.
- 16
Ишай ышара келген эди:
– Бу Хасан кимни тилейди?
Къайсы къаракъашны жүреги
Бу Хасан ючюн кюеди?
- 17
Иясынны мен окъугъанма,
Минги тау бузда олтуруп –
Хасаным жан бере турады,
Кёзлерин булут толтуруп.
- 18
Къара гулла, къара баш ау бла,
Барлыкъма Уллу Басханнга;
Мындан ансам, деп сёз бергенме
Бу Таймазланы Хасаннга.
- Посмотрите на небо,
Похоже, что кровь идет.
- 12
Продвигаемся вверх по цепочке,
Одной веревкой повязаны все;
Настал для нас кровавый день –
Посередине лопнула страховка.
- 13
Как красиво мы шли след в след,
Разделенные на обе вершины;
Из последних сил держал Ишай веревку,
Пока сам не погиб вместе с нами.
- 14
Как стая журавлей мы идем
На седловину Минги-Тау;
Пусть бы врагу твоему слышались
Звуки криков на том перевале.
- 15
Когда оборвалась веревка, я вскрикнула:
– Хасан, почему я сюда пришла?
Он сказал несомкнутыми глазами:
– И я умираю с тобой.
- 16
Ишай подходил улыбаясь:
– Какую Хасан за приметил?
Сердце какой чернобровой
Пылает по Хасану?
- 17
Иясын я прочла,
Сидя на леднике Минги-Тау –
Хасан испускает душу,
Глаза облаком переполнены.
- 18
В черном гробу, в траурной фате
Явлюсь в Большой Баксан;
Я обещала Хасану Таймазову
Принять его предложение, когда
спустимся.

19
Анасына къалай барайым,
Татлы баласын ёлтюрюп;
Тенг жашлары элтсинле бизни
Бир сал бачхыч бла кётюрюп.

20
Уллу ныгышдан тилерикме:
– Къонакъма, къонакъ алыгъыз.
Жашауда жазуу жазылмады,
Ой, бир къабыргъа салыгъыз.

21
Жым-жылтырайды, от жанады
Оу Кругозорну гыйысы;
Ташлагъа жайылып къалгъанды
Рахимачыкъны мыйысы.

22
Айланч-майланчла кёре эдим
Буз басхан тауну жоллары;
Рахиматмы болур дейдиле
Бир бек ушайды къоллары.

23
Ийнарларымда къаргышларым
Женгил къабыл болгъандыла;
Бюркюп баргъан къызыл къанымдан
Аузум-бурнум толгъандыла.

24
Мени къаным бояу болгъанды
Минги таудагы ташлагъа –
Хапарымы ким айтып барыр
Конторда къалгъан жашлагъа?

25
Эки эшме жабшып къалды
Ол Минги тауда бузлагъа.
Бу къуугъун хапарны ким айтыр
Школда окъутхан къызлагъа?

26
Ёрлеп тебрeдик – баралмайма
Борбайым тутмай, къыйылып;

19
Как мне прийти к его матери,
Убив ее сладкое дитя?
Пусть друзья его нас понесут
В одной носилке для покойников.

20
 Попрошу у Большого ныгыш:
– Примите в гости меня.
 Судьба не свела нас в этом мире,
 В могилу одну положите.

21
Блестит-сверкает, огнем отливает
Сланец Кругозора, нас погубившего;
На камнях его размазан
Мозг Рахимы.

22
Сerpантином ведут пути-дороги
Льдом покрытой горы;
Говорят: не Рахима ли она,
Уж очень похожи руки.

23
Частушками распетые проклятия
Вдруг скоро обернулись всерьез;
Кровью алой моей обильно текущей
Наполнились рот и нос.

24
Кровь моя стала краской
Для камней на Минги-Тау –
Кто весть про меня принесет
Оставшимся в конторе парням?

25
Две косы моих остались вмерзшими
На леднике Минги-Тау.
Кто расскажет горький хабар
Девушкам-учительницам в школе.

26
Начали подъем – идти не могу,
Ноги подкашиваются, не несут;

Субай санларым барадыла
Спальный машокга жыйылып

27
Жараларымы кёргенинде
Маммачыкъ къачды ташагъа;
Таугъа барырымы суймеди –
Къурман болайым Пашагъа.

28
Жылтырайдыла, жанадыла
Бу Минги тауну бузлары;
Чачларын жыртып жилийдыла
Хусейналаны къызлары.

29
Мени башымда жараларым
Тары бюртюкден ууакъды;
Жиягъыз, жамауат, жиягъыз –
Бизге жиягъан сууапды.

30
Акъ гыранчамы да беригиз,
Къан быстырымы ким жууса;
Атына Рахима атагъыз
Жарлы анама къыз тууса.

31
Ол биягъы биченликде уа
Аскер атла кишнейдиле;
Тенглерим да мени унутуп
Колхоз мюлкде ишлейдиле.

*Перевод Магомета Гекки
Заман. 1996. 3 апр.*

Стать моя стройная идет,
Упакованная в спальный мешок.

27
Когда увидел мои раны,
Магомед убежал и спрятался;
Не желал меня отпускать в горы –
Да стану я жертвоприношением для Паша.

28
Сверкают, горят
Ледники Минги-Тау;
Рвут волосы, оплакивая,
Хусейнаевых девушки.

29
Раны на моей голове
Мельче зернышек проса;
Плачьте, люди, плачьте –
Оплакивать нас богоугодно.

30
И белую шаль мою отдайте,
Той, кто постирает окровавленную
одежду;
Рахима ее назовите,
Если у бедной мамы моей родится дочь.

31
Всё на том же лугу
Ржут армейские кони;
И друзья меня забыли,
Работая в колхозе.

Кашиф Мамишев и Норвей Тенцинг, который вместе с Эдмундом Хиллари первыми побывали на вершине Эвереста (Джомолунгмы). Минеральные Воды, 1963

Джон Хант, руководитель экспедиции, впервые покорившей Эверест (Джомолунгму), во время пребывания на Кавказе. Тырнауз. Школа инструкторов альпинизма. Фото Олега Ломакина. 17 марта 1959 г.

АЛЬПИНИЗМ – КЛЮЧ ОТ ОШХАМАХО

Рассказывая о массовых восхождениях на Эльбрус прошлого столетия (впрочем, в нынешнем таких вообще не было и вряд ли в ближайшее время они состоятся), нельзя обойти вниманием Альпиниаду КБАССР 1960 года, когда на высочайшую вершину Европы поднялось рекордное к тому времени число альпинистов. Вот строки из телеграммы, посланной с Эльбруса: «20 июля внезапно разыгравшаяся непогода задержала участников Альпиниады КБАССР на исходных пунктах. Вчера к утру погода улучшилась, на 6 часов по московскому времени четыре колонны альпинистов организованно начали штурм Эльбруса. В 9 часов 1403 человека достигли «Приюта Пастухова» – 4800 м. В 15 часов 20 минут спортсменов 1380 (означенная цифра в дальнейшем была подвергнута корректировке. – Авт.) поднялись на Западную и Восточную вершины горы-великана. Массовое восхождение завершилось успешно. ...Еще одна яркая страница вписана в историю отечественного и мирового альпинизма».

...Та альпиниада оставила особый след в памяти одного из авторов этих строк – дело в том, что в ней принимал участие его отец, Николай Котляров, на тот момент сотрудник газеты «Советская молодежь», публиковавший из номера в номер репортажи о ходе подготовки юношей и девушек, лагерных буднях, этапах восхождения. Собирался (на полном серьезе) принять участие в восхождении и его сын, дошкольник. Причем никакие уговоры типа того, что «маленьких в горы не берут», не действовали, и даже то, что нужна специальная обувь (с шипами), не смогло погасить желание взойти на Эльбрус.

Новенькие ботинки, приготовленные специально к школе (по тем временам вещь дефицитнейшая), были мальчишкой превращены (назовем это так) в «гвоздеступы» – изнутри были вколочены десятки гвоздей с обойными шляпками. После чего, естественно, обувь стала негодной ни для горного, ни для обычного хождения. История не сохранила, как оценили родители столь необычный перевод желания в практическую плоскость, но рассказы отца об альпиниаде ожили, всплыли в памяти при подготовке этого материала, а написанные им репортажи позволили насытить его конкретными фактами и деталями.

Уместным будет сказать и о том, что альпиниада 1960 года в силу разного рода причин в последующем не нашла должного отражения в лите-

ратурных и исторических источниках, и со временем многие ее страницы подверглись забвению, что совершенно несправедливо.

Итак, альпиниада была задумана как апофеоз событий, посвященных 40-летию установления советской власти в Кабардино-Балкарии. Естественно, и 90-летие со дня рождения вождя мирового пролетариата также было привязано к ней. А коль даты были столь важны и значимы, организатором выступили обком партии, Совет министров и областной Совет профсоюзов. 15 марта принимается постановление бюро обкома партии и Совета министров о проведении в июле республиканской альпиниады «с восхождением ее участников в количестве 1000 человек на высочайшую точку Европы – вершину Эльбруса». Был образован оргкомитет, в который вошли партийные, советские, хозяйственные, комсомольские руководители, известные альпинисты (А. Н. Ахохов, Г. Т. Кулик, Х. И. Хутуев, С. К. Бабаев, К. К. Эфендиев, Х. М. Бербеков, В. З. Дудуев, Н. И. Двуреченский, Х. Ч. Залиханов, Ш. С. Тенишев и др.).

При таком руководстве массовость была обеспечена на централизованном уровне, но и так по большому счету желающих участвовать в альпиниаде оказалось куда больше, чем планировали. Более того, развернулось настоящее соревнование за это право. И практически сразу стало ясно, что та тысяча, которую планировали поднять (именно этот термин встречается в официальных документах) на Эльбрус, в конечном итоге выльется куда в большую. Столь велик был энтузиазм и стремление людей, которые называли себя строителями коммунизма и которым в скором времени предстояло стать (правда, на совсем непродолжительное время и то на словах) великой общностью под названием советский народ.

Кроме того, в отличие от предыдущих альпиниад, проведенных по принципу групповых восхождений в течение нескольких дней, было принято решение о единовременном подъеме всех участников, число которых к тому времени достигло почти полторы тысячи. Это поставило на повестку дня проблему последней ночевки. Дело в том, что «Приют одиннадцати», где она обычно проходит, не мог принять и десятой части (высокогорная гостиница насчитывала 125 мест) штурмующих Эльбрус. Поэтому было предложено построить временный палаточный городок в районе «Приюта девяти», то есть «Ледовой базы».

Этапы подготовки мероприятия, проходящего под негласным девизом «Тысяча человек поднимется на Эльбрус!», были проведены по уже отработанной на предыдущих альпиниадах методике: отбор участников, высокогорные сборы (они проходили начиная с 10 июля), изучение альпинистских азов, теоретические и практические занятия, контрольные восхождения. Одно из них на вершину Гумачи, никогда прежде не видевшей

столько альпинистов – к вечеру первого дня похода на ней собралось более 500 участников, которым еще предстоял и ночлег в палатках.

Задействовано было большинство альпийских лагерей, располагавшихся в зоне Приэльбрусья: «Адыл-су», «Баксан», «Джантуган», «Джайлык», «Уллу-тау», «Шхельда», «Эльбрус», турбаза «Тегенекли» и спортбаза КБГУ. За тем, чтобы календарный план не претерпевал корректировок, были призваны следить опытные горовосходители, как местные – М. К. Хергиани, С. Шведов, К. Мамишев, И. Пауков, братья Энеевы, так и из разных регионов страны – В. Рубанов, М. В. Хергиани, Л. Занилов, Ю. Алексашин, Г. Степанов, К. Тихомирова, Р. Иванов, В. Салакин, Л. Елисеев и др.

Сам план восхождения был таким. Всех участников разбили на несколько колонн. В состав первой вошли представители Урванского и Лескенского районов, КБГУ, Всесоюзной геофизической экспедиции. Вторую составили посланцы Советского, Похладненского, Зольского районов, Нальчикского технологического техникума. В третьей были представлены Эльбрусский, Чегемский, Терский районы, город Тырныауз и школа инструкторов альпинизма ВЦСПС. Четвертая колонна – посланцы Нальчика и Баксанского района. Среди участников восхождения были также представители Москвы, Ленинграда, Грозного, Пятигорска, Ставрополя, других республик, областей и краев Советского Союза...

Все руководители (о них ниже) – мастера спорта СССР (в те годы такое звание заслужить, тем более в альпинизме, было ох как непросто).

Создали и службу безопасности – за каждой колонной закрепили по 20 опытейших альпинистов. Решено было, что все четыре колонны начнут подъем одновременно. Для успешного продвижения весь путь подъема от «Ледовой базы» до седловины промаркировали – алые пятна флажков гирляндами поднимались по белоснежному полю.

Между «Ледовой базой» и «Приютом одиннадцати» проложили телефонную линию. Она же связала «Приют» с Терсколом и альпинистским лагерем «Адыл-су», а те, в свою очередь, включили в республиканскую телефонную сеть. По тем временам новации невозможные.

Наступили решающие дни. Утром 18 июля все участники своим ходом (без привлечения техники – вездеходы были задействованы только на подвозе грузов) покинули Терскол. К трем часам они подошли к «Ледовой базе», а к вечеру три колонны достигли «Ледовой базы», а одна – «Приюта одиннадцати».

Теперь обратимся к статье «Штурм Ошхамахо» (Советская молодежь. 1960. 27 июля) и предоставим слово Николаю Котлярову: «Генеральный штурм был назначен на 20 июля, но еще с утра 19 июля стало ясно, что погода испортится. С полудня начал усиливаться ветер, который к вечеру разразился до предела. Восхождение было отложено».

А вот как рассказывал об этих же часах Владимир Кудинов, автор знаменитой книги «Эльбрусская летопись» (1976): «О ночном выходе нечего было и думать, приняли решение отсрочить его в надежде на улучшение погоды. «Приют одиннадцати» был переполнен до отказа, в четырехместных комнатах разместилось по 10–12 человек. Буран не утихал, и к ночи альпинисты, жившие на соседних скалах, срочно перекочевали в помещение «Приюта одиннадцати». Его настолько переполнили, что стало невозможным передвигаться. Все комнаты, столовую, коридоры заняли люди, спавшие на голых полах, но это никого не удивляло: гораздо лучше спать в тесноте, чем дрожать от холода в палатках. По самым скромным подсчетам, в помещении в те дни располагалось около шестисот человек».

Но тем не менее даже в столь стесненных условиях участники не теряли времени попусту: был организован шахматный турнир, собравший добрую сотню участников. Вот как об этом писал Николай Котляров, шахматист-любитель, который, кстати говоря, становился в 1949 году чемпионом

Лагерь на склонах Эльбруса.
Фото В. Наугольного. 1960

республики: «Выявление чемпиона альпиниады грозило затянуться на неопределенное время, но выручила испытанная олимпийская система розыгрыша: побежденный выбывает из дальнейшей игры. Немало страстей, огорчений и радостей было на этом турнире. Но зато победители его получили ценные награды: вилочка свежей капусты». Автор скромно умолчал, что один из этих вилок достался именно ему и был разделен между множеством (по количеству капустных листов) участников.

И снова строки из газетного отчета: «В ночь с 20 на 21 июля ветер начал стихать. В три часа с минутами штаб восхождения принимает решение выходить, несмотря на то, что первоначально твердо было оговорено: штурм начинать не позже 12 часов ночи с «Ледовой базы» и не позднее 2 часов – с

«Приюта одиннадцати» из-за опасности не успеть вернуться засветло. Решение было неожиданным для всех. На первых порах оно казалось рискованным. Но иначе было нельзя. Кто знал, сколько дней и ночей будет продолжаться буря, если она разразится вновь...»

И вот три колонны – первая, вторая и четвертая (руководители Лялу Занилов, Шакир Тенишев, Рем Терро) начинают подъем и к 6 часам утра достигают «Приюта одиннадцати», где сосредоточены участники третьей колонны, возглавляемой Валерием Марковым.

Из книги «Эльбрусская летопись»: «Любопытную картину представляли в те дни склоны Эльбруса. Они буквально были запружены людьми, медленно поднимавшимися к вершине четырьмя параллельными колоннами. Во главе альпиниады шла Школа инструкторов ВЦСПС, члены оргкомитета и штаба альпиниады, ответственные работники республики. За ними – убеленные сединами ветераны первой альпиниады 1935 года – русские, балкарцы, кабардинцы. Четверть века минуло с той поры, когда они вместе с Беталом Калмыковым и Сеидом Хаджиевым вели на штурм Эльбруса альпинистов республики».

И снова строки из газетного репортажа: «Вперед выходит небольшая группа опытных альпинистов и инструкторов. За ними – штаб восхождения: заслуженный мастер спорта Е. А. Белецкий, первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т. К. Мальбахов, председатель Совета министров КБАССР А. Н. Ахохов, секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Х. И. Хутуев... (Сегодня в этом перечислении фамилий и должностей просматривается связь власти и народа.) Тесно примыкают к штабу все 4 колонны в составе 1421 человека, в три ряда каждая – развернутым фронтом

Лагерь на склонах Эльбруса. 1960

в 12 человек. Никогда еще в этих местах одновременно не ступало столько человеческих ног».

И поэтическая журналистская ремарка, которая отражает не только настроение людей, но и дух того времени, отделенного от нас всего лишь каким-то полувеком: «Обе седые вершины глубоко спрятаны в серых и мрачных облаках, и, кажется, метель, бушевавшая в течение более суток, собрала здесь все свои черные силы. Но нет, они не страшны таким людям, людям крепкого духа и сильной воли. И как бы внемля этому, двуглавый великан словно кланяется, снимает свой головной убор (тучи медленно рассеиваются) и приветствует своих покорителей».

Но впереди еще самое трудное, когда каждый последующий шаг становится настоящим испытанием характера. Картинка с натуры: «Вот упал кто-то. Чувствуется: нет сил даже вымолвить слово. Но проходят секунды, и фигура встает, опираясь на руки подошедших, распрямляет плечи и глубоко выдыхает: «Я сама. Вниз не пойду. Я должна взойти и взойду».

Седловина. Здесь участники разделяются: «Выстраиваются альпинисты, которым предстоит взойти на Западную вершину. Над рядами развеваются флаги СССР, РСФСР и КБАССР. Правофланговый держит бюст В. И. Ленина».

Остальным – на Восточную вершину. 15 часов 20 минут: «Вершина взята. Слышатся возгласы «Ур-рра!». Над «крышей» Европы взлетает ракета, участники поздравляют друг друга. Крепкие рукопожатия, объятия, поцелуи. Пожалуй, ни у кого из восходителей в жизни не было более трогательных и радостных минут, чем эти. Участники единодушно, под громкие возгласы «Ура!», «Слава Коммунистической партии Советского Союза!» принимают письмо Центральному комитету КПСС, товарищу Никите Сергеевичу Хрущеву, ...зачитанное секретарем Кабардино-Балкарского обкома КПСС Х. И. Хутуевым и секретарем обкома ВЛКСМ В. З. Дудуевым. На

вершине устанавливается бюст В. И. Ленина, портрет Н. С. Хрущева, флаги СССР, РСФСР и КБАССР».

Телеграмма, с которой мы начали рассказ об альпиниаде (она опубликована в газете «Советская молодежь» за 22 июля), имеет подзаголовок: «1380 человек на Эльбрусе!». В книге «Эльбрусская летопись» (стр. 160) приводится другая цифра: «В тот памятный день, 21 июля 1960 года, вершин Эльбруса почти одновременно достигли 1395 человек, из них 376 женщин». А в хронике восхождений, публикуемой в этом же издании, говорится: «на обе вершины Эльбруса одновременно поднялось 1396 альпинистов Кабардино-Балкарской альпиниады». Отчего и когда произошла эта корректировка, нам выяснить не удалось, но вот с чем она связана, догадаться нетрудно: речь шла о мировом рекорде, а в таком вопросе каждый человек имел значение.

Двадцать второго июля участники альпиниады возвратились в Терскол, всем им были вручены памятные значки «За восхождение на Эльбрус». На следующий день их встречал Нальчик, где на площади 400-летия состоялся грандиозный митинг. О чем говорили выступающие, догадаться нетрудно – о дружбе, интернационализме, товарищеской взаимовыручке, желании быть полезными родине. И в их словах – претенциозных и урапатриотических на сегодняшний взгляд – на самом деле ничего подобного не было: были искренность чувств, крепость дружеских уз, вера в светлое, что мы так успешно теряли все последние годы.

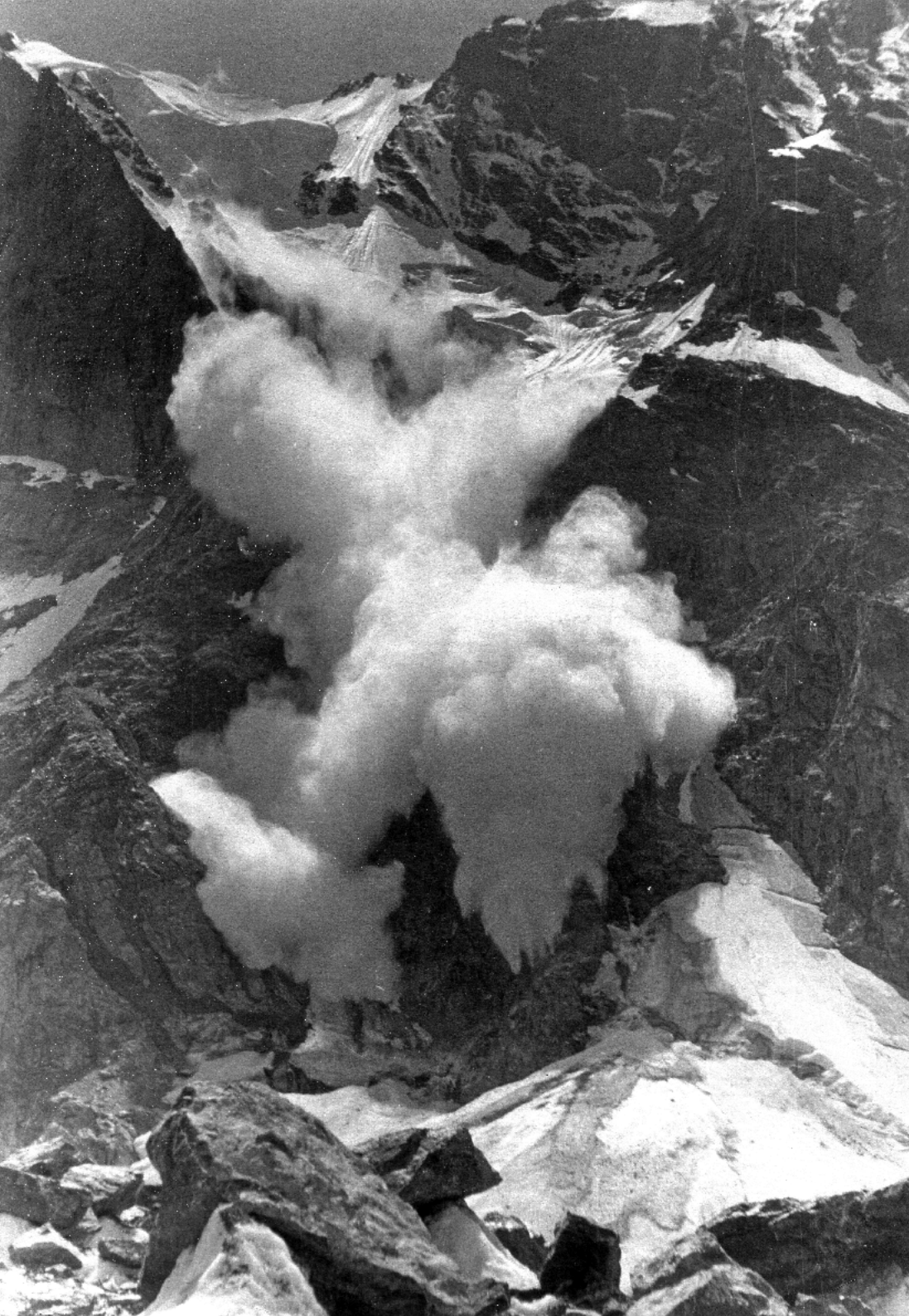
Альпиниада, говорил, в частности, Т. К. Мальбахов, выдающееся событие в жизни республики, она даст мощный толчок развитию физкультуры и спорта, особенно альпинизма в Кабардино-Балкарии. Она показала, что «помимо отдыха в санаториях, где люди проводят свои дни за игрой в карты, домино, существует более активный, более полезный вид отдыха – туризм и альпинизм. Мы были похожи на того кладовщика, который забросил ключ от кладовой и не может его найти. Но теперь мы нашли этот ключ, открыли им Эльбрусскую кладовую – кладовую бодрости и здоровья, открыли для всех».

И на самом деле: действительно альпиниада и дала толчок, и показала – последующие годы превратили Кабардино-Балкарию в настоящую туристическую Мекку, когда наш край ежегодно посещали десятки тысяч туристов и отдыхающих, к чему сегодня мы только стремимся.

Что касается эльбрусских рекордов, то главный из них был еще впереди – в 1967 году за один день на «крыше» Европы побывало более двух с половиной тысяч участников очередной Кабардино-Балкарской альпиниады...

Участники восхождения на Эльбрус, посвященного 50-летию СССР. 1972 >

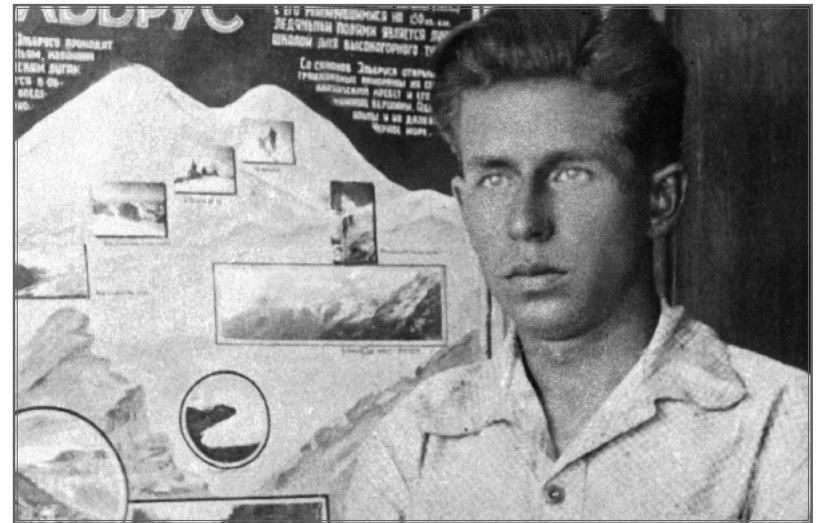

ПЕРВЫЙ ЗИМОВЩИК

...Октябрьский день выдался солнечным, но невероятно ветреным. Мы, группа туристов, направляющихся на так называемый «Немецкий аэродром», всю ощутили его мощь, когда стали спускаться на поляну Ирахит-сырт, расположенную по правую сторону от источников Джилы-су в Северном Приэльбрусье. Ветер не дул, а, казалось, молотил в спину с такой силой, что устоять на месте было практически невозможно – мы, без преувеличения, бежали по каменным осыпям, каждую минуту рискуя сломать ноги.

Лишь внизу удалось чуть снизить темп и задержаться на какое-то мгновение. Справа от нас возвышалась скала, на которой оставили надпись участники знаменитой экспедиции российского военачальника Георгия Арсеньевича Эммануэля (1775–1837) – той самой экспедиции, что положила начало восхождениям на Эльбрус. Надпись эту и сегодня можно прочитать: «1829 года с 8 по 11 июля. Лагерь под командой генерала от кавалерии Емануэля».

Виктор Корзун

Долгое время о месте стоянки Эммануэля (его имя сейчас принято писать так) ничего не было известно, пока 25 февраля 1932 года ее не обнаружили альпинисты Виктор Корзун и Вячеслав Никитин. Впоследствии Виктор Корзун рассказал об этом в своей книге «Три года на Эльбрусе», вышедшей в 1936 году в Пятигорске.

«Вы, конечно, слышали о Викторе Корзуне», – поинтересовались мы у своих спутников, и были искренне удивлены, что он им неизвестен. Более того, как выяснилось, сегодня мало кто в республике, за исключением людей, непосредственно причастных к альпинизму, знает, что фамилия этого человека вписана в историю Кабардино-Балкарии. Ведь именно Виктор Корзун – первый покоритель зимнего Эльбруса: 17 января 1934 года он, на тот момент начальник Эльбрусской метеостанции, и его товарищ Александр Гусев поднялись на Восточную вершину великана. А еще через год – 14 января 1935 года – он же, Корзун, взшел и на Западную вершину, став первым отечественным альпинистом, покорившим в зимний период обе главы Эльбруса.

В этом году исполнилось сто лет со дня рождения Виктора Борисовича Корзуна, чей юбилей наша республика не заметила. Он родился 1 мая 1913 года на Ставрополье – в казачьей станице Кисловодской. Окончил семь классов (в те годы это называлось семилеткой) второй школы, в которой посещал занятия семинара по подготовке кадров для экскурсионного бюро общества «Советский турист». Летом 1929 года, в шестнадцать лет, начал работать проводником экскурсионного бюро КМВ Акционерного общества «Советский турист».

Последующие три года стали решающими в судьбе Виктора Корзуна, вдоль и поперек, как он сам пишет в книге «Три года на Эльбрусе», исходившего Карачай, Кабарду, побывавшего в теснинах Малки и Эшканона, излазившего вершины Скалистого хребта, поднимавшегося на скалы Бермамыта, Кинжала, Шит-Жатмаса, перешедшего десятки перевалов Главного Кавказского хребта. Юный горвосходитель с гордостью констатировал: «Я узнал радость побед над снежными вершинами Софруджу, Белалы-Кай, Сунахета и многими другими. Бывал в лесах Абхазии, купался в водах Кодора, узнал холодные ветры высот Могуширхи, лавины южных склонов и снега северных. Зимой с ружьем за плечами я прокладывал первые лыжни в дебрях Худесских гор и на просторах Бичасына».

Исходя из этих названий вполне объяснимо желание молодого гида покорить Эльбрус, желание, кстати говоря, жившее в нем с детства. И уже в феврале 1932 года Виктор, на тот момент инструктор организационно-массовой работы при Кисловодском райсовете Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), вместе с товарищами – чертежником при за-

воде разлива нарзана Вячеславом Никитиным и рабочим городской электростанции Анатолием Еремеевым – предпринимает ...лыжное восхождение на Эльбрус. Причем не от самого подножия, а по многокилометровому маршруту. Вот его этапы: Кисловодск–Северное подножие Эльбруса–перевал Кыртык–Ауш–селение Тегенекли–перевал Бечойский–Местия–селение Тегенекли. Дальше предполагалось взойти на вершину Эльбруса. Экспедиция та, граничавшая с авантюрой, во многом спонтанная, неподготовленная, естественно, закончилась неудачей. Но она только подзадорила девятнадцатилетнего альпиниста.

Обратимся к очерку Игоря Гориславского «Заветная мечта», предвещающему публикацию нашим издательством книги Виктора Корзуна «На заоблачных высотах»: «В июле 1932 года Корзун заведовал турбазой «Кругозор» на южном склоне Эльбруса на высоте 3200 м над уровнем моря. Здесь он познакомился с директором Кавказского горного бюро погоды К. К. Туроверовым, который искал людей для организации высокогорной метеорологической станции. Мысль о строительстве зимней базы на Эльбрусе пришла к В. Корзуну и его ближайшему другу В. Никитину по душе. Это позволяло приблизиться к давней мечте, пройти акклиматизацию и выбрать благоприятные погодные условия для зимнего восхождения».

Последующие месяцы были заняты покупкой необходимого оборудования, овладением простейших метеорологических навыков, доставкой приборов на метеостанцию, и вот, наконец, в декабре они – начальник станции В. Корзун, помощник и наблюдатель В. Никитин, радист С. Лысенко – встречают новый 1933 год на Эльбрусе.

А уже 3 января Виктор Корзун вместе с Вячеславом Никитиным предпринимает очередную попытку покорить зимний Эльбрус. Вот как сам зимовщик рассказывал об этом: «На леднике лежал глубокий снег с непрочной коркой наста. Мы шли медленно, глубоко проваливаясь в снег. Достигли области трещин и надели лыжи, но без специальной мази они по насту разъезжались и скользили назад. Это нас не пугало, и хотя выбились из сил, но зону трещин прошли благополучно».

Мы уже миновали ледник и приблизились к удобной дороге на морене. Увлечшись прокладыванием лыжни, мы не смотрели на небо, а когда взглянули на него, у нас пропала всякая охота двигаться дальше. Из-за хребта Хотю-Тау, с запада, выползли длинные перистые облака с загнутыми краями».

И вновь неудача.

Еще через год состоялась новая попытка. О том, как покорили Эльбрус зимой, сам Виктор Корзун поведал в книгах «Три года на Эльбрусе» (1936) и «На заоблачных высотах» (1957). Последнюю наше издательство вернуло

читателям, включив ее в сборник «Первовосхождения на Эльбрус» (Нальчик, 2007). Открывает ее глава «Впервые в истории». На ее основе мы и поведем наш рассказ.

Итак, «в один из январских дней 1934 года двое зимовщиков высокогорной Эльбрусской гидрометеорологической станции, расположенной на высоте четырех тысяч двухсот пятидесяти метров над уровнем моря, решились на новый штурм зимнего Эльбруса».

Проснувшись в три часа ночи, зимовщики «надели ватные костюмы, смазали ноги вазелином, натянули по две пары шерстяных носков и обернули ступни бумагой, а затем обули валенки. На валенки крепко-накрепко привязали кошки. Потом облачились в овчинные полушубки, меховые шлемы и связались веревкой».

И – в путь! «Склон становится все круче. Снег переходит в лед. Зубья кошек с трудом вонзаются в отполированную ветром поверхность. Наклонно поставленный ледоруб скользит, как по стеклу. ...Впереди смутно обрисовываются груды обнаженных лавовых скал «Приюта Пастухова». Белеющий на востоке небосклон медленно растворяет черноту ночи, и на горизонте намечается изломанная линия Главного Кавказского хребта.

Мы идем и идем, равномерно, без остановок. Подгоняет холод и усилившийся предрассветный ветер. Он все крепчает и, пронизывая полушубок и меховую безрукавку, пробирается к самому телу. ...Рядом выросла каменная гряда «Приюта Пастухова», и мы вышли на заснеженную площадку. Высота – четыре тысячи шестьсот восемьдесят один метр. Скрываясь от ветра, присели отдохнуть за обломками скал.

...Когда первые лучи солнца зарумянили Восточную вершину, мы были примерно на высоте пяти тысяч метров. ...Эльбрус уже сиял и переливался рубиновыми блестками. Все другие вершины Кавказа стояли в холодной синеве, а в долинах таились ночные тени. Постепенно, один за другим, стали загораться гиганты Кавказа: Дых-тау, Коштан-тау, Шхара. Вспыхнула цепь вершин Безенгийской стены, гордая красавица Ушба. Солнечные лучи проворно забегали по десяткам других вершин, мгновенно превращая снега и льды в светящиеся розовым светом угли.

...С удивительной энергией продолжаем подъем. Вот уже позади ледяной склон. Мы на высоте пяти тысяч двухсот пятидесяти метров. До цели осталось несколько сот метров. ...

Вот и южный гребень Восточной вершины. ...Выходим на осыпь и подвигаемся к краю вершины. Все острее дает себя знать горная болезнь – болит голова и хочется спать. Вижу – Гусев совсем побледнел и только силой воли заставляет себя двигаться.

Последние десятки метров преодолеваем с частыми остановками.

Ровно в час дня мы вступаем на южный край Восточной вершины.

В последний раз подтягиваю веревку, соединяющую меня с Гусевым. Из-за снежного среза показывается его измученное, но улыбающееся лицо. Пошатываясь, он подходит ко мне, протягивает руку и хрипло говорит:

– Взяли?

– Взяли, Саша!.. Первое зимнее восхождение на Эльбрус за нами...

Измученные, но счастливые, мы не могли любоваться грандиозной панорамой.

– Смотри, да ведь это Черное море!

Мы не раз видели с зимовки над перевалом Чипер-Азау золотистую полоску. Относительно ее у нас было много споров и предположений. Теперь сомнений не оставалось – это была водная гладь Черного моря, освещенная низко стоящим солнцем. Сейчас эта полоска выросла и развернулась на много сотен километров. Поверхность моря отливала червонным золотом. А за морем четко вырисовывались фиолетовые контуры берегов Турции.

Дул сильный западный ветер. Температура воздуха на вершине минус двадцать семь с половиной градусов. Но мы все-таки ухитрились сфотографировать друг друга на фоне Западной вершины Эльбруса. После каждого снимка отогревали руки. Особенно трудно было выдвигать крышки кассет непослушными от морозного ветра пальцами.

Кое-как написали записку о восхождении и положили ее в банку, взятую с зимовки».

Двенадцать часов длилось восхождение молодых альпинистов, известие о котором через несколько дней, когда была налажена работа радиостанции, разлетелось по всему миру.

И еще одно лирическое дополнение к описанному, но уже взятое из книги «Три года на Эльбрусе»: «Солнце расточает пламенные поцелуи всем вершинам Кавказа, оно согревает лаской своих лучей и скалистые пики, и ледяные грани снежных вершин. Но, вставая с неведомого ложа за горизонтом, оно свой первый поцелуй всегда дарит седому великану Кавказа – Эльбрусу. И последними меркнущими лучами заката оно всегда ласково обнимает седого Шата.

Вот и сейчас: Эльбрус уже горел, снега наливались золотом солнечных лучей, а в долинах лежали тяжелые тени ночи и все вершины были синими

Александр Михайлович Гусев

и холодными, будто под нами разостлана грандиозная рельефная карта, окрашенная разными тонами ультрамарина.

Горы совсем побелели. Золото лучей на вершине Эльбруса, пожелтев, растекалось по склонам. И один за другим стали загораться гиганты Кавказа: Дых-тау, Коштан-тау, Шхара. Вспыхнули вершины Безенгийской стены, лучи проворно забегали по сотням вершин, прикасаясь к ним и зажигая снега и льды.

Наконец солнце осветило нас... Воздух и даль утонули в чистой розовой дымке. Ущелья наполнились утром». Право, только человек, влюбленный в горы, чистый душой, способен на такое возвышенное и поэтическое описание.

С восхождением Виктора Корзуна на Восточную вершину все ясно, а вот относительно первого зимнего восхождения на Западную вершину Эльбруса есть вопросы. У самого Корзуна в книге «Три года на Эльбрусе» читаем: «Встретили новый 1935 год. 13 января. На «Приют одиннадцати» прибыла первая Кабардино-Балкарская колхозная альпиниада. 14 января. Саша Горбачев и я, произведя разведку для восхождения колхозников, совершили за 8 часов 10 минут в бурю первое зимнее восхождение на Западную вершину Эльбруса с проведением метеорологических наблюдений в пути». Все четко и однозначно. Тем не менее, Владимир Кудинов в «Эльбрусской летописи» пишет: «Первое зимнее восхождение на Западную вершину совершено Николаем Гусаком», причем отталкивается в своих сведениях от книги В. Корзуна «Эльбрус»: «В январе 1935 г. зимовщиками было совершено первое зимнее восхождение на Западную вершину». От чего произошло это досадное несоответствие, до сих пор неясно. Скорее всего, В. Кудинов ошибся. Но даже если это не так, все равно именно Виктор Корзун остается первым альпинистом, покорившим Восточную и Западную вершины Эльбруса в зимних условиях.

О том же, какими были будни зимовщиков, рассказал сам Виктор Корзун в своих книгах. Но готовя материал «Школа военного альпинизма» (Газета Юга. 3 окт. с.г.) мы нашли своеобразное дополнение к ним. Вот что, в частности, писал Сергей Анисимов, автор книги «Поход на Эльбрус»: «Метеорологическая станция на Эльбрусе, на высоте 4250 м, была открыта осенью 1932 г. (на самом деле зимой. – *Авт.*), и Корзун уже дважды зимовал в ее домике, прилепленном к лавовым скалам. Этот 25-летний юноша (здесь тоже неточность – в 1934 году, когда проходила вторая Альпиниада РККА, о которой рассказывает книга «Поход на Эльбрус», Виктору Корзуну шел только 22-й год. – *Авт.*) с двумя сотрудниками – Александром Горбачевым и Николаем Гусаком провел здесь две зимы в условиях, пожалуй, более тяжелых, чем всякие полярные зимовки. Много раз приборы запи-

сывали ветер в 70 м в секунду, когда фанерный домик весь вздрагивал и вот-вот готов был скатиться со склонов Эльбруса в снежном буране. Температура в такие дни внутри помещения падала до -26° . Отрезанность от мира была полная. И в обе зимовки под конец не хватало продуктов питания. Их приходилось растягивать порциями. И все-таки Корзун и его товарищи систематически вели наблюдения и записывали три раза в день показания приборов, иной раз вылезая из своего домика каютного типа на животе или ползком, держась рукой за стальной трос, чтобы не быть снесенными ветром. И затем передавали по радио окрестным станциям показания своих приборов».

Как сложилась дальнейшая судьба Виктора Корзуна? Он связал ее с наукой, конкретнее – с филологией, более того – также имеет отношение к Кабардино-Балкарии. 28 апреля 1935 года стал последним днем пребывания начальника метеостанции на зимовке. По совету своего товарища Е. Виноградова, студента литературного факультета Владикавказского института, он успешно сдает экзамены в вуз. В годы учебы, как мы уже писали выше, издает в Пятигорске книги «Три года на Эльбрусе» и «Эльбрус», написанные столь живо, интересно, наблюдательно, что и сегодня, спустя более чем три четверти века, они интересны читателям.

В сороковых – на фронтах Великой Отечественной... После войны преподает в Пекинском университете. Далее возвращение на Северный Кавказ, работа в Чечено-Ингушском пединституте, где Виктор Борисович успешно совмещает педагогическую деятельность с научной. В его творческом багаже немало трудов, на которые исследователи ссылаются и сегодня. Среди них: «Коста Хетагуров» (М., 1957), «У истоков искусства слова. Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР» (Грозный, 1963), «Советская чечено-ингушская литература. Библиография» (Грозный, 1966), «Литература горских народов Северного Кавказа (Дооктябрьский период)» (Грозный, 1966), «Фольклор горских народов Северного Кавказа (Дооктябрьский период)» (Грозный, 1968).

Вот, в частности, строки исследователя из его биографии о Коста Хетагурове: «Рука талантливого мастера слова и кисти породила новые эстетические ценности непреходящего значения. Они и определили мировую значимость творческого наследия Коста Хетагурова, одного из немногих художников конца XIX – начала XX века, кто сумел с позиций критического реализма запечатлеть одну из важнейших сторон «эпохи ломки» социальных отношений и тем самым помочь всему прогрессивному искусству сделать новый шаг в своем развитии».

А в исследовании «Фольклор горских народов Северного Кавказа» В. Б. Корзун анализирует жанры горской сказки, лирическую поэзию, геро-

ико-исторические песни, но основное внимание уделяет нартскому эпосу. Его статья «О своеобразии художественного метода нартского эпоса», опубликованная в 13-м выпуске «Ученых записок ЧИГПИ» (1964), словно написана не полвека назад, а сегодня – так созвучна она современному нартоведению.

Умер альпинист и ученый-филолог В. Б. Корзун очень рано – в 1967 году, в Грозном, в пятьдесят четыре года, до конца не реализовав свой большой литературный талант.

В книге Сергея Анисимова «Поход на Эльбрус», о которой мы уже упоминали, есть яркое, образное, прямо-таки поэтическое описание Виктора Корзуна. Им и хочется закончить наш рассказ об этом человеке, нашем современнике: «И вдруг мимо палаток резко прожужжали лыжи и неожиданно вниз понесся человек. Это был метеоролог-наблюдатель Виктор Корзун, проводивший на Эльбрусе уже две зимы на метеорологической станции, несколько выше «Приюта одиннадцати», на высоте 4250 м – на так называемом «Приюте девяти».

Корзун быстро летел, делая виражи, поднимая снежный вихрь, и в минуту обратился в черную движущуюся точку среди снежных и ледяных пустынь Эльбруса. И видя этого человека-муху, летающего на лыжах, глаза начинали понимать всю грандиозность Эльбруса. Но вот он поднялся на лыжах ближе к палаткам лагеря, и стало слышно, как он напевал, не подзревая, чтобы кто-нибудь мог видеть и слышать его в сонном лагере, и затем снова бросился на лыжах вниз, то замедляя ход, то ускоряя спуск, то прыгая на легких буграх.

Носясь по Эльбрусу, Корзун, казалось, весь отдавался радости, рожденной в нем светом утра и силой кипевшей жизни.

Когда он подошел к палаткам, лицо его было радостно и в то же время серьезно. Он был неподражаемо легок и грациозен на своих лыжах, а его улыбка и глаза усиливали собой разлитое в это утро на Эльбрусе ликование жизни.

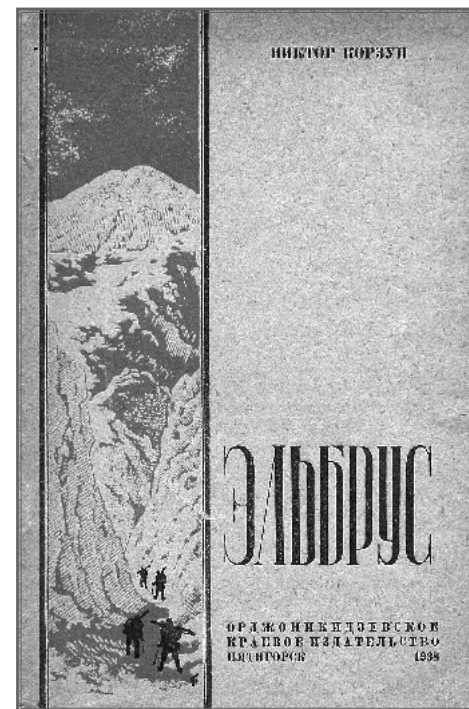
Пока лагерь проснулся, он летал над ним вверх и вниз по ледяным полям Эльбруса, и в его движениях чувствовалось, что солнце так же непосредственно родило в нем восторг этих легких, быстрых, широких движений, как заставило сиять лучами горные вершины и пустило плавать облака по залитому светом небу».

Пусть таким, парящим на ледниках Эльбруса, он и остается в нашей памяти...

Р. С. Летом 2013 года один из авторов этих строк, приглашенный на выездное заседание Совета по правам человека при Президенте РФ, побывал в Грозном. Улучив подходящий момент, попросил организаторов

узнать, сохранилась ли могила В. Б. Корзуна. Хотелось отдать дань памяти и уважения первовосходителю на зимний Эльбрус, положить на его последний приют привезенный из Нальчика букет горных цветов, собранных на альпийских лугах.

К концу дня выяснилось, что, несмотря на все прилагаемые усилия, могилу найти не удалось. О том, что дом, где проживал Виктор Борисович, был разрушен во время одной из бомбардировок, нам было известно до приезда в Грозный...

Первое издание книги Виктора Корзуна «Эльбрус». 1938

Работы Виктора Корзуна «Три года на Эльбрусе» и «Эльбрус» переизданы нашим издательством в 2014 году в томе «Постижение Эльбруса» серии «Кавказ»

НАЗНАЧЕН ВЛАСТЬЮ ...ВОЖАКОМ ПОВСТАНЦЕВ

...История так называемой Балкарской контрреволюционной повстанческой организации еще ждет своего исследователя. Мы же, в силу имеющихся в наших руках документов, попытаемся коротко поведать о том, что это было и как это было.

При этом сразу беремся утверждать, что никакой повстанческой организации как таковой не было. А что было? А была внутривластная борьба большевиков как с политическими соперниками и оппозицией, так и с инакомыслием, вылившаяся в беспощадную нетерпимость к «врагам и колеблющимся». В Кабардино-Балкарии эта борьба наиболее ярко проявилась в преследовании заместителя председателя облисполкома, члена бюро обкома ВКП(б) Ако Джумакуевича Гемуева. Преследование, а если называть вещи своими именами – травля, организованная Б. Э. Калмыковым, видевшим в личности Гемуева непосредственную угрозу своим методам руководства.

Своего пика эта кампания достигла в середине 1930 года, когда 5 июля было принято постановление бюро обкома ВКП(б), содержащее предложения о нежелательности пребывания Гемуева в партии, выводе из состава членов правительства, расследовании его антисоветской деятельности.

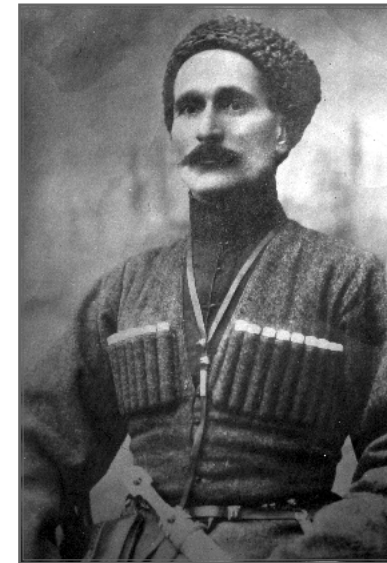
К этому моменту вакханалия (другого слова и не подберешь), организованная вокруг Ако Гемуева, достигла невиданных масштабов; появилось даже понятие «гемуевщина». Определение это, которое невозможно оценить с позиции здравого смысла, включало в себя практически все негативное в Кабардино-Балкарии. Оно звучало с партийных трибун, из номера в номер не сходило со страниц областной газеты «Карахалк», выходявшей на трех языках. Чего стоят одни заголовки: «Беспощадная борьба с правым уклоном, как наиболее опасным», «Выметем сор, очистим партию от гнили», «Генеральная линия «большевика» Гемуева». Автором последней, печатавшейся с продолжением, был второй секретарь обкома ВКП(б) М. Звонцов, даже мысли не допускавший, что в скором времени судьба, которую он предрекал отступнику и отщепенцу А. Гемуеву, станет и его судьбой...

Что же в поведении Гемуева вызвало такой гнев и отторжение большевистских ортодоксов? Прежде всего его принципиальная и твердая позиция в проведении коллективизации и происходящих при этом в области невиданных перегибов. Тех самых перегибов, на которых строил свою вождистскую политику Бетал Калмыков. Не меньшее отторжение вызывал также взвешенный, индивидуальный подход Гемуева ко всем, кого власть в новых условиях скопом спешила записать в ряды своих врагов.

Пытался ли защищаться Ако Гемуев? Пытался, обращаясь в вышестоящие инстанции. Более того, находил у них поддержку. Об этом свидетельствует, в частности, «Докладная записка члена ЦКК ВКП(б) В. Грузкия председателю ЦКК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе о рассмотрении дела бывшего заместителя председателя облисполкома Кабардино-Балкарской АО А. Гемуева», опубликованная в сборнике «Они не понимают и не могут воспринять формулы диктатуры пролетариата» и датированная сентябрем 1929 г. Этот документ за № 15 стоит привести целиком: «Под заглавием «Под ширмой национальной политики и партбилета – контрреволюционные дела» (кто автор данного пасквиля, к сожалению, выяснить не удалось. – *Авт.*) было подано на Ваше имя заявление, сводящееся, в основном, к обвинению зам[естителя] пред[седателя] Кабардино-Балкарского обл[астного] исполкома, члена ВКП(б) т[ов]. Гемуева Ако в том, что он проводит буржуазно-демократическую политику, стараясь сохранить экономическо-политические права за князьями, помещиками и муллами, причем конкретно выдвигает против него обвинения:

1) Т[ов]. Гемуев – бывший землевладелец, и под его крылышком родственник его Эльбаев Касим выстроил в Баксанском ущелье целое имение и превратился в настоящего помещика, а сам он получил в подарок от граждан селения Яникой 40 гектаров земли, которую эксплуатирует.

2) Когда хотели описать имущество кулака – его родного брата, он, ссылаясь на свой авторитет, приказал, чтобы его родственников не трогали.

Ако Гемуев

3) Налоговую политику т[ов]. Гемуев искажал до безобразия, и когда у некоторых чегемских князей на законном основании было отобрано сено, т[ов]. Гемуев отдавал распоряжение: «Отменить, возвратить».

4) Лишенных права голоса кулаков, князей и белобандитов т[ов]. Гемуев восстанавливал, и все они находили у него повседневную защиту.

5) В горах Балкарии в 1929 г. оперировала банда, наводившая страх на бедняцко-средняцкие массы, и когда было установлено, что банда эта находится якобы под руководством т[ов]. Гемуева, областные и окружные организации предъявили ему ультиматум привести своих бандитов, и он пошел в лес и привел 12 бандитов, из которых три скрывались 9 лет».

Запомним эти обвинения. Все они в той или иной степени будут присутствовать в деле Ако Гемуева, более того, найдут, по мнению следователей, подтверждение, так как именно на них оно и будет построено. Дело, которое будет возбуждено почти через десять месяцев, базирующееся на фактах, которые были опровергнуты проверяющим...

«Все обвинения, выдвинутые против т[ов]. Гемуева, – пишет В. Грузкий, – были мною расследованы, и в результате этого по конкретным делам выяснилось:

1) Т[ов]. Гемуев Ако – балкарец, член ВКП(б) с 1918 г., происходит изсловия так называемых карауздень. В прошлом подвергался репрессиям со стороны царского правительства (был административно сослан) и в период 1918–[19]19 гг. за активное участие в революционном движении как главарь большевиков был белогвардейцами объявлен вне закона. Никакими наделами в 100 гектаров своего родственника Эльбаева он не наделал, что свидетельствует справка Балкарского окр[ужного] земотдела, из которой видно, что Эльбаевы имеют земельный надел по норме, хотя хозяйство их, несомненно, является зажиточным. Сам же он никаких земельных подарков не получал и землю имеет только по норме.

2) Раскулачивание его родного брата было отменено без всякого вмешательства т[ов]. Гемуева, и данный якобы приказ, чтобы никто не смел трогать его родственников, ничем не подтвердился.

3) Восстановление лишенных права голоса т[ов]. Гемуеву приписывается потому, что он был председателем избиркома, однако сами заявители никаких конкретных фактов о восстановлении кулаков Гемуевым не представили, точно также никаких фактов, подтверждающих искажение до безобразия земельной налоговой политики лично т[ов]. Гемуевым, не обнаружено.

4) По директиве обкома партии и облисполкома т[ов]. Гемуеву действительно было поручено провести переговоры через крестьян со скрывавшимися бандитами на предмет склонения их к сдаче, что им было выпол-

нено путем дачи обещания от имени власти, что им жизнь будет гарантирована, в результате чего добровольно вернулись 12 человек. Успешность переговоров т[ов]. Гемуева и приход их истолковывается заявителями, что это его банда. Сообщение же нач[альника] отд[ела] ОГПУ это опровергает категорически.

Из материалов чистки и проверки т[ов]. Гемуева комиссией ЦКК (протокол № 3 от 3 октября 1929 г.) видно, что все выдвинутые против него заявления обвинения были предметом расследования комиссии по чистке, которая признала лишь со стороны т[ов]. Гемуева наличие связывания классовой линии установкой в своих выступлениях «за народ» и ведение группировочной борьбы, почему для объективной оценки поданного на него заявления необходимо учесть то обстоятельство, что против т[ов]. Гемуева ведется на протяжении 3–4 лет групповая борьба и его всеми способами стараются дискредитировать».

А ради дискредитации и последующего устранения все средства хороши. И поэтому на реальном фоне сопротивления сельчан насильственной коллективизации появляется мифическая контрреволюционная повстанческая организация, состоящая ни много ни мало из 70 человек. Итак, помимо самого Ако Гемуева, в нее оказались включены:

Абаев Науруз Баталович
Абуков Али Хасанович
Амбулатов Ажак Тугаевич
Амбулатов Халик Туасович
Амбулатов Хашим Жаникаевич
Аппаев Далхат Геляхстанович
Атабиев Кичинал Гатаевич
Атоев Ибак Кунаевич
Афашоков Мат-Гери Датиевич
Барасбиев Гичек Кучукович
Барасбиев Камлук Алиевич
Беккиев Ахмат Таусоевич
Беппаев Джамбот Байкулович
Беппаев Бияслан Гериевич
Бжахов Адам Ибрагимович
Бузиев Дебош Канаевич
Бузиев Кумук Кизиналович
Бузиев Чека Сарбиевич
Газаев Салах Кошаевич
Геккиев Кичибатыр (Юсуф) Ахматович
Геккиев Мурзабек Нашхович

Геляхстанов Юсуф-Хаджи Шамилович
 Геляхстанов Саид Шамилович
 Геляхстанов Шагидат Шамановна
 Гемуев Магомет Джамакулович
 Геграев Хасан-хаджи Зашеевич
 Гуриев Ташу Георгокович
 Жабелов Каракез Османович
 Жансуев Исуф Жазаевич
 Женикаев Тауби Гунаевич
 Женикаев Чулукай Джамаевич
 Женикаев Юсуф Жамович
 Искандеров Кайсым Абдурахманович
 Искандеров Магомет Хаджиевич
 Калабеков Адрая Архотович
 Кудаев Сеид Карамурзович
 Кудаев Тенгиз Карамурзович
 Кудаев Хызыр Мусаевич
 Кулиев Кара Ахманович
 Кулиев Масхуд Атабиевич
 Куртуев Нуху Кайсымович
 Макитов (Тапасханов) Жамбот Беканович
 Макитов Закирья Огурович
 Малкандуев Озюк Яхъяевич
 Малкандуев Яхъя Кушуевич
 Мешаев Кайтмурза Кучукович
 Мизиев Исмаил Алауович
 Мизиев Мажид Алауович
 Мурачаев Жамбот Тенгизович
 Мурачаев Исмаил Алиевич
 Мурачаев Исхак Алиевич
 Мурачаев Магомет Бердиевич
 Созаев Закерья Джамбулатович
 Созаев Хасан Умарович
 Соттаев Магомет Алимурзаевич
 Суншев Кумук Тенгизович
 Сунцев Магомет Кумукович
 Тапасханов Мусса Куршаевич
 Татаев Ибрагим Шамахович
 Татаев Темирбулат Ахматович
 Толгуров Казак Гашуевич

Тухаев Асланток Каитович
 Тухаев Нуху Кайсымович
 Чабдаров Магомет Нанаевич
 Шакманов Алисултан Каншаубиевич
 Шакманов Мурат Жарахматович
 Шакманов Чокка Аслангериевич
 Эльбаев Кайсым Хатуевич
 Эфендиев Хажичек (Магомет) Локманович

В приведенном списке немало опечаток и неточностей (и это объяснимо – в самом деле встречается до трех-четырех написаний фамилии одного и того же обвиняемого), поэтому мы сверили их по «Книге памяти жертв политических репрессий» и приводим в алфавитном порядке.

Что же вменили означенным лицам? Процитируем содержание обвинения: «Организация ставила своей основной целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания, рассчитывая на совместное выступление контрреволюционных элементов в Кабарде и соседних национальных областях, в осуществление чего:

1. По обществам Верхний и Нижний Чегем, Актопрак и Яникой Чегемского ущелья, Верхний и Нижний Баксан, Былым Баксанского ущелья Балкарии насадила к-р (контрреволюционные – здесь и далее) повстанческие ячейки.

2. В конце 1929 г. сформировала политическую банду в 10 человек, под командованием кулака Геляхстанов Юсуф-хаджи, в провокационных целях производившую налеты на государственно-кооперативные предприятия (сыроваренные заводы, племхозы).

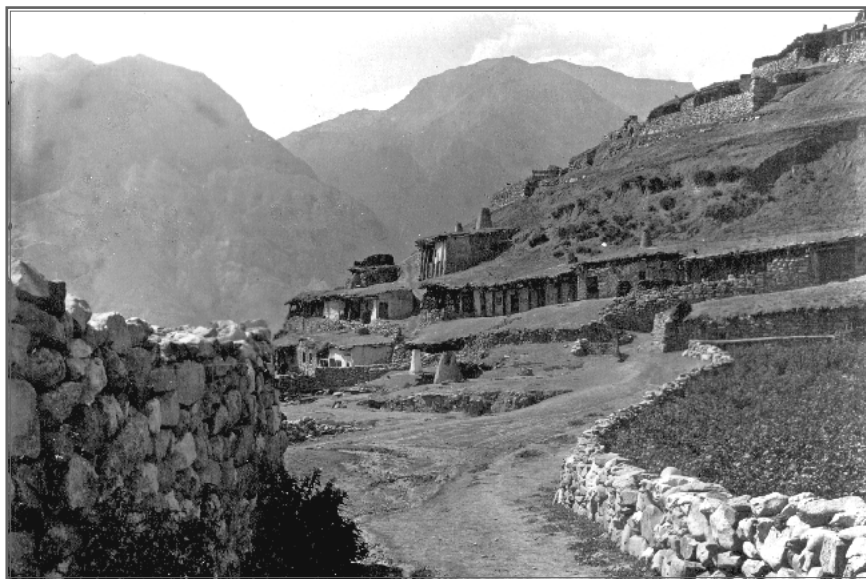
3. 18 февраля 1930 г. организовала и подняла вооруженное восстание против Соввласти в Чегемском и Баксанском ущельях под лозунгами: «Долой колхозы», «Долой коммунистов», «За свободный народ и религию», спровоцировав на вооруженное антисоветское выступление около 800 человек.

4. В провокационных целях, к началу восстания произвела убийства двух уполномоченных по коллективизации в а. Актопрак, двух русских работников в с. В. Чегем, рабочей бригады крайкома ВКП(б) в числе 7 человек в с. Н. Баксан, дав этим сигнал к выступлению.

5. После ликвидации выступления, не прекратила своей деятельности, развернув ее в направлении оформления политбанд из остатков повстанческих кадров, об активлении (так в тексте. – Авт.) этих банд (разрушивших 4 сыроваренных завода) и подготовки нового вооруженного выступления, восстанавливая и укрепляя связи с к-р элементами Кабарды и соседних нацобластей в целях организации совместного выступления.

Труженики колхоза «Берекет». 1 апреля 1932 г.

Селение Думала. 1936

6. В июне 1930 г., увязавшись с крупной межнациональной к-р повстанческой бандой муллы Абукова, возникшей на территории Кабарды, повторила попытку спровоцировать вооруженное восстание в Балкарии.

7. Одновременно в провокационных целях организовала и привела в исполнение убийство членов бюро обкома ВКП(б) т.т. Мусукаева, Виноградова и Этезова».

Под такие серьезные обвинения нужна и соответствующая база, поэтому в обвинительном заключении появляется раздел «История возникновения организации».

Приведенные в нем пассажи достойны внимания, многое объясняют в обстановке того времени и написаны ростовскими чекистами, судя по всему, на основе информации, поступившей из Кабардино-Балкарии. Поэтому его стоит процитировать полностью, сохранив стилистику оригинала: «Балкария, административно, на правах округа входит в состав Кабардино-Балкарской области. Балкарские поселения расположены в высокогорной части области по четырем разобщенным между собой ущельям, каждое из которых имеет выход только на Кабардинскую плоскость. Отсюда тесная экономическая связь Балкарии с плоскостной Кабардой на основе продуктообмена.

Балкарское население – народность, близкая по происхождению, наречию и бытовым особенностям к карачаевцам – общей численности около 40 тысяч человек, до революции делилось на сословия: «тауби» и «чанки», или княжеско-феодалное помещичье сословие (около 22 % к общему числу населения), «карауздени», или мелкопоместное дворянство, и, вернее, свободное крестьянство (около 30 %) и «карала» – крестьянское бесправное сословие (48 %). При этом почти все удобные земли, лучшая и основная часть животноводческого хозяйства (почти 70 % народного достояния Балкарии) находились в руках княжеско-помещичьей, дворянской и кулацкой (из других сословий) верхушки; карауздени, владения которых постоянно захватывались феодалами, главной массой слились с «карала», находившимися извечно в кабально-полукрепостной зависимости от феодалов. Все эти особенности дали несколько своеобразное отражение на последующее развитие классовой борьбы в Балкарии.

До революции угнетенное население Балкарии неоднократно поднималось против феодалов и, совместно с Кабардой, принимало участие в аграрном движении 1905–1912 гг. На этой почве шла чрезвычайно ожесточенная в своеобразных условиях Балкарии классово-сословная борьба, причем на одном полюсе были помещики-феодалы, опиравшиеся на защиту царских властей и на часть мелкопоместного дворянства, на другом – крестьянское сословие. В движении последнего принимали участие

зажиточные элементы крестьянства, мусульманского духовенства (в большей части происходившего из низших сословий) и земельно утесненная часть караузденой, развитию и влиянию которых княжеско-помещичья верхушка, борясь за полное господство, усиленно препятствовала. Вследствие этого отдельные представители названных прослоек сыграли революционную роль в прошлом, приняли участие в борьбе с белогвардейщиной; и с установлением Соввласти, благодаря более высокому общему уровню развития, проникли в советский и даже партийный аппарат Балкарии.

С установлением Соввласти в Балкарии (1920) сильные и влиятельные кулацкие мусульманские (в их числе в прошлом мелкодворянские) фамилии, пользуясь слабостью советских организаций, частью находившихся под их влиянием при разделе крупных помещичьих землевладений и имущества, захватили себе лучшие и большие земельные участки, тогда как бедняцко-середняцкие массы остались на скудных общинных землях и, как и прежде, были вынуждены арендовать необходимые для существования земучастки у кулаков на кабальных условиях.

В связи с этим резко углубилось классовое расслоение балкарского аула, а развитие классовой борьбы вступило в новую, еще более обостренную фазу.

Яркое отражение этот процесс получил в развитии Балкарской партийно-советской организации. С первых же дней революции состав последней расслоился на две непримиримо враждующие группы:

а) группа Энеева-Гемуева, объединившая вокруг себя представителей кулацко-мусульманской и верхушечной части б[ывших] мелкодворянских частновладельческих прослоек Балкарии и отражающая чаяния и интересы последних, стоявшая на точке зрения необходимости самоопределения Балкарии в автономное образование, а позднее продвигавшая мысль соединения с Карачаем (как с близкой по происхождению народностью), в обоих случаях стремившаяся этим путем укрепить свое превосходство и уйти из-под контроля более здоровой кабардинской организации».

Необходимое пояснение. Магомет Энеев (1897–1928) – активный участник строительства советской власти на Северном Кавказе; на первом съезде советов Балкарского округа был избран председателем Балкарского окружного исполкома. В начале 1928 г. направлен в Ростов-на-Дону, где назначен заместителем председателя и ответственным секретарем Северо-Кавказского краевого национального совета. Вскоре покончил жизнь самоубийством, причины которого до конца так и не были выяснены.

«б) группа Настуева-Мусукаева, объединившая вокруг себя актив «обиженных», так или иначе ущемленных и недовольных первой группировоч-

Всадники у здания балкарского окрисполкома. Нальчик, 1922

кой, из числа менее сильных родо-фамилий, в процессе борьбы с гемуевской группой опиравшаяся на краснопартизанские и батрацко-бедняцкие элементы балкарской организации, и по мере укрепления своих сил развернувшая решительную борьбу с засилием кулацко-дворянской верхушки балкарского аула, добиваясь земельно-имущественного и политического ограничения и вытеснения последней.

На первоначальной стадии своего развития группировочная борьба в значительной мере носила родо-сословный характер. По существу, шла борьба между одним родо-фамильным объединением, которое сосредоточило у себя наиболее мощные экономические группы и остатки б[ывшего] дворянства, и другим, в силу бесправного положения в прошлом и менее значительной своей мощности оказавшимся в зависимости от первого. Самый процесс борьбы и существо последней носили вначале беспринципный характер, хотя настуево-мусукаевская группа и оперировала революционно-классовыми лозунгами. Все же, поскольку эта группа противопоставляла себя мощной кулацкой верхушке и привлекала этим к себе батрацко-бедняцкие и середняцкие элементы, объективно она сыграла революционную роль в Балкарии.

Одним из проявлений этой борьбы явилось убийство Ю. Настуева в 1922 году...».

Необходимое пояснение. Юсуф Настуев (1888–1922) – участник революционных событий, участвовал в создании Горской республики – являлся заместителем народного комиссара внутренних дел. 7 мая, будучи в Нальчике по служебным делам, был убит. Кто причастен к этому убийству, выяснить так и не удалось, тем не менее следствие, стремящееся во что бы то ни стало доказать антисоветскую деятельность Гемуева, этот эпизод использует в своих целях.

Об Ахмате Мусукаеве (1893–1930) – балкарском советском и партийном работнике, чье убийство в июне 1930 г. никоим образом не связано с настуевским, в этом тексте будет упомянуто не один раз.

Продолжим раздел «История возникновения организации»: «Включительно до 1928 г. группировка Энеева–Гемуева была тесно связана с известной к-р националистической организацией в Кабарде Мидова–Катханова и несла на себе влияние последней (пропаганда «классового мира»). В последние годы Энеев Магомет, находясь за пределами области, несколько отошел от своей группировки и в 1928 г., будучи зам. преднацсовета крайисполкома, покончил жизнь самоубийством. Общеизвестным «лидером» кулацко-дворянской группировки в Балкарии остался Гемуев Ако, вся последующая деятельность которого полностью направлялась на защиту кулацких элементов и на тщетные попытки добиться установления «классового мира» в Балкарии, что по мере обострения классовой борьбы привело его на путь прямой контрреволюционной деятельности.

По своему происхождению Гемуев Ако классово чуждый элемент, мелкий помещик из кара-узденей. Имя «революционера» получил только потому, что принимал участие в аграрных дореволюционных беспорядках и был выслан за это царским правительством. Будучи вовлечен в русло революционного движения, принимал участие также в борьбе против белых, в 1918 г. вступил в партию и позднее был избран председателем балкарского исполкома, а с 1927 г. – зам. пред. облисполкома. Однако на всем протяжении работы Гемуева на ответственных должностях он не только не порвал связи с кулацко-мульской и оставшейся дворянско-княжеской верхушкой балкарского аула, но эти связи максимально углублял. Вся деятельность Гемуева на посту пред. балкарского исполкома и зам. предоблисполкома была проникнута массой фактов совершенно откровенной защиты социально-имущественных интересов кулацко-дворянских элементов...»

Каковы же эти факты, на взгляд следователей? Приводимые ими доказательства действительно убедительны, только вот свидетельствуют

они не о вражеской злонамеренности, а о терпимости, уважении к людям, взвешенной позиции, умении не рубить с плеча, а тщательно разобраться в каждом конкретном случае и судьбе.

Обвиняемый Мусса Тапасханов: «Когда у князя Балкарова и дворянина Дудуна была отобрана земля, то Гемуев дал распоряжение возвратить таковую, и земля была возвращена...»

В 1925 году, когда я, как председатель сельсовета, арестовал князей Мамашевых-Кучуковых, то после этого мне Ако Гемуев у себя на квартире в г. Нальчике говорил: «Зачем арестовывать князей? Я не хочу в своем ущелье ликвидировать князей, каких ликвидируют в Кабарде», – и эти арестованные были освобождены.

В 1926 году мне дали списки на арест в нашем селении помещиков Мамашевых и князей Кучуковых, то Гемуев, как предокрисполкома, когда я ему показал список, сказал, что арестовывать не нужно их и дал мне совет, когда приеду, написать в окрисполком о том, что намеченных к аресту лиц дома нет, что я и сделал».

Свидетель Али Эфендиев: «Гемуев Ако сказал: «Если мы в настоящее время поможем тауби и будем их защищать и охранять от арестов, то они в свою очередь, когда власть перейдет в их руки, будут защищать нас...»

Гемуев находился в поселке Думала, где собрал собрание зажиточной верхушки села и советовал жить мирно с б. князьями, т. к. Советская власть будет свергнута и мы можем найти защиту тогда у б. князей, которые нас спасут... Гемуев Ако, работая пред. Балкарского округа, вместо того, чтобы проводить в жизнь директивы партии и Соввласти, проводил в Балкарии кулацко-мусульманскую политику, опираясь исключительно на зажиточные слои деревни.

В 1925 году Гемуев дал крупному кулаку Эльбаеву участок земли. В 1927 году в момент конфискации земли у б. князей Гемуев препятствовал этой конфискации. Благодаря упорной защите и сопротивлению со стороны Гемуева осталось неконфискованным имущество князей Балкаровых, Барасбиевых и Кучуковых. Считаю линию Гемуева Ако контрреволюционной...»

Вспомним еще раз про докладную записку В. Грузкия: все те же обвинения по поводу, в частности, земли, выделенной Эльбаеву. Не нашедшие подтверждения, но вновь и вновь выдаваемые за правду. Более того, следствие апеллирует к показаниям, ничтоже сумнящиеся делая вывод: «Лично Гемуев в основном не отрицает показания обвиняемых и свидетелей в этой части и говорит: «Я нечетко проводил классовую линию, не опирался на бедноту в союзе с середняком, а опирался на кулаков... Советовал кулакам продавать скот, не эксплуатировать чужой труд, неправильно вос-

становливал кулаков в правах голоса...». «Признаю, что я сошел с генеральной линии партии, вел антипартийную работу, которая заключалась в том, что поддерживал аульских кулаков, вел групповую борьбу в Балкарии, говорил с кулаками на политические темы...».

Действительно, сознался. Понимая, что все это звучит достаточно неубедительно, следствие делает вывод: «По мере наступления на кулацкие элементы и обострения классовой борьбы, особенно в период 1928–1930 гг., Гемуев уже прямо начинает в близких кругах говорить о неизбежности гибели Соввласти и вновь пытается продвигать вопрос о выделении Балкарии в автономное образование».

Именно так: с одной стороны, похороны Соввласти, с другой – автономное образование в ее рамках! Доказательства (показания обвиняемых) прямо-таки железные.

Обвиняемый Магомет Гемуев: «Гемуев Ако мой родной брат, я с ним живу дружно и он мне, как родному брату, говорил, что Соввласть переменится не сегодня-завтра и будет меньшевистская власть... Коммунисты хотят строить социализм и сделать равноправие, а меньшевики дадут свободно всем жить и развивать свое хозяйство...».

Свидетель Каракизов: «Гемуев Ако мне говорил – все аресты, которые проходят в Балкарии, делаются по распоряжению Калмыкова, если бы нам удалось добиться отделения Балкарии от Кабарды в самостоятельную автономную область, то тогда бы не было никаких арестов и весь балкарский народ жил бы хорошо...»

«Гемуев был большим националистом, все время защищал бывших людей дворян и кулаков, пытался отделить Балкарию от Кабарды, дабы жить свободно балкарскому народу независимо от его социального происхождения. Благодаря этой гемуевской политике в Балкарии еще много видных князей, дворян и помещиков живут спокойно и даже имеют землю...»

«Я лично не подвергался преследованию как гемуевец со стороны обкома ВКП(б), а отказался от Гемуева, как от человека, ведущего низовых работников и всю балкарскую массу по неправильному пути, сводящемуся к социал-демократизму...»

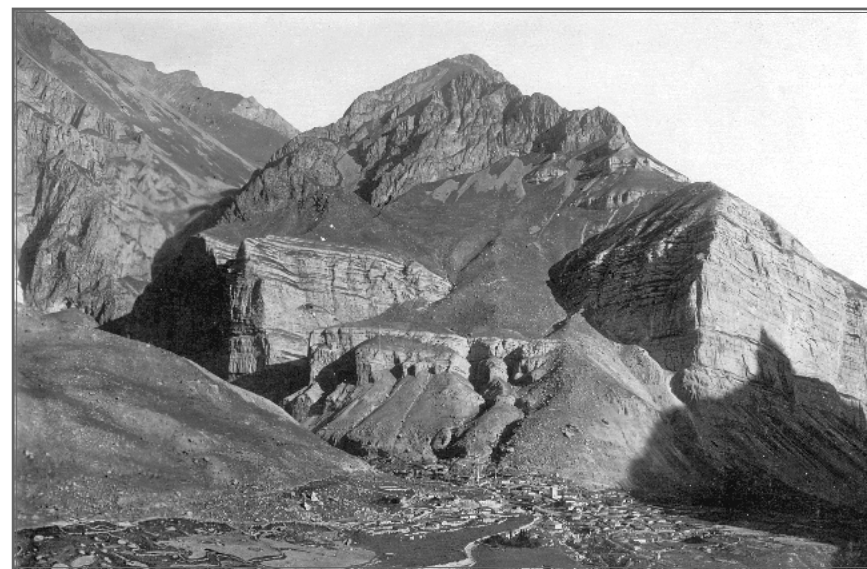
Обвиняемый Адрая Калабеков: «Гемуев советовал нам продавать скот и приобрести мануфактуру, так как скоро будет война, и когда пойдут капиталистические страны на Соввласть, то горские области восстанут и пойдут против Соввласти...».

Обвиняемый Кайсым Эльбаев: «С 1927 года Гемуев Ако стал вести работу по свержению Соввласти. Мне часто говорил в беседах о том, что власть неизбежно погибнет...».

Но это все цветочки. Главное обвинение впереди: «Осенью 1929 года, когда стали широко продвигаться вопросы коллективизации аула, в с. Яни-

Верхний Черем. 1936

Селение Думала. 1936

кой на сходе кулаки избили часть местного актива. Боясь ответственности, инициатор избиения кулак Геляхстанов Юсуф-хаджи, по совету Гемуева Ако, скрывается из аула и затем организывает банду. При этом Гемуев не только не предупреждает формирование последней, но и сохраняет с ней связь, обещает снабжать ее оружием и дает руководящие указания банде. Такую же линию Гемуев устанавливает и в отношении всего скрывающегося бандэлемента Балкарии. Таким образом, уже с конца [19]29 года Гемуев реально становится на путь организации вооруженной борьбы с Соввластью».

Доказательства?

Свидетель А.-Гирей Ахматов: «Гемуеву я передал, что у нас в пос. Кочкарты находятся бандиты Мамашевы, что нужно принять меры к их задержанию, на что Гемуев ответил: «Поймать Мамашевых нетрудно, это можно сделать в два счета, но тебя это не касается». Стал давать мне советы, чтобы я о Мамашевых никому не сообщал, затем Гемуев добавил: «Хорошо, если останется Соввласть, но если Соввласти не будет, то тебе будет плохо за то, что ты потопил Мамашевых; ты не начальник милиции, ты не предсельсовета, такие дела тебя не касаются, а поэтому молчи и храни при себе, что ты знаешь...».

И, пожалуй, одно из самых серьезных обвинений, выдвинутых следствием: «Организовав банду Геляхстанова, Гемуев предложил этой банде убить председателя Яникоевского сельсовета Гелястанова Мустафу. Банда намечала также убийство пред. Балкарского исполкома т. Настуева Хусейна и брата последнего Магомета, как противников Гемуева. Убийство, по не зависящим от них причинам, не удалось».

Обвиняемый Юсуф-хаджи Геляхстанов: «Когда Гемуев Ако предложил мне скрыться, то сказал: «Надо убить Гелястанова Мустафу, иначе он вам не даст жить...».

Обвиняемые Геляхстанов и Этезов (на очной ставке): «Мы намечали убить Геляхстанова Мустафу по заданию Гемуева Ако. Настуева Хусейна, его брата Магомета мы также намечали убить...»

Вот так-то: собирались, намечали, но не осуществили. А если и собирались осуществить, то скорее всего по подсказке следователя.

А вот и эпизод, который проверял В. Грузкий, но излагается он теперь так: «Под давлением обкома ВКП(б) и местного отдела ОГПУ Гемуев Ако в конце 1929 года склонил банды Геляхстанова и Мамашевых к добровольной явке, но в то же время предупредил бандитов, что «Соввласть долго существовать не будет» и предложил хорошее оружие спрятать».

Показания обвиняемых Геляхстанова и Этезова: «Ако Гемуев сказал, чтобы хорошее оружие не сдавали, а сдали похуже, так как Соввласть по-

гибнет, но это не скоро, а сейчас нас могут побить. Я лично для себя оставил винтовку, оставил также Юсуп-хаджи и Мурачаев Исхак. Три хороших винтовки оставили, а плохие сдали в ГПУ».

Показания обвиняемых Сагида и Юсуф-хаджи Геляхстановых: «После этих разговоров Гемуев мне сказал: «Ты приходи без оружия и скажи, что такого у тебя не было, остальным бандитам передай, чтобы они дали похуже винтовки, а хорошие оставили. Соввласть сейчас крепка, но скоро провалится, а за вас взялись серьезно и могут побить».

И царица доказательств – показания самого обвиняемого: «Гемуев показания Геляхстановых подтверждает и в этой части: «...Сказал я Геляхстанову Юсуф-хаджи, согласно его просьбе оставить ему винтовку и разрешил банде Геляхстанова оставить еще одну винтовку». «Эльбаев мне сказал также: «Зачем я занимаюсь грязной работой по склонению к добровольной явке бандитов – Геляхстановых и Мамашевых». Я ответил Эльбаеву, что мне это поручил обком и ГПУ и я выполняю...».

Но мало этого, оказывается, Гемуев, выполняя поручение партии и разоружая бандитов, одновременно думает о продолжении сопротивления: «Учитывая повстанческие выступления в Чечне в декабре [19]29 г. и нарастающий накал в политических настроениях аула, как в Кабардино-Балкарском ауле, так и в соседних нацобластях в связи с перегибами по коллективизации и считая, что момент для активных выступлений наступил, связывается с наиболее видными к-р авторитетами Балкарии и из состава последних окончательно оформляет к-р повстанческую организацию».

Вот какими показаниями на взгляд следствия это подтверждается.

Обвиняемый Чулукай Женикаев: «В начале января 1930 г. я приехал к Гемуеву Ако с Тапасхановым Муссой и остановился у него на квартире, где Гемуев сказал: «Есть война в Ингушетии, Чечне, где борются за власть меньшевиков. Вам необходимо поднять восстание в Чегемском ущелье и подготовить таковое, но нужно поднять восстание в тот момент, когда в других областях поднимется восстание». «Такое же задание было дано Гемуеву Магомету Гемуевым Ако и мы все трое: я, Тапасханов, Гемуев – вели работу по подготовке восстания, которое намечали сделать в 1930 году...».

Обвиняемый Мусса Тапасханов: «Зимой [19]30 года я и Женикаев Чулукай были на квартире Гемуева Ако, где нам Гемуев сказал, что в Ингушетии и Чечне и на Кубани восстание, там ведут борьбу против колхозов. Мне и Женикаеву Гемуев дал задание подготовить восстание в Чегемском ущелье и восстать в тот момент, когда восстанут соседние области, причем в первую очередь как восстание поднимется, занять г. Нальчик и захватить все богатства».

Посмотрите, как перекликаются эти показания, они словно написаны под копирку. Что, впрочем, недалеко от истины: только не под копирку, а под диктовку – следователя.

В его же воображении «под общим руководством Гемуева в период январь-февраль 1930 г. организуются и оформляются контрреволюционные повстанческие ячейки в семи аулах:

1. Актопрак – в составе руководителей: муллы Геграева Хасан-хаджи, крупнейшего кулака и ростовщика Балкарии Эльбаева Кайсыма (родственник Гемуева) и предсельсовета Дажиева, по имущественному положению бедняка, в прошлом уголовного бандита.

2. Яникой – под руководством кулака-бандита Гелястанова Юсуф-хаджи.

3. Верхний Чегем – под руководством кулаков Кунаева Тенгиза (б. мулла), Гемуева Магомета (брат Ако Гемуева), Калабекова Адрая, Женикаева Чулукай, бедняка предсельсовета Тапасханова Муссы (ставленник Гемуева) и князя Суншева Кумука.

4. Верхний Баксан – под руководством кулака Искандерова Кайсыма и муллы Эфендиева.

5. Нижний Чегем – под руководством середняка Беппаева Бияслана.

6. Былым – под руководством кулаков Афашокова Мат-Гери, Кудиева Хызыра, Толгурова Казака и Татаева Ибрагима.

7. Верхний Хулам – под руководством б. князей Шакмановых – Али, Чокка и Мурата.

Взаимно связываясь, непрерывно вовлекая в состав организации всех членов, к-р повстанческие ячейки форсированными темпами развернули подготовку организации повстанческого выступления, приурочивая сроки последнего, согласно указаниям Гемуева, к моменту выступлений в соседних районах».

Само так называемое повстанческое выступление произошло в феврале 1930 г. Ему в обвинительном заключении отведено немало страниц: «Непосредственно выступлению предшествовал подготовительный период деятельности организации, усилия которой направлялись на максимальную мобилизацию вооруженных сил и на вовлечение в авантюру наиболее широких масс района.

Основными центрами повстанческой подготовки являлись селения Верхний Чегем и Актопрак Чегемского ущелья, где форсировались наиболее сильные к-р ячейки и из числа особо близких лиц Гемуеву.

Обвиняемый Чулукай Женикаев: «На квартире Татаева Темирбулата я, Тапасханов и Гемуев Магомет в присутствии Татаева вели неоднократные беседы о поднятии восстания, предлагали ему, Татаеву, быть готовым.

Я также завербовал для участия восстания Малкандуева Озюка, Тухаева Огура (расстрелян за февральские события) Беккиева Ахмата...».

«Дней за 10–15 до восстания я встретился с Гаграевым Хасан-хаджи, где договорились поднять восстание против Соввласти, но восстание должны поднять с наступлением весны. Гаграев мне сказал, что он берет на себя обязанности подготовить восстание в сел. Актопрак. Гаграев выполнил свое поручение, подготовил восстание, но поторопился таковое сделать...».

Обвиняемый Кайсым Эльбаев: «Кулаки нашего ущелья Калабеков Адрая, Гемуев Магомет, Женикаев Чулукай, Жабелов Каракез, Малкандуев Озюк недели за две-три до съезда хлеборобов по сплошной коллективизации (съезд был в г. Нальчике 5 февраля 1930 г.) ездили друг к другу не только в свои селения, но и в поселки. С этим движением кулаков среди населения пошли хабары, что коммунисты хотят проводить коллективизацию, но народ против этого, а также Гемуев Ако идет против колхозов. Как только начнется коллективизация, то народ восстанет и будут бить коммунистов...».

«Восстание в Чегемском ущелье, как я знаю, готовилось с ведома Гемуева Ако. В половине января [19]30 года ко мне приехал Женикаев Чулукай из Чегемского ущелья. Остановился у меня на квартире и в беседе со мной говорил, что всех кулаков, в том числе и меня, будут арестовывать и расстреливать. На мой вопрос, откуда ему это известно, последний ответил, что об этом ему сообщил Гемуев Магомет через Ако Гемуева. Женикаев мне сказал, что скоро будет пожар. На вопрос, что за пожар, Женикаев ответил, что он и Гемуев готовят восстание против Соввласти».

Обвиняемый Темирбулат Татаев: «Эти разговоры Геграева и Гемуева Магомета меня убедили в том, что Гемуев Ако идет против колхозов и коммунистов. Тухаевы Огур и Лукман и Афашоков Мат-Гери являются друзьями Гемуева Ако. Мне также говорили о том, чтобы я не обижал богатых, так как Ако идет против колхозов и как начнется коллективизация, то будет восстание и что Ако дал задание на подготовку восстания и убийства коммунистов...».

Очная ставка обвиняемых Женикаева и Тапасханова: «Когда Женикаев, Тапасханов и Гемуев Магомет находились в доме несколько раз в конце [19]29 г. и в начале [19]30 г., то говорили, что капиталистические страны идут на нас войной и нам надо восставать против Соввласти. Этот разговор они вели месяца за полтора-два до февральских событий. Эти лица мне говорили от имени Гемуева Ако...».

Вот и вся доказательная база: «об этом сообщил», «разговоры убедили», «говорили от имени». Поэтому, понимая, что одного Чегемского уще-

ля для значимости задуманного гемуевцами мало, следовательно переносит действие в Баксанское ущелье.

Обвиняемый Исмаил Дажиев: «В Баксанское ущелье ездили для подготовки восстания Жабелов Каракез и Тапасханов Асхаб, и мне Жабелов Каракез сообщил из Баксанского ущелья, чтобы я приготовился к восстанию и не дал возможности уйти коммунистам из ущелья...».

«Перед восстанием ко мне приехал Афашоков Мат-Гери из с. Былым и сообщил, что в с. Былым было совещание по подготовке восстания, где были: Афашоков, Толгуровы Казак и Саид и Татаев Ибрагим. Совещание было в доме последнего...».

«Мне близкий друг Гемуев Ако б. мулла Геграев Хасан-хаджи в своем доме, где я ночевал, говорил, что по Корану и учению мусульман в момент уразы будет переворот и коммунистов не будет, так как из заграницы идут войска с Мидовым, Катхановым и Энеевым и нам надо поднять восстание...».

Из-за какой, спрашивается, заграницы – того и этого света? Ведь Заракш Мидов, Назир Катханов и Магомет Энеев к этому времени уже ушли из жизни, причем двое первых были расстреляны 12 августа 1928 г. как организаторы контрреволюционной националистической группы.

А вот еще одно, потрясающее по своей глупости и тупости доказательство виновности Ако Гемуева, – его молчание на съезде хлеборобов Балкарии, посвященном сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса: «На съезде присутствовал и Гемуев Ако, который в выступлениях участия не принимал и все время демонстративно молчал. Поведение Гемуева на этом съезде окончательно убедило колебавшихся еще членов организации, что Гемуев действительно идет против коммунистов и подготовка восстания в Чегемском и Баксанском ущельях идет по его заданию».

Обвиняемый Исмаил Дажиев: «5 февраля [19]30 г. в г. Нальчике был съезд хлеборобов по сплошной коллективизации, где был и я, как председатель селения Актопрак. На этом съезде выступали и говорили о нажиме и ликвидации кулака при проведении сплошной коллективизации. Гемуев Ако также был на съезде, он стоял в стороне, не выступал, даже не сказал ни одного слова. Вот здесь я и понял, что все кулаки, которые говорили еще до съезда, что Гемуев идет с нами против коммунистов и колхозов, говорят правильно, так как сам Гемуев на съезде не выступал...».

«После съезда на другой день я зашел на квартиру к Гемуеву Ако и вместе шли мы до облисполкома. Когда я Гемуеву изложил все жалобы о том, что работники коллективизации меня заставляют описывать кулаков, Гемуев прямо сказал: «Работников надо убивать, так как они проводят по-

литику коллективизации сами, из центра же нет никаких директив, в Балкарии коллективизацию нельзя проводить еще десять лет». Это убедило меня в том, что Гемуев идет с нами и надо действовать...»

«Я возвратился в с. Актопрак приблизительно 6–7 февраля с твердым намерением поднять восстание и побить коммунистов, проводящих коллективизацию. Когда я вернулся со съезда, то открыто стал выступать на собраниях против работников по коллективизации, хотя я и был председателем сельсовета. Стал тесно блокироваться с кулаками, вел подготовку к вооруженному восстанию, кулакам говорил о том, что Ако на съезде шел против колхозов и дал мне указание побить работников. После моих разговоров и открытых выступлений на собрании кулаки Жабелов Каракез, Тухаевы Огур и Лукман, Геграев Хасан-хаджи, Кулиев Юсуф, Акбулатов Абдулла (коммунист) открыто ездили по селениям и агитировали за восстание. Эти же кулаки связались в селении Чегем с Малкандуевым Озюком, Мизиевым Исмаилом и Калабековым Адраем, которым поручили вести подготовку. В В.Чегеме также вели подготовку Гемуев Магомет и Женикаев Чулукай...».

«Население было подготовлено к восстанию, но не было предлога поднять таковое. Толчком к восстанию послужило следующее. Днем 17 февраля из с. Былым приехал Афашоков Мат-Гери в с. Кокташ и сообщил мне о том, что в Баксанском ущелье идет восстание и все железные дороги заняты. За ним приехал Тапасханов Аслан, который подтвердил слова Афашокова, а к вечеру 17 февраля приехали Жабелов Каракез и Акбулатов Абдулах, которые дали точную информацию о том, что везде идут восстания и нам нужно восставать. С приездом двух последних было устроено в поселке Кокташ совещание, на котором присутствовали: Тухаев Лукман, Тухаевы Джепу и Огур, Жабелов Каракез, Акбулатов Абдулах, Жансуев Мисост. На собрании было решено поднять восстание и побить работников по коллективизации. Когда подошли к зданию сельсовета, я первый убил работника по коллективизации Гольдина, а Акбулатов Абдула убил второго – Чапаева и восстание было поднято...».

Следствие набирает обороты: «Для руководства восстанием был организован штаб, руководивший боевыми действиями повстанцев во главе с князем Суншевым Кумук, и при нем «Совет повстанцев», в состав которого вошла часть руководителей к-р ячеек Чегемского и Баксанского ущелий. Штаб повстанцев с первых шагов стал делать попытки связаться с Гемуевым Ако, но неудачно, вследствие наступления красноармейских частей».

Вот незадача – пытались связаться, а не удалось. Но тогда получается, что Гемуев не имеет никакого отношения к происходившему? Непорядок. Опять нужны показания. Они, как говорится, есть у меня.

Свидетель Ачабиев: «Суншев Кумук мне приказал написать донесение Гемуеву Ако и сообщить следующее: «Ваше указание мы выполнили, сейчас только разбили отряд большевиков, захватили 30 человек в плен, наш штаб находится в х. Эльбаево. Прикажите, что нам делать...». Я сел писать, но в это время кто-то сообщил, что большевики наступают и отряд разбежался...».

Обвиняемый Кумук Суншев: «Когда мы из с. Былым перешли на хутор Эльбаев, здесь был организован штаб повстанцев, начальником штаба был избран я. При штабе был создан совет повстанцев, куда вошли: я, Барасбиев Камлук, Тухаев Огур, Ахтубеков Ибрагим от Чегемского ущелья; и от Баксанского было 5–6 человек. ...Когда был созван совет повстанцев, получили донесение, что красный отряд наступает на с. В. Чегем. Штабом совета была дана задача выбросить часть повстанцев в с. В. Чегем для уничтожения красного отряда во главе с Дажиевым. На другой день было получено донесение, что красный отряд разбит, взято много пленных. Это была первая задача нашего штаба, которая выполнена очень удачно. Как только получили это сообщение, то мною было дано распоряжение, чтобы всех пленных доставить в штаб. В штабе я действительно заставил тех. секретаря Ачабиева писать донесение на имя Гемуева Ако о том, что мы разбили красный отряд и что нам, повстанцам, делать...».

Тут в тексте обвинительного заключения появляются бравурные нотки: «В результате чекистско-войсковой операции вооруженное выступление в Балкарии, в которое было втянуто до 800 человек, было ликвидировано. Основные фигуры организации, как Геграев Хасан-хаджи, Гемуев Магомет, Женикаев Чулукай, Эльбаев Кайсым и Тапасханов Мусса, сыграв роль вдохновителей и организаторов выступления, от непосредственного личного участия в последнем уклонились, имея в виду сохранить силы организации, поскольку с первого же момента выступления выяснилась перспектива его поражения. Бандповстанческие скопления, после ряда боевых столкновений с красноармейскими частями, рассосались».

А как же Ако Гемуев, тайный вдохновитель и организатор повстанцев, с которым, по мнению следователей, последние все время пытались связаться? А никак – занимается тем, чем и должен был заниматься: ведет «работу по добровольной явке повстанцев и возвращению их из лесов в свои аулы». Следовательно, надо показать, что его позиция – позиция двурешника. А это можно осуществить только через свидетелей. Что и делается, причем настолько топорно, что показания разных людей совпадают текстуально.

Обвиняемый Мусса Тапасханов: «После подавления февральского восстания я спросил Гемуева, как же так, ведь ты говорил, что когда сделаем переворот, то не будет коммунистов и жизнь улучшится. Сделали восста-

ние, а его подавили и стало только хуже для Чегемского ущелья. На это мне Гемуев ответил: «Я вам говорил, как надо подготовить восстание и ждать моего распоряжения, пока все ущелья поднимут восстание, когда примкнутся и другие области. Вот тогда все войска разбросали бы во все стороны и нам было бы легче с ними справиться...».

Обвиняемый Чулукай Женикаев: «После подавления февральского восстания я у Гемуева Ако спросил: «Ведь ты говорил, чтобы мы подняли восстание – тогда будет нам лучше жить, мы подняли восстание, его подавили, а жить нам стало не лучше». Гемуев мне ответил: «Я же вам говорил, чтобы поднять восстание одновременно с другими нацобластями, а вы подняли восстание только в Балкарии, и его легко подавили...».

Одним словом, не успокоился Ако Гемуев, не прекратил свою антисоветскую деятельность, о которой все знали или предполагали (вот парадокс – составители обвинительного заключения даже не задумываются, что их самих можно обвинить в преступной халатности!), и начал готовить очередное повстанческое выступление, пришедшееся на июль – тот самый июль, когда официальная антигемуевская кампания достигла пика.

«После ликвидации февральского выступления в Баксано-Чегемском ущелье вышли из-под удара и скрылись бандгруппы Геляхстанова Ю., Суншева К., Дажиева И. и Малкандуева О. Скрылись и позднее перешли на полуправильный образ жизни основные члены Баксано-Чегемской к-р организации и ее идеологи – Гемуев Магомет, Эльбаев Кайсым, Геграев Хасан, Женикаев Чулукай, Кудаев Тенгиз и другие. Процесс новых формирований начался в апреле, когда организация несколько оправилась от поражения, учла оставшиеся силы и освоилась с положением вещей. На активные шаги в сторону подготовки вторичного выступления, помимо Гемуева, организация вдохновлялась также общей политической ситуацией в области (сильный бандитизм, некоторая дезорганизация низового соаппарата после повстанческих выступлений, продовольственные затруднения в неурожайных аулах, широкая провокация и т. д.)».

Процесс организации нового выступления начался с того, что банда Дажиева И. связалась с бандой Ациканова Мухтар-Паша в Баксанском ущелье, посредством которого организация, зная связи Ациканова с карачаевцами, рассчитывала увязаться с к-р элементами Карачая. Одновременно слились бандгруппы Геляхстанова, Суншева и Малкандуева. Проведен был ряд совещаний между бандглаварями и отдельными к-р ячейками всех четырех ущелий Балкарии. Ациканов Мухтар-Паша по поручению организации выехал в Карачай для связи с тамошними остатками бандповстанческих формирований. Широко развернулась вербовка повстанческих вооруженных кадров.

Обвиняемый Юсуф-хаджи Геляхстанов: «С этого момента мы начали вести подготовку ко второму восстанию. Связались с бандой Суншева в Хуламском и Чегемском ущельях. В с. Яникой я и Кудаетов завербовали много людей. Когда завербовали, то сами ушли в банду Суншева, но всему этому помешал разгром нашей банды и арест Гемуева Ако. Я уверен, что если бы подняли второе восстание в Балкарии, то Гемуев перешел бы к нам...».

Обвиняемый Кумук Суншев: «Когда Кудаетов и Геляхстанов пришли к нам в банду и присоединялись, то мы были глубоко убеждены, что Гемуев будет с нами. Здесь мы решили вести подготовку второго восстания в Балкарии... Основной причиной ко второму восстанию послужило сообщение Кудаетова и Геляхстановой банде о том, что Гемуев будет с нами...».

Мне Созаев сказал, что от хуламовцев присоединится человек 50–60. Я Созаеву дал задание, чтобы все хуламовцы были в банде через 3–4 дня... Ациканов Мухтар-Паша информировал меня, что у него имеется 300–400 человек, которые могут выступить хоть сейчас... Прибытие ко мне в банду Геляхстановых Сагида и Юсуфа-хаджи и Кудаетова Тенгиза и их информация, что в Чегемском ущелье люди готовы выступить против Соввласти и о том, что Гемуев Ако будет с нами... На этом совещании решили узнать, что имеется в районе Карачая, для чего прислали Ациканова и других бандитов, и потом начать восстание в Балкарии...».

Следствие продолжает: «Одновременно, в том же апреле 1930 года, в Нагорном округе Кабарды, на стыке с Карачаем, началась концентрация распылившихся остатков бандповстанческих формирований Кабарды вокруг новой колоритной к-р фигуры – муллы Абукова Али, б. областного кадия и председателя шариатского суда до революции, в начале [19]30 года бежавшего с места адмсылки (г. Сталинград). К первоначально небольшой бандгруппе Абукова присоединился видный руководитель кабардинского февральского выступления бандит Кертов, а затем карачаевская банда Крымшамхалова, после чего Абуков начал быстро обрастать за счет скрывающихся одиночек и к-р элемента кабардинских сел. Был создан «Совет повстанцев», который развернул широкую повстанческую подготовку.

Обвиняемый Али Абуков: «В апреле 1930 года к нам приехал бандит Кертов, с ним Хаупшев Джебага и третий неизвестный мне кабардинец. С приездом Кертова мы, 14 человек, приехали на гору Кинжал, где находилась наша кабардинская банда. К нам еще присоединилось 12 бандитов из с. Хасаут (банда Крымшамхалова из Карачая), всего нас было 23 человека...».

В апреле 1930 года был создан «Совет повстанцев», куда вошли: я, Кубалов Худ, Джолуев Эрту, Урусбиев Хажимурза и Алиев Доку. Советом была поставлена задача выработать план действий. После создания совета к

нам приехал бандит Кертов с несколькими бандитами на гору Кинжал. Спустя несколько времени Кертов и Крымшамхалов доложили в совете, что они едут в Залукокоже, где достанут винтовки и патроны, наwerbуют людей в банду и захватят еще несколько человек в ст. Зольской Терского округа. Совет это действие одобрил и дал шесть дней сроку...».

Балкарская к-р организация, узнав о повстанческом формировании муллы Абукова, немедленно предпринимает меры связи с последним, делая ставку на совместное выступление. В качестве связиста (понятно, что имеется в виду связной. – *Авт.*) к Абукову был послан член Актопракской к-р ячейки Акбулатов Хашим.

Обвиняемый Хашим Акбулатов: «Я получил задание от Дажиева Исмаила и своих граждан Кудаетова и Тухаева и уехал в розыск банды. Когда я встретился с бандой Абукова, то передал следующее: «Наши люди в Чегемском ущелье все готовы к вам присоединиться, ждем вашего прихода, наша банда также ждет вас, меня прислали, чтобы я вас привел в свое ущелье. Все чегемцы готовы присоединиться к банде и к нам присоединяется видный балкарец Гемуев Ако». Я просил абуковскую банду, чтобы она скорее пошла в Чегемское ущелье, где было всего 15 красноармейцев, и мы их разобьем... На мои разговоры ответили, что мы, бандиты, зайдём сначала в Баксанское ущелье, куда нас приглашают, а оттуда зайдём к вам в Чегемское ущелье и сделаем свое дело все».

Обвиняемый Али Абуков: «Когда я скрывался вместе с Кучуковым, приехавшим к нам из Чегема, мне тогда он предложил переехать в район Чегема. Он мне сказал дословно следующее: «Ячейка в Н. и В. Чегеме очень слабо работает и что чегемские кулаки связаны с Гемуевым». Я его так и понял, что Гемуев с чегемскими бандитами, что с приездом в Чегем мы можем связаться с Мухтар-Пашой Ацикановым...».

Не правда ли, железные опять же доказательства причастности Гемуева к повстанческому движению: «к нам присоединится», «кулаки связаны»...

Но оперативная обстановка того времени, обозначенная в заключении, представляет несомненный интерес: «Одновременно на территории Кабарды перешла и соединилась с Абуковым банда Малкандуева Озюка в 35 человек. Связалась с Абуковым также В. Баксанская к-р ячейка в лице ближайшего сподвижника Гемуева Ако – кулака Искандерова Кайсыма.

В первой половине июня объединенная межнациональная банда Абукова, численностью до 200 человек, перешла к активным действиям, совершив вооруженный захват гостиницы «Шиикмез» под Кисловодском и обезоружив здесь милицейский пост, а затем сделала рейд по аулам Нагорного и Баксанского округов Кабарды, рассчитывая на присоединение

к себе широких масс. Провокация, однако, вопреки расчетам к-р элемента не встретила сочувствия последних, и банда, преследуемая войсками ОГПУ, имея потери, устремилась в горы Балкарии, рассчитывая при помощи банд к-р элемента последней укрепиться здесь и повести планомерную вооруженную борьбу с Соввластью».

Обвиняемый Али Абуков: «В с. В. Баксан намеревались завербовать людей и идти в Чегемское ущелье, где ожидали поддержку, собрать банду и выступить против власти... Я лично боролся против Соввласти, думал свергнуть и восстановить такую власть, которая дала бы жить свободно народу и верить в бога. Все наши планы и действия поломали в с. В. Баксан части Красной армии, которые внезапно наступили...».

«При занятии с. В. Баксан нашей бандой в июне [19]30 года я выступил на митинге в с. В. Баксан с призывом к мусульманам присоединиться к банде, Искандеров Кайсым там со мной поздоровался и все уговаривал, чтобы наша банда не торопилась, так как скоро будет сход. Кайсым собирал сход в В. Баксане и я выступал...».

Обвиняемый Магомет Искандеров: «Искандеров Кайсым и Эфендиев (мулла) работали вместе. Я слышал, что в эту ночь Искандеров и Эфендиев посылали Ахматова Хамзата (скрывается) в с. Эльбрус для связи с Абуковым Али и утром банда заняла наше селение».

Листаем обвинительное заключение дальше: «Решительные действия оперативно-войсковых групп ОГПУ и боевых отрядов Кабардино-Балкарского партсоактива, по пятам преследовавших банду Абукова, предупредили намерения последнего, а в бою под В. Баксаном банда была окончательно разгромлена».

В период продвижения банды Абукова по Баксанскому ущелью бандой 20 июня были убиты члены Каб. Балк. обкома ВКП(б) т.т. Мусукаев, Виноградов и Этезов. Убийство Мусукаева – непримиримого противника Гемуева и кулацко-дворянской прослойки Балкарского аула – давно стояло в плане балкарской к-р организации и в процессе восстания инспирировалось лично Гемуевым, видевшим в Мусукаеве особо опасного врага.

Перед убийством Мусукаев вместе с секретарем Балкарского окружкома ВКП(б) Виноградовым и Этезовым по поручению обкома партии находился в а. В. Баксан, мобилизуя краснопартизанский и партийно-советский актив для борьбы с бандами. Руководитель В. Баксанской к-р ячейки Искандеров Кайсым, узнав, что областные работники должны будут выехать в с. Н. Баксан, послал своего брата Магомета Искандерова предупредить Абукова об этом, который в этот момент находился в районе с. Генделен, неподалеку от Н. Баксана. Получив это сообщение, Абуков организовал засаду и убийство областных работников привел в исполнение».

Понимая, что одной фразы («непримиримый противник Гемуева и кулацко-дворянской прослойки») недостаточно для привязки Ако к убийству, следствие фабрикует необходимые показания. Они настолько примитивны и беспомощны, что диву даешься: кто же это писал? кто же это слушал? кто этому поверил? А каковы слова и выражения, которые вставлены в речь Гемуева?!

Обвиняемый Юсуф-хаджи Геляхстанов: «Гемуев Ако, посылая меня к бандитам, сказал: «Дураки бандиты, собрались в лесу, гуляют и не могут убить этого провокатора Мусукаева, который не дает мне и другому народу жить спокойно, наговаривает на всех напрасно. Почему ты не скажешь бандитам, чтобы они убили этого провокатора Мусукаева. Ты скажи бандитам, чтобы они убили Мусукаева и тогда будет все хорошо».

«Получив такое задание от Гемуева Ако, я приехал к бандитам и сказал главарю банды Малкандуеву Озюку в присутствии Акбулатова Абдулаха и еще кого-то, не помню, что Гемуев Ако передал всем бандитам, чтобы убили Мусукаева, т. к. он не дает жить ему, Гемуеву, и другому народу спокойно. Бандиты Малкандуев, Акбулатов и присутствующие мне ответили, что если представится случай, то Мусукаева убьют...».

Обвиняемый Озюк Малкандуев: «Мне и другим бандитам Геляхстанов Юсуф-хаджи, когда пришел с делегатами по склонению к добровольной явке бандитов, сказал: «Надо убить Мусукаева, так как Гемуев Ако передал, чтобы вы, бандиты, убили Мусукаева». Гемуев Ако находился в с. Н. Чегем, откуда передаваемый разговор Геляхстановым слышали бандиты Акбулатов Абдулах, Кучуков Тавсо и Кучуков Ибрагим...».

Обвиняемый Магомет Искандеров: «Мне Абуков Али и Джепуров Эрту дали письмо и предложили ехать в с. В. Баксан и вручить это письмо Эфендиеву. Сама банда заняла перевалы с целью не пропустить Мусукаева из ущелья. Получив письмо от банды, я приехал в с. Баксан, где захватил Мусукаева, который проводил митинг. Ко мне во двор пришел Искандеров Кайсым, которому я рассказал, что банда уже заняла перевалы и ожидает проезда работников и о том, что банда поймала уже Этезова. Искандеров мне сказал: «Молчи, никому не говори». После митинга Мусукаев уехал и был убит в районе с. В. Баксан...».

Обвиняемый Али Абуков: «После того как Искандеров Магомет сообщил о пребывании Мусукаева в ущелье и готовности в В. Баксане выступить против Соввласти, то банда двинулась на селение Былым, откуда на В. Баксан, где по дороге убили Этезова, Мусукаева и др.».

Обвиняемый Адрая Калабеков: «Среди бандитов банды Абукова были разговоры о том, что Мусукаев крепкий коммунист и ведет с нами борьбу, а Гемуев Ако хороший человек и идет за нас. Мне в банде Абукова бандит

Кучуков говорил, что Гемуев стоит за нас, бандитов. После того как наша банда убила Мусукаева (20/VI–30 г.), то мне Акбулатов Абдулах сказал, что Гемуев Ако будет радоваться, что мы убили Мусукаева. Непосредственными убийцами Мусукаева и др. являются Кучуков Тавсо и Кучуков Ибрагим...».

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно – ведь речь шла не только о чести и достоинстве настоящего коммуниста, но и о его жизни: объявленный врагом подлежал уничтожению.

И вот раздел обвинительного заключения, озаглавленный «Показания обвиняемых». Нас, понятно, в первую очередь интересует то, что говорил Ако Гемуев, который «после целого ряда допросов и очных ставок, виновным себя признал частично». Итак:

«В своих предыдущих показаниях я признал себя виновным в том, что совершил ряд политических преступлений. Кроме того, считаю себя виновным еще и в том, что в начале следствия не был откровенным перед вами. Мне было стыдно в органах ОГПУ сказать эту тяжелую для меня правду...»

По вопросу групповой борьбы в Кабардино-Балкарской парторганизации Гемуев признает, что он возглавлял антипартийную группировку, опиравшуюся на кулачество, боролся с группировкой Мусукаева, которая проводила классовую линию, и что группировочная борьба «оказала свое действие на его преступления»:

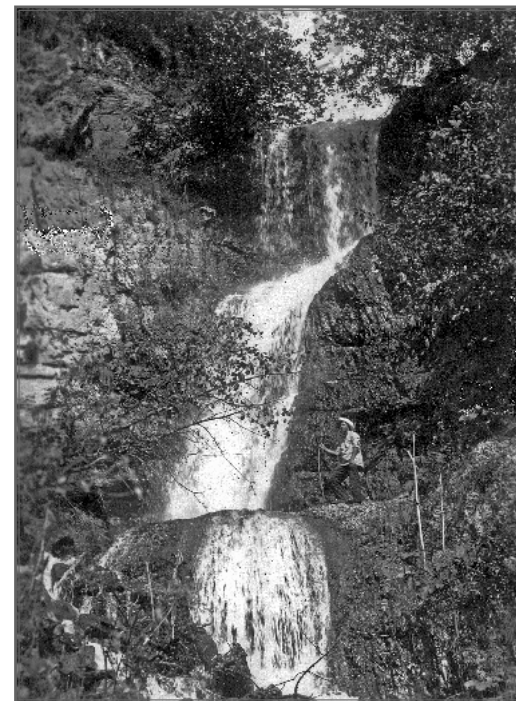
«Да, я признаю, что был идеологом групповой борьбы с Мусукаевым, говорил свои недовольства на последнего своему брату Магомеду, Женикаеву Чулукаю, Геляхстановым, Юсуф-хаджи, возможно, еще кому говорил, но забыл. Мои антипартийные взгляды поддерживали Ульбашев Келле, Ульбашев Ибрагим, Эфендиев Али, поддержка выражалась в поддержке кулаков, в восстановлении их на правах голоса...»

«С кулаками говорил на политические темы, это делал сознательно в связи с острой групповой борьбой, в чем и сознаюсь...»

«Калмыков мне говорил неоднократно, чтобы я прекратил групповую борьбу, так как это губит мероприятия Соввласти...»

«Группировочная борьба в Балкарии оказала свое действие на мои преступления, так как она сближала меня с обиженной группой названных мною выше кулаков. Конечно, если бы не было группировочной борьбы, то я все равно бы был связан с кулаками, но все-таки эта группировочная борьба усугубляла мои поступки».

«Гемуев признает также, – продолжает следователь, – что политическая установка его сводилась к отрицанию классовой борьбы в ауле, мирного сожительства с кулачеством и князьями, которых всеми средствами поддерживал и считал нужным привлекать их к Советскому строительству...»

Водопад Думала

«Основная и главная причина моих преступлений заключается в том, что я не порвал связи с кулачеством, был с ним связан, давал советы не расширять хозяйства... Я считаю, что те кулаки, которые имели хотя бы какое-нибудь отнесение к Соввласти, как красные партизаны, должны были быть привлечены к строительству Соввласти. Тот взгляд и заставил меня поддерживать кулачество и толкнул меня на путь преступления против Соввласти. Имея такой взгляд по отношению к кулачеству, я не был согласен с той линией партии, которая была направлена к ограничению кулацкой прослойки...»

«Я не допускал себе каких бы то ни было прямых противодействий этой линии партии, так как считал, что совместное сотрудничество с этими кулаками не может принести вреда социалистическому строительству в нацобластях. Однако, как оказалось, я очень в этом ошибся. Я только теперь осознал, что сотрудничество с кулаками, хотя они в прошлом и имели некоторые заслуги перед Советской властью, невозможно...»

«Эти взгляды на кулачество у меня окончательно оформились к началу 1929 года, когда эту категорию стали ограничивать, до этого времени, тогда их не считали кулаками, у меня не было никаких разногласий с партийными работниками по этому вопросу. Отнесение к категории кулаков Женикаева, Геляхстановых, Гемуева Магомета, Эльбаева и др. я рассматривал как результат группировочной борьбы, о чем я говорил Женикаеву и Гемуеву, что и явилось поводом к укреплению моей с ними связи. Сейчас я понял, что перечисленные мной лица были отнесены к категории кулачества правильно, кроме Женикаева и Гемуева... Когда названную группу кулачества все же стали описывать и раскулачивать, то у меня стало расти недовольство этими мерами, так как я был против этого...»

«Признаю, что я сошел с генеральной линии партии, вел антипартийную работу, которая заключалась в том, что поддерживал сельских аульских кулаков, вел групповую борьбу в Балкарии, говорил с кулаками на политические темы и поддерживал банду Геляхстановых».

«Имело место, что некоторые товарищи предлагали арестовать помещиков и кулаков, предполагалось арестовать б. помещика Мулаева Якуба и кулака Цораева Ахмата, я возражал, считал, что они очень пожилые и их арестовывать не следует...»

«Вместе с этим Гемуев, чему следователь искренне удивляется, отрицает обвинение в той части его, где он уличается в прямой контрреволюционной деятельности. Однако показаниями обвиняемых – близких его родственников и единомышленников устанавливается, что Гемуев вел не только антипартийную работу, но и контрреволюционную, заведомо зная, что он подготавливает почву для вооруженного восстания».

В чем же она состояла? Абсурдность выводов зашкаливает.

Обвиняемый Кайсын Эльбаев: «Мне Гемуев в беседах неоднократно говорил, что наши балкарские работники неправильно делают, что делят народ на князей, кулаков и дворян, народ должен быть весь одинаковым».

Обвиняемый Мусса Тапасханов: «Последние 2–3 года мне Гемуев неоднократно говорил, что ему не нравятся действия власти и что он, Гемуев, не хочет выступать и агитировать среди народа, так как власть эта ему не нравится».

Показания свидетеля Каракезова: «Свою к-р работу Гемуев проводил не только прикрываясь групповой борьбой, но и лозунгом самоопределения Балкарии, чем преследовал цель отвести нажим на б. князей и кулачество. ...Гемуев Ако мне говорил, что аресты, которые проходят в Балкарии, делаются по распоряжению Калмыкова, если бы нам удалось добиться отделения Балкарии от Кабарды в самостоятельную область, тогда бы не было никаких арестов и весь балкарский народ жил бы дружно...».

Показания свидетеля Депенуева: «В 1924 г. были расстреляны к-р Миссиоров и Мамаев, на балкарской конференции (беспартийной) крестьян Гемуев Ако выступил, где говорил: «Без ведома окрисполкома наших людей расстреливают и ссылают». Благодаря этому выступлению конференция требовала прокурора Максидова, который давал пояснения. С этого времени началась работа Гемуева о выделении Балкарии от Кабарды, дабы не допустить арестов и расстрелов дворян».

Показания свидетеля Каракезова: «Гемуев был большим националистом, все время защищал б. людей, дворян и кулаков, пытался выделить Балкарию от Кабарды, дабы дать жить свободно балкарскому народу, независимо от его социального происхождения. Благодаря этой гемуевской политике в Балкарии еще много видных князей, дворян и помещиков живут спокойно и даже имеют земли».

А как же главное обвинение – в руководстве восстанием? Следствие вынуждено констатировать, что Гемуев категорически отрицает его. Но «говорит, однако, что беседы его с кулаками на политические темы способствовали этому восстанию и что он мог бы предотвратить это восстание, если бы своевременно заострил внимание обкома на положении в Балкарии, но этому мешала групповая борьба:

<...>Да, я признаю, что благодаря моей беседе с кулаками и к-р элементом на политические темы произошло восстание в Балкарии в феврале [19]30 года, но прямого задания на поднятие восстания я не давал.

<...>О подготовке восстания я не знал, но знал, что создаются недовольства на Соввласть в связи с коллективизацией. Безусловно, если бы я заострил внимание обкома, то мог бы предотвратить события. Не сделал лишь потому, что меня групповая борьба загнала и мне мало верили.

<...>О том, что поздно или рано будет восстание, я знал из разговоров своих бывших красных партизанов. Я не раз слышал, что если Соввласть не изменит свою политику по раскулачиванию и коллективизации к весне [19]30 года, то будет восстание».

«Тем не менее, – констатирует следствие, – показаниями целого ряда обвиняемых Гемуев изобличается как прямой руководитель подготовки вооруженного восстания в Балкарии в феврале [19]30 года. Показания эти касаются только одного: тем, что в его квартире были в гостях Женикаев Чулукай и Тапасханов Мусса. Приход в гости классифицируется как ...заговор».

Обвиняемый Чулукай Женикаев: «В начале января [19]30 г. я приехал к Гемуеву Ако с Тапасхановым Муссой и остановился у него на квартире, где Гемуев сказал: «Есть война в Ингушетии, Чечне, где борются за власть меньшевиков. Вам необходимо поднять восстание в Чегемском ущелье и

подготовить таковое, но нужно поднять восстание в тот момент, когда в других областях поднимется восстание».

Обвиняемый Мусса Тапасханов: «Зимой [19]30 г. Женикаев Чулукай был на квартире Гемуева Ако, где нам Гемуев сказал, что в Ингушетии и Чечне и на Кубани есть восстание, там ведут борьбу против колхозов. Мне и Женикаеву Гемуев дал задание подготовить восстание в Чегемском ущелье и восстать в тот момент, когда восстанут соседние области, причем в первую очередь, как восстание поднимется, занять г. Нальчик и захватить все богатство...»

И что с того, что А. Гемуев отрицает не только разговоры на политические темы, но и саму эту встречу? Следствие констатирует, что «в результате очных ставок между Гемуевым Ако, с одной стороны, Эльбаевым Кайсымом, Женикаевым Чулукай и Тапасхановым Муссой – с другой, последние свои показания подтвердили полностью». Точно также устраняется и следующее противоречие – о подготовке «террористических актов над работниками по коллективизации».

Из показаний Исмаила Дажиева: «На другой день после съезда я зашел на квартиру к Гемуеву Ако и мы вместе шли до облисполкома. Когда я Гемуеву изложил все жалобы о том, что работники коллективизации меня заставляют описывать кулаков, Гемуев прямо сказал – работников надо побить (убить), так как они проводят политику коллективизации сами, из центра же нет никаких директив, в Балкарии коллективизацию нельзя проводить еще 10 лет... Это убедило меня в том, что Гемуев идет с нами и надо действовать».

На очной ставке Дажиев подтвердил свои показания, Гемуев же, подтверждая встречу с Дажиевым, заявил, что такого поручения ему не давал.

И так далее, и так продолжается.

После такого следствия судьба Ако Гемуева была предрешена.

Строки из заключения: «Гемуев Ако Джумакуевич – 39 лет, уроженец поселка Думала Балкарского округа КБАО, женат, имеет двух жен, балкарец, быв. карауздень, с начальным образованием, имел кулацкое хозяйство вместе с братом Магомедом – быв. член ВКП(б) с [19]18 года, быв. член ЦИК СССР V созыва, перед арестом занимал должность – зам. пред. Кабардино-Балкарского облисполкома, обвиняется в том, что:

а) используя служебное положение, сохраняя кадры феодалов, князей, дворян и кулаков и опираясь на них, на протяжении ряда лет вел борьбу с революционной группой Настуева-Мусукаева;

б) в процессе групповой борьбы сознательно способствовал созданию (так в тексте. – *Авт.*) убийства Наркомвнудела Горской республики Настуева в 1922 году и члена бюро Кабардино-Балкарского облкома ВКП(б) Мусукаева в 1930 г.;

в) в период 1926–[19]29 гг. поддерживал связь с политбандой помещиков Мамашевых, советуя этой банде не сдаваться;

г) в 1929 году содействовал организации политической банды Геляхстановых в числе 9 человек преимущественно из князей и кулаков, обещал снабжать банду оружием и оберегал ее от разгрома, несмотря на то, что банда совершила несколько вооруженных грабежей колхозов;

д) в начале января 1930 года, в связи с форсированием коллективизации и более жестким нажимом на кулачество, Гемуев не только поддерживал тенденции последнего к организации вооруженного восстания против Соввласти на территории Балкарии, но и способствовал оформлению к-р повстанческой организации, проводил с этой целью соответствующие беседы с кулацкими авторитетами и бандглаварями Балкарии и дал в результате прямые указания на подготовку восстания в Чегемском и Баксанском ущельях кулакам Гемуеву Магомеду, Эльбаеву Кайсыму, Геграеву Хасан-хаджи и Дажиеву Исмаилу, а последнему, кроме того, внушил мысль о необходимости организации террористических актов над совпартработниками;

е) является, таким образом, идейным и фактическим руководителем подготовки вооруженного восстания в феврале 1930 г. в Чегемском и Баксанском ущельях Балкарии;

ж) после подавления восстания, под давлением Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) и органов ОГПУ, проводя работу по добровольной явке бандитов-повстанцев, проявил в этой работе явно двурушническую линию, предлагая бандглаварям не являться, чем сохранял вооруженные кадры к-р, подготавливая почву для второго восстания;

з) работая по склонению бандитов-повстанцев к добровольной явке, связался с главарями банд Ацикановым Мухтар-Паша, Дажиевым Исмаилом и кулаками Кудаяевым Тенгизом и Геляхстановым Юсуф-хаджи, которых обнадежил и окрылил на подготовку второго, более широкого вооруженного восстания в Балкарии; через Геляхстанова Юсуф-хаджи инспирировал при этом убийство члена бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) т[ов]. Мусукаева.

То есть совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58 п. II с карательной санкцией, 58 п. 2, 17–58 п. 8 и 17–59 п. 3 УК РСФСР.

На основании изложенного, следственное дело № 18440 по обвинению вышепоименованных лиц представить на рассмотрение Коллегии ОГПУ для внесудебного рассмотрения».

Дело, длившееся более года, завершилось постановлением Коллегии ОГПУ от 7 сентября 1931 г., приговорившей А. Д. Гемуева, а также М. Д. Ге-

муева, О. Я. Малкандуева, Х. З. Геграева, К. Т. Суншева, А. Х. Абукова к расстрелу. Спустя месяц приговор был приведен в исполнение.

Через десятилетия, в 1974 г., последовала реабилитация. Все эти годы имя Ако Гемуева было под запретом и нигде не упоминалось: его нет ни в «Истории Кабардино-Балкарской АССР» (1967), ни в «Очерках истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» (1971). И только в 1987 г. в книге «За власть Советов» появился небольшой заключительный очерк, тем не менее стыдливо умолчавший о последних днях А. Д. Гемуева.

Сегодня нет запрета на упоминание его имени, но и имени этого по большому счету по-прежнему нет в истории. Нет, потому что реабилитация (в понимании – возвращение в историю) незаслуженно обвиненного человека, по существу назначенного властью вожаком повстанческого движения, к сожалению, так и не состоялась...

Дом Гемуевых, в котором впоследствии располагалась сельская школа

ХЛЕБОПАШЕСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Все обвиняемые по этому делу – непримиримые противники советской власти. Все они – сельчане, прожившие в родном Сармаково (тогда оно входило в Нагорный округ) от 19 до 75 лет. Что же объединило их в составе контрреволюционной банды? Перелистаем страницы дела № 86, завершеного 14 июля 1928 года.

Итак, вот они, кабардинские преступники от сохи:

Балов Кериб – 48 лет, женат, на иждивении 4 души, из бывших князей, беспартийный, малограмотный, имущество национализировано как помещичье, занятие – хлебопашество.

Балов Магомед – 55 лет, женат, на иждивении 5 душ, беспартийный, из бывших узденей, малограмотный, середняк, занятие – хлебопашество.

Виндижев Кучук – 45 лет, женат, на иждивении 6 душ, беспартийный, из бывших узденей, малограмотный, середняк, занятие – хлебопашество.

Диданов Махмуд – 23 года, холост, на иждивении 3 души, беспартийный, из бывших узденей, неграмотный, зажиточный, занятие – хлебопашество.

Диданов Мухаммед – 30 лет, вдов, на иждивении 1 душа, беспартийный, из бывших узденей, неграмотный, середняк, занятие – хлебопашество.

Кармов Тру – 35 лет, женат, на иждивении 7 душ, беспартийный, из бывших дворян, неграмотный, хозяйство бедняцкое, имущество национализировано как помещичье, занятие – хлебопашество.

Коцев Лукман – 61 год, женат, 8 душ семьи, беспартийный, из бывших узденей, неграмотный, зажиточный, занятие – хлебопашество.

Коцев Пата – 19 лет, холост, на иждивении 2 души, беспартийный, из бывших князей, неграмотный, имущество национализировано как помещичье, занятие – хлебопашество.

Коцев Таусултан – 38 лет, женат, на иждивении 7 душ семьи, беспартийный, из бывших узденей, неграмотный, имущественное положение – бедняцкое, имущество национализировано как помещичье, занятие – хлебопашество.

Маломатов Темир – 60 лет, женат, на иждивении 1 душа, беспартийный, из крестьян, неграмотный, бедняк, в прошлом – зажиточный, лишен права голоса как участник белой армии, занятие – хлебопашество.

Тавкешев Адалгерй – 75 лет, женат, на иждивении 4 души, беспартийный, из бывших узденей, лишен права голоса, неграмотный, имущество – бедняцкое, имущество конфисковано как помещичье, бывший коннозаводчик.

Тавкешев Хапита – 64 года, женат, на иждивении 1 человек, беспартийный, из бывших князей, теперь по имущественному положению бедняк, лишен права голоса, имущество национализировано как помещичье, занятие – хлебопашество.

Тавкешев Эльмурза – 43 года, женат, на иждивении 5 душ, беспартийный, из бывших князей, образование – среднее, имущество – бедняцкое, занятие – писмоводство.

Татроков Зази – 28 лет, женат, 4 души семьи, беспартийный, из бывших узденей, неграмотный, зажиточный, занятие – хлебопашество.

Урусамбетов Инал – 37 лет, женат, на иждивении 4 души, беспартийный, из бывших узденей, малограмотный, имущество национализировано, занятие – хлебопашество.

Шухостанов Лукман – 58 лет, женат, на иждивении 4 души, беспартийный, из бывших узденей, неграмотный, лишен права голоса, середняк, занятие – хлебопашество.

Обстоятельства же их «преступления» таковы. Обратимся к обвинительному заключению, заранее извиняясь за стиль и слог, которые не редактировались дабы сохранить дыхание времени. Начинается оно с занимательной политической преамбулы: «Селение Сармаково Нагорного округа, откуда происходят обвиняемые по настоящему делу, издавна значилось селением с большим количеством княжеско-дворянской и привилегированно-узденской прослойки, каковая до революции отличалась самым безобразным образом жизни – постоянные пьянство, разврат, грабеж. Естественно, для своих необузданных потребностей изыскивала (прослойка, надо понимать) средства путем жестокой эксплуатации бедного крестьянства, каковое вплоть до 1917 года, благодаря указанным феодальным определением жизни названного селения, являлось предметом надругательств, обид в личной жизни бедного крестьянина, как примерно: принужденное сожительство жены бедняка с каким-нибудь дворянином».

Четко и однозначно: с одной стороны князь-дворяне с их необузданными потребностями, с другой – бедные крестьяне, коих постоянно обижают, а с женами сожительствуют. Понятно, что при таком раскладе жить невтерпёж. Тем более что угнетатели давят не только морально, но и экономически: «Экономическое положение беднейшего населения было самое незавидное, т. к. ему почти целую неделю приходилось работать на дворянина без достаточной, а нередко вовсе и без оплаты труда. В первый

период существования Соввласти в Кабарде, в селении Сармаково, сельских органах управления засели бывшие князья и уздени, которые смогли несколько лет подряд сохранять полуфеодально-крепостнические взаимоотношения, задерживать советскую форму землепользования, найм рабочей силы – батраков оставался таким же».

Причины этого на взгляд следствия видятся такими: «В первый период организации Соввласти в органах управления села оказались привилегированные, было еще и то, что они до некоторой степени обладали грамотностью и наряду с темным населением были относительно передовыми». Умиляет пассаж «до некоторой степени» вкупе с «относительно передовыми».

Но продолжим: «С 1923 года обстановка в селении Сармаково резко меняется. В этом году была организована партийная ячейка, обновлен состав сельсоветов и Ковы (комитеты крестьянской общественной взаимопомощи. – *Авт.*), а поэтому бывшие дворяне и уздени от прямого административного руководства отходят, и с этого периода начинают действовать в ущерб Советской власти, путем экономического воздействия на бедноту и маломощное середнячество и путем провокаций и распространения разных провокационных слухов. ...Здесь именно, или вернее с этого периода в селении Сармаково начинается ожесточенная борьба между бедняком-середняком и кулаком. Так проводившееся в 1926 г. межселенное землеустройство встретило сильный отпор кулачества, которое этим теряло большие участки земель, арендованные ими в других селениях.

В 1927 г. в селении Сармаково начинают организовываться коллективы по совместной обработке земли и проводится внутрисельское землеустройство. И здесь зажиточная часть селения, руководимая бывшими дворянами и муллами, кроме открытого противодействия начала создавать против этих вопросов разные на первый взгляд нелепые басни вроде, что организации коллективов имеют в виду коммунизацию населения, полную «коллективную сеть» семейной жизни и т. д. Несмотря на очевидную нелепость, зажиточная прослойка этими мотивами сильно тормозила организацию колхозов».

«Разные на первый взгляд нелепые басни» – косноязычие в подобно-го рода обвинительных заключениях в порядке вещей, но куда страшнее коснознание, выразимся так, отличающее эти документы: «Особенно актуальной борьба начинает быть с начала 1928 г. в период проводившихся кампаний по хлебозаготовкам, самообложению, когда не в пример прошлым годам вся тяжесть этих кампаний естественно была возложена на кулаков и, здесь, кулаки от методов воздействия через религию и открытого противодействия на сходах и т. д. переходят к организации контрре-

волюционных группировок, которые ставят себе уже цель не противодействие мероприятиям Соввласти, а свержение таковой и восстановление владычества шариата.

В селении Сармаково, исходя именно из указанных моментов, в январе 1928 г. и организовалась антисоветская группировка лиц, проходящих по настоящему делу. Сначала методы ее работы определялись вербовкой отдельных крестьян на свою сторону и распространением провокационных слухов о голоде, войне и т. п. В июне 1928 года в Баксанском округе КБАО крестьяне, подстрекаемые кулаками и мусдуховенством, произвели выступление против Соввласти, и здесь Сармаковская контрреволюционная группировка получает удобный момент выдвинуть лозунг «Свержение Соввласти, изгнание коммунистов, восстановление шариата». Исходя из последнего, отделом ОГПУ 25 июня 1928 г. и возбуждено уголовное дело против перечисленных в начале сего постановления лиц».

Но есть один нюанс, который нам известен сегодня: не было никакой группировки как таковой, а были люди, недовольные новой властью, тем, что она отбирает у них практически последнее, обрекая на голодную жизнь и последующую смерть. Особенно недовольство это усилилось в начале 1928 года, когда руководством страны было решено форсировать коллективизацию с целью безвозмездного получения хлеба через обязательные поставки. На состоявшемся в декабре 1927 года XV съезде ВКП(б), названном впоследствии «съездом коллективизации», было принято решение о переходе к политике наступления на кулачество, в котором Сталин видел первейших противников советской власти, в первую очередь виновных в поразившем страну хлебозаготовительном кризисе. Последний же, в свою очередь, обострил социальные конфликты в городе и в деревне. Применение мер насилия по отношению к крестьянским массам не заставило себя ждать...

Из показаний Лукмана Коцева: «В январе в нашем селении был сход, он затянулся до позднего вечера и вот мы шли как-то группкой и решили зайти ко мне в дом, более развязано обсудить стоящие вопросы на сходе о хлебозаготовках и самообложении».

Шел разговор о размере этого самообложения, ставшего еще одним дополнительным видом поборов власти. Но скорее всего тот разговор так бы и остался разговором, но тут подошло время коллективизации: «Второе совещание у нас было при начале весенней посевной кампании, в доме Коцева Таусултана, где было договорено всеми силами противиться организации колхозов, так как говорили, что колхозам будут давать самые лучшие участки, поэтому, при наличии вновь организовавшихся 5–6 коллективов, могла быть общая перерезка земли».

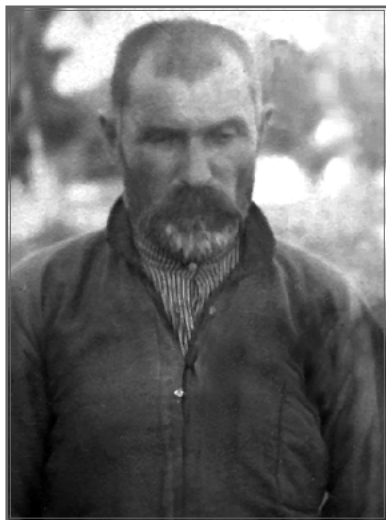
А вот что об этом так называемом совещании говорил обвиняемый Кериб Балов: «Не знаю, можно ли назвать это совещание антисоветских людей в доме Коцева Лукмана, думаю, что нет, ибо, во-первых, себя не считаю таковым, и думаю, что и другие скажут, что антисоветского ничего не делал. Но действительно, прошлой зимой, не помню числа и месяца, но приблизительно в феврале, я пошел в дом Коцева Лукмана попросить лошадей и свезти хлеб на мельницу, а там застал несколько сельчан (следует 11 фамилий). При мне Урусмамбетов сказал, наши сельские коммунисты очень плохо делают, что не разрешают открывать духовную школу – медресе, раз мы платим налоги, самообложение, то надо всеми силами и средствами сделать так, чтобы власти делали то, что мы желаем. Надо потребовать денег на ремонт мечети или поставить вопрос о сходке, о том, что мы не будем платить самообложение».

Вот вам и закономерный переход от земного к духовному. Власть решила вести наступление по всем фронтам, в том числе и на веру. Лукман Коцев свидетельствует: «Третье совещание было в доме Тавкешева Хапита, где обсуждался вопрос о закрытии в 4-м квартале нашего селения мечети. Нами решено каждому уговаривать религиозных крестьян противиться закрытию мечети, при этом также решено было говорить крестьянам, что местные власти хотят закрыть все мечети и запретить веровать в религию. Как раз к этому моменту нам стало известно, что в селении организовываются детские ясли, и Тавкешев Адальгери предложил распустить слух, что детей забирают, чтобы воспитать из них коммунистов. О том, что детей будут отбирать для отправки в Китай, на наших совещаниях не говорилось, и если это имело место после, то, вероятно, прибавлял каждый от себя. Последнее совещание было 8 июня сего года, когда говорили снова о мечети и решили поручить Тавкешевым открыть ночью мечеть и между религиозными создать мнение, что сам Аллах противится закрытию мечети».

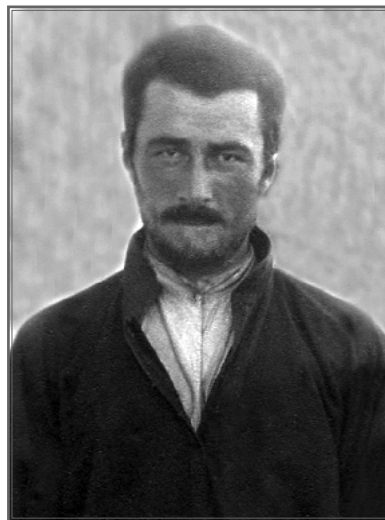
Далее Лукман Коцев сообщает, что «на наших совещаниях ни один раз не ставился вопрос о том, что надо захватить власть в свои руки, убивать коммунистов», выражает уверенность, что его «и всех остальных, как неосознательных, пролетарский суд пощадит», что в баксанских событиях – «шестии 12 июня на Кызбурун II и в наступлении на Баксанский окрисполком» он не участвовал.

Вот и объяснение того, с какой целью группа недовольных сармаковцев была представлена как контрреволюционная группировка – баксанское восстание 1928 года: первое и наиболее серьезное вооруженное восстание крестьян Кабардино-Балкарии. Детали его достаточно подробно изложены в ряде публикаций, в частности, работе «Кровавое лето 1928-го» Гумара Дзюева¹, к которой и отсылаем всех интересующихся.

¹ Без права на обжалование. Нальчик: Эльбрус, 2012.

Коцев Лукман

Коцев Таусултан

Фотографии из дела. Коцев Пата (анфас-профиль)

Вернемся к сармаковской контрреволюционной группировке. Доказательствами вины в деле служат только показания свидетелей. Обвиняемые друг против друга не свидетельствуют. И это удивительно, так как способов принуждения у чекистов было предостаточно.

Свидетель Гуганжев: «Спустя 2–3 дня после Баксанского восстания Татроков Зази собрал вокруг себя группу крестьян около 40–50 человек, упрекал их в том, что они не верили теперь сбывшимся его предсказаниям о том, что будут отбирать хлеб, детей и закрывать мечети. Детей будут забирать для отправки на съедение китайским коммунистам, в Баксане уже началась борьба с насилиями коммунистов, эту борьбу надо поддержать силами населения Сармаково».

Свидетель Лигидов: «Недели за три до Баксанского восстания, в праздник, Тавкешев Хапита собрал на пригорке около 20 человек крестьян и говорил им, что, наверное, подходит конец издевательствам Соввласти; если не прекратят хлебозаготовки, будут волнения крестьян. Надо понимать, что нас спасет лишь та власть, которая будет делать по шариату. Соввласть и предоблисполкома КБАО Калмыков продали наших детей Китаю и закрывают все мечети».

Свидетель Жириков: «В период хлебозаготовок нынешнего года Балов распространял в группе крестьян слухи, что будет голод и что хлеб отвозят за границу для выплаты долгов. Во время баксанских событий он же при мне группе крестьян говорил, что нужно воспользоваться Баксанским восстанием и восстановить шариат, для этого все почетные люди селения организовали, по его словам, штаб, который будет руководить восстанием сармаковцев».

Свидетель Хашкулов: «Коцев Таусултан во время заготовительной кампании в толпе крестьян, шедших со схода, говорил: «Никаких хлебозаготовок принимать мы не должны, нашим хлебом коммунисты отдают кому-то долги». Во время Баксанского восстания он с Тавкешевым Хапита возле двора Тавкешева Эльмурзы в толпе сказал, чтобы наши труды не пропали даром, необходимо всем организованно разбить коммунистов в Сармаково и двинуться на помощь баксанцам. Присутствующие с удовольствием одобряли его слова. Тавкешев заметил меня в толпе и толкнул Коцева, что, мол, присутствует коммунист. Коцев не смутился и закричал: «Долой коммунистов, да здравствует шариат». Я видел возбужденное настроение толпы – вынужден был скрыться. После Баксанского восстания Коцев в толпе говорил, что будут забирать весь хлеб, детей, закрывать мечети, при коммунистах никакой жизни не будет. Мусульманам надо добиваться установления шариата».

А вот и аргументированный ответ на эти обвинения Коцева: «Я не скрываю, что первые годы был недоволен Соввластью, так как она у меня за-

брала имущество. Но теперь я примирился. Действительно, в моем доме, точно не помню числа, но это было в феврале, в праздничное время, пришел мой родственник Коцев Лукман и знакомые: Тавкешевы Хапита и Эльмурза, Виндижев Кучук и Тхамдоков, где между разговоров чисто хозяйственных Тавкешев Эльмурза сказал: «Выполнили январский план, а теперь надо выполнять февральский и так бесконечно». Когда об этом разговор зашел, я тоже присоединился ко всем, чтобы на сходке выяснить точное количество требуемого хлеба от селения, имея в виду возможность желания местных властей выслужиться перед округом и больше взять, чем требуется. В таком только духе я говорил нескольким крестьянам, без всякой мысли, чтобы сделать плохое для Соввласти».

Свидетель Калов: «9 июня вечером я проходил возле мечети 2-го квартала, увидел толпу около десяти человек, где Балов Магомет говорил, что в Кабарде необходимо организовать поход против Соввласти, который надо поддержать всем, дабы изгнать насильников, которые доходят до того, что начинают отбирать детей; в Сармаково закрыли мечеть и это помещение готовят для детей. А потом их отправят в Китай, на съедение китайским коммунистам».

Свидетель Аджук: «Маломатов Темир спустя 5–6 дней после Баксанского восстания, вечером, возле мечети 4-го квартала в группе крестьян 50–60 человек упрекал их, что селение допустило до того, что коммунисты забрали весь хлеб, забирают детей и закрывают мечети».

Свидетель Малаев: «Виндижев при мне несколько раз в группах крестьян говорил, что Соввласть отбирает последний кусок хлеба, насильно закрывает мечети, топчет ногами религию, что не надо землеустраиваться, т. к. тогда соберут в одно место бедняков, которые ничего не смогут сделать с землей. Пусть будет как теперь: рядом земля зажиточного, и последний помогает бедняку. Что отбирают насильно детей от родных и будут из них воспитывать коммунистов».

Свидетель Кушханов: «Тавкешев Адильгери после постановления общего схода о закрытии мечети, в тот же день в толпе кричал, что его предупреждения сбылись, что завтра будут собирать детей для отправки в Китай – я испугался таких слов, пошел в исполком и когда там только разъяснили, тогда я успокоился. Когда арестовали первый раз Тавкешева, на второй день после Баксанского восстания и освободили с округа, он говорил, что их отпустили, т. к. в Нальчике все коммунисты разбежались, вся Россия восстала и если сармаковцы не восстанут, их уничтожат».

Свидетель Хатажук: «24 июня вечером мы с Казаковым в нижнем квартале возле мельницы заметили в темноте кучку людей, о чем-то тихо разговаривающих. Потихоньку подошли очень близко и из-за плетня и

строений увидели следующих односельчан, которым Бенкан Нартоков (в списке обвиняемых такого нет. – *Авт.*) говорил: «Давайте проведем агитацию, что восстание еще не подавлено; во всех селениях Кабарды и Балкарии готовятся к решительному бою с коммунистами, т. к. Соввласть скоро падет, нам, магометанам, после того, как начинают отбирать и закрывать мечети, приходится только восставать».

И очень важный момент: «Здесь у них произошел спор относительно того, как говорить между крестьянами, что будут отбирать детей для отправки в Китай или что из них воспитывать будут коммунистов, и решили на первом». Вот вам и истоки слуха о том, что китайские коммунисты большие любители отведать кабардинских детей.

Напомним, что обвинительное заключение сармаковского дела построено только на свидетельских показаниях – голословных, невнятных. Более тридцати свидетелей повторяют одно и то же, переливая из пустого в порожнее, а следствие из этой болтовни делает вывод о создании и функционировании грандиозной контрреволюционной группировки, проводившей долговременную и целенаправленную агитацию против советской власти. И вовсе не случайно, что никто из обвиняемых, даже под давлением, свою вину так и не признал. Тем не менее все они – граждане селения Сармаково Нагорного округа Кабардино-Балкарской автономной области, основным занятием которых было хлебопашество, признаны виновными в:

- 1) противодействии хлебозаготовкам, самообложению, посевной кампании, организации коллективных хозяйств;
- 2) в распространении ложных слухов о войне, голоде, отборе детей для отправки в Китай, закрытии всех мечетей;
- 3) в призывах восстать против Советской власти, производить террористические акты над ответственными работниками-коммунистами, восстановить шариат.

Все осуждены по пресловутой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, содержащей общее понятие контрреволюционного преступления, коим признавалось «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими ...рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных или автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

Все – по 10-му примечанию: контрреволюционная пропаганда и агитация. Все впоследствии реабилитированы.

СПЕКТАКЛЬ ПОД НАЗВАНИЕМ ЖИЗНЬ...

В 1935 году при Государственном институте театрального искусства им. А. В. Луначарского были открыты кабардинская и балкарская студии. 29 июня 1940 года состоялся торжественный выпуск актерского факультета, на котором с творческими рапортами выступили выпускники кабардинцы (28 юношей и девушек) и балкарцы (их было 30). Именно из них был создан Кабардино-Балкарский государственный драматический театр с двумя труппами. Уже в августе началась подготовка к первому театральному сезону.

Кабардинская труппа готовила к его открытию (оно проходило два дня – 26 и 27 октября 1940 года) пьесы Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро», А. Н. Островского «Таланты и поклонники», З. Кардангушева «Каншоуби и Гошагаг».

Почему в репертуар включили именно «Женитьбу Фигаро», находим ответ у кабардинского драматурга и искусствоведа Аскерби Шортанова: «...Развить у молодых артистов такие качества, как гибкость, изящество, остроумие, веселость, и сделать это на базе глубокого реализма»; «обнаружить у актеров-студийцев прирожденные особенности кабардинского характера и через это нащупывать типические черты национальной формы театра».

Известно, что во время эвакуации в Нальчик «Женитьбу Фигаро» посмотрел знаменитый театральный деятель Владимир Иванович Немирович-Данченко. 21 сентября 1941 года он (в письме к художественному руководителю кабардинской труппы А. А. Ефремову) поделился своими впечатлениями: «Не ожидал, что встречу в Нальчике такую школу, такое хорошее направление реального искусства: просто, искренно, с хорошим поведением на сцене; то есть точный и уверенный объект, ясная задача, неплохой жест, хороший темп.

Главное – общий тон спектакля. Тут и заражающая любовь к делу, и верно схваченное ощущение автора».

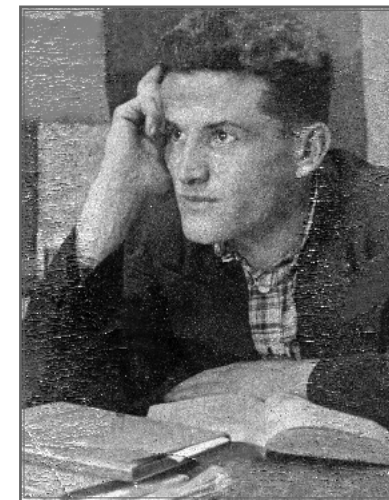
Пройдоху Фигаро в том спектакле с блеском сыграл Мухарби Сонов, впоследствии народный артист РСФСР. Но был еще другой исполнитель, не менее достойно справлявшийся с этой ролью, но не получивший впоследствии никаких званий, так как в день проведения спектакля он находился в ...немецком плену.

Перед нами фотография, на которой сцена из спектакля – чудом сохранившаяся, прошедшая через горнило тяжких испытаний, выпавших на долю ее владельца, она запечатлела счастливые мгновения актерского перевоплощения, радость творчества. Надпись на оборотной стороне снимка гласит: «Кабардинская студия. Сцена у зеркала. Фигаро – Лакунов (стипендиат им. Станиславского). Сюзанна – Кушхова. Художественный руководитель А. А. Ефремов, режиссер Н. В. Пажитков».

Трагичной и печальной оказалась судьба Абдулхазиза Лакунова (1914–1972). В конце августа или начале сентября 1941 года он был мобилизован и отправлен на фронт в эшелоне, формирование которого началось в Нальчике, а продолжилось в Докшукино, Котляревской и Прохладном. Говорить об этом позволяет тот факт, что Абдулхазиз оказался в одном вагоне вместе с выдающимся кабардинским поэтом Али Шогенцуковым. Известно, что последние письма Али датированы 3 сентября – «...Едем в сторону Ростова», 6 сентября – «Прибыли мы в Батайск» и – «Проехали станцию Лозовая».

Далее, со слов Гисы Шибзухова, известно, что 13 сентября эшелон прибыл на станцию Лубное Полтавской области, откуда мобилизованные «пешком направились в колхоз «Золотонош» Оржицкого района». Как выяснилось на следующий день, они, после высадки немецкого десанта, уже находились в окружении. Направившись в сторону Харькова, красноармейцы в районе станции Гребенки 17 сентября попали под бомбежку, а на следующий день – в плен. Далее, пешком, в общей колонне военнопленных – в Конотоп, Гомель, Бобруйск, куда они пришли 29 октября.

Здесь, в Бобруйском концлагере, примерно через месяц (точная дата остается неизвестной) умер Али Шогенцуков. Абдулхазиз был свидетелем его трагической смерти, но когда его, уже после войны, допрашивали сотрудники госбезопасности, сказал, что ничего не знал об этом. Впоследствии своей племяннице Галине (Леле) Браевой (по мужу Тихоновой), со слов которой и ведется наш рассказ, он объяснил это тем, что его показания могли бы способствовать запрещению стихов Али и изъятию его книг.

Абдулхазиз Лакунов в годы учебы в Москве

Сцена из спектакля
«Фигаро»

Рассказ дяди Галина Башировна (ей в прошлом году исполнилось 80 лет) запомнила в таких деталях, что при ее словах сердце леденеет от ужаса. Они как кирпичики дополняют картину гибели поэта, частично приведенные в нашей книге об Али Шогенцукове «Ты создал мир. И он велик»...

Именно смерть Шогенцукова стала одним из стимулов побега Абдулхазиза из концлагеря, который он совершил с двумя товарищами. Один из них был убит при побеге, второй тяжело ранен, как и сам Лакунов. Он рассказывал племяннице, как лежал в поле, не в силах двинуться, а над ним кружили вороны, готовые вот-вот выклевать глаза. И руки уже не поднимались отгонять их, и тело сковывал холод, и смерть была рядом, если бы не мать с дочерью, собиравшие в поле неубранные корнеплоды и наткнувшиеся на раненого.

Вначале он жил в доме нашедших его женщин в Ростовской области (их фамилия была Жуковы), близко сошелся с дочерью хозяйки (ее звали Каля), родившей ему сына. Об этом стало известно значительно позже – из писем Кали.

Когда война закончилась, Абдулхазиз вернулся в Нальчик, одно время скрывался у Браевых, проживавших в Вольном ауле. Галина Башировна рассказывает, что к ним в дом по улице Туристов чуть ли не ежедневно наведывался, а то и бывало часами караулил на улице участковый милиционер и интересовался, не дал ли о себе знать их родственник – дезертир и бандит. А тот все время прятался не в лесу, а на крыше, которая была залита досками и различным хламом.

Естественно, так долго продолжаться не могло, кто-то донес и Абдулхазиза арестовали, осудили по статье за дезертирство. Сейчас уже не восстановить, где он сидел. Но известно, что на поселении находился недале-

ко – в Лашкуте. Ни о каком театре и речи, конечно, не было. На пропитание зарабатывал подсобным трудом: был разнорабочим (известно, что участвовал в возведении памятника Марии, фонтана в Нальчике), плотничал, косил сено, работал завскладом, но нашел себя в пчеловодстве, продолжив тем самым семейную традицию. Пчелами, причем на профессиональном уровне, занимался до конца жизни: пасечником был продвинутым, многознающим, экспериментирующим.

Женился, завел семью. Но рок преследовал и здесь. Старший сын умер в Москве; энцефалит свел в могилу дочь... Живы сыновья – Залим и Салим, с последним из которых мы долго беседовали о его отце.

Абдулхазиз Лакунов скончался в декабре 1972 года, так и не раскрыв даже на малость свой большой актерский талант. В последние годы жизни он поддерживал тесные отношения с кабардинским драматургом Зелимханом Аксировым, с кем его связывали родственные отношения по матери. Тот, случалось, читал ему отрывки из своих пьес, героев которых при чтении, вероятно, Лакунов примерял на себя, прекрасно понимая, что их ему никогда не сыграть.

О том, какие вершины были доступны ему в актерском перевоплощении, остались свидетельства видевших Лакунова на сцене. В «Каншоуби и Гошага», где ему досталась роль Хануко, сына хана, он играл так, что эмоциональные зрители, в чьем восприятии актер слился со своим героем, вскакивали с мест, готовые ринуться на сцену для восстановления справедливости.

Галина Браева рассказывает, что до сих пор дрожь проходит по всему ее телу, когда она вспоминает, как дядя читал ей монолог Барона из пушкинского «Скупого рыцаря»:

Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же – ничему...

Но главным творческим достижением Абдулхазиза Лакунова стала роль Фигаро, испанца из Севильи, ловкого пройдохи и плута, сыгранная им на сцене ГИТИСа...

Абдулхазиз Лакунов на поселении

ДОБРО И СВЕТ

По электронной почте пришло письмо. Из Киева, от Т. Н. Мацапуры. В ходе переписки выяснилось, что Татьяна Николаевна готовит книгу о своей матери (она будет называться «Жизнь в искусстве. Художница В. И. Бура-Мацапура») и просит помочь с атрибутикой рисунков, сделанных в предвоенные годы в Балкарии.

Как Вера Ивановна оказалась в наших местах? Ее пригласил в гости родной брат – К. И. Бурый, работавший в поселке Верхний Баксан директором школы. Имя учителя Константина Ивановича, его вклад в просвещение Кабардино-Балкарии достойны добрых слов и памяти.

Он родился 31 января 1894 года в деревне Бучки Стародубского уезда Черниговской губернии. Отец его – Иван Михайлович Бурый был обедневшим дворянином; мать – Александра Эмильевна Бурая (в девичестве Губерт) происходила из рода графа Александра Михайловича Гудовича. (Гудовичи – малороссийский по происхождению дворянский род, внесенный в родословные книги Черниговской и Московской губерний.)

Детей у супругов Бурых было восемь – по годам рождения: Дмитрий (1891), Константин (1894), Владимир (1896), Николай (1898), Вера (1900), Елена (1904), Александр (1909), Михаил (1912).

О Константине известно следующее: в семь лет поступил в Погарское (Погар – поселок городского типа в Брянской области, один из древнейших населенных пунктов РФ) четырехклассное городское училище, далее учился в Стародубском городском училище, где проявились его задатки к живописи и окрепло желание стать профессиональным художником. В 1910 году он поступает на живописное отделение Киевского художественного училища, находившегося в ведении Петербургской академии художеств. Способности Константина к рисованию были столь велики, что за год он осилил двухлетнюю программу. Глядя на брата, увлеклась рисованием и сестра Вера, учившаяся в подготовительном классе женской гимназии.

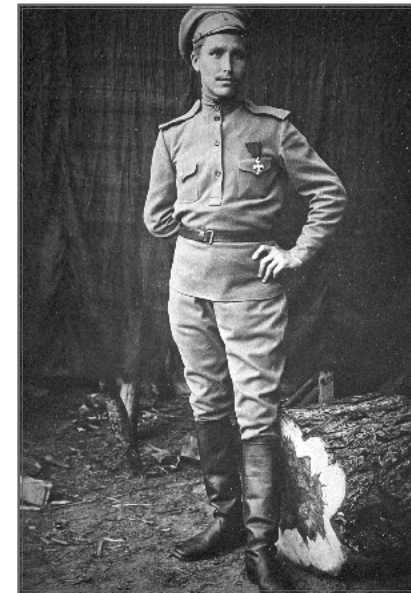
К сожалению, стать профессиональным художником Константину Ивановичу не довелось: он был призван в армию – началась Первая мировая война. О его военных делах известно следующее: получил специальность – разведчик, служил в команде разведчиков 11-й Сибирской дивизии (43-й Сибирский

стрелковый полк). Был награжден Георгиевским крестом 3-й степени, а за пленение во время наступления немецкого штабного офицера с планшетом – Георгиевским крестом 4-й степени.

В ходе применения немецкими войсками иприта (боевого вещества, поражающего глаза, органы дыхания, желудочно-кишечный тракт, кожные покровы) в 1917 году получил серьезное отравление, отчего до конца жизни болел бронхитом, осложнившим его жизнь в старости. Лечился в Москве, в госпитале, что располагался на улице Герцена, выписался, вернулся в армию, снова в том же году оказался в Москве – в так называемой Школе военной маскировки, где оказалось востребовано его умение рисовальщика. Дальше было возвращение в родное селение Бучки, работа учителем рисования. В 1919 году женился на стародубской учительнице начальных классов Ефросинии Михайловне Овсянниковой, через два года родился сын Игорь.

А потом были переезды с места на место – дворянское происхождение для новой власти было своего рода красной тряпкой: работал на строительстве Магнитогорского металлургического завода, учительствовал – в Георгиевском районе Северо-Кавказского края, в Рязанской, Брянской областях... В эти годы в его жизнь входит Анна Евгеньевна Смирнова, ставшая гражданской женой.

Когда отец К.И. Бурого – Иван Михайлович и мать Александра Эмильевна узнали от родственника, члена сельсовета, что их семья подвергнется раскулачиванию, приняли совместное решение уехать на Северный Кавказ. Так Константин Иванович оказался в Кабардино-Балкарии, где работает директором Верхнебаксанской школы, преподает в старших классах историю и географию. В июле 1937 года к нему в гости приезжает сестра Вера, в отличие от брата реализовавшая мечту стать художником. Она проводит лето в горах, делая акварелью и карандашом этюды и наброски

Константин Иванович Бурый. 1915

К. И. Бурый. 1941

будущих картин. Часть из тех работ и включила Татьяна Николаевна в книгу, посвященную своей матери Вере Ивановне Бура-Мацапура. Среди них «Гора Адыр-су утром», «Адыр-су. Вечные ледяные горы», «Начало реки», «Поселок Верхний Баксан», «Старая мельница», «Старец. Джаго Джуртубаев (106 лет)», «Бабушка Жансуий (120 лет)», «Нижний Баксан», «Свиной баз (Тонгуз орун башы)», «Обстановка балкарского дома», «Электромельница», «Водопад».

Вот что вспоминала Вера Ивановна о своем пребывании в Балкарии: «В 1937 году Костя написал мне письмо, в котором пригласил приехать к нему в Феодосию, где он с женой Анной Евгеньевной в это время находился на отдыхе. Мы пробыли вместе неделю-полторы, побывали в Доме-

музее И. К. Айвазовского. Неожиданно я заболела «москиткой» (москитная, она же крымская лихорадка – острое инфекционное заболевание, характеризующееся кратковременной головной и мышечной болью, общей разбитостью. – *Авт.*), и мы с Костей уехали в Белгород, где у брата Володи жила наша мама. Пробыли там пару дней и двинулись на Кавказ. Ехали поездом, с пересадкой. В Нальчике, столице Кабардино-Балкарии, я пошла с Костей в Дом пионеров, чтобы посмотреть, как ведется преподавание в кружках. В вестибюле неожиданно встретила соученика по институту, который там преподавал. Он сказал, что в Педагогическом институте преподает Тося Иванова и Водопьян, с которыми я тоже училась. Я навестила их, они обрадовались, мы долго беседовали.

Потом мы поехали по Баксанскому ущелью в селение Верхний Баксан, где Костя был директором школы. Люди жили в саклях, а школа была новая, кирпичная. В ней готовились к началу занятий, все покрасили масляной краской. Перед школой была разбита клумба, засаженная календулой. В селении Костю любили и уважали, когда он шел по улице, то даже старые люди вставали.

Костя рассказывал такой случай: как-то, будучи в горах, услышал протяжный вой собаки. Подошел, увидел, что животное попало в капкан. Он

освободил собаку. Прошло много времени. Случилось так, что в пустынном месте его окружила стая бродячих собак, настроенных весьма воинственно. Спасения ждать было не от кого, палки под рукой не оказалось, а камнями вряд ли удалось бы отбиться. И тут неожиданно от стаи отделилась одна собака, всем своим видом выражавшая радость. Это оказалась та самая, которую спас из капкана Костя. Остальные, глядя на нее, отступили...

Пока занятия не начались, мы ходили в горы, рисовали, он показывал мне интересные места. Один раз отправились пешком в соседний город Тырныауз за хлебом, где были хлебопекарни для рабочих, которые в горах добывали молибден. Жили мы в здании школы. Костя преподавал в старших классах. Один из учеников там был очень способный и Костя называл его «алтын баш», по-балкарски – «золотая голова». Он привлекал его к раскопкам, которые вел вместе с учителями; говорил, что готовит первого балкарского археолога.

Относительно раскопок, надо сказать, что Константин Иванович был вовсе не дилетант в этом деле. В книге А. М. Луферова «Погар» есть глава «Жил такой человек», посвященная К. И. Бурому. В ней читаем: «С 1922 года он активно увлекся собиранием фольклора в округе, участвовал в раскопках курганов, посылал археологические находки в Московский исторический музей. В его тетради, например, есть такая запись: «...Интерес представляет городище в селе Синине – двойной ров, два вала к реке на 35 метров. Видимо, была крепость. Надо исследовать». Долгое время он состоял корреспондентом этнографического отделения Украинской Академии наук. Там хранятся собранные им в Погаре и селах песни, колядки, обряды... Многие его материалы хранятся в архиве Географического общества Ленинграда, членом которого он состоял несколько лет».

Вернемся к поездке Веры Ивановны в Верхний Баксан. Вот что рассказывает ее дочь Татьяна Николаевна: «Мама пробыла у Константина Ивановича все лето и начало сентября, уехала, когда уже начались занятия в школе. Сохранилось много рисунков, сделанных в Баксанском ущелье: портреты стариков, натюрморты, пейзажи. Как-то она задержалась в ущелье Адыр-су. Там был в сосновом лесу альпинистский лагерь, разбитый представителями Днепропетровска. Мама рисовала и не заметила, как стала надвигаться гроза. И тут к ней подошел горец и спросил: «Твой карандаш – Гонстантин?» («карандаш» – по-балкарски «брат»). Он отвел маму в кош, возведенный на летних пастбищах, где она и переночевала. Звали его Адымей Джаппуев».

А Анна Ивановна, свекровь Татьяны Николаевны, запомнила следующее: «Константин Иванович рассказывал, как он в первый раз устроил в школе новогоднюю елку. Местное население были магометане и никогда о

Ибрагим Боттаев, один из учеников
К. И. Бурого

таким празднике не слышали. Константин Иванович заранее купил елочные игрушки, подготовил с учащимися концерт. За елкой дело не стало – их росло здесь множество. Пришло на праздник много народу – ученики с родителями, все прошло чинно, хорошо, балкарцам очень понравилось. Но после окончания праздника все кинулись к елке и разобрали висевшие украшения. Пришлось Константину Ивановичу объяснять суть праздника, но елочные игрушки он так и не попросил вернуть.

Мама также рассказывала, со слов брата, что в 1939 году стенная газета, выходившая в Верхнебаксанской школе, была признана лучшей в республиканском конкурсе. Директора школы направили в Москву на Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ) представлять автономную республику. Стенгазета заняла седьмое место по

стране, республике по этому поводу выделили автомобиль, а местные власти Константина Ивановича наградили бараном. Мама очень сожалела, что не удалось встретиться с братом на ВДНХ – ее, как художника-графика, также направили в Москву – оформлять павильон Украинской ССР».

А потом началась Великая Отечественная война. К. И. Бурый был освобожден от воинской повинности по причине контузии, полученной во время Первой мировой войны: у него была перебита барабанная перепонка и он ничего не слышал на правое ухо. Осенью 1942 года, во время оккупации Кабардино-Балкарии, кто-то предупредил Константина Ивановича, что его фамилия значится в списках, подготовленных для немцев. Директор вместе с семьей поднялся высоко в горы – балкарцы выбрали для него надежное укрытие, всячески заботились, отвечая искренней заботой за добро и свет знаний.

Известно, что К. И. Бурый был награжден знаком «Отличник народного просвещения РСФСР», после Верхнего Баксана работал в 1944 году в школе селения Урожайное.

Но проблемы со здоровьем давали о себе знать постоянно – застарелый бронхит, приобретенный порок сердца осложнились малярией.

К. И. Бурый в школе сел. Верхний Баксан. 1975

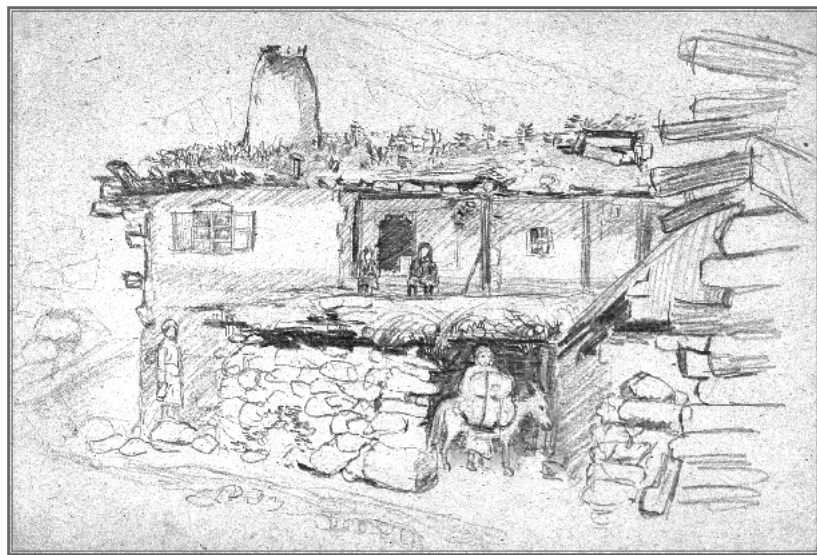

К. И. Бурый в мастерской

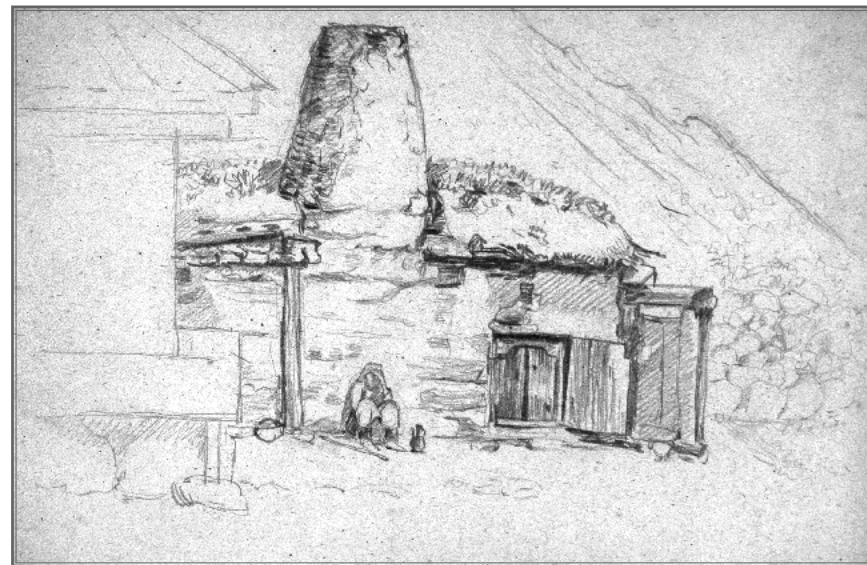
Климат надо было срочно менять. Так оказался в городке Чернь Тульской области, где жил брат Михаил. С 1949-го по 1957 год он снова в Погаре, заведует педагогическим кабинетом; награждается орденом Красного Знамени, а потом и орденом Ленина. Последние годы жил в Гомеле. Было много проблем: умерла жена, мучили болезни, бытовая неустроенность и безденежье. В сентябре 1982 года он принял непростое для себя решение: «Пока я в здравии и уме – решил устроиться на постоянное жительство в Дуяновский дом-интернат под Гомелем. Вот так меняется у меня жизнь. Уверен, что это лучший для меня выход». 14 января 1985 года К. И. Бурый умер. Но до этого была еще одна встреча со ставшей ему родной Кабардино-Балкарией. В октябре 1975 года Константин Иванович побывал в Верхнем Баксане, где «его бывшие ученики тепло встретили любимого учителя – стоя на коленях, целовали ему руки, благодарили за полученные знания и воспитание, а по его щекам текли слезы»... Эти заковыченные строки взяты из воспоминаний заслуженного учителя РСФСР Раисы Заурбековны Хаджиевой, более двадцати лет проработавшей в верхнебаксанской школе.

Вот такую добрую память оставил о себе Константин Иванович Бурый – учитель, историк, художник, географ, краевед, этнограф...

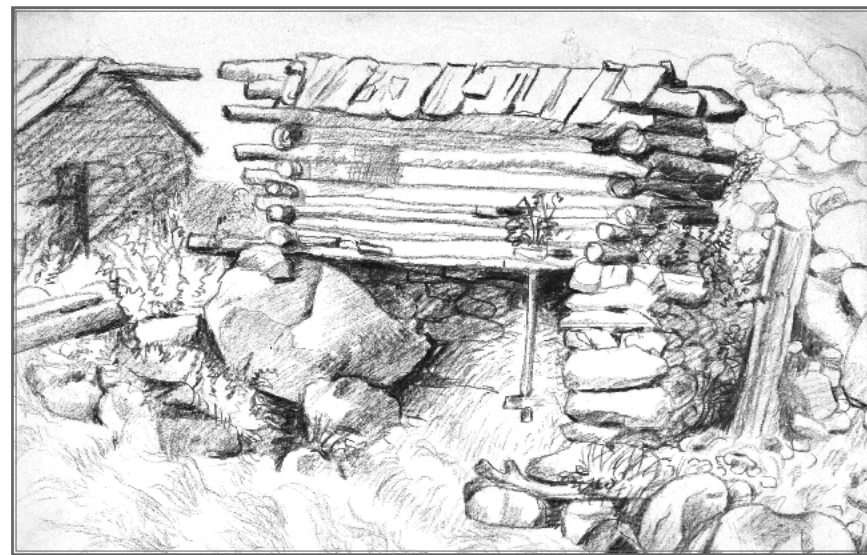
А вот рисунки и акварели Веры Ивановны Бура-Мацапура, сделанные ею в Верхнем Баксане летом-осенью 1937 года.

Осел возле сакли. Набросок. Бумага, карандаш

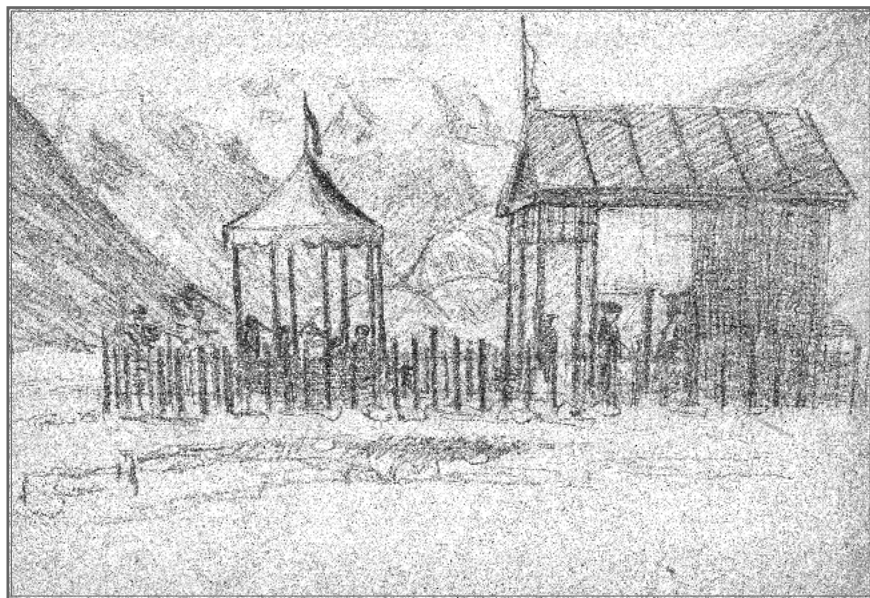
Сакля. Набросок. Бумага, карандаш

Старая мельница. Бумага, карандаш

Балкарка (130 лет) с мальчиком. набросок. бумага, карандаш

Балкария. В горах. (Неизвестное строение). бумага, карандаш

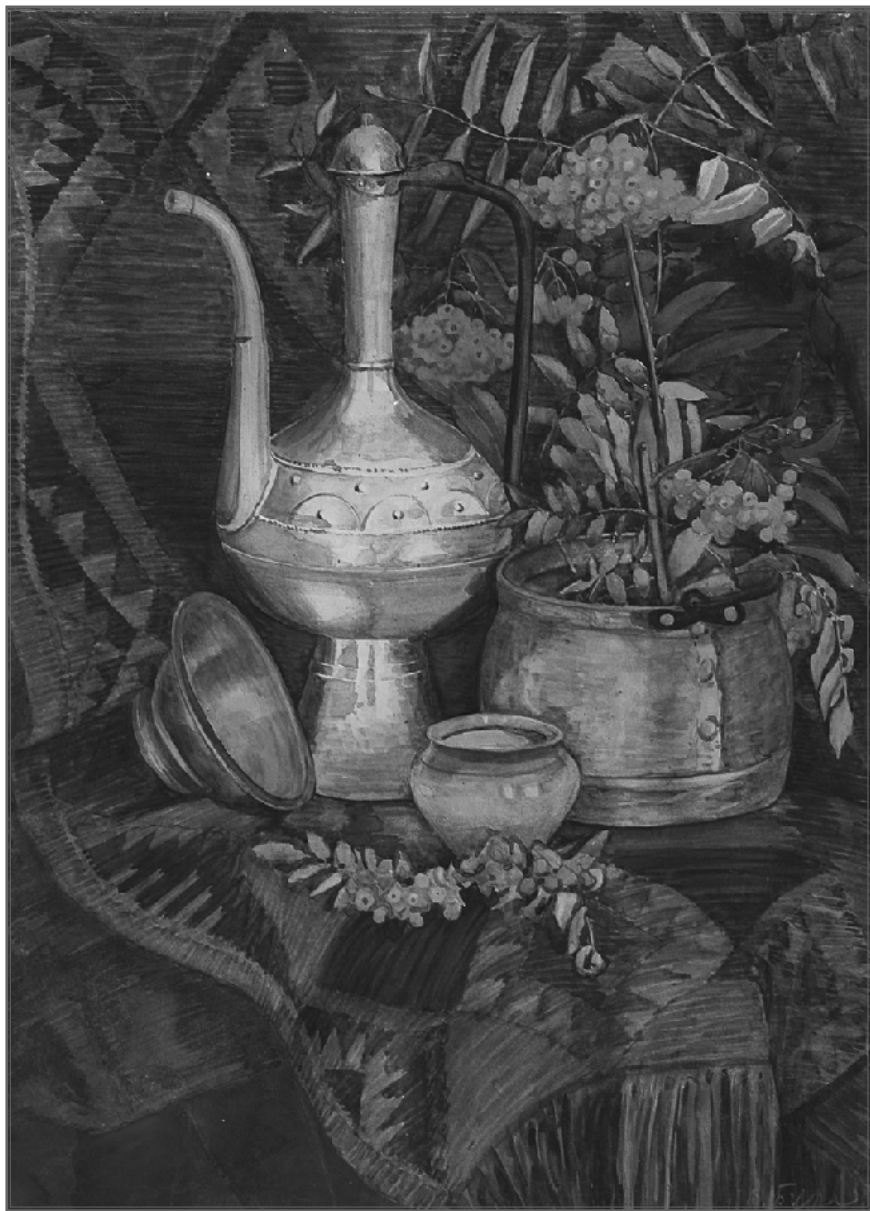
Старик Джаго Джуртубаев (106 лет).
набросок. бумага, карандаш

Бабушка Жансуй (120 лет). набросок.
бумага, карандаш

Бабушка Каракаш. набросок. бумага, карандаш

Кавказский натюрморт. Бумага, акварель

Старинный дом. Бумага, акварель, карандаш

УШЕДШИЕ БЕССЛЕДНО...

Уже больше десяти лет мы собираем иллюстративный материал для проекта «Кабарда: гордость Кавказа, вольности щит». Собираем буквально по снимочку-другому, так как архив дореволюционных фотографий, особенно княжеских и дворянских родов, понес в годы советской власти невосполнимый урон. Репрессивные органы изымали их и уничтожали безжалостно, да и сами владельцы снимков, понимая, какую опасность для них представляют эти немые свидетели прошлого, прятали карточки: кто на чердак, кто в землю, а кто и просто сжигал от греха подальше.

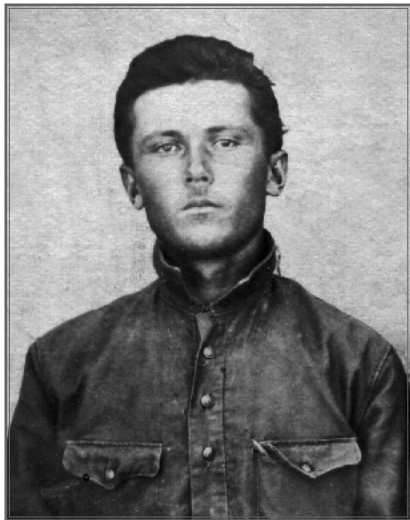
Понятно, с каким трепетом мы относимся к каждой новой находке. И вдвойне объяснимы те радость и удивление, которые испытали мы при виде того, что принесла в издательство нальчанка Ф. С. Кожокова. Несколько десятков фотографий, запечатлевших лица представителей кабардинских родов – Кожоковых, Чемазоковых, Анзоровых, Тамбиевых, Шипшевых, Тавкешевых, Куденетовых...

Фатима Султановна долгие годы хранила бесценное богатство, никому не сообщая о нем, но случилось так, что об этом узнала ее дальняя родственница Людмила Абазова, ныне живущая в Москве. Люда – поборник родной истории, многое делает по ее сохранению и популяризации. Благодаря ей и состоялась наша встреча с владелицей семейного фотоальбома.

Кита Тавкешева, Дыгана Аюбовна Чемазокова. Ок. 1930 г.

< Нану Кожоков (*сидит*), стоят (*слева направо*): Кожоковы Фаризат, Магомет-Гери Пшемахович и Жаншир Пшемаховна

Султан Кожиков

58-10 к заключению в концлагерь сроком на пять лет. Вскоре его родных (в 1935 году) сослали в Меркенский район Джамбульской области Казахстана – место, которое спустя десять лет примет многих депортированных балкарцев.

Мама Фатимы Султановны – Дыгана Чемазокова, 1914 года рождения, тоже была из дворянской семьи, проживавшей в Нижнем Куркужине. В 1931 году ее брата Жемалдина (по документам НКВД Жамалю Аюбовича) арестовали все по той же пресловутой 58-10 и в мае приговорили к расстрелу. У Дыганы после известия о смерти брата отнялись ноги, а для семьи Чемазоковых начались тяжкие времена – последовала высылка в Томскую область. Большую часть площади этих мест, как известно, занимают леса. В тайге, в прямом смысле этого слова, Чемазоковы и жили в первое время – Дыгана рассказывала дочери, что спать им было негде и ночевали они в снегу, в вырытых норах. А ее, обезноженную, положили под навесом у соседей, так как никто не верил, что она поднимется. Выжила, в том числе и благодаря милостине, подаваемой сердобольными людьми. Поднялась, но еще какое-то время скрывалась от властей, в чем ей помогал ее дядя Лукман Хуранов, также высланный: по ночам она жила в доме, где он обитал,

Жизнь семьи Кожиковых, самой Фатимы Султановны – это слепок эпохи, сложного, жестокого и беспощадного времени тридцатых-пятидесятых годов прошлого века. На свет она появилась в Буйнакске. Причина, по которой ее отец Султан Пшемахович Кожиков, родившийся в 1909 году в Кожиково (Къуэжыкъуей), ставшем в 1920 году Жемталой, оказался в этом дагестанском городе, характерна для многих кабардинских дворянских семей – думал найти убежище от репрессий советской власти, объявившей смертельный бой дворянству как классу. В первый раз его арестовали в 1931 году, обвинив в контрреволюционной пропаганде и агитации – осудили по печально знаменитой статье

Семья Пшемахо Мусовича Кожикова. Анзор Пшемахович, Магомет-Гери Пшемахович, Жан Мусовна (в замужестве Бабугова), Госис Кожикова (урожденная Тамбиева), Фатимат Тусмаховна, Гетегаж Бабугов (сын Жан), Ляухан Кожикова, сосед

Султан Пшемахович Кожиков, Ляухан Пшемаховна Кожикова, Исмаил (Хажисмель) Пшемахович Кожиков, Маруся Лелевна Кудашева, Сакинат Тамбиева, Фатимат Пшемаховна Кожикова

а днем пряталась в овраге, где хозяйничали шакалы. Шакалий вой на всю жизнь застыл в ее ушах. В 1935 году муж ее двоюродной сестры Кулины Даутоковой (в девичестве Коновой), направлявшийся после окончания ссылки в Дагестан, заехал к ним и сестра попросила его взять Дыгану с собой.

Судьба распорядилась, что Султан Кожоков и Дыгана Чемазокова встретились на дагестанской земле, а на свет 25 мая 1937 года появилась Фатима. Но счастье молодой семьи было совсем мимолетным: 7 ноября того же года Султана, работавшего экспедитором базы Центроспирта в Буйнакске, вновь арестовали. На этот раз обвинение в «антисоветской агитации» завершилось постановлением тройки НКВД и расстрелом: приговор был вынесен 26 ноября 1937 года, а на следующий день приведен в исполнение.

Так и осталась Фатима единственным ребенком в семье, сполна познав в младенческом возрасте, что значит принадлежать к семье врага народа – ее вместе с матерью выслали из Дагестана практически в том, в чем они были: без домашнего скарба, с минимальным набором личных вещей. Впрочем, последних Дыгана Кожокова просто не успела нажить.

Они приехали в Казахстан 30 марта 1939 года. Снег лежал до колен. Местные жители говорили, что такого снежного покрова они лет пятьдесят не видели. Жильем для семьи стал навес для лошадей, покрытый камышами. С первых дней все высланные стали работать на полях. Особенно тяжело приходилось Дыгане – от пережитого за последние годы ее, молодую женщину 25 лет, мучили постоянные головные боли, доводившие до состояния крайнего иступления. Работать было невозможно, но и не работать тоже, поэтому, как и ранее в Томской области, приходилось скрываться от начальства, не знающего к высланным никакого снисхождения.

Жили у родственников отца, высланных ранее в Казахстан. Со временем привыкли, построили саманный дом – один на две семьи. Две женщины – бабушка Фатимы Госис и сестра ее деда Жан – поднимали девять детей. И у каждого из них, начиная с самого малого, были свои обязанности, которые исполнялись добросовестнейшим образом: девочки, в частности, шили, готовили, стирали – одним словом, выполняли всю работу по хозяйству. По вечерам (темнело в тех местах рано, а электричества не было) взрослые собирались за длинным столом. Звучала старая гармоника, под которую пели гыбзэ (песня-плач), молились и вспоминали прошлое.

Именно тогда Фатима узнала, какими множественными нитями связана она с Кабардой, проживающими в ней родами. Ее прабабушка Жан, мать деда, – Анзорова, двоюродная сестра генерал-майора Мудара Анзорова. Бабушка Госис, мать отца, – Тамбиева. Мать бабушки – Шипшева, сестра генерал-лейтенанта Темиркана Шипшева. Мать ее матери – Тавкешева. Сестра маминого отца Абух была замужем за Коновым. Бабушка Тамбиева –

Хани Куденетова, Дыгана Аюбовна Чемазокова. Ок. 1930 г. >

за Куденетовым, а ее родная сестра по матери Хамбикер замужем за Кайсыном Анзоровым, братом Мудара Анзорова. Имена эти были настолько знаковыми, насколько и опасными – в советские времена не только за принадлежность к ним, но даже за произношение вслух можно было пострадать. И поэтому, когда воспоминания уводили женщин достаточно далеко, вдруг кто-нибудь замечал интерес ребенка и звучала фраза, которую Фатима запомнила на всю жизнь: «Кошка слушает, остановитесь!». Под «кошкой» подразумевалась девочка, то есть Фатима, которая в силу своего малолетства могла поделиться услышанным с кем-то из соседских детей, а те в свою очередь – рассказать взрослым.

А потом сталинские времена закончились, последовала реабилитация, но не все Кожоковы захотели вернуться на родину. Магомет-Гери, брат отца Фатимы, выпускник Нальчикского реального училища, работавший в Казахстане главным бухгалтером, а впоследствии переехавший в Киргизию, говорил, что ему гордость не позволяет возвращаться туда, откуда его выгнали. Магомет-Гери похоронен на кладбище во Фрунзе, Дыгана, мама Фатимы, обрела последний приют в Нальчике. Сюда же, на родину, вернулась в 1970 году, после окончания Киргизского медицинского института, и сама Фатима. Вышла замуж, работала (ушла на пенсию совсем недавно, в начале 2000-х) в городской инфекционной больнице – детским врачом-инфекционистом. И все эти годы как зеницу ока хранила альбом с заветными фотографиями. Корит себя только за то, что несколько из них отдала Хасану Сукунову для его издания «Черкешенка», а они в процессе подготовки к печати затеря-

Шипшев Магомет-Гери с дочерью Хадиджат

< Магомет-Гери Пшемахович Кожоков, Гетигаж Бабугов, Таукан Кожоков

Хуха Агоева с племянником Магомедом Нануевичем Кожоквым
< Ляухан Пшемаховна Кожоква, Зазуна Мурзабековна Конова. 1910-е гг.

лись, напечатанные же остались безмянными. А ведь практически все имена запечатленных на фотографиях (а их многие десятки) Фатиме Султановне удалось восстановить.

Печально, что кроме фотографий о большинстве из этих людей никаких других свидетельств не осталось – ни в памяти родных и близких, ни в архивах. Получилось так, что на скрижалях истории нет их имен.

Были и ушли. Бесследно?..

Анзорова Нона Матовна, Кожокова Жаншир Пшемаховна. 1930-е гг.

< Магомед-Гери Кожоков во дворе родительского дома с друзьями и гувернанткой

Хуранов Темиркан, Хуранов Хомгот с дочерью Лидией, Чемазоков Жамалдин Аюбович, Хуранова Кубльхан. 1930-е гг.

ИЗ РОДА ЧЕМАЗОКОВЫХ

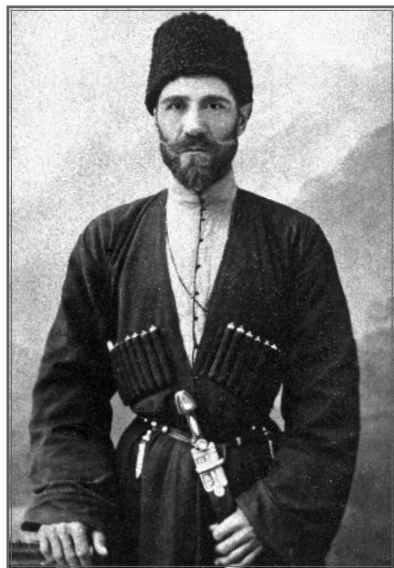
О Дыгане Чемазоковой, матери Ф. С. Кожоковой, мы уже рассказывали в предыдущем материале. Поведаем о других представителях рода – отце и сыне Бетале и Борисе Чемазоковых.

В фотоархиве Фатимы Султановны имеется немало снимков, на которых запечатлен Бетал, на тот момент учащийся Кабардино-Горского реального училища. Вот постановочный, передающий дореволюционные реалии, снимок, датированный июлем 1915 года, где он (первый слева в нижнем ряду) среди сверстников.

Вот свидетельство, полученное уже при новой власти 14 сентября 1918 года, гласящее: «Предъявитель сего Бетал Аюбович Чемазоков окончил курс семи классов Кабардино-Горского реального училища и прослушал организованные комиссариатом народного просвещения Нальчикского округа ...шестинедельные педагогические курсы (13 августа – 26 сентября 1918 г.), в программу которых входили следующие предметы».

Далее предметы эти перечисляются. Они представляют интерес, поэтому назовем их и мы. Это методики: русского языка, арифметики, естествознания; история педагогики, педагогическая психология и дидактика, а также школьная гигиена вкупе с основами физиологии и кабардинский язык. По последнему предмету, кстати, проводилось испытание в Педагогическом совете курсов, которое Бетал Чемазоков выдержал на удовлетворительно. Как и пробные уроки по русскому языку и арифметике.

Годом позже датировано еще одно свидетельство, гласящее: «Предъявитель сего Бетал Аюбович Чемазоков, окончивший курс семи классов Кабардино-Горского реального училища, на основании Высочайше утвержденных 22 апреля 1868 г., 13 декабря 1894 г. и 11 декабря 1895 года мнений Государственного совета о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения, подвергшись сокращенному испытанию в Педагогическом совете Кабардино-Горского императора Александра III реального училища и выдержав оное удовлетворительно, удостоен звания учителя начальных классов».

Аюб Айтекович Чемазоков, отец Бетала

Датировано сие «свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати» 31 августа 1919 года. В отличие от первого, на нем отсутствует подпись комиссара народного просвещения Нальчикского округа, что объяснимо: время было переходное, власть в Кабардино-Балкарии менялась часто, но 24 марта в лице Советов установилась окончательно. (Впрочем, как впоследствии оказалось, «окончательно» вовсе не означает навсегда.)

Бетал же после окончания училища некоторое время работал учителем в родном селении Нижний Куркужин (Коново), а потом, получив предложение от Батыя Хуранова, на тот момент инспектора Крайнего Северного Кавказа, продолжить учебу, вместе с Алибеком Шардановым и Хачапчем Тамбиевым уехал в Москву.

Сохранился еще один документ – свидетельство о поступлении гражданина Чемазокова Бетала Аюбовича в 1922 году в Институт народного хозяйства имени Плеханова и окончания в 1930 году учебного курса по циклу потребительская кооперация с присвоением квалификации экономист-кооператор.

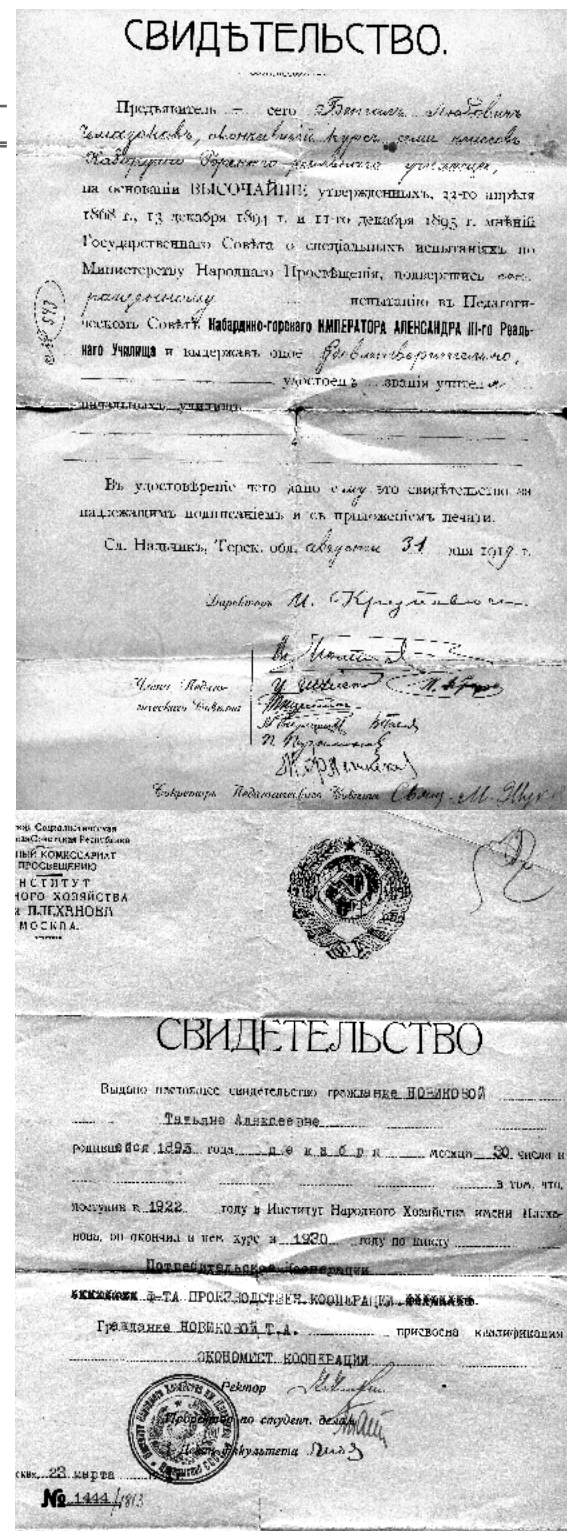
Закономерен вопрос: почему учеба продолжалась так долго – более семи лет? Дело в том, что начинал учебу Бетал в КУТВе – знаменитом Коммунистическом университете трудящихся Востока, готовящем партийных и советских работников для национальных номенклатур советских республик. Здесь он, кстати, познакомился со своей будущей супругой Т. А. Новиковой. После окончания экономического отделения КУТВа, они оба продолжили учебу в Институте народного хозяйства имени Плеханова. Сохранилось также и аналогичное свидетельство Татьяны Алексеевны об окончании данного учебного заведения.

Б. А. Чемазоков рассказывал впоследствии, что в институт руководитель Кабардино-Балкарии Бетал Калмыков прислал телеграмму с предложением отчислить его и требованием вернуться домой. После этого его вызвал к себе ректор и между ними состоялся долгий и весьма откровенный разговор, смысл которого сводился к тому, что бросать учебу, как и

Бетал Чемазоков. 1927

возвращаться на родину, не надо, что скорее всего ждет студента там вовсе не радостный прием и горячие объятия, а нечто другое. Страна стремительно скатывалась в бездну правового беспредела и репрессий, и Артемий Багратович Халатов, являвшийся в 1927–1929 годах ректором Института народного хозяйства, это видел как никто другой. Его предшественник – известный большевик Ивар Тенисович Смилга был, как активный участник троцкистской оппозиции, снят со всех постов, исключен из ВКП(б) и приговорен к 4 годам ссылки. А позднее, в 1937 году, расстрелян. В 1938 году та же участь постигла и А. Б. Халатова.

Бетал Аюбович Чемазоков

Но именно его предчувствие, вероятно, спасло жизнь Беталу Чемазову. Мало того, что он помог юноше деньгами, достав их из кармана, но и распорядился дать ему ключи от комнаты, где лежали спортивные маты и которая стала ночлегом на первое время; подсказал, как заработать деньги на пропитание – разгружать вагоны, убирать снег с крыш. Чем и занялся Борис, ведь стипендию (к ней имела отношение власть Кабардино-Балкарии) ему перестали выплачивать, пришлось освободить и комнату в общежитии.

Но не пал духом, выдержал, выстоял: в годы Великой Отечественной на фронте – с 1941 года до Победы, впоследствии работал в Академии общественных наук, ушел из жизни в мае 1977 года, немногим не дожив до своего восьмидесятилетия.

В 1928 году у него родился сын Борис, которому суждено было стать профессиональным военным.

Чемазоковы, к слову говоря, косточка военная. Многие из них являются жителями станицы Бабуковской, образованной в 20-х годах XIX века из части туземцев Северного Кавказа, поступивших на службу к генералу А. П. Ермолову. Как пишет постоянный автор издательства Астемир Мамхегов в работе «Материалы к истории и генеалогии бабуковцев», «охотниками (желающими) были уздени и их подвластные холопы (крестьяне, перешедшие из Абазии и Кабарды за Кабардинскую линию и образовавшие Абуков аул) ...с 1821 года 100 всадников из них составляли постоянный конный отряд».

Чемазуковы (один из вариантов написания фамилии) проживали в станице, что видно из выявленных исследователями документов. В частности, казаки Тимофей и Семен, неслужащие казаки Чара (из узденей второй степени Волгского казачьего полка), Цыцу, Петр (последний крещеный), сотники Василий и Безоруко. Их имена, как и целого ряда других, представлены в книге Р. К. Кармова «Род Чемазоковых», выпущенной нашим издательством в 2010 году.

Есть в ней сведения и о Борисе Беталовиче Чемазове, прожившем недолгую, но достойную жизнь. Родился он, как уже говорилось, в Москве, здесь же пошел в начальную школу, далее учился в мужской спецшколе. В первые дни Великой Отечественной войны отец ушел на фронт. В скором времени неожиданно (от банального аппендицита) умерла мать, и Борис стал сыном полка. Это и определило выбор им будущей профессии: поступил в военно-техническое авиационное училище связи; после его окончания служил штурманом эскадрильи. Здесь его техническая смекалка и рационализаторская жилка были замечены, поощрены направлением в военную академию связи.

Далее неуклонное восхождение по служебной лестнице: командовал отдельным батальоном связи, затем полком. В 1967 году, когда ему еще не было и тридцати (по тем временам, когда звания не раздавались за красивые глаза, достаточно редкий случай), он уже полковник, служит в Группе советских войск, находящихся в ГДР, в должности начальника войск связи армии. Вот строки из аттестационного листка: «Волевой, инициативный, дисциплинированный офицер, с хорошо развитым чувством нового и передового. Систематически работает над совершенствованием и расширением своих военных и политических знаний. Хороший организатор».

Дальше была должность начальника войск связи Северо-Кавказского военного округа, перевод на работу в Генеральный штаб Вооруженных сил СССР, служба в Афганистане. Высокое звание генерал-майор и ранняя смерть в 1985 году. Беталу Чемазову было всего 57 лет... Он похоронен на Ваганьковском кладбище, ныне одна из улиц Баксана носит его имя.

В отличие от их родичей, ушедших в неизвестность, имена Бетала и Бориса Чемазоковых остались: в памяти родных, на газетных и книжных страницах, в истории. Они ушли не бесследно...

Борис Беталович Чемазоков с супругой

ТЫ ТАК ХОТЕЛ...

Биографические сведения о ней есть во всех энциклопедиях. Вера Игнатьевна Мухина (1889–1953) – скульптор, выдающийся мастер XX века. Самая известная ее работа – монумент «Рабочий и колхозница», сооруженный для павильона СССР на Всемирной выставке 1937 года в Париже. Установленная в следующем году у входа на ВДНХ, она стала по большому счету эмблемой страны социализма, символом союза рабочих и крестьян в СССР.

Но наш рассказ не о В. И. Мухиной, а о близких ей людях, в той или иной мере связанных с Кабардино-Балкарией.

Олег Опрышко – один из самых глубоких исследователей истории титульных народов Кабардино-Балкарии, в 2012 году выпустил книгу «Терские казаки: имена в истории». В ней приведены персоналии о казаках станиц бывшего Терского казачьего войска. В частности, о А. Н. Вертепове (1886–1914), происходившем из терских казаков ст-цы Прохладной.

Вот что пишет Олег Опрышко: «Летом 1914 года, с началом Первой мировой войны, Александр Николаевич Вертепов вместе со своим другом Василием Крестовским добровольно вступает во французскую армию, уходит на фронт и участвует в боях с немцами на территории Франции.

16 января 1915 года в газете «Терские ведомости» публикуется сообщение: «Александр Вертепов. В траншее, на французском фронте, убит (судя по всему, это произошло во второй половине декабря 1914 года. – Авт.) снарядом в числе других русских добровольцев известный в эмигрантских кругах Александр Вертепов. А. Вертепов происходил из терских казаков ст-цы Прохладной; он учился в Пятигорской гимназии. За границей работал у известного скульптора Бурделя».

Позже, 5 февраля 1915 года, в «Терских ведомостях» будет помещен новый материал, посвященный Александру Николаевичу Вертепову, озаглавленный «Русские волонтеры»:

«Лейтенант Лебедев, раненый на французском фронте и лежащий теперь в госпитале, пишет в «Р. В.»: „Я получил из «траншей смерти», где мы потеряли столько наших, письмо от товарища-солдата, который говорит: «Артиллерийским снарядом убиты Крестовский, Вертепов, Чайков, Прим... Всех их похоронили в общей могиле. Я сделал возможное, чтобы после войны отыскать могилу»».

Ученики Бурделя по «Academie de la grande Chaumiere». Париж, конец 1912–1913 г. В е р х н и й р я д (справа налево): В. Мухина, А. Вертепов, Б. Терновец, И. Бурмейстер. Второй справа в нижнем ряду – А. Бурдель

Далее Олег Леонидович ссылается на книгу О. И. Вороновой «Вера Игнатьевна Мухина», вышедшую в издательстве «Искусство» в 1976 году, в третьей главе которой рассказывается о взаимоотношениях Веры Мухиной и Александра Вертепова. К ней и обратимся: «И еще один человек вошел тогда в жизнь Веры Игнатьевны, может быть, его имя следовало бы назвать первым – Александр Вертепов, человек необычной, романтической судьбы. Он вырос в Пятигорске, в небогатой семье. Рано лишился отца; чтобы помочь матери и сестре, еще гимназистом давал уроки. Мечтая повидать свет, почти без денег поехал в Германию, путешествовал пешком, жил на случайные заработки, нанимаясь то на покос, то на молотьбу. После 1905 года, недолгого существования и разгрома «пятигорской республики», втянулся в революционное движение, примкнул к террористам.

Летом 1907 года им был убит генерал Карангозов. Об этом эпизоде рассказывает М. З. Холодовская: «Мой отец, артиллерийский офицер, в то время служил в Пятигорске. Сама я была еще маленькой, но разговоры и волнения взрослых запомнила – это событие взбудоражило весь город.

Генерала убили на бульваре, во время гулянья. Неожиданный выстрел перепугал всех, вызвал смятение, крики. Лишь когда прошло первое замешательство, заметили террориста, он бежал к Горячей горе. Полицейские начали стрелять вслед, ранили, но ему удалось скрыться. Нашли только оброненный им на бегу платок. Показали матери Вертепова (Александр и раньше был на подозрении), она, не зная в чем дело, опознала. Снарядили отряд – прочесывать лесок на Горячей горе, но Вертепова так и не нашли».

А в Пятигорске до сих пор можно встретить стариков, рассказывающих полубыль-полулегенду о том, как революционеры скрывали Вертепова в пещере и как туда забрел какой-то офицер: «Кто вы?» – «Пастухи». – «Почему ваш товарищ лежит?» – «Простыл, заболел». А на следующий день и «больной» и «пастухи» исчезли – товарищи переправили Вертепова через границу».

Из книги О. И. Вороновой получается, что Александр Вертепов единолично убил Константина Адамовича Каракозова (Карангозишвили), генерал-майора, героя Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, временного генерал-губернатора Одессы и Одесского градоначальства. Но это не совсем так. Газета «Московские вести» обстоятельно описывает убийство так: «Генерал стоял на бульваре против ванн, покупая газету. Незнакомый злоумышленник выстрелил в него из револьвера. Карангозов побежал по направлению ванн, крича: «Держи!» От здания ванн отделился другой неизвестный и, приблизившись к генералу, сделал в него два выстрела в упор, причинившие ему смерть. Передают, что покушавшихся было трое или четверо. Никто не задержан. Убийца бежал, сбросив с себя бывшие на нем шляпу и пальто».

Это не единственная неточность, допущенная автором данной книги. Выше она писала, что А. Вертепов рано лишился отца. На самом деле это не так. Олег Опрышко в своей работе приводит данные и о Николае Абрамовиче Вертепове (1858–1919) – отце Александра: враче, статском советнике, много сделавшем для развития курорта «Серноводск-Кавказский», что располагается на южном склоне Сунженского хребта в 60 км от г. Грозного. Гибель единственного сына отразилась на его здоровье, ускорила уход, но память о нем он успел увековечить. На одном из высоких холмов поблизости от курорта построил беседку, которую назвал «Храм воздуха». Трогает душу надпись на барельефе под крышей: «Ты так хотел родные горы посмотреть». Действительно, отсюда открывается изумительный вид на окружающие горы. А сама беседка стала своего рода узнаваемым визуальным образом одного из старейших курортов не только Северного Кавказа, но и страны; курорта, разрушенного в ходе первой чеченской военной кампании, а ныне обретшего новую жизнь.

Беседка «Храм воздуха» с надписью на барельефе: «Ты так хотел родные горы посмотреть»

Впрочем, мы забежали далеко вперед. Вот что вместились в период после покушения до гибели: «Через несколько лет Вертепов появляется в Брюсселе, изучает в университете естествознание. Начавшийся туберкулез заставляет его перебраться в город с более мягким климатом – Париж. Там он сближается с Василием Крестовским, сыном известного писателя Всеволода Крестовского...

Василий Крестовский был художником. Писал картины – чаще всего многофигурные, со сложной композицией, мечтал о создании фресок, занимался скульптурой. Он и привел Вертепова в студию Бурделя. И хотя до Парижа Вертепов не держал в руках глины, оказалось, что он обладал незаурядной одаренностью. Об этом свидетельствовал сам Бурдель, называвший Вертепова «одним из самых талантливых учеников».

В «Academie de la grande Chaumiere» Бурдель назначил его «мсье» (старшим). Вертепов следил за порядком в классе, договаривался с натурщиками, проверял вносимые мэтру деньги. (За это сам был освобожден от платы – только благодаря этому и мог учиться, помощи ниоткуда не получал, жил почти впроголодь.) Русская колония отпраздновала его «вступление в должность» в веселом студенческом ресторане. Потом Вертепова увенча-

В. Мухина. Скульптор А. Вертепов.
1914

ли зеленым венком, в этом венке он торжественно, в окружении девушек, шествовал по парижским бульварам. Прежний «мсье», швейцарец, нес перед шествием на палке его шляпу.

Мухина часто говорила о внутренней чистоте и большой душевной чуткости Вертепова. И еще о том, что он в ее жизни «оставил большой след». Питала ли она к нему чувство более нежное, чем дружба? «Не была влюблена ни в кого», – сказала она в 1939 году писателю Александру Беку. Правда это или полуправда? Во всяком случае, несколько писем Вертепова – единственные, которые она хранила со времени Первой мировой войны до конца жизни. Да и по свидетельству сына ее, В. А. Замкова, рассказывая о давних годах, она ни о ком не отзывалась с такой теплотой, как о Вертепове: ни об Изе Бурмейстер, ни о Терновце, ни даже о Поповой».

О том, что В. И. Мухина была влюблена в Вертепова, свидетельствует и ее скульптурная работа тех лет – голова Вертепова. Вот как ее описывает О. И. Воронова: «Пышные волнистые волосы, прямой тонкий нос, изысканный очерк рта. Вертепов в изображении Мухиной очень красив, гораздо красивее, чем на фотографиях, видимо, портрет создавался под влиянием особого чувства к модели. Весь его облик облагорожен, лирически приподнят – это не столько портрет, сколько обобщенный образ благородного и доброго человека. Меняется и характер лепки: мягкая в портретах Бурмейстер и Терновца, она становится энергичной, резко подчеркивающей крепкий подбородок, скулы, выпуклости лба. Именно благодаря такой лепке Мухиной удастся передать то, что она считает главным в характере Вертепова, – «постоянное внутреннее напряжение».

Они должны были быть вместе, но судьба распорядилась по-другому.

ГРАВИДАН ПРОТИВ МАЛЯРИИ

В том же году, когда завершилась жизнь Александра Вертепова, чьи, словами лейтенанта Лебедева, опубликованными в газете «Терские ведомости», «большие горизонты открывались», но так и не открылись, Вера Мухина познакомилась со своим будущим мужем – А. А. Замковым (1883–1942). Познакомилась в России, куда она вернулась, посчитав своим долгом непосредственно быть полезной родине, участвовавшей в Первой мировой войне. Оставив занятия скульптурой (на целых три года), Вера оканчивает курсы медсестер и ухаживает за ранеными в госпитале. Вот как она сама пишет об этом знакомстве: «С Алексеем Андреевичем я познакомилась в 1914 году. Это был молодой человек небольшого роста, кудрявый. Он тогда только кончил университет. Потом он уехал на фронт добровольцем. И я его увидела только в 16-м году, когда его привезли умирающим от тифа. Месяца два проработала в госпитале, куда прибывали раненные прямо с фронта...».

Судя по всему, Вера причастна к спасению своего мужа – Алексея Андреевича Замкова, хирурга, уролога, эндокринолога, а в скором будущем – создателя гормонального препарата «Гравидан». Название этого

В. И. Мухина и А. А. Замков. 1938

лекарства, в тридцатых годах прошлого века получившего, без всякого преувеличения, мировую известность, сегодня мало кому что говорит. Но в анналах истории медицины ему отведено знаковое место, как и его разработчику. Многие считают, что именно он является прототипом героя романа Михаила Булгакова «Собачье сердце» профессора Преображенского, осуществившего эксперимент по «очеловечиванию» собаки. Но это не так – «Собачье сердце» было завершено в 1925 году, а звездный час гравидана наступил чуть позднее – в 1927 году. Александр Замков начинает работать лаборантом в Государственном институте экспериментальной биологии у профессора Н. К. Кольцова.

Как пишет Виктор Остроглазов, автор статьи «Миф о гравидане», толчком к поиску «послужило открытие в 1927 года немецких исследователей, биолога-эндокринолога Ашгейма и гинеколога-эндокринолога Цондека об образовании в организме беременных женщин значительного количества гонадотропного гормона (хориального гонадотропина), который выделяется с мочой и обладает мощным действием на половую сферу человека и животных. ...Повторяя эти опыты, доктор Замков сделал открытие: моча беременных женщин оказывала мощное влияние на половой аппарат обоих полов подопытных мышек», что натолкнуло Замкова «на мысль использовать мочу беременных в лечебных целях вместо принятого выделения из нее отдельных гормонов и других веществ».

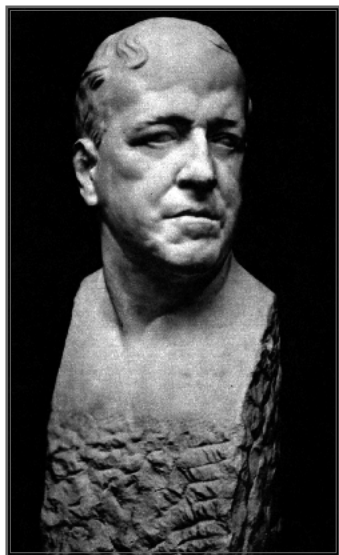
Так рождался препарат гравидан (от *gravida* – беременная) в 1929 году, после опыта на животных, испытанный Замковым на себе и практически сразу получивший известность как панацея от всех болезней. Но надо помнить суровые реалии тех советских лет – уже в следующем году доктор Замков был назван шарлатаном, обвинен в знахарстве, противозаконных экспериментах на людях, воровстве («краже институтской мочи!»), а вслед за этим в мае 1930 года уволен. Потрясенный произошедшей несправедливостью, он совершает необдуманный поступок – решает нелегально уехать за границу. Естественно, попытка эта оканчивается неудачей, следует арест, суд, приговоривший врача к трем годам административной ссылки с конфискацией имущества, ссылка в Воронеж. Но молва о чудесных свойствах гравидана уже распространилась повсеместно, известные в стране люди, такие как Ян Берзин, Семён Буденный, Максим Горький, Иван Мичурин, Клара Цеткин, Долорес Ибаррури, подключаются к спасению Замкова. И оно происходит. 21 августа 1932 года его досрочно освобождают, он возвращается в Государственный институт экспериментальной биологии, где назначается директором лаборатории урогравиданотерапии.

Вот он и подошел, звездный час гравидана. Под лабораторию создает специальную совхоз и вместе с лабораторией это называется Государ-

ственный институт урогравиданотерапии. Гравидан находит применение как в медицине, так и ветеринарии: в его активе излечение солдат целой военной части, пораженных отравляющим веществом, и оленей, страдающих копытной язвой...

Впрочем, здесь лучше процитировать статью «Уринотерапия» (список применения нами значительно сокращен) из 33-го тома 1-го издания Большой медицинской энциклопедии (1936): «Гравиданотерапия применяется в настоящее время при многих патологических процессах: при инфекционных заболеваниях и реконвалесценции от них (крупозная пневмония, брюшной и сыпной тифы, малярия); в глазной практике, при полиартритах, острых и хронических, различной этиологии; в урологической практике (при импотенции и воспалительных процессах); при болезнях сердечно-сосудистой системы (в качестве регулятора кровяного давления и пульса, а также в качестве диуретического средства); при бронхиальной астме, катарах и язве желудка и колитах, особенно спастических. Далее гравидан применяется в гнойной хирургии, особенно при фурункулезе, при гнойных отитах и мастоидитах в качестве средства, ускоряющего заживление; в детской практике (рахит, гипотрофия) как средство, повышающее рост тканей, а также при расстройствах психики (схизофрения, артериосклероз мозга, нервное истощение, депрессия, потеря умственной работоспособности и пр.). В животноводстве гравидан употребляется в качестве средства, способствующего повышению упитанности, повышению плодовитости и работоспособности, а также как лечебное средство при различных воспалительных инфекционных процессах, в частности при копытной болезни у оленей и инфекционном аборте рогатого скота». Ну разве не панацея от всех болезней?! И вот уже летит к Замкову просьба о помощи из Кабардино-Балкарии: «Страдаем от малярии. Всюду готовы предоставить все блага».

Здесь надо сделать небольшое отступление и сказать следующее. Малярия (она же «болотная лихорадка») – одно из самых распространенных инфекционных заболеваний. Ежегодно в мире фиксируется 350–500 миллионов случаев заражения людей малярией, из них 1,3–3 миллиона заканчиваются смертью. Это сегодня медицина достигла невиданных успехов в ее лечении. А что говорить о дореволюционной России. В 1845 году кавказский наместник (1844–1854) Михаил Семенович Воронцов, побывавший в Тифлисском военном госпитале, переполненном больными малярией, сокрушался: «Волосы становятся дыбом, когда вспомнишь, что на одной Черноморской береговой линии в одно настоящее лето из 10-тысячного состава войск умерло 2500 человек». И в последующие годы малярия по-прежнему уносила тысячи жизней, причем наибольшее число случаев (в расчете на население) в 1896–1912 годах регистрировалось на Кавка-

В. Мухина. А. А. Замков. 1934

зе. Так показатель заболеваемости здесь в 1910 году составил 806,4 на 10 тысяч человек. Очень высокая цифра. Но в 1933 году она была более чем в три раза большей – 2495. Эта цифра взята нами из таблицы, опубликованной в книге В. Ш. Шогеновой «Здравоохранение в Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1966). Ее автор, бывший министр здравоохранения республики, писала: «При рассмотрении этой таблицы обращает на себя внимание особенно высокая заболеваемость в течение 1932–1936 гг., достигшая очень больших цифр в 1933 году. Эпидемия малярии охватила в эти годы всю Малую Кабарду, на территории которой было развернуто строительство оросительной системы. Непосредственной причиной эпидемии явилась неправильная эксплуатация оросительных каналов, из-за которой значительно возросла анофелогенная площадь водоемов («ановелогенный водоем» –

потенциальное место выплода малярийных комаров. – *Авт.*).

Кроме того, в связи с засухой 1933 года производился беспорядочный полив напуском, что также способствовало образованию новых мест выплода переносчика болезни.

Сложившееся положение наносило огромный ущерб народному хозяйству, поэтому вопросы заболеваемости и необходимых дополнительных мероприятий неоднократно обсуждались на бюро областного комитета партии, на заседаниях облисполкома. Были созданы дополнительные противомаларийные отряды, оказана помощь хозяйствам для проведения необходимых гидротехнических мероприятий, усилена деятельность органов здравоохранения».

Одним словом, «принятые меры оказались эффективными, заболеваемость стала снижаться довольно быстрыми темпами». Но произошло это отнюдь не только благодаря «активной работе партийных и советских работников», но прежде всего напряженной деятельности сотрудников Государственного института урогравиданотерапии, вошедших в экспедицию, прибывшую в Кабардино-Балкарию. Не зная отдыха, буквально валясь с ног от усталости, они за полторы недели объехали всю республику, инъецировав гравиданом более 15 тысяч человек, заражен-

ных малярией. Итог напряженной работы: почти 80 процентов больных излечились.

Но расцвет гравиданотерапии в СССР пришелся на самые страшные годы в истории страны – большой террор набирал обороты. Коснулся он многих врачей, работавших под руководством доктора А. Замкова; один за другим закрывались пункты гравиданотерапии, которых по стране были сотни. В 1938 году и сам Институт урогравиданотерапии был ликвидирован, уничтожили даже его оборудование. Алексей Андреевич остался не у дел. Умер он спустя несколько лет – в эвакуации на Урале 25 октября 1942 года, после нескольких инфарктов, вызванных страданиями от того, что его детище, «способное помочь тысячам больных», никому не нужно.

В конце декабря 1964 года в приказе Минздрава СССР об исключении из номенклатуры и прекращении производства малоэффективных или не вошедших в медицинскую практику препаратов значится и гравидан...

В книге Евгения Витковского «Против энтропии» (2002) есть такой эпизод: «Беседа длилась дня три, и очень напоминала обмен опытом. Дважды зек Советского Союза, пахан (точней – лепила) Ветлосьянский, Аркадий Акимович Штейнберг отлично знал, чем мастырка отличается от подлинной болезни: в частности, тем, что болезнь подлинную в лагере (в моем случае – социалистическом, но разница пренебрежимо мала) доказать очень трудно. Рассказ об «ампелотерапии» его рассмешил, но не очень удивил.

– А в лагере все хотели лечиться от импотенции. И начальство, и вольные, и большие зеки. Кто-то в Москве изобрел гравидан... Я по молодости лет ничего не понял, незнакомые слова привык переспрашивать.

– Как? Старик, вы не знаете, что такое гравидан? Кто-то в Москве или не в Москве решил, что моча беременных женщин способствует восстановлению мужской потенции. Ее кипятят, вводят подкожно. Ну, а беременных баб на зоне у меня была спецзона целая. Лекарство в избытке, и желающих лечиться тоже в избытке... Ну, а я был старшим фельдшером лагеря, точней, патологоанатомом, но в лагере этим никто не интересуется. Очень меня этот гравидан выручал. Сливочное масло бывало, сгущенное молоко, сало... Я такого сала, в четыре пальца, на воле не видел...

– Ну, и помогало?

– Ни черта, конечно, не помогало, но они лечились и верили...

Но гравидан – не пустышка, основанная на самовнушении, он действительно помогал и поэтому обязательно вернется, пусть не как эликсир молодости и здоровья, а как средство, эффективно повышающее общее самочувствие. И имя его автора, похороненного на Новодевичьем кладбище, вновь будет на слуху. Ведь он действительно, как гласит надпись на его памятнике, созданном Верой Мухиной, «...сделал для людей всё что мог».

СУДЬБА СОВЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРИСТА

Сказать, что его помнят, – значит погрешить против истины. Сказать, что его забыли, тоже будет не совсем верно. Его имя известно, но очень узкому кругу лиц в нашей республике – если, предположить, одному из тысячи – не сильно ошибемся. А ведь заслуги этого человека перед кабардинским народом соотносимы с деяниями выдающихся представителей этноса: он один из создателей литературного памятника непреходящего значения: свода народной мудрости «Кабардинский фольклор». Тем не менее имя Михаила Евгеньевича Талпы в ряду тех, кто долгие десятилетия не на слуху – если о нем вспоминают, то лишь в дни юбилеев и отнюдь не его самого, а учреждения, в котором он работал. Вот и в нынешний год – год 120-летия со дня его рождения, до сих пор не было ни статей, ни передач, ни конференций или каких-то других мероприятий, посвященных этой дате, позволяющей отдать должное великому подвижнику народного творчества. Как не было их по большому счету и двадцать лет назад, когда М. Е. Талпе исполнилось сто лет. Нет и не намечается установления мемориальной доски, присвоения его имени, к примеру, одной из библиотек, назначения именной стипендии, выпуска научных работ, ему посвященных...

Впрочем, обо всем по порядку. Обратимся к сборнику «КБИГИ 75 лет» (Нальчик, 2001), в котором Михаилу Евгеньевичу отведена ровно одна страничка, начинающаяся с весьма необычной преамбулы: «М. Е. Талпа (1894–1937) – удивительная и во многом загадочная личность. Это один из замечательных представителей старой русской интеллигенции, которые оставили самый благотворный след в памяти и в истории народов, входящих в Российскую империю и впоследствии образовавших Советский Союз».

Далее приводятся весьма скупые биографические данные: «Он родился в отдаленном селении Новгородской губернии, происходил из мелкого дворянского рода, учился в Санкт-Петербургском университете, но в 1913 г. был исключен из него за участие в политической демонстрации. С началом Первой мировой войны добровольно ушел на фронт, служил санитаром. Впоследствии служил в г. Нежине на небольших чиновничьих должностях. В 1919 г. едет в Киев для досдачи госэкзаменов в Киевском университете и получения диплома о высшем образовании. До 1934 г. он сменил несколько мест жительства (Нежин, Вознесенск, Елец, Одесса) и везде был на пре-

подавательской работе. С апреля 1934-го по май 1937 г. работал ученым секретарем Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института и по совместительству заведовал литчастью госдрамтеатра».

До последнего времени это практически все, что было нам известно о жизненном пути выдающегося фольклориста. Но сегодня, благодаря возможности ознакомиться с архивно-уголовным делом (АУД 2433-П), его биография наполняется реальными событиями и фактами.

Конкретизирована дата рождения – 8 ноября 1894 года, а также то, что у Михаила был брат Георгий (работал учителем в селе около г. Вознесенска) и три сестры – Татьяна, Раиса (врач), Антонина (по мужу Юницкая, проживала в селе около г. Нежина).

Стали ясны причины исключения девятнадцатилетнего студента Михаила Талпы из Санкт-Петербургского университета осенью 1913 года. Так он был наказан за участие в акциях общественного протеста, вызванных самым громким судебным процессом в дореволюционной России. В 1913 году Дело Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве, всколыхнуло всю страну, разделив общество на противников антисемитской кампании и ее организаторов. В деле АУД 2433-П следователь от имени М. Талпы обрисовал суть произошедшего по-большевистски коротко и ясно: «Одного студента-еврея преследовала полиция, и мы протестовали».

В следующем году недоучившийся студент уходит на фронт – началась Первая мировая война и Михаил Талпа с его активной жизненной позицией считает своим долгом быть полезным Родине. Об этом в деле говорится всего одной фразой: «В старой армии служил добровольно рядовым (санитаром)».

«Старая армия» – это царская армия. Участия в двух других – Красной и Белой будущему фольклористу посчастливилось избежать, но в предшествующих их созданию событиях, практически мимолетных, он был отмечен. «С мая по сентябрь 1917 года был близок с эсерами», – говорится в деле, но тут же с некоторой долей разочарования отмечается: «Юридическое членство не было оформлено».

А вот более серьезные обвинения: «С августа 1919 по ноябрь 1919 года – городской голова г. Нежина при Деникине». Судя по всему никаких, даже мало-мальских прегрешений, даже исходя из революционного максимума, за эти неполных три месяца новые власти за М. Е. Талпой так и не смогли найти. Хотя к данному эпизоду в его биографии в последующие годы возвращались неоднократно. В 1923 году в г. Вознесенске он был арестован именно по этой причине, но практически сразу освобожден. Правда, его все-таки наказали: лишили избирательных прав, но уже в следующем году в них восстановили. В 1928 году новый арест – на этот раз в Одессе все тем же ОГПУ, но и опять органам не к чему оказалось придраться: «ос-

вобожден из-за отсутствия состава преступления». В те годы власти еще хоть как-то придерживались норм законности.

Из дела становится ясным, каким образом М. Е. Талпа оказался в Нальчике. Здесь уже проживали его сестра Раиса, работавшая врачом, и сестра жены Лидия Васильевна Дроздова, учительница по профессии. Судя по всему, она передала письмо родственника заместителю заведующего облоно (областного отдела народного образования) Энееву (в деле не указаны его инициалы), а тот в свою очередь пригласил Михаила Евгеньевича на работу.

Прибыл М. Е. Талпа в Нальчик 12 апреля 1934 года и практически сразу был утвержден на должность ученого секретаря Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Архивист Евгения Тютюнина, автор статьи «Имена из забвения», пишет: «В 1932 году КБНИИ получил статус самостоятельного учреждения и очень нуждался в квалифицированных специалистах, к числу которых, безусловно, принадлежал М. Талпа. Одним из интенсивных направлений работы НИИ в эти годы стало целенаправленное собрание кабардинского фольклора, в котором участвовали многие представители национальной интеллигенции. М. Талпа много сделал для изучения фольклора и ознакомления с ним всесоюзного читателя. По его приглашению летом 1935 г. в Кабардино-Балкарию прибыла бригада московских поэтов во главе с выдающимся русским фольклористом, профессором Ю. М. Соколовым. Цель командировки – совместная подготовка академической публикации устного народного творчества кабардинцев, причем перевод на русский язык прозаических произведений поручен Михаилу Талпе. Работа шла в тесном контакте с Союзом писателей, следуя установкам I съезда о повышенном внимании к народным истокам литературы».

«Именно в эти годы, – читаем в институтской биографической справке, – началась и активно велась работа по сбору и систематизации материалов, их переводу для издания книги «Кабардинский фольклор». Без всяких преувеличений можно считать, что подлинной душой этого издания стали два замечательных человека: кабардинец Нури Цагов, известный просветитель, многие годы собиравший адыгский фольклор, и Михаил Евгеньевич Талпа, который взял на себя перевод всех прозаических текстов, комментарии и вводные статьи как по всей книге, так и к каждому ее разделу. В результате научное и культурное значение этой книги стало непреходящим настолько, что до нынешнего времени она остается во многих отношениях образцовой. Говоря иначе, авторский коллектив – и прежде всего сам М. Е. Талпа – совершил подлинный научный подвиг.

После выхода в свет «Кабардинского фольклора» большинство людей, причастных к этой книге, было репрессировано. Однако принципы, заложенные в это издание, определили на многие годы вперед развитие на-

М. Е. Талпа с супругой и детьми

циональной фольклористики. В этом самая большая заслуга принадлежит русскому ученому М. Е. Талпе, человеку, о котором в нашей республике известно очень мало, но который сделал для нее очень много».

Действительно, как у причастных к созданию книги «Кабардинский фольклор», так и у нее самой на редкость трагическая судьба. Многие из членов авторского коллектива были расстреляны. Кабардинский историк Валерий Кажаров считает, что именно выход книги «Кабардинский фольклор» спровоцировал расправу над теми, кто участвовал в ее подготовке. В работе «Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI века» он, в частности, пишет: «Показательно, что главный редактор М. Е. Талпа и деятели кабардинской культуры (Т. Борукаев, С. Кожаев, А. Пшеноков, П. Шекихачев, Т. Шеретлоков), осуществившие этот поистине творческий подвиг, были репрессированы в 1937 г. Незадолго до выхода книги Н. Цагов, принимавший наиболее деятельное участие в ее подготовке, погиб при обстоятельствах, дающих основание полагать, что его смерть вряд ли можно считать случайностью. Из-за отсутствия соответствующих материалов остаются неясными многие обстоятельства и мотивы расправы над участниками этого выдающегося научного и культурно-просветительского проекта. Понимая, что потеряла в их лице адыгская культура, невольно представляешь себе тот колоссальный объем работы, который они могли еще выполнить в области адыгovedения, если бы остались живы. Но учитывая происходившие в то время про-

цессы, становится понятно, что их участь была предрешена и маховик репрессий никак не мог обойти их стороной.

Окрепшее тоталитарное государство уже не могло больше мириться с текстами (а заодно и с теми, кто их собирал), воспевавшими борьбу за свободу и национальную независимость, считая, что это подрывает основы его единства и целостности. Книга оказалась под запретом именно из-за той ее части, где были помещены песни, относящиеся к периоду Кавказской войны. В довершение к этому пропали и оригиналы, с которых были сделаны переводы московскими поэтами». Это обоснование совершенно справедливо, но есть один нюанс: в деле М. Е. Талпы книга «Кабардинский фольклор» даже не упоминается и в вину ему ставились совершенно другие проступки, а именно контрреволюционная деятельность.

Большая часть книги, вышедшей тиражом 5000 экземпляров в знаменитом советском издательстве – «Academia», известном высокой требовательностью к выпускаемым работам, была уничтожена. Вот почему ее нет в большинстве библиотек, да и в частных собраниях она встречается нечасто. Один из авторов этих строк, отдавший немало времени и средств поиску раритетных изданий, искал означенный фолиант немало лет. А приобрел совершенно случайно, когда в восьмидесятых годах прошлого века в Прибалтике скончался родственник одного из нальчан, в наследство которому достались только книги. Он привез их оттуда несколько чемоданов, абсолютно не представляя ценности этих изданий, но движимый мыслью заработать побольше. Среди этих фолиантов оказалось немало книг, выпущенных «Academia», в том числе и «Кабардинский фольклор», после затяжных торгов обретший место в нашей библиотеке.

Именно тогда возникла идея переиздать этот раритет, воплотившаяся только в 2000 году в издательстве «Эль-Фа», из которого автор этих строк ушел перед самым подписанием данного труда в печать. Но тем не менее книга вышла, продолжила свою жизнь. Да и как она может быть не востребована, если вобрала в себя духовную историю кабардинского народа. А как современно звучит написанная М. Е. Талпой историческая преамбула: «Кабарда», «кабардинский» в языке кабардинцев – понятия географические, а не название народности или языка. Издавна кабардинцы называют себя «адыге», а свой язык – только адыгским. По-видимому, это – древнее название одного из многочисленных родственных друг другу племен, по имени которого позже стал называться весь народ.

«Адыге» – понятие более широкое, нежели «народ Кабарды». Упорное упоминание в древнейших сказаниях о морях (Черном и Азовском), реках Псыже (Кубань) и Тэне (Дон) дает нам общее представление о географических пределах расселения адыгских племен. Упомянутые в старорус-

ских памятниках (XI–XII вв.) соседи Тмутараканского княжества косоги – племя, несомненно, очень близкое к современным кабардинцам, если не их древнее название.

В XII–XV веках среди адыгов произошли междоусобицы, переселения, в результате которых кабардинцы оказались на территории, какую занимают сейчас. Кабардинцы – точнее, их предки – входили в соприкосновение с рядом народов, приходивших на Северный Кавказ: греками, римлянами, грузинами, готами, гуннами, аварами, восточными славянами, татарами, калмыками и др. Длительное соседство было с осетинами, позже – с чеченцами, балкарцами и карачаевцами. Междуморье – как в древности кабардинцы называли Северный Кавказ – было столбовой дорогой и завоевателей, и торговцев. Эта столбовая дорога пролегла и по землям адыгов. В XI и XII веках, во время крестовых походов, несомненно, были установлены сношения адыгов с западноевропейскими народами, с давно известными кабардинцам «франгами», «энглизами». Все это создало большой простор для культурных связей и взаимных влияний.

Бесписьменный до 1924 года народ, кабардинцы не оставили никакой документации своей истории. Только с XVI века по данным архивов государств, вступавших с Кабардой в связь, мирную или военную, можно документально восстановить более или менее непрерывную линию исторических фактов, а до XVI века целые периоды остаются неосвещенными документально.

Лишь устное творчество хранит в себе поэтические отражения – подчас недостоверные и трансформированные – отдельных эпизодов прошлого.

Материал кабардинского фольклора очень сложен. Корни его уходят в глубочайшую древность».

А вот какими ученому видятся характерные особенности фольклорного материала: деловитая простота; обильные диалоги, играющие определяющую, решающую роль в развитии сюжета; стройная и последовательная композиция; эмоциональная насыщенность, стремление рассказчика вызвать активную реакцию у слушателя, благодаря которой творимые образы приобретают большую рельефность, типичность; совокупность частных деталей, в сумме создающих образ...

Это великое мастерство и смог показать М. Е. Талпа. Почему мы заостряем внимание только на его личности? На это отвечает автор послесловия к изданию 2000 года, озаглавленного «Классика нашей культуры», известный фольклорист, великий подвижник народного творчества, большой современный ученый Адам Гутов. «Самый большой объем работы по данной книге, – пишет он, – лег на плечи Михаила Евгеньевича Талпы, человека высокой эрудиции, беззаветной преданности своему делу и бес-

конечной влюбленности в народное искусство. Достаточно взглянуть на выходные данные книги и на ее оглавление, чтобы представить себе, какую громадную работу проделал он: это и систематизация материала, и изучение множества вариантов, и перевод всех прозаических текстов, и обширная вступительная статья, и вводные статьи к каждому разделу, и обстоятельные комментарии, и, наконец, словарь.

Сделано все это высокопрофессионально, с использованием множества различных источников, с историческими и сравнительно-типологическими экскурсами, на широком фактическом материале. Можно лишь сожалеть о том, что мы до настоящего времени не смогли воздать достойную дань памяти этого замечательного человека, с таким блеском представлявшего настоящую русскую интеллигенцию. Наш неоплаченный долг перед ним особенно тяжок, если принять во внимание, что М. Е. Талпа был репрессирован в 1937 году и погиб в Нальчике, в застенках карательных органов».

Вот мы и подошли к той благодарности, которую получил Михаил Евгеньевич за свой подвижнический труд. Но арестовали его не столько за выпуск книги «Кабардинский фольклор», как за другие «прегрешения» перед советской властью. В статье «Имена из забвения» читаем: «Другим увлечением М. Талпы было театральное искусство. Видимо, не без его содействия удалось создать в Нальчике первый профессиональный театр – русский драматический, где Талпа возглавил литчасть. Безусловно, известность и авторитет его в среде нальчикской интеллигенции были высоки – ведь не случайно понадобилось оказать сильнейшее давление на коллектив театра, требуя «разоблачения» его «подрывной» деятельности. «Три дня в Нальчикском драматическом театре, – сообщала «Социалистическая Кабардино-Балкария» 1 июня 1937 года, – проходили собрания коллектива актеров... И только на третий день, когда заговорили «маленькие» работники театра, стала проявляться гнусная работа разоблаченного врага народа – меньшевика Талпы... Будучи зав. литчастью театра, а затем добившись права режиссуры, Талпа творил антисоветские дела».

В вину ставилась даже организация вечеров, посвященных 100-летию гибели А. С. Пушкина, которые, по мнению автора газетной статьи, проводились только с целью «саморекламы меньшевистского красноречия Талпы и его вольных или невольных друзей».

Девятого мая 1937 года в квартиру по улице Кабардинской, 8, где проживал М. Е. Талпа со своей семьей, нагрянули работники НКВД. Обыск дал внушительные результаты: изъято было множество вещдоков. Каких именно? Несколько десятков книг. Но в деле они фигурируют как документы: тома «Литературной энциклопедии», вышедшие в 1929 году, издание

«Литературное наследство», сборник «Искусство и литература в марксистском освещении» (последний является, по существу, хрестоматией, но наряду со статьями Ленина в него вошли работы Троцкого, на чем и сделал упор следователь, опустив дату выпуска книги – 1927 год). Книга «За перестройку работы РАПП» (1931). Аббревиатура эта, сегодня забытая, расшифровывается как «Российская ассоциация пролетарских писателей». Издания «Пролетарская литература СССР на новом этапе» (1931), «Творческие группировки пролетарских писателей» (1932), «С кем и почему мы боремся» (1930) Леопольда Авербаха. То есть работы, вышедшие не где-нибудь, а в официальных центральных издательствах и необходимые М. Е. Талпа для того, чтобы знать и понимать процессы, идущие в официальной писательской среде. Ведь в 1934 году Михаил Евгеньевич в оргкомитете Союза писателей Кабардино-Балкарии руководил русской секцией.

Какие-то претензии следователь мог предъявить к фольклористу только по одному изданию – биографическому исследованию «Чернышевский», автор которого – Лев Каменев, один из активнейших вождей оппозиции, был расстрелян, а его книга, вышедшая в серии «ЖЗЛ», изъята из библиотек и уничтожена. Но так как грамотность, в том числе и политическая, следователя оставляла желать лучшего, на ней он не остановился, но в перечень изъятого помимо перечисленных выше «документов» включил также три безымянные «брошюры, разную переписку и ...кожаный портфель».

А потом начались допросы, очные ставки, выявлялся круг знакомых и друзей. Он обширен и знаков: сплошные интеллигенты! Да и мог ли он быть другим у ученого, литературного работника, театрала?

К близким друзьям по Нальчику отнесены (фамилии и должности даются так, как они указаны в деле): Круглов Тимофей Васильевич, председатель коллегии защитников; Дроздова Лидия Васильевна, машинистка ОНО (отдел народного образования) и ее муж Сергей Иванович Дроздов; артисты Романов Георгий Георгиевич, Арефьев Анатолий Павлович, Ноздрин Евгений Николаевич и его жена Краснова Евгения.

Среди знакомых названы: Налоев Джансох, бывший председатель Союза писателей; Пшеноков Абдул, бывший директор НИИ; Гуртуев Берт, председатель Союза писателей; Шогенцуков Али, писатель.

Отдельно перечислены московские знакомые Талпы: Соколов Юрий Матвеевич, профессор фольклора; поэты Зенкевич Михаил Евгеньевич, Глоба Андрей Павлович, Остроумов Лев Евгеньевич, Звягинцева Вера Клавдиевна, Дынник Валентина Александровна (к последней есть приписка – жена Соколова, поэтесса); Ливицкая Нонна Анатольевна, библиотекарь университета, Тихомиров Павел Петрович, редактор. Все эти люди – известные ученые, поэты, переводчики, в той или иной степени

связанные с работой Михаила Евгеньевича над подготовкой и выпуском книги «Кабардинский фольклор».

Есть среди перечисленных знакомых и другие иногородние. В частности, из Пятигорска – Дудкин Сергей Петрович, декан литотделения пединститута; Алиев Умар, преподаватель пединститута; студентки Соколова Мария и Темботова. Эти связи объяснимы, так как Кабардино-Балкарский педагогический институт, основанный в 1932 году, одно время располагался в Пятигорске.

Как и из Одессы: Сербский Георгий Петрович, преподаватель пединститута; Бассарский Павел Д. и его жена Мария Алексеевна. В этом городе проживали родственники Михаила Евгеньевича. Здесь же впоследствии нашла приют и его младшая дочь – Елена Михайловна Ефремова, 1925 года рождения, проживавшая в последние годы по адресу: улица Черноморская, 58 «а», кв. 6. Но до этого она прошла через детский дом, куда была определена после ареста родителей и сестры.

И вот фабрикация обвинения завершена. Она чудовищна и нелепа, ни одним эпизодом, фактом, действием не привязана к реалиям: в трудах и делах выдающегося фольклориста попытались увидеть (и увидели!) действия, направленные на свержение советской власти и установление фашистской диктатуры. Несмотря на колоссальное давление следствия, Михаил Евгеньевич своей вины ни в чем не признал. Но это ничуть не повлияло на вынесенный приговор.

Вот он. «Выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР в закрытом судебном заседании в г. Нальчике 25 июля 1937 г.

По обвинению Талпа Михаила Евгеньевича, 1894, служащего, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР, установила: являлся активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, совершившей 1 декабря 1934 злодейское убийство тов. С. М. Кирова и подготавливавшей в последующие годы террористические акты против руководства ВКП(б) и советского правительства.

...В троцкистской и националистической организации «убеждал своих единомышленников в необходимости свержения Советской власти и установления фашистской диктатуры. Подсудимый Талпа создал контрреволюционную троцкистскую террористическую группу в редакции газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария».

Приговор: Талпа Михаил Евгеньевич к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией принадлежащего имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. подлежит немедленному исполнению».

Он и был исполнен немедленно – уже вечером его расстреляли.

Не обошли репрессии стороной и его близких. Супруга Ольга Васильевна, с которой Михаила Евгеньевича связывали многолетние отношения (достаточно сказать, что они оба родом из одного села – Чудово Новгородской области) – педагог и актриса, работавшая в радиоцентре, 1 сентября была арестована. Обвинена в том, что она член семьи изменника родины, знала об антисоветской деятельности мужа и не сообщила об этом органам власти. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 9 декабря 1937 года осуждена к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 8 лет.

Но и этого обвинителям показалось недостаточно: по тому же обвинению, что и мать, была арестована шестнадцатилетняя дочь Ирина. «Попытки осудить девочку за политические преступления, – читаем в книге Александра Сарахова «Остров ГУЛАГ» (Майкоп, 2004), – закончились неудачей. После составления обвинительного заключения через 2 месяца Ирина была освобождена из-под стражи».

Военной коллегией Верховного суда СССР М. Е. Талпа реабилитирован (посмертно) 9 июня 1956 года. 13 октября того же года реабилитирована и его супруга, которая впоследствии вернулась в Нальчик, некоторое время работала учителем в шестой школе города.

Закончим же мы тем, с чего и начали. Реабилитация этого выдающегося человека – оклеветанного, но не сломленного, уничтоженного в застенках репрессивных органов, состоялась более пятидесяти лет назад, но так и не явилась подлинным возвращением его в жизнь. Как, по большому счету, не занял должное место в кабардинской истории главный труд его жизни. И от этого печально вдвойне...

Дом по ул. Кабардинской, 8, в котором проживал М. Е. Талпа с супругой и детьми

ЛЕТАЮЩИЙ ТАНЦОР

О том, как он исполнял танцы на носках, ходили в прямом смысле слова легенды. Он мог танцевать так три минуты и даже больше, причем без всякого труда, тогда как самые известные кавказские танцовщики выдерживали подобное напряжение ног где-то минуты полторы. Более того, он, стоя на пальцах, с девушкой на высоко поднятых руках, мог пройти и круг, и даже второй...

К этому стоит прибавить утонченную фигуру с тонкой талией, невероятную выносливость, удивительную гибкость, позволяющие ему совершать редкие по красоте прыжки...

Одним словом, это был уникал, танцовщик от Бога, имя которого сегодня совершенно забыто. А ведь ушел Казбек Браев из жизни совсем недавно – в 1966 году.

...Национальными танцами он начал заниматься в начале пятидесятых годов прошлого века в нальчикском Дворце пионеров, что в те и несколько последующих десятилетий располагался на улице Инессы Арманд. Педагог Азида Хамидовна Нырова сразу обратила внимание на худенького, но крепко сложенного мальчика, которого отличал артистизм, выражавшийся в плавности и слитности движений... Практически сразу на Казбека обратили внимание специалисты и в неполные пятнадцать лет его пригласили в профессиональный коллектив – государственный ансамбль песни и танца республики. Здесь окреп и развился его талант танцовщика, свою лепту в отшлифовку которого, дальнейшее профессиональное становление внесли такие известные хореографы, как Хашир Дашуев, Григорий Гальперин, Танго Израилов, Мутай Ульбашев.

Вот, в частности, что вспоминал последний из них: «Казбека Браева я знал по совместной работе в государственном ансамбле танца «Кабардинка». Мне он запомнился как талантливый, высокопрофессиональный танцовщик. Мне как балетмейстеру было легко и приятно с ним работать, он, казалось, никогда не ощущал усталости, постоянно находился в творческом поиске – новых движений, интересных и красивых комбинаций. Яркая индивидуальность Казбека, его отточенная техника, неподражаемая артистичность, редкий сценический темперамент сделали его непревзойденным исполнителем кавказских танцев.

Его танец отличала плавность рук, которые не только завершали танцевальную фразу, но и развивали тему танца. Каждая поза, каждый жест были отточены и выразительны, красочны, высокохудожественны, а это пленяло зрителей, награждавших исполнителя долгими аплодисментами.

Но самое главное, Казбек, достигнув высот танцевального мастерства, продолжал работать над собой – в ходе репетиций постоянно совершенствовал танец, отшлифовывая каждую его грань, относясь к своей профессии серьезно и требовательно. К этому надо добавить, что не только на сцене, но и в жизни он всегда был подтянут, собран, одет со вкусом.

Что касается танцев на носках, то мне за многолетнюю работу в ансамбле не приходилось видеть подобного: у Казбека были изумительно крепкие пальцы, большой красивый подъем – подняв на руки девушку, он, стоя на пальцах, мог пройти по кругу ходом лезгинки, что редко какому танцору удастся».

А вот как последнее дополняют знаменитые танцоры супруги З. и К. Соттаевы.

Каншао: «Казбек действительно выделялся среди всех как исполнитель танца на носках. Носки, можно сказать, у него были «железные». Пожалуй,

Казбек (в центре), Каншао Соттаев (слева), Мутай Ульбашев (справа)

до сего времени нет подобного исполнения на носках. Он мог любого посадить на плечо и танцевать на носках две, три, а то и четыре минуты. Был неотразим, выделяясь как в индивидуальных, так и массовых сценах. Легко переносил любые творческие нагрузки, на сцене не работал – жил!»

Зоя: «Это меня он держал на плечах, когда танцевал на пальцах. Выдержать подобную нагрузку из солистов ансамбля кроме него никто не мог. Именно под Казбека был поставлен танец на пальцах, который шел буквально на ура. С этим танцем его пригласили в дагестанский ансамбль «Лезгинка», который выезжал на zahraniчные гастроли, что по тем временам было позволено далеко не каждому артисту».

Кстати говоря, в «Лезгинке» сохранили добрую память о нальчанине. Спустя годы после смерти Казбека его сестру, Лейлу Браеву, жившую в Москве, артисты ансамбля регулярно приглашали на свои концерты, проходившие в столице. Они рассказывали ей, что в костюмерной по-прежнему хранится белая черкеска кабардинского танцора с именной табличкой – фамилия Браева для дагестанцев стала знаковой.

Рассказывают, что на одном из концертов в эпизоде, когда Казбека подкидывали в воздух, а он приземлялся на носки и продолжал танец, ребята перестарались и закинули Браева в концертную яму. Зал ахнул, но через какое-то мгновение разразился аплодисментами, увидев, как Казбек поднимается на сцену на согнутых пальцах, продолжая солировать как ни в чем не бывало.

Сохранились многочисленные фотографии – немые свидетели триумфа кабардинского танцора. На одной из них, датированной 1958 годом, мы видим Браева практически взлетевшим на полтораметровую высоту: руки подняты вверх, ноги поджаты, на лице сияющая улыбка. Улыбка молодости, физической силы и ловкости. И это не фокус художника (о чем свидетельствует тень на стене), тем более не сегодняшний фотошоп, а реальный взлет, демонстрирующий высокое мастерство танцора. В уголочке снимка Казбек оставил надпись. Она гласит: «Легче воздуха». И в это действительно веришь.

Сделана эта фотография в годы службы в Советской армии – проходил ее Браев в окружном ансамбле Юго-Западного округа. Здесь, в армии, и настигла его беда, ускорившая уход из жизни. При каких обстоятельствах в 1956 году он получил ушиб головы, сегодня уже выяснить не представляется возможным, да и какой в этом смысл. О том, что именно по этой причине и именно в то время началось его заболевание, свидетельствует история болезни № 437, датированная октябрём 1958 года. Пульсирующие головные боли стали мучить его после той злополучной травмы все чаще и чаще.

Казбек Браев (справа), балетмейстер Григорий Галперин (поставил для Казбека танец на пальцах), Магомед Алакаев

Доверенности за № 01407, выданном Министерством культуры СССР) Казбека Башировича Браева завершился. Ему не исполнилось и тридцати...

Что остается после артиста? Только память благодарных зрителей.

А когда уходят зрители? Фотографии забытых концертов. Они перед вами.

Тем не менее впереди были самые главные взлеты – поездки с ансамблем «Лезгинка» в Югославию, Индию, Китай в 1962 году. Участие во всероссийском смотре артистов эстрады и звание лауреата. Зачисление в знаменитый ансамбль И. Моисеева...

Но здоровье все чаще стало его подводить. Пришлось оставить большую сцену, перейти на работу в Республиканский дом народного творчества (РДНТ), где он, уже в роли хореографа, оказывал практическую помощь коллективам художественной самодеятельности.

Но все это продолжалось сравнительно недолго. К болезни головы прибавилась еще одна. Не менее страшная и тяжелая, а по тем временам практически неизлечимая. И 12 декабря 1966 года жизненный путь танцора (или артиста балета, как написано в аттестационном удо-

«Я ТАК ХОЧУ НАЗАД, МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ПТИЦА...»

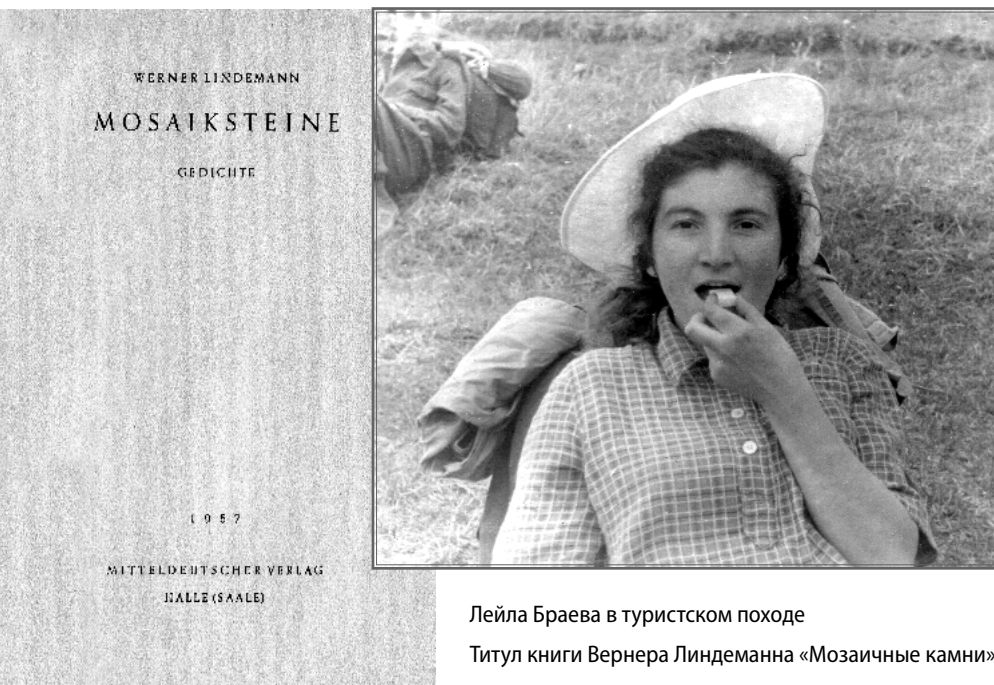
Их встреча состоялась почти 60 лет назад. Если точнее – в 1957 году. Летом, в Теберде, где она, Лейла Браева, работала инструктором на турбазе, а он, Вернер Линдемманн, приехал вместе с группой молодых людей из ГДР в Советский Союз на отдых. Для него она была Галей – это второе, а на самом деле первое имя сопровождало ее с самого рождения. Дело в том, что когда ее в 1933 году забирали из роддома (а принимала ребенка от врача, русской женщины, сосношница матери Гошан), ее спросили как имя ребенка, а та растерялась и назвала свое: «Гошан». – «Значит, Галя», – сказала врач. Так и прижилось.

Девушка, нареченная Лейлой, но привыкшая к имени Галя, окончила школу в Нальчике, а затем, в 1954 году, педагогическое училище. В детские и юношеские годы пела в Кабардинском государственном хоре, руководил которым знаменитый дирижер Александр Михайлович Покровский. Ее привлекал композитор Трувор Карлович Шейблер – автор оперы-балета «Нарты», записавший свыше 500 кабардинских и балкарских народных песен.

К этому времени Браева уже побывала в Москве, приняв участие в концерте, посвященном 400-летию присоединения Кабарды к России.

Было у нее еще одно пламенное увлечение: горы. Окончив школу инструкторов по альпинизму и горному туризму, все лето проводила на турбазах,водя в походы самые разные группы. Одна из них состояла из молодых людей, приехавших из ГДР.

Их было 19, в том числе и Вернер Линдемманн, 1926 года рождения, из простой рабочей семьи, проживавшей в городке Гутсдорф-Альтеснице. В пятнадцать лет – ученик сельскохозяйственной школы, в неполные семнадцать – с 1943 года – на военной службе, как обтекаемо пишут биографы, что означает в войсках вермахта. Фашистская Германия, стремясь отсрочить свой неминуемый конец, на возраст уже не смотрела – призывались все способные держать оружие. Понятно, что Вернеру, как и большинству его немецких сверстников, не удалось избежать мобилизации в армию, в которой он служил до конца войны. В послевоенные годы изучал

Лейла Браева в туристском походе

Титул книги Вернера Линдемманна «Мозаичные камни»

естественные науки, преподавал в сельскохозяйственных учебных заведениях, но понял, что ему ближе другое: поэтическое творчество. Чтобы заниматься им на профессиональной основе, в 1955 году поступает, а в 1957 году оканчивает институт литературы «Johannes R. Becher»...

И вот поездка на Кавказ. В рюкзаке среди туристских принадлежностей нашлось место и первому сборнику его стихов «Mosaiksteine» (Mitteldeutscher Verlag 1957).

Вот она, тоненькая книжка в твердом переплете и коричневой суперобложке, напоминающей каменную мозаику, что вполне оправдано: ведь сборник так и называется «Мозаичные камни». Этой книги, вышедшей тиражом 300 экземпляров, нет даже в каталоге Национальной библиотеки Германии, но один ее экземпляр сохранился в Нальчике. Сохранился потому, что на нем имеется дарственная надпись – написанная человеком, плохо знающим русский язык, и от этого по-особому трогательная: «Мой Галя! Этот мой книг для тебя! Вернер».

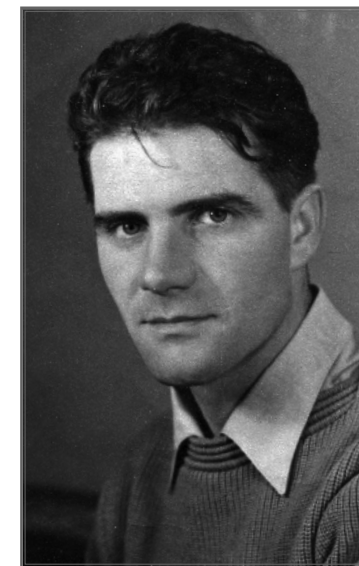
Летом 1957 года они впервые увидели друг друга – 24-летняя кабардинка Лейла Браева и немец Вернер Линдемманн, которому 7 октября дол-

жен был исполнится 31 год. Именно в том августе между ними вспыхнуло чувство, отложившее след на всю последующую жизнь. Оно отразилось в творчестве молодого человека, ставшего впоследствии известным немецким поэтом. Оно сохранилось в памяти девушки, судьба которой только начинала складываться. Чувство людей, народы которых еще совсем недавно были врагами, бившимися не на жизнь, а на смерть: один за свободу, другой – движимый несправедливыми целями.

Между ними ничего не было общего, между ними ничего не могло быть. Но были молодость и чувства, от которых ничто не могло уберечь, в том числе и самое пристальное внимание работников КГБ, отслеживающих практически каждый шаг иностранцев, следовавших, как в нашем случае, по знаменитому Всесоюзному маршруту № 43 – Теберда–Домбай–Сухуми. Такой соглядатай включался в состав группы и сопровождал ее повсюду (сохранился дневник немецкой группы где двадцатым членом идет местный имярек) – одним словом, «бдел» с утра до вечера, в походе и на отдыхе.

Под четвертым номером в составе группы значится Вернер Линдемманн. Согласно графе о партийной принадлежности, профессии, месте жительства: беспартийный, член профсоюза, поэт, проживающий в Лейпциге, ответственный (в составе группы) за оформление маршрута. Дневник все восемь дней велся на немецком языке, писал его Вернер, отразивший в нем прежде увиденное: водопад Шумка, озеро Каракель, Джамагатское и Назлыкольское ущелья, Муруджукский перевал...

Дневник – это пройденные маршруты, эмоциям в нем не место, тем не менее они проскальзывают: в описании горных красот, в восприятии

Вернер Линдемманн

Лейла Браева (сидит на камне) с группой туристов. 1958

происходящего. Тем более что Вернер был влюблен и свои чувства, в отличие от Гали, скованной воспитанием и советскими реалиями, не скрывал. Чувства эти во всей своей непосредственности и чистоте проявились в письмах, которые немецкий поэт начал писать практически сразу, как он уехал. Но в отличие от остальных туристов, покинувших Теберду через Клухорский перевал, где и происходила передача группы сванским проводникам, улетел он самолетом. Дело в том, что немецкий поэт не хотел уезжать, отчего прикинулся больным. Его решили отправить автобусом, даже завели в салон. Но из автобуса он вышел метрах в ста от турбазы и снова вернулся к Гале. Этого тут же проинформированное руководство местного КГБ никак не могло допустить: Вернера отвезли в аэропорт и посадили в самолет, летящий в Сухуми, взлет которого сексот (секретный сотрудник) прокомментировал для Гали так: «Уж теперь твой фашист точно не вернется – парашютов в самолете нет».

Письма от Вернера в нестандартных (европейских, отличающихся от советских) голубых конвертах шли по адресу: СССР, Кавказ, Нальчик, Воль-

СОСТАВ				
№ п/п	ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО	ГОД РОЖДЕНИЯ	ОБРАЗОВАНИЕ	ПАРТИЙНАЯ ЧЛЕНСТВО
1	Эрик Вайсе	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
2	Меропе Бек	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
3	Эрик Карлс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
4	Меропе Бек	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
5	Вайсе Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
6	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
7	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
8	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
9	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
10	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
11	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
12	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
13	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
14	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
15	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
16	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
17	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
18	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
19	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.
20	Вайс Вайс	1916-1918	Вн. шк.	член СЕПТ.

Дневник группы Вернера Линдемманна

ный аул, Туриста, 13. В самих письмах много личного: чистых чувств, светлых надежд, веры в лучшее.

Всего того, что не получилось, не сбылось, не состоялось...

Они написаны с многочисленными грамматическими и стилистическими ошибками, но только сохранив данную форму выражения можно передать всю их прелесть и самобытность. Уточним только, что под словом «назад», которое часто встречается в письмах, Вернер подразумевает прошлое, под словом «всегда» – постоянно, ведь у него уже ребенок.

1-й ДЕНЬ ПОХОДА			
Lies haben			
ГРУППЫ			
Число группы	Место работы и должности	Личный адрес	Образование и опыт
1	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
2	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
3	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
4	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
5	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
6	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
7	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
8	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
9	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
10	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
11	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
12	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
13	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
14	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
15	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
16	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
17	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
18	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
19	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс
20	Вайс Вайс	Вайс Вайс	Вайс Вайс

kurzen Auszug
 Sie haben nicht
 gefühlt in von a
 Gruppe absolviert
 Die Lebensweise, die
 haben nicht in
 fügen tischen Kass.
 Strafe, der Flüß
 ins Teilweise in
 sowie der Vase
 grün-weißen flet
 in immer Gruppe
 fotografiert. Unse
 pit.

«Моя Галя! Теперь я в Сухуми. Я всегда думаю назад. Я был в городе. Я не люблю этот город. В Теберде было лучше. Я всегда думаю, что ты делаешь. Я хочу назад. Без тебя я как маленький деть. Не забудь меня. Я очень люблю тебя. Не забудь меня».

«Моя Галя! Здесь очень хорошо. А без тебя я всегда печальны. Я очень люблю тебя. Сегодня я был в городе. Город очень красивый. На море тоже был. Вода очень жаркая. Я всегда думаю назад. У тебя хорошо было. Я никогда буду забывать это время. Скоро я буду назад. Я хочу жить с тобой на Кавказе. Не забудь меня, моя маленькая птица. Я очень люблю тебя».

«Моя Галя! Завтра письмо. Сегодня тоже письмо. Я очень обрадовался. Теперь я вижу мой Кавказ. Я очень люблю его. Я очень люблю тебя. Завтра я буду в Берлин. Я буду писать письмо. Не забудь меня. Твой Вернер».

«Моя Галя! Я домой. Поезд приехал. Здесь очень холодно. Я люблю тебя очень. Что ты делаешь? Не забудь меня. Твой Вернер».

«Мой Галя! Вечер. Я сижу в комнате. Я думаю назад. Вчера я сидел еще в поезде. Что ты делаешь? Я очень печальны без тебя. Не забудь меня. Жди меня, и я вернусь. Я люблю тебя! Жди, когда снега метут! Жди, когда жара! Жди, когда других не ждут! Жди меня и я вернусь! Не забудь меня. Твой Вернер».

«Лейпциг. 28.8.57. Моя Галя! Сегодня я получил книгу и письмо. Спасибо! Я буду изучать язык. Потом может быть читать этот книг. Я хочу работать, в Берлине для меня работа нет. Я поэт. У нас не можно получить работу если поэт. Вот не хорошо. Я буду назад. В Нальчике будет работа для меня. Правильно?»

Неправильно... Не будет... Не случится...

Допросы (не беседы) в компетентных органах: «Зачем вам эта переписка? Он – фашист, как вы, советская девушка, можете с ним общаться?!»

Угрозы, сопровождаемые весьма недвусмысленными жестами: «Будете продолжать переписку – всякое может случиться».

Встречные предложения: «Можете продолжать переписку, можете даже выйти за него замуж, только будете докладывать нам о каждом его шаге».

И его письма... Перлюстрированные, прочитанные, скопированные на машинке, подшитые в ее дело. Мы не видели его. Мы не предполагаем, что оно было – мы просто знаем, что это так.

А в письмах – стихи. На немецком. Вот подстрочный перевод одного из них:

Я знаю это:
Ты хочешь спать.
Иди!

Возьми с собою капли дождевые,
Те капли, мелкие и теплые немного,
Которые сверкали на цветах,
Когда с тобою мы гуляли.
Иди же спать!
И если ты внезапно на устах
Во сне почувствовать ту влагу сможешь,
Знай, то не капли. А моя слеза...

Здесь самое время привести строки из биографического справочника, вышедшего в Берлине: «Вернер Линдемманн (1926–1993) – немецкий поэт и писатель. На родине больше известен как автор книг для детей». Далее продолжим, опустив те сведения до 1957 года, которые уже привели выше: «Был редактором студенческого журнала «Forum», руководителем дома культуры, а с 1959 гонорарным писателем. Являлся соучредителем Колонии искусств (Künstlerkolonie Drispeth). Первые стихотворения написал вскоре после войны и опубликовал в сборнике стихов «Станции» (на самом деле первым сборником были «Мозаичные камни». – *Авт.*). Он неоднократно устраивал в школах чтения, чтобы приобщить детей к поэзии. Являлся частым гостем в «Начальной школе на Лугу Елизаветы» в Ростке. В память о нем, 7 октября 1994 года школе было присвоено его имя. В 1985 он был награжден Академией искусств премией Алекса Вединга (Alex-Wedding-Preis) за выдающиеся заслуги в области детской литературы».

Вернер Линдемманн помимо книги «Мозаичные камни» издал еще 33, названия многих из них говорят сами за себя: «Станции» (1959), «Написанное в дороге» (1960), «Быть в высшей степени привязанным к тебе» (1961) – ознакомившись с ней, возьмем на себя смелость утверждать, что эти слова обращены к кабардинке Лейле Браевой...

Но прежде всего Вернер Линдемманн – большой поэт, чье творчество обращено к детям: «День сидит перед палаткой» (1974), «Овощная корзина» (1975), «Школа открывает двери» (1976), «Танцующие березы» (1977), «Гнездо прячется в непроницаемых ветвях» (1982), «Что делает зимой лягушка?» (1982), «„Маленький верблюд“ и другие сказки из Казахстана» (1979), «Квакша путешествует» (1984), «Тысячная нога» (1984), «Маленькая рыба-смельчак» (1990)...

В последние годы своей жизни Линдемманн обратился к прозе. В начале восьмидесятых он написал, а в 1988 году издал книгу откровений «Майк Олдфилд на кресле-качалке. Заметки одного отца». Она рассказывает о взаимоотношениях поэта с сыном Тиллем (в книге – Тимм) Линдемманном. Как написано в аннотации к изданию, писатель противопоставляет размышле-

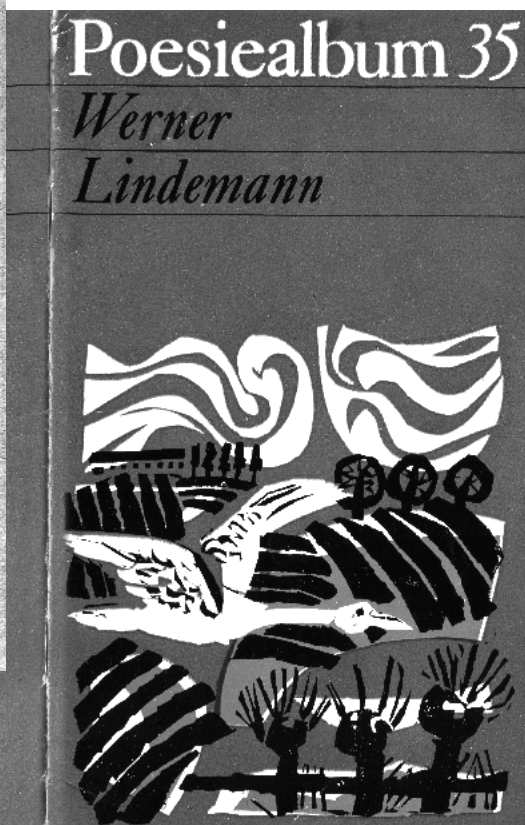
ния лирического эго высказываниям и требованиям сына, показывая тем самым разницу между людьми, выросшими в разных социальных культурах.

Это очень печальная книга, свидетельствующая как Вернер Линдемманн был одинок, даже находясь рядом с самыми близкими ему людьми. С женой, известной журналисткой Гиттой Линдемманн, они развелись, когда их сыну было 12 лет, а дочери – 6. (Жена вскоре вышла замуж за американца.) Наладить отношения с сыном Вернер при жизни так и не смог. Спустя много лет после его смерти Тилль, уже ставший известным, в интервью говорил, что «со времени погребения он ни разу не был на отцовской могиле».

Надо отметить, что Вернер не верил в будущность сына: человек, писал он, «способный часами сидеть перед телевизором или удить рыбу, может

Вернер Линдемманн. 1955

Обложка одной из книг немецкого поэта

стать только рыбаком», но не поэтом, как он мечтал. Все случилось с точностью до наоборот.

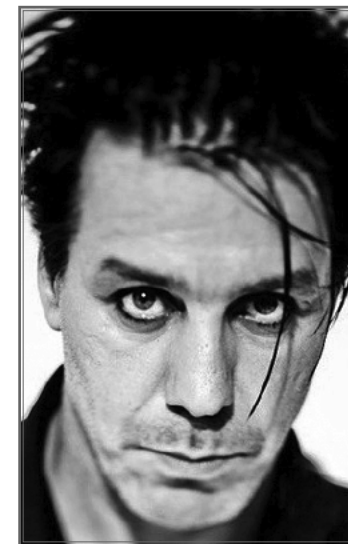
Отцу, умершему от рака желудка в феврале 1993 года, так и не довелось узнать, что его сын станет всемирно известным исполнителем, сведения о котором сегодня приводятся во всех музыкальных энциклопедиях: «Тилль Линдемманн (Till Lindemann) родился 4 января 1963, Лейпциг, Германия. Вокалист и автор почти всех текстов известной немецкой индастриал-метал группы «Rammstein» («Рамштайн»). Принимал участие в записи некоторых песен групп «Apocalyptica» и «Puhdys». Автор сборников стихов «Messer» («Нож») и «In stillen Nächten» («В безмолвии ночи»), снялся в 8 фильмах». Но это уже другая история, лежащая за рамками нашего повествования.

Книга Вернера Линдемманна «Майк Олдфилд на кресле-качалке. Заметки одного отца» переведена на русский язык. Она глубока по содержанию, печальна по сути, необычна по стилю изложения. Читать ее трудно и больно. Вот лишь несколько произвольно вырванных из текста фрагментов.

«Утро марта повесило зрелые жемчужины на березу, нанизало их на провода, спрятало в снежные заносы. Ослепительная одежда умирающей зимы. Дятел хихикает восходящему солнцу...» «Соображение: что бы было, если бы я больше не смог двигаться? Отнял ли бы один из моих детей у себя время для меня? Наверное, нелепая вещь, когда родители от подрастающего поколения ожидают благодарности».

«Занесенные снегом холмы. Над ними облачное небо. Ветер бросается на меня. Дергает мою расстегнутую куртку. Массирует мои щеки до красного цвета. Взырошивает мне волосы. Я вдыхаю глубоко, утаскиваю несколько сильных вдохов из воздуха; крохотные капли из бесконечной комнаты мира. Где они были выдохнуты вчера?»

«„Проиграть не стыдно. Стыдно вот так лежать“, – говорю я себе, двигаю плачущую шарманку самочувствия на улицу мыслей, встаю, поднимаюсь по лестнице, стучусь и захожу. Мой сын лежит на кровати. Собака отдыхает рядом с ним».

Сын Вернера Линдемманна Тилль, лидер немецкой индастриал-метал группы «Rammstein»

«Иногда я спрашиваю себя, как я, будучи солдатом на фронте в последнюю военную зиму под свободным небом, согревавшийся только военной шинелью и иногда теплым супом, лежа на замерзшей земле, всегда в ожидании нападения противника, перенес те дни и ночи. Страх делает невозможное возможным. И вши кусались внизу живота. И жажда была непереносимой. И маленький саксонский лейтенант лаял команды. И английские бомбардировщики делали дыры в снегу. И страх восемнадцатилетнего настолько господствовал в течение первых дней в переднем крае оборонительных сооружений, что он складывал руки во время обстрела. И на сложенные руки капали слезы».

Через всю книгу проходят короткие эпизоды воспоминаний: емкие и трагичные. Всего лишь одно из них: «Немного месяцев прошло после войны. Я работаю у крестьянина в соседней деревне. В двух больших комнатах деревенского дома живет Иван, комендант советской армии. В субботу в деревне вечер танцев, придут солдаты. Я надеваю мою новую куртку – подарок крестьянки; брюки для верховой езды – вещь, обнаруженная в платяном шкафу в покинутом замке нашего барона, сапоги для верховой езды, подарок моих родителей. В доме лесничего живет прекрасная белокурая Луиза. Я мчусь изо всех сил на велосипеде, чтобы подвезти ее на танцы. За последним деревенским домом, где начинается лесопитомник, два советских солдата забирают у меня велик. Под дулом пистолета они заставляют меня снять мои высокие, чисто начищенные сапоги. Я угрожаю рассказать Ивану. Чудесно: я лишаюсь часов и велика. Люди громко смеются, когда я появляюсь в зале в одних носках. Они думают, что я пьяный. Только один человек не смеется – Иван. Жестами я объясняю ему, что произошло. Он в ярости уходит из гостиницы. Через полчаса он возвращается; он, пожалуй, знал, где надо искать вора. В танцевальном зале стоит гробовая тишина, когда он отдает мне часы и сапоги и говорит: „Русский солдат хочет принести мир, а не воровство“».

Честное слово, читая книгу, мы неосознанно искали в мимолетных воспоминаниях, рассыпанных по всему тексту, те, которые могли иметь отношение к Гале. Не нашли. Скорее всего, плохо искали. Ведь чувство, зародившееся летом 1957 года, не могло не отразиться в произведениях Вернера Линдемманна. Оно конечно же в его стихах. Просто мы их не знаем. Просто они еще не переведены на русский язык. Просто еще время не пришло.

А что же Галя, спросите вы. Как сложилась судьба кабардинки Лейлы Браевой? Нормально сложилась. Достойно. Окончила Московский педагогический институт имени Ленина (отделение психологии и педагогики), потом отделение дефектологии Московского государственного заочного педагогического института. Работала в Москве. Вышла замуж за Виктора Михайловича Тихонова, с которым познакомилась, кстати говоря, тоже в горах, на турбазе. Муж умер в 1999 году. Дочь живет и работает в Москве, где

Галяна Башировна Браева продолжает практиковать (она известный дефектолог). Как врача ее знают и в Нальчике, где она проводит немало времени.

По причине той давней переписки она в советское время стала невыездной. Прекратила ее под давлением органов. Последнее письмо пришло почти через десять лет после их знакомства. Как узнал Вернер ее адрес, до сих пор понять не может. Но узнал, написал, что часто вспоминает, что благодарен судьбе за встречу, что хотел бы повернуть время назад. И в тот раз он употребил данное слово правильно.

Но время назад не возвращается. Судьбу не перепишешь; людей, которые ломают судьбы, наказать можно, да толку-то... Галя по-прежнему в свои восемьдесят с хвостиком быстра, подвижна, бодр: лихо водит машину, отказывается от малейшей помощи, спускаясь с высоких ступенек издательства, – одним словом, собирается жить долго. Жалеет лишь о том, что не довела число своих восхождений на Эльбрус до десяти – остановилась на восьми, и не встретила с Вернером, когда такая возможность появилась.

Мы рассматриваем фотографии тех далеких лет и в глазах маленькой женщины – несколько согбенной временем, но по-прежнему жизнерадостной, боевой и бодрой – вспыхивают искорки.

Искорки ли это или слезы – отблеск невозвратного 1957 года, капель, «которые сверкали на цветах, когда мы в траве лежали»...

И сквозь толщу времени, сохраненные на крошечном листке бумаги, звучат, доносятся слова: «Моя маленькая птица, пожалуйста, не забудь меня. Моя маленькая птица, если ты забудешь меня, я буду печален...»

Вернер Линдемманн

От имени Виктора

У СМЕРТИ ЗАПАХ ХРИЗАНТЕМ...

Мои любимые цветы – хризантемы. Почему именно они? Дело в том, что они знакомы мне с детства. В маленьком дворике нашего жактовского дома на четыре семьи со второй половины лета до поздней осени цвели дубки – те же самые хризантемы, только мелкоцветковые (их еще называют корейскими). Они на редкость неприхотливы, переносят низкие температуры и даже после первого снега стоят еще достаточно долго.

Мама очень любила эти цветы, и они занимали большую часть двора. В память врезалась такая картина: пригнувшиеся к земле под тяжестью первого (чаще всего мокрого) снега сиротливо съежившиеся дубки роняют на белое покрывало розовые и бордовые лепестки.

Я учился тогда в школе во вторую смену и любил наблюдать и слушать, как ближе к обеду, когда уже пригревало солнышко, цветы начинали расправляться. Но это желание еще пожить, еще поцвести никогда не доставалось даром – вместе со снегом на землю падали лепестки. Одни из них, не успев освободиться от стеклянного налета, слетали мгновенно, буквально впиваясь, как маленькие копыта, в снег. Другие, которых снег обделил своей милостью, плавно кружились, опускаясь все ниже и ниже. И сегодня закрою глаза и вижу: кружатся, кружатся, кружатся...

Понятно, почему именно хризантемы сопровождали меня постоянно. В школу 1 сентября – с огромным разноцветным букетом, сорванным мамой прямо перед моим уходом из дома. Причем так было не только в начальных классах, где преподавала незабвенная Анастасия Дмитриевна Смирнова, но и в пятом-шестом-седьмом. Как я сопротивлялся, как отбрыкивался, но мама проявляла настойчивость – ведь она сама была учительницей, и 1 сентября наш дом буквально утопал в букетах цветов. Они стояли в вазах, двух- и трехлитровых стеклянных банках. Они были всюду, и запах цветов был таким густым и насыщенным, что создавалось впечатление – его можно черпать руками.

...Когда хоронили бабушку Любу, родную сестру моей бабушки по отцу, я стоял у гроба с букетом дубков. Цветы лежали в ногах умершей. Почему-то только они были в руках многочисленных участников траурной церемонии. И их аромат витал над могилой, выкопанной под деревьями. От-

того что старые деревья склонили свои ветви чуть ли не до земли, аромат, как и в пространстве комнат, был вязким и тягучим. От него першило в носу. И потом, когда практически раз в месяц мы ходили с бабушкой проводить бабу Любу, я постоянно чувствовал этот запах – даже зимой и весной, когда хризантемы спали, готовясь к своему появлению на свет.

Может, по этой причине, может, по какой другой, но цветы эти стали ассоциироваться у меня с уходом людей. Но если бы только как символ прощания. В какой-то момент я вдруг понял, что запах хризантем... предвещает смерти. Это было так невероятно, что я просто выбросил из головы это предположение. Тем не менее, жизнь раз за разом сталкивала меня с подобными фактами.

...Мне лет четырнадцать, я иду со школы через двор (он состоял из шести жактовских домов, выстроенных незавершенным квадратом по нынешней Шарданова и Балкарской) и ощущаю этот запах. Не помню время года, но однозначно это был не период, когда цветут хризантемы. Запах был таким стойким и тяжелым, что я машинально повернул головой из стороны в сторону, пытаюсь понять, откуда он идет. Догадался, он доносился из квартиры, где проживал бывший прокурорский работник. Впрочем, я тут же забыл об этом запахе. Но ближе к вечеру маму позвали соседки. Оказалось, только что умерла женщина, которую все во дворе за глаза называли прокурорша. Жила она как раз в том доме, из которого днем я уловил запах хризантем.

Тогда я не придавал этому никакого значения, но спустя лет пять вновь столкнулся с похожей ситуацией. Будучи студентом-первокурсником, познакомился с девушкой Светой, ровесницей, проживавшей в многоэтажном доме по улице Байсултанова. Одно время был даже влюблен в нее, писал письма, причем в двух экземплярах, которые не отправлял, надеясь со временем собрать их в повесть. Но что-то у нас не сложилось. Света была ослепительной девушкой – с крупной, но изящной фигурой, улыбчивым лицом с восхитительными ямочками на подбородке, длинными светлыми волосами. Но одновременно в ней ощущалась какая-то неуловимая с первого взгляда надломленность. Впрочем, о своих болячках, если они даже были, она ни разу не заговорила.

Что она во мне нашла, не знаю, но несколько раз мы ходили вместе в кинотеатр «Победа», в темноте держали друг друга за руки. Был я в родительской квартире, где ее мама, усадив меня за стол, долго-долго обо всем расспрашивала. Судя по всему, я ей не приглянулся – студент-филолог без перспектив и достойного родства (Света была иной национальности и вероисповедания).

Сами собой наши отношения сошли на нет: раз отказалась пойти погулять, второй раз нашла какую-то причину, а третьего раза просто не было. Хотя я о ней помнил и каждый раз, проходя мимо ее дома, высматривал,

неосознанно надеясь на встречу. Но если видел, то мимолетно, всегда с мамой, а потом и вообще она исчезла из моего поля зрения. Я не знал, что с ней случилось, думал, уехала на учебу: она не поступила сразу, как я, и усиленно готовилась к экзаменам на следующий год.

Не помню уже как именно и почему я оказался в тот вечер у ее дома, но как всегда замедлил шаг, потом приостановился и вдруг уловил щемящий запах хризантем. Нет, он не был густым, заполняющим все пространство вокруг, каким запомнился моему обонянию у могилы бабушки Любы в далеком детстве. Не был он стойким и вязким, какой исходил из дома, в котором жила «прокурорша». Он был тонким, едва уловимым...

Тем не менее, я его почувствовал. Не раздумывая, с улицы Байсултано-ва свернул во двор дома и увидел, что у крайнего подъезда стоит машина скорой помощи. Какая-то неосознанная тревога вселилась в меня. Я не смог заставить себя войти в подъезд, тем более подняться на лестничную площадку, хотя мне очень хотелось. В это время из подъезда вышли мужчина и женщина в белых халатах и направились к скорой. Я услышал отрывок их разговора: «Что тут подделаешь – врожденный порок сердца... Жаль, совсем молодая... Зря мамаша отказалась от госпитализации...»

Позвонить Свете я так и не решился, да и не было у нас тогда домашнего телефона. На следующий день прошел мимо ее дома рано утром, направляясь на лекции. После обеда что-то помешало, и оказался я в том дворе только на следующий день, ближе к вечеру – в университете было четыре пары, еще и факультетское собрание назначили.

...Еще издали я заметил около дома небольшую группу людей. Пройдя мимо них, свернул к крайнему подъезду и замер... По всей асфальтовой дорожке лежали втопанные в нее ногами людей цветы. Нет, это были не хризантемы... Не запомнил я и то, был ли какой-нибудь запах... Запомнил лишь боль и печаль, разлитую вокруг. Света ушла навсегда.

Потом я долго думал, что за всем этим. Если с бабушкой Любой все было ясно – хризантемы лежали в ее гробе, то с «прокуроршей» все виделось не так просто: густой запах, исходящий из ее дома, я почувствовал, когда она была еще жива и умерла только часа два-три спустя. И какое отношение имеет легкий, едва уловимый запах хризантем к смерти Светы, почувствованный мной за день до ее ухода.

Я не находил ответа долгие годы...

Но искал ли я этот ответ? Не до него было – ведь все эти годы смерть следовала по пятам за мной, вернее за всеми, кто мне был близок и дорог. И хризантемы в той или иной степени имели отношение к происходящему. Когда я стал вспоминать и анализировать произошедшие за десятилетия события, малозначительные факты, казавшиеся, на первый взгляд, случай-

ными фрагменты и кусочки, собранные вместе, как в калейдоскопе, позволили увидеть цельную картину.

...После смерти Светы прошло много лет, и запах хризантем больше не предупреждал меня о чьих-то грядущих смертях. Да и сами эти цветы выпали из моей жизни. Нет, вру. Они были. И нашли отражение в моих стихах. Я даже включил их в стихотворный двухтомник «Времена сердца» (Нальчик, 2000). Но хризантемы как образ отразили не предчувствие, а восприятие. Любви, обретенной и потерянной.

Стихотворение так и называлось: «Лепестки хризантем». В нем 15 четверостиший, но я приведу лишь три: два из начальных и заключительное. И все станет ясно:

Чем толще Время между нами
Сооружает стену, тем
Сильнее властвует над снами
Тончайший запах хризантем.

Они стояли в узкой вазе,
На стол роняя лепестки...
В отличие от словесной вязи,
Движенья были нележки.

.....
О память – как же она ранит!
Я снова слышу шепоток,
И хризантема вновь роняет
На полировку лепесток...

Запах не было, а смерти пошли чередой. И началось все с мамы – Николаевой Марии Васильевны. Моей бедной мамы, так безжалостно вырванной из жизни. Вечером 1 апреля 1997 года около 9 часов вечера я позвонил ей и поинтересовался, все ли у нее в порядке, услышал «да» и со спокойной совестью положил трубку. А спустя какие-то 20 минут позвонила сестра и сказала, что маму сбила машина.

Мария Васильевна Николаева. 1950-е гг.

...Я бежал по улице и не понимал, как это могло произойти. Я пытался остановить пролетающие мимо машины. А они все как назло проезжали мимо. Одна за другой – мимо. Сигналили, но не останавливались. Так и не помню – доехал я до больницы или добежал, хотя расстояние было километра три-четыре. Скорее, добежал. А потом была больница, коридор, стояние у операционной...

Нет, не так – я все-таки успел в приемный покой, куда привозили пострадавших, и увидел маму на каталке. Она лежала раздетая и еле-еле прикрытая простыней. Ее тело было таким маленьким и таким белым, что у меня слезы сами хлынули из глаз. Я не мог их остановить. Потому что знал – мамы больше нет. Вот она рядом, еще дышит, прерывисто и тяжело, она без сознания, но жива. Но уже ее нет в нашей жизни. Жизнь у нее отобрали. Я пытался привлечь чье-то внимание, чтобы маму скорее отвезли в операционную. Но все проходили мимо и лишь отмахивались от меня, говоря, что ее сейчас заберут. Словно они все знали, что маме уже ничего не поможет. Нет, они, конечно, не знали, просто мама моя, моя единственная родная мама была им глубоко безразлична, она была чужой в их жизни. Как чужим был и я.

Крайний справа Василий Николаев, отец Марии Васильевны, подписавшей фотографию: «Память родного папы, дорогого для меня». 1920-е гг.

Вместе с медсестрой я докатил коляску до лифта, держа мамину руку в своей. Она была холодной и безжизненной. Мама совсем затихла, она даже перестала стонать. Я постоянно произносил про себя одну и ту же фразу: «Мама, мамочка, ты только не умирай, ты только живи, сейчас тебе сделают операцию, все будет нормально, все снова будет нормально, все будет хорошо».

Кому я это говорил? Ей или себе? Ведь она не слышала меня и не могла слышать, будучи без сознания. Просил ли я Бога, чтобы он оставил ей жизнь? Не помню, все это слилось в один страшный миг. Мама и струйка крови, стекающая из ее головы по седым волосам – у мамы рано появилась седина и вначале она ее закрашивала, а потом перестала. Нет, струйка не стекала, она застыла и в полутемном коридоре (не горело несколько лампочек) я не сразу ее заметил. Я гладил маму по волосам, а застывшая струйка крови все время мешала мне провести руками от макушки до подбородка.

Простыня сбилась и оголила мамино тело. Боже мой, какое оно было белое и маленькое, совсем как у девочки-подростка. Мама так и осталась худенькой, какой она была всегда, а ростом она не вышла – где-то чуть больше 150 см. Впрочем, я даже не знаю, каким был ее рост, каким вес. Очень маленькая, очень хрупкая и легкая, совсем девочка, вот только волосы седые говорили, что она уже много пережила, да пальцы рук – последнее время ее мучили они очень – искорежились от подагры, она постоянно поглаживала их, словно это могло уменьшить боль. Все время перед глазами, как она поглаживает руки, думая о чем-то своем.

О чем она думала? О несложившейся жизни – странной, мимолевой, безрадостной. Были дети – я и сестра, была работа, а счастья не было. Счастье было где-то и у кого-то, у нее не было, так уж сложилось – они были с отцом далеки друг от друга: интересами, кругом общения, даже физически. Я сильно из-за этого переживал, особенно в переходном возрасте. Переживал, когда отец поздно возвращался домой. А он всегда возвращался

Мария Васильевна Николаева с сыном Виктором. 1955

Николай Васильевич Котляров. 1949

поздно. Я лежал в постели и считал до ста (почему-то был уверен, что, когда досчитаю, он придет), вот уже восемьдесят, а его нет, я замедляю счет, а его все нет. Я как бы сбиваюсь и начинаю где-то с середины, а его все нет, тогда я начинаю мысленно представлять: вот отец свернул на нашу улицу, вот он подошел к дому, вошел в калитку. Сейчас постучит в дверь, но никто не стучал.

Потом мы получили квартиру на Горной. В то время на ее окраине, где не ходили автобусы и ночью было тихо и опасно. Да, отцу дали квартиру. Двухкомнатную вместо трех, он ждал ее лет пятнадцать, а его подсадили – коллега по работе, который подключил всех и редакции выделили не трехкомнатную, а две двухкомнатные,

и отцу ничего не оставалось, как согласиться. Мама плакала, но что она могла поделать? И что мог сделать отец? Только отказаться? Но предлагали в следующий раз?

Перед переездом мы размышляли, где кто будет жить – речь шла о трех комнатах. Зал единодушно решили оставить свободным. Но теперь, когда их оказалось две, где жить отцу? И отец спал в зале, а мы втроем в другой комнате – два книжных шкафа поставили посередине, перегородив комнату, оставили проход, в первой так называемой половине поставили две кровати параллельно (для мамы и сестры), а в другой половине (в комнате было 18 метров) перпендикулярно к окну – диван, на котором спал я. Так мы жили несколько лет, пока я не женился и не ушел.

Не помню, чтобы мама с отцом ругались особенно часто – отец, случилось, приходил навеселе (друзей было много, спаивали его безбожно – у него было лучшее в газете да и республике перо и его, перо, коллеги эксплуатировали безжалостно: материалы частенько выходили за двумя подписями, но писал их только отец. Писал он по ночам – разборчивым, красивым почерком, за ночь создавал из фактов, имеющихся в блокноте, маленький шедевр. Понятно, что не из блокнота, а из сердца. Материалы, которые трогали людей. Он был хороший журналист, мой отец, даже очень хороший.).

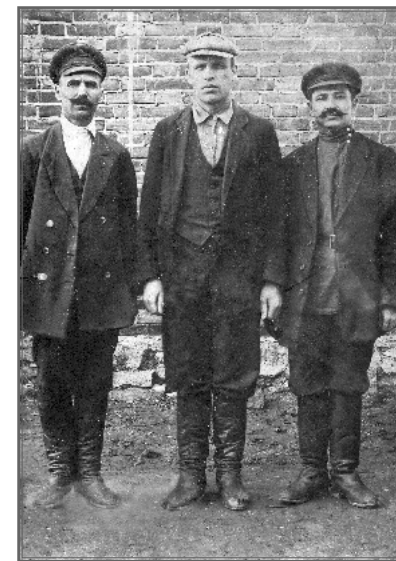
Они были с мамой совершенно разные, абсолютно несовместимые, было непонятно, что их связало и держало. Я, будучи маленьким, думал,

почему бы характер мамы не передать отцу, как бы хорошо нам жилось. Одной из причин ссор была постоянная нехватка денег – жили на зарплату отца и мамину, учительскую. Когда перевозили мебель на новую квартиру, а произошло это в 1973 году, было стыдно перед людьми – такими старыми и обшарпанными выглядели наши шкафы и кровати. Кто-то даже сказал: «Стоит ли, Котляров, такую рухлядь поднимать наверх?» Я видел, как отцу стало больно – он отшутился, но лицо потемнело.

Наверное, поэтому он находил отдушину в вине. Его, талантливого по природе человека, все время давили и били: не назначили редактором «Молодежки» в 1953-м, потому что редактора подбирали по национальному признаку; не приняли в дипломатическую академию (он уже получил подтверждение о зачислении), потому что еще один коллега написал письмо в ЦК, где напомнил о кулацких корнях Николая Котлярова. И отца не приняли, а приняли этого человека, но от академии он не стал умнее. Дипломная работа отца (переплетенная) еще долгие годы валялась среди старых газет.

Потом в жизни отца была другая газета, сотоварищи, которые поняли, что Николай безотказный человек, особенно если его угостить. Удивительно, эти же самые люди впоследствии сигнализировали в обком партии, когда отца должны были повесить до заместителя редактора, сигнализировали как о его непролетарском происхождении (дед, умерший на Соловках, все время напоминал о себе), так и о склонности к пьянству. Но отец никогда не был пьяницей, он просто находил в спиртном забвение и успокоение, когда можно было не вспоминать о несложившейся жизни.

Самое интересное, что, когда меня в 1980 году должны были сделать редактором «Молодежки» и что-то помешало, отец и я были уверены: причина не в той национальности, но это оказалось не так. Во время путча,

На этом снимке есть подпись. Она гласит: «На долгую память дорогому семейству – Мане, Нюре, Коле и Ване от вашего папаша Василия Андреевича Котлярова. 1930 года мая 22 дня». Дед (на снимке справа) в это время находился на Соловках, где и сгинул. Снимок был сделан в день рождения его сына Николая

когда личные дела, хранящиеся в партийной комиссии, уничтожались, мне показали мое, а в нем письмо от уже моего коллеги, напоминавшего о том, что дед Виктора был врагом советской власти и раскулачен; далее уточнялось, что Котляров-старший попивает и Виктор может пойти по его стопам.

Так вот они и жили, мои родители – ссорились (помню, в детстве бабушка все время спрашивала, ругались ли папа с мамой сегодня или нет, и я всегда кивал утвердительно головой); мирились, в последние годы даже ездили вместе за границу (я доставал им путевки, это было раза три, они привозили палас, сервиз, еще что-то дешевое, надрываясь и мучаясь, потому что в своей жизни никогда не видели благополучия и достатка). Так и жили – вне друг друга, а оказалось, что без друг друга не могут.

Я молил Бога, стоя на лестнице, продлить мамину жизнь, но он не слышал меня, вероятно, я не настойчиво просил. А потом маму привезли домой, и отец изменился на глазах.

В ночь перед похоронами я остался с мамой один – отец вместе с двоюродными братьями находился в соседней квартире, они пили, мои непутевые братья, ушедшие практически следом за отцом, пили вместе с «дядей Колей», и я не мешал им. О чем я думал, сидя рядом с мамой? Я пытался говорить с ней, но она меня не слышала, я пытался звать ее, но отклика не было, я пытался уверить сам себя, что ее душа здесь, в этой комнате, но не мог и не смог достучаться до нее.

Так она и ушла, не сказав мне самого главного, что любила меня и мою сестру больше жизни. Так она и ушла, не услышав от меня слов любви и признательности. Я как-то написал и опубликовал в газете заметку о ней, но эти слова так и не смог сказать вслух.

В тот день 1 апреля, когда я звонил ей вечером, они тоже не прозвучали. Зачем, ну зачем она вновь вышла на улицу?! Сестра сказала, что мама, открывая дверь, сказала, что не догуляла и вновь пошла во двор. Во двор, а оказалась на улице, на пешеходном переходе, где ее сбил водитель, руководитель телевизионной мастерской «Горизонт» (в то время востребованная должность), который смог за то время, пока мы спасали отца, полностью уничтожить улики и уйти от ответственности. Его никак не наказали, а я ничего не смог сделать, в прокуратуре сказали, что уже поздно, улики нет – он разобрал машину. Этот человек приходил ко мне, предлагал деньги за мать – четыре тысячи рублей (по тем временам четыре миллиона), приходил в ночь, когда я сидел у гроба матери. Как пришел, так и ушел со своими деньгами. Я не мог его простить. Простил ли его Бог, не знаю...

Той ночью в комнате нас было двое: я и мама. Горят, потрескивая, свечи. Полумрак. Тишина. Я обращаюсь к маме, к душе ее, ведь она здесь, она рядом, она меня видит и слышит, так утверждают... Но слова мои не находят отклика, отзвука, возвращаясь ко мне и застывая, словно лава. Сон

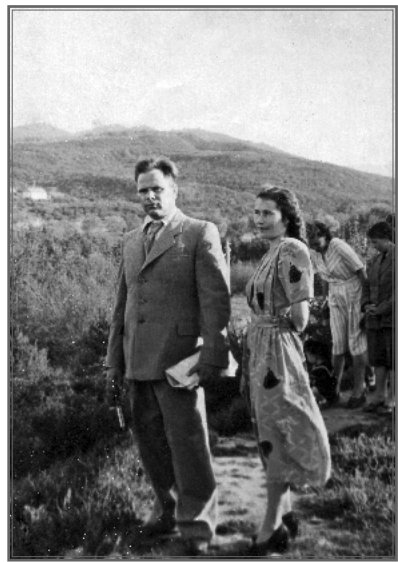
пытается овладеть моим разумом, стряхиваю его, как покрывало, прошу прощения. Ответа нет... Лишь резко колеблется пламя свечи, словно от неизвестно откуда взявшегося в наглухо закрытой комнате порыва ветра, да вползает в окно рассвет...

Вот из темноты выплывает букет белых цветов, стоящих на столе у окна. Почему-то весь стол усыпан лепестками, их так много, они лежат целыми соцветиями. Появляется сестра вся в черном, подходит к маме, потом к столу, что-то говорит, совсем тихо, для себя. Вслушиваюсь: «Совсем бесовские, продали несвежие цветы...». Сестра собирает в ладонь лепестки, но только она уходит, коричневая поверхность стола вновь усыяна ими. Я подхожу к столу и только тогда понимаю, что это хризантемы. Огромный букет белых хризантем – импортных, привезенных издалека и судя по всему давно. В нос бьет тяжелый, насыщенный запах. Запах увядания. Я беру букет вместе с вазой и уношу его в ванную.

Кто принес эти хризантемы, я так и не узнал...

...А потом были похороны и кто-то, шедший рядом со мной, бросал на землю цветы. Это были те самые хризантемы, которые я отнес в ванную.

Отец шел за гробом – не понимающий что происходит, в тапочках на голую ногу. Я смотрел на эти тапочки и понимал, что это конец, что отца тоже нет. Он действительно уже на следующий день стал погибать буквально на глазах – скорая, участковый врач, больницы на краю города (психоневрологический диспансер, перевод в кардиологию), сиделка, консилиумы. Один за другим у отца отказывают внутренние органы – печень, почки, он теряет координацию, память. В редкие, как будто осознанные минуты, задает один и тот же вопрос: «А почему не приходит мать?». Промолчишь, пропустишь мимо ушей, а он через минуту снова: «Что, твоя мать про меня забыла?». Соберешься с силами, попытаешься как можно спокойнее и убедительнее сказать: «Папа, мамы больше нет. Мы ее похоронили. Помнишь, ты с ней попрощался, поцеловал... Она уже не придет никогда». Как буд-

Мария и Николай Котляровы.
Конец 50-х гг.

Мария и Николай Котляровы. 1950-е гг.

то поймет, успокоится, притихнет, медленно-медленно поползет по щеке слезинка, а через мгновение: «Маша, наверно, в саду задерживается? Она уже посадила картошку?..». Посадила, посадила, и клубнику уже обработала, скоро урожай будет...

Ожидание беды хуже ее самой. Уже долгое время пригвожденная к постели, нуждающаяся в постоянном уходе и заботе, мать моей супруги Марии 5 мая тихо ушла в мир иной. Ставший уже знакомым круг – поликлиника, свидетельство, похоронное бюро, разрешение на подзахоронение. Катафалк, венки, близкие, прощание под трели птиц, приветствующих бурную весну...

Хризантем на могиле не было...

Снова больница – отца надо забрать: тяжкий спуск по лестнице (лифт не работает), проблемы при посадке (у машины узкая дверь), квартира, папин диван и его требовательное: «Вы позовете наконец-то мать!».

Время сконцентрировалось неимоверно: жизнь стала покидать папу буквально на глазах. Рынок: лекарства у спекулянтов, памперсы для взрослых. Смена простыней и нижнего белья, грузное, безвольное тело, сжигающая температура, спекшиеся губы, потеря речи...

Лишь глаза – чистые, бездонные, все понимающие... «Папа, ты слышишь, не уходи, не умирай. Завтра твой любимый праздник, День Победы. Врачи разрешили тебе поднять чарочку, говорят, святое дело. Надо, папа, обязательно дожить. Вот, посмотри, Ельцин прислал телеграмму. Лично тебя, Николая Котлярова, участника войны, поздравляет...»

Слышит, понимает, скатывается слезинка по щеке... А за телеграммой президента в почтовом ящике конверт – уведомление из первого УВД г. Нальчика: «...в отношении водителя БМВ Кучменова отказано в возбуждении уголовного дела... в его действиях отсутствует состав какого-либо преступления, предусмотренных частями ст. 264 УК РФ». (А уж потом, при обращении в прокуратуру, сухое: «Ваши доводы несостоятельны». И в приватной беседе: «Где вы были раньше? Автотехническая экспертиза – дело

дорогое. Кстати, мы интересовались, машины уже этой нет, разобрали на запчасти». Отказной материал. Отказные души. Даже не о справедливости речь – о вере, которую убивают.)

...День Победы наступил. Как любил его отец, как ждал! Прошедший от Нальчика до Берлина, стрелявший прямой наводкой из гаубицы по рейхстагу, он никогда не говорил о своих подвигах, не пользовался ветеранскими льготами. Рассказывая в газетных очерках о наградах своих героев, скромно умалчивал о многочисленных орденах и медалях, полученных им за бои на Малой земле, под Бобруйском и Ковелем, за взятие Варшавы, при форсировании Одера...

Никогда, даже в День Победы, не надевал всех наград, отшучивался: «Не хватало еще железками звенеть...». В последние годы сделал наградные колодки, носил на пиджаке, но не добавлял к ним новые, небоевые, те, что полагались к медалям к юбилейным датам. В этот день, 9 Мая, отец, как мне теперь думается, мечтал ощутить причастность к тому большому, что мы называем Отечеством, Родиной, страной, которая без него была бы неполной. Пусть на мгновение, но осознать ненапрасность прожитых лет, свою необходимость.

...Как я любил своего отца, как ждал, как за него волновался. Помню, он пришел за полночь, пришел после застольной встречи с друзьями, и я ему что-то резкое и безжалостное высказал. И обидел, сильно обидел. Отец молча сидел на диване, сидел с закрытыми глазами, и я был уверен, что заснул. А потом он встал, взял лист бумаги и долго писал что-то крупным почерком. Очень крупным. Молча положил на стол. Я только утром смог прочитать написанное. Там было всего несколько слов, как сейчас помню, всего несколько избитых сентенций, врезавшихся в память: «Не спеши судить – старайся понять», «Не плюй в колодец, еще пригодится»...

Боже, как мне стало больно. Я вернулся в свою малюсенькую комнатку (это было еще на старой квартире, когда у нас было три небольших комнаты), уткнулся лицом в подушку. Бедный мой отец, почему тебе так мало было дано?

Я лежал и вспоминал то, что нас связывало. Когда мне было лет двенадцать, соседский мальчишка кинул в

Иван Васильевич Котляров. 1949

меня камнем и разбил голову, кровь прямо-таки струей полилась. Отец нес меня на руках, а на пылающей от июльской жары земле оставались капли крови, дорожка из капель. И еще других капель. Не красных, черных, так заметных в пыли. Это были слезы. Мои. Но их было слишком много. Значит, и отца. Значит? Мальчишки потом смеялись: «Твой отец плакал, когда тебя нес к скорой помощи, мужик и плакал». А мне было стыдно, боже мой, мне было перед ними стыдно за отца, проявившего родительские чувства, мне хотелось, чтобы он врезал моему обидчику оплеуху, это виделось более достойным мужским поступком.

Помню, как выяснилось, что мне не в чем идти на выпускной в восьмом классе – не было белой рубашки, и отец, услышав это от матери, укорявшей его, молча встал, ушел, но вскоре вернулся. Вернулся с белой нейлоновой рубашкой, которые тогда только появились и стоили очень дорого – 20 рублей при 80-рублевой маминной зарплате учителя истории. Конечно, размер оказался не мой, но как я гордился этой рубашкой – первой вещью, купленной мне отцом.

...День празднования Великой Победы стал последним днем моего отца Николая Васильевича Котлярова на этой земле. Он прожил его, он перешагнул его, не дожив всего ничего до своего семидесятипятилетия. И ушел, ушел ровно через сорок суток после смерти мамы – 10 мая 1997 года... Тогда как-то не придали значения мистичности этой цифры, ограничивающей срок пребывания души в нашем мире. Лишь череда новых потрясений заставляла задуматься о неслучайности всего происходящего.

...День за днем, месяц за месяцем, жизнь или то, что ею называется, – забота о хлебе насущном, проблемы, заботы. Все проходит, все забывается в суете сует. Отгоняешь мысли о плохом, а они снова в голове, они возвращаются, напоминая о себе: дядя Ваня (родной брат отца) болеет, стал совсем плох, надо что-то делать... А что, если он даже не хочет слушать о врачах, отвергает саму мысль о сочувствии и уходе, так необходимым ему, инвалиду-фронтовику, ибо привык надеяться только на себя, и так и прожил всю свою жизнь, не будучи никому в тягость, не побеспокоив никого своими болячками и бедами, болью и тоской, даже гражданскую жену, под одной крышей с которой проведено чуть ли не три десятка лет. А при встрече щемящие душу слова: «Колю я уже годами догнал, пора и встречаться».

В октябре 1999-го ему исполнилось 75. После этого словно поезд под откос: хуже и хуже с каждым днем. Потерял интерес ко всему, практически перестал выходить из дома, угасал на глазах. Приезд по нашей просьбе из Санкт-Петербурга его племянницы Тамары, которая была для него как дочь, не замедлил угасание, как и искусство знаменитого врача, практиковавшего в Кремлевской больнице. Он ушел на наших глазах, ушел, как

Никита и Анна Поповы и их сын Юрий.
1940-е гг.

и отец, в страданиях и муках – телесных и душевных. Ушел непонятый, непринятый, неоцененный, оставив после себя лишь память в сердцах знавших его, а в вещественном плане – шкатулку с самым, возможно, дорогим для него в этой жизни – двумя десятками орденов и медалей, реальной оценкой прожитых лет, оценкой, не нужной никому. И слова звучали при прощании в этот день 22 ноября 1999 года, и автоматные очереди, а как опускать в могилу да засыпать – никого рядом не оказалось...

Уже потом, через время, я разбирал дядины фотографии – он любил фотографировать, особенно цветы. Вместе с Тамарой, моей двоюродной сестрой, они каждое лето проводили в ботанических экспедициях, все фотографии для нее делал дядя. Десятки, сотни фотографий полевых цветов и отдельно, в черном конвертике для негативов, цветные снимки садовых. Одни дубки... только дубки... Ничего больше хризантем...

В прошедшие после ухода дяди сорок дней вместились смерть еще одного близкого мне человека – двоюродного брата – Юрия Попова, так и оставшегося даже в свои шестьдесят непутевым Юркой – скромным, спокойным, тихим, казалось, даже не знавшим, что можно повышать голос, чего-то требовать, доказывать. Жизнь брата покатила под откос после его назначения начальником колонии в Каменке. Не мог такой добрый человек быть начальником, никак не мог. Проработал чуть-чуть, совершил аварию: подростки протянули через дорогу железный трос, который при движении (дело было к вечеру) разорвал несущийся Юркин «газик». Один из концов троса нашел свою жертву, наблюдавшую за экспериментом. Самое страшное было в том, что на месте водителя сидел не Юрка, другой человек – из милицкого руководства. Как они уже его убедили взять вину на себя, не знаю, но...

Юрий Попов, Мария Николаева, Тамара Попова (*сидят*), Николай Котляров (*стоит*) с детьми Виктором и Еленой. 1964

Поселение было вольным, Юрка там даже сошелся одно время с женщиной, у которой был ребенок, привез ее в Нальчик. Но что-то не сложилось. Остался один. Без всякой протекции нашел работу главного экономиста на МДК «Эльбрус». В годы перестройки предприятие это, чье название раньше постоянно было на слуху, зачахло, не вписалось в рынок. Заках и Юрка. Ушел на пенсию. В последнее время жаловался на кашель, но от помощи отказывался. Встречались редко. Но даже не думалось, что все произойдет так скоро.

Ночной звонок. Такси, везущее на улицу Орджоникидзе, в дом, где я провел детские годы и который для меня стал все чаще ассоциироваться с чем-то трагично-тягостным. Сюда привезли в 1981 году четырнадцатилетнего Ванечку – сына Тамары, поехавшего вместе с отцом и матерью в ботаническую экспедицию в Дагестан и нашедшего там свою смерть – жили в школе, спускался по лестнице, оступился, ударился виском...

Отсюда ушла в мир иной тетя Нюся, родная сестра отца, мать Тамары и Юрки... И вот он сам. Еще живой, еще дышащий, но молчащий, находящийся без сознания, уже парализованный инсультом. Еще впереди ночь в

реанимации, куда его-таки заберут под давлением наших друзей, поиски лекарств в аптеках ночного города, мысли о дне завтрашнем – к кому обратиться, где искать сиделку, вызывать ли Тамару... А самого будущего с Юркой уже не будет, ибо 28 декабря 1999 года его не станет – он уйдет, не сказав ничего, уйдет вслед за дядей Ваней, словно бессловесно прося прощение за те хлопоты, которые доставит нам, живущим, его усопшее тело...

Время потерь набирало обороты. Пришел черед Вали, гражданской жены моего дяди. Чуть больше пятидесяти отвела ей жизнь, щедро, с лихвой, одарив болями и болезнями. В юности неправильный онкологический диагноз и последовавшая операция надорвали здоровье. Так случилось, что рядом оказался дядя, человек, старше более чем на два десятка лет, выходивший ее, вернувший к жизни. Они стали жить вместе. Не все получалось, да и не могло, наверное, получиться – слишком велика была разница в возрасте, характерах, мировоззрении, воспитании...

В последние годы им было тяжело находиться под одной крышей, но и врозь, как оказалось, тоже не смогли долго друг без друга. Еще недавно, как и дядя, работала бухгалтером, несколько месяцев назад ушла на пенсию по состоянию здоровья, редко стала выходить из дома, еще реже звонила, жила сама по себе. Мысли о ее будущем пугали – никого из родных рядом, самая близкая, девчонка-племянница, живет в Прохладном. Как помочь? Кому взять ответственность за ее несложившуюся судьбу? Ответы на эти вопросы дал жаркий субботний день 28 июля 2001 года. Звонок племяннице, приехавшей провести тетю: «Валя не отвечает, дверь заперта изнутри».

Попытки открыть дверь ни к чему не приводят. Соседи советуют позвонить в пожарную охрану или дежурному МЧС, те, в свою очередь, вызвать участкового милиционера. Милиция обещает скоро быть. Минуты идут за минутами, никто не приходит. Невмоготу, хотя уже давным-давно пришла уверенность: ничего хорошего за этой дверью не ждет. Там, внутри, смерть, сквозь щели пробивается ее трупный запах. Сладко-приторный запах. Запах хризантем. Снова вставляю в замочную скважину ключ, проворачиваю его, неожиданно раздается щелчок, дверь открывается...

Вали больше нет, вернее, она есть – она или то, что осталось от нее после ужасающей жары, буквально разложившей тело, и мириадом гнид, которые обычно творят свое черное дело под землей, поглощая плоть человеческую. Что произошло? Как она умерла? Сама ли, помогли ли? Все эти вопросы останутся без ответа. По крайней мере для меня, ведь прокуратура оперативно закрыла дело. Стоит ли заходить в квартиру, где невозможно дышать от запаха смерти, дотрагиваться до того, что вызывает отвращение? А что лежит прямо в коридоре без одежды да вещи разбросаны – так жарко ведь, невероятно жарко. Дверь ведь была закрыта. Была, но открылась...

Не было покоя Вале и после смерти. В труповозку мы ее положили, когда уже стемнело – спускаться оказалось некому, даже за деньги, а в самом морге не нашлось места на леднике. Из Приэльбрусья привезли сразу четырех альпинистов, нашедших гибель в горах, приюте своей любви. Опять телефонные звонки – воистину какая странная, невообразимая для обычного восприятия просьба: положить труп на ледник. Медицинское заключение, констатирующее, что причины смерти не выяснены, машина с гробом, направляющаяся в Прохладный, еле держащиеся на ногах кладбищенские рабочие, в обязанность которых, в отличие от Нальчика, входит не только вырыть могилу, но и зарыть ее... И свербящая, разрывающая душу мысль: кто следующий?

Лето заканчивалось, старушки на улице стали продавать первые хризантемы...

Ответ кто следующий прозвучал ровно через сорок дней – 5 сентября 2001 года. Телефонный звонок, раздавшийся в два часа ночи, не разбудил – уже давно не спалось. С полчаса назад встал, оделся, пошел на кухню, включил чайник, пытался читать газету. Словно неосознанно (или осознанно?) ожидал беды, вестником которой мог быть только телефон.

Но от кого? Но о ком? Нас, родных, так мало осталось...

И он зазвенел: «Юра умирает!». Юра? Какой Юра? Наш Юрка уже давно умер. Не сразу, но начинаю понимать – Тамара, двоюродная сестра, вместе с мужем только что приехала из Краснодара. Им надо было в Пятигорск, но билеты имелись только до Нальчика, они и заглянули на пару дней, остановились в родительском доме на Орджоникидзе. Только что Юре стало плохо, звонила по просьбе Тамары соседка...

Такси, на котором доезжаю только до улицы Головки – перевернутая машина на пути, внутри стонущий человек, водитель останавливается сам, спешит на помощь. Я не задерживаюсь – сквозь темень ночи бегу навстречу беде, ибо знаю, что она уже забрала свою очередную жертву и

Ваня Меницкий, ушедший из жизни в 14 лет в 1981 году

по-другому не может быть. Высоко в небе сияют далекие-далекие звезды, цикады своим несмолкаемым пением наполняют воздух и такое спокойствие и умиротворенность царят вокруг, что сам мой вопрос кажется кощунственным и бессмысленным: «Как?».

«Юры больше нет, – это голос Тамары, голос спокойного человека, еще не понимающего, что произошло, еще не осознающего всю бездну, открывшуюся в эти мгновения. – Он захрипел, я спросила, что с ним, он не ответил. Тогда я включила свет, а он уже не дышит, стала делать массаж сердца, но было уже поздно. Побежала к соседям, попросила позвонить и «скорую» вызвать...»

Подъезжает машина «скорой помощи», врачи быстро и привычно констатируют уход человека, еще полчаса назад живого, бодрого, строившего планы на будущее, живущего этим будущим. Известнейшего в научном мире ботаника, ведущего специалиста по флоре Кавказа, автора фундаментальных работ, коренного петербуржца, пережившего ребенком блокаду... Почему судьба привела его в Нальчик? Только ли потому, что не было билетов до Пятигорска? Или для того, чтобы встретиться на одном погосте с сыном, лечь с ним рядом в землю?

Почему отвела так мало – неполных 64 года, и те наполнила жизненными превратностями и горечью потерь. В экспедиции погиб сын Ванечка, которому, видно было по всему, предстояло стать светлейшей головой, из экспедиции не вернулся он сам – Юрий Леонардович Меницкий, скромнейший труженик ботанической науки, «влюбленный в Кавказ – прекрасную страну, которой он остался верен до конца». Это строчка из одной из многочисленных телеграмм соболезнования.

Что к ней добавить? Он всю жизнь был верен Кавказу, и Кавказ приютил его. А ведь вначале думалось по-другому – размышляли, как отправить гроб в Санкт-Петербург, узнавали, звонили, а надо было вызвать представителей милиции и прокуратуры, так как врачи «скорой» выдали лишь справку о том, что смерть произошла после их приезда. Теперь, чтобы получить свидетельство о смерти, надо было производить вскрытие, а значит, везти в морг, идти по пути, столь хорошо и страшно проторенному...

Тетя Нюся, сестра отца, в доме которой умер Юра, тоже, как и моя мама, любила дубки. В их дворе они росли повсюду, преимущественно розовые. И хоть со дня смерти тети Нюси прошло много лет и за цветами никто не ухаживал (у проживавшего в доме в мужском одиночестве моего двоюродного брата Коли они вниманием не пользовались), дубки каждый год продолжали цвести. Понятно, что в ногах Юры лежали только хризантемы, как их же бросали на землю перед людьми, несущими гроб.

Путь этот был совсем коротким – нести гроб было некому, тем более что Юра был человеком высокого роста, крупным и грузным, а пришед-

ших – единицы. Ученого с мировым именем в Кабардино-Балкарии никто не знал, с биологического факультета пришел декан и еще пара человек, с которыми Меницкого и Попову связывали профессиональные интересы.

...Но брата Кольку, которого я только что вспомнил, хоронили уже не с улицы Орджоникидзе. У Кольки – так я его всегда называл, хотя он был старше меня на четыре года – жизнь тоже не сложилась. Нет, семья была: жена, двое детей, мальчиков – статных, высоких, красавцев, но согласия не было. Брат был великолепным инженером. Он работал в гремевшем в те годы на всю республику объединении «Каббалкавтотранс», который возглавлял Феликс Ахмедович Хараев – неугомонный человек, буквально фонтанировавший свежими идеями, направленными на поднятие рабочей активности, стимуляцию трудовой отдачи, создание атмосферы творческой состязательности. Заявляли о себе все новые и новые транспортные предприятия, строились станции техобслуживания; проектно-технологическое бюро не просто предлагало немыслимые еще вчера новации, а успешно воплощало их в жизнь. Помнится, как заинтересованно ожидали горожане внедрения автоматической системы управления транспортом «Нэжан», призванной наконец-то навести порядок в автобусном движении и успешно справившейся с этой непростой для того времени задачей. Но особенно много разговоров шло о решении социальной программы в объединении – ведь квартирный вопрос, тот самый, что, булгаковскими словами, испортил москвичей (читай – советских людей), за все годы социализма никогда не сходил с повестки дня. А Хараев эту проблему (неразрешимую по своей сути для существовавшей системы) успешно снимал, возводя один жилой дом за другим. Люди не просто числились в очереди на жилье, они знали, что их время обязательно придет, пусть не так быстро, как хотелось бы, но квартиру родное предприятие им обязательно выделит. Определение «родной» вовсе не дань терминологии тех лет, оно действительно было родным для сотен и тысяч тружеников «Каббалкавтотранса». Знаю об этом не из докладов и интервью руководства, а по судьбе Кольки, работавшего вместе с супругой в том самом проектно-конструкторском бюро и всего через четыре года получившего собственную квартиру. Не по блату, не в виде исключения или особых отношений, а согласно очереди. По закону.

Помнится, как буквально взахлеб рассказывал брат о своей работе – не столько о проектах, инициативах, начинаниях, объединявших людей в рабочее время, как об отношениях, царивших в коллективе, особой, столь редкостной для того времени всеобщего пофигейства атмосфере поиска, самоотдачи, коллективизма. В самом высоком смысле этого слова, когда люди спешили утром на работу со светлыми чувствами, а шли домой не раздраженные, выжатые как лимон, а удовлетворенные сделанным.

Но пришла перестройка, проектно-технологическое бюро приказало долго жить, лишился работы и Колька. Новую он так и не смог найти. Выдержав постоянные упреки супруги мягкому, незлобивому брату (ни разу не слышал, чтобы он говорил на повышенных тонах) становилось все тяжелее. Его откровенным образом выпихивали из квартиры, которая была на него записана. Он стал все чаще жить в родительском доме, а после смерти Юрки переселился туда окончательно.

Как-то мгновенно стал сдавать – навалились болячки, о которых раньше и не слышал, особенно беспокоило давление. Тамара предлагала переехать ему в Санкт-Петербург, но он не согласился. Тогда решили продать дом, рушившийся прямо на глазах (соседи, вписавшиеся в рынок, построили на своей территории такую махину, которая в прямом и переносном смысле закрыла Кольке свет), и купить квартиру. Покупателем выступила как раз соседка. На эти деньги удалось приобрести лишь «трамвайчик» (две комнатухи с крошечной кухонькой) в пятиэтажной хрущобе, что на Байсултанова. Перевезли мебель – старая, обветшалая, она выпирала из всех углов малогабаритных комнат, буквально вопия о своей нищете. Книжки (в основном ботанические труды, да гербарии, которые Тамара собирала годами) заняли все шкафы, в том числе платяной. Вещей, как выяснилось, у Кольки почти не было. Я привез кипу своих, но большинство из них ему не подошли.

Квартира брата оказалась буквально в двух шагах от того дома, где жила когда-то Света...

Но прожил в ней Колька всего ничего. Каюсь, в этом и моя непрощаемая, неизбывная вина: в суете, беготне, проектах и начинаниях – частное издательское дело на ниве ниционального просвещения без государственной поддержки оказалось не то что прибыльным – катастрофически затратным. Все не хватало времени заняться Колькиным здоровьем, положить в больницу, обследовать всесторонне. Отделялся минимальным: давал деньги на пропитание. Брат приходил еженедельно, забирал энную сумму, благодарил и уходил. Пенсию он не получал. До нее еще надо было дожить.

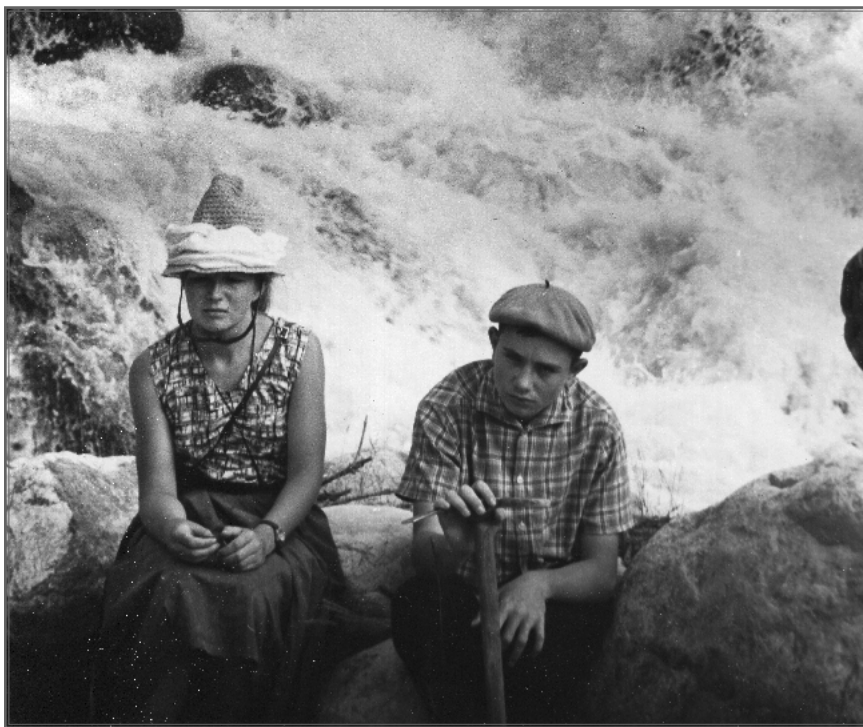
Не дожил... Я не заметил, что он не пришел в положенный срок, потом уехал в срочную командировку, а вернувшись, только на следующий день поинтересовался у бухгалтера на работе: «Коля больше за деньгами не приходил?» – «Не приходил, – прозвучал ответ. – Не больше, ни на прошлой неделе». Внутри все оборвалось, но когда я лихорадочно ловил такси, а потом ехал на Байсултанова, надежда еще теплилась: приболел, заначку использовал, в конечном счете, если бы что случилось, соседи (им оставил номер рабочего телефона) позвонили бы.

Не позвонили... Не знаю почему (в суматохе забыл об этом спросить), но не позвонили...

Дверь Колькиной квартиры, что на первом этаже, была закрыта, но белая полоска бумаги с синим нечитаемым штампом, приклеенная на ней, свидетельствовала о самом страшном: Кольки больше нет. В подъезде все еще стоял густой сладкий запах. Несколько дней назад, почувствовав его, соседи вызвали милицию. Вскрыли дверь. Колька лежал на полу в коридоре. Май 2006 года выдался очень теплым, при закрытых окнах тело начало разлагаться практически сразу. Вскрытие показало: случился инфаркт, брат упал, видимо, потерял сознание и никем не услышанный умер.

Валя прислала весточку о себе...

Боль и стыд не оставляли меня все дни, пока занимался вопросами похорон: морг, оформление множества документов, приезд сестры, могила среди других могил родных и близких людей: Юры, мужа Тома, Вани – их сына, другого Юры – моего двоюродного брата. Для Кольки места не осталось. Пришлось выкопать напротив, залезая на негласную территорию соседей: Колькина могила стала перпендикуляром к трем другим. И уже

Галина Кудряшова и Виктор Котляров. 1965

потом, через время, кто-то посчитал, что на этом месте никто не лежит, и попытался сделать подзахоронение.

Словно в наказание за то, что не почувствовал, не прочувствовал, не разделил, не уменьшил боль брата, начались проблемы со здоровьем. Повышенное давление стало постоянным спутником: я умирал от головной боли, которая была такой сильной, что хотелось лезть на стенку. В голове мутилось, все плыло перед глазами, лоб постоянно был горячим. Ложиться в больницу не хотелось – лечился амбулаторно. В основном народными средствами. Травники, корейские иглотерапевты, многочисленные экстраксы, снабжавшие пахучими наборами, проделывавшие болезненные прижигания и бесполезные пасы, после сеансов радостно вопрошали: «Вам, конечно, стало легче?» Я, чтобы не обидеть их, утвердительно кивал головой, но легче не становилось. Совсем худо стало после того, как перестали помогать таблетки. Я их пил горстями, а давление, злобное, не снижалось.

Инфаркт стремительно приближался.

В это время ушла из жизни Тамара. Она сгорела за несколько месяцев. В январе сообщила, что чувствует себя плохо. Положили в больницу, быстро выписали. Как мне стало известно позднее – уже было поздно что-то предпринимать. Потом почувствовала себя лучше, даже съездила с дочерьми на море. Что, как оказалось, ей категорически делать было нельзя: у сестры оказался рак, о котором она не знала, но дети были поставлены в известность. Рак и горячее южное солнце... Я так и не понял, почему она поехала, почему ее не остановили дочери – Оля, тихая, невидная, незаметная, на которой после Вани, ребенке гениальном, природа решила немного отдохнуть, и Аня – дитя-индиго, последыш, проявлявший с малых лет завидную самостоятельность и независимость, отбрасывая малейшие попытки поделиться с ней опытом.

Похоронили Тамару быстро, мало кто из знакомых успел с ней проститься – не уведели, забыли. Я узнал о смерти сестры поздним вечером – перед самыми похоронами. Не успевал ни при каких обстоятельствах. Впрочем, меня там, судя по всему, и не ждали.

Сообщила о смерти сестры Галя Кудряшова – тоже ботаник, бывшая нальчанка, судьба которой оказалась схожа с Тамариной: общий выбор, общая работа, общие интересы и друзья. Галя и написала некролог, который был опубликован в девятом номере Ботанического журнала за 2008 год в разделе «Потери науки». Он достаточно большой, со списком многочисленных научных работ сестры. Вот несколько абзацев из него.

«25 июля 2007 г. ушла из жизни Тамара Никитична Попова, старший научный сотрудник отдела Гербария Ботанического института, куратор кавказского сектора, выдающийся систематик высших растений и знаток

флоры Кавказа, широкообразованный ученый-ботаник, настоящий подвижник науки.

Т. Н. Попова родилась 30 декабря 1940 г. в г. Нальчике, где она окончила школу (с золотой медалью) и затем Кабардино-Балкарский государственный университет (КБГУ), получив диплом с отличием. Т. Н. была очень одаренным от природы человеком. В школе училась легко, ей все было интересно, она успешно овладевала знаниями, прекрасно знала литературу, сама до конца жизни писала стихи. В старших классах особенно увлекалась химией, поэтому поступила на химико-биологическое отделение КБГУ. Однако в университете она с большим интересом стала заниматься ботаникой. Здесь следует отметить, что Т. Н. выросла в одном из наиболее красивых мест Центрального Кавказа, она с детских лет восхищалась природой родного края, и увлечение ботаникой стало конкретным выражением ее любви к природе Кавказа. Большую роль в этом увлечении сыграли, конечно, и замечательные преподаватели ботаники: А. Н. Ёжкина, П. Д. Ярошенко и особенно А. И. Галушко. Важно было и знакомство с удивительным человеком, влюбленным в природу Кавказа, неутомимым и страстным исследователем флоры Кабардино-Балкарии, Ю. И. Косом, благодаря энтузиазму которого был основан первый ботанический сад в окрестностях г. Нальчика. В университете Т. Н. стала участвовать в работе научного студенческого общества и кафедры ботаники. Уже на втором курсе она работала в экспедиции по изучению сенокосов и пастбищ Джигальского хребта, где сразу же проявились ее незаурядные способности в изучении флоры и определении растений.

После окончания университета Т. Н. была принята в аспирантуру КБГУ на кафедру ботаники, где ее руководителем был А. И. Галушко. Исследование мытников, начатое в студенческие годы, стало темой ее кандидатской диссертации, которая была выполнена за три аспирантских года, хотя в это время Т. Н. имела и другие обязанности на кафедре ботаники: проводила полевую практику и занятия со студентами, собирала и определяла гербарий во время экспедиционных поездок. Т. Н. сделала замечательную работу по мытникам Кавказа, главная ценность которой – в представленном фактическом материале, который был критически исследован и прекрасно изложен как с научной, так и с литературной точки зрения.

В 1966 г. произошло очень важное событие и в личной жизни Т. Н.: она стала женой Ю. Л. Меницкого, который в это время начинал свой путь ботаника. Это был счастливый союз двух талантливых людей, увлеченных ботанической наукой, ставших «подвижниками прекрасной страны по имени Кавказ». Т. Н. и Ю. Л. ежегодно посещали различные районы Кавказа, везде собирали гербарий (в общей сложности более 50 тыс. гербарных листов), большей частью обработанный ими и вовлеченный в научную работу (из-

дано 30 экзикатных материалов). Т. Н. постоянно публиковала статьи по результатам обработок гербарных сборов.

С 1991 г. началась работа по составлению коллективной сводки «Критический конспект флоры Кавказа» (главный редактор акад. А. Л. Тахтаджян). Для Т. Н. и Ю. Л. Меницкого эта работа становится главным делом их жизни, итогом многолетних экспедиций на Кавказ, таксономического и географического изучения многих групп растений, огромной литературы по Кавказу. К этому времени Т. Н. – высококвалифицированный специалист в области систематики высших растений и флоры Кавказа, в работе с ботаническими коллекциями, она и Ю. Л. Меницкий признаны ботаниками Кавказа выдающимися высокоэрудированными учеными. Т. Н. и Ю. Л., кроме того, имеют большой опыт редакторской работы, а Т. Н. – прекрасный организатор в любом деле. Они как нельзя лучше дополняли друг друга в работе над «Конспектом»: Ю. Л. разработал компьютерные программы, помимо того, им было сделано большинство таксономических обработок. К глубокому прискорбию, в 2001 г. Ю. Л. Меницкого не стало, и Т. Н. пришлось уже без него продолжать так успешно начатую ими работу. В 2003 г. вышел 1-й том, в 2006 г. – 2-й том «Конспекта», подготовлен для издания 3-й том (1-я часть). Одновременно Т. Н. проверила перевод на английский язык монографии Ю. Л. Меницкого «Дубы Азии» при подготовке ее к изданию в Индии, что было сделано благодаря Д. В. Гельтману в 2004 г.

Выполняя такой огромный объем работ (перечислено не все!), Т. Н. оставалась приветливым, доброжелательным человеком, всегда готовым помочь, поддержать, дать совет, не только научный. Для сотрудников кавказского сектора, с которыми выполнялась основная работа, она была не только руководителем, но и другом. Из письма В. Е. Аветисян, коллеги из Института ботаники АН Армении: «До конца своих дней Т. Н. оставалась в тесной связи с ереванскими коллегами, способствуя разрешению любых вопросов из области систематики растений, радушно опекала командированных в С.-Петербург и всегда была желанным гостем во время поездок в Армению. В ее лице армянские ботаники потеряли широко открытого душой близкого друга».

В личной жизни Т. Н. была заботливой женой и другом Ю. Л. Меницкого, нежной и любящей матерью, а потом и бабушкой двоих внуков.

Не все из задуманного Т. Н. выполнено, но главное – сделано очень много, она автор более 120 научных публикаций».

Вот такие теплые и высокие слова. Слова гордости. Слова прощания.

Не знаю, приносили ли для прощания с Тамарой хризантемы. Июль не их время, так что вряд ли. Но сестра их очень любила. Впрочем, она любила все цветы, ведь не случайно посвятила им жизнь.

Почему же все-таки хризантемы? Как они связаны со смертями, ворвавшимися в мою жизнь? Опосредованно, как цветы, одни из многих цветов? Или кто-то через них предупреждает меня о грядущих потерях?

Ответ я нашел в интернетовской публикации «Васильковый запах смерти». Она о том, что иногда люди, не обладающие даром предвидения, каким-то необъяснимым образом предчувствуют смерть других. В ней приводился в пример эпизод, практически аналогичный тому, какой был в моей жизни. Внучку бабушка взяла на похороны подруги, а в комнате, где стоял гроб, витал запах васильков. Девочка выросла и заметила одну мистическую странность: после того, как она ощущала запах в очередной раз, происходило страшное: человек умирал.

Она почувствовала его войдя в подъезд дома, где жила, а войдя в квартиру увидела, что ее дедушка лежит на полу мертвый. Аналогичный случай произошел годами позже: умерла соседка, но запах васильков стоял в подъезде еще до ее смерти. И самый невероятный случай касался ее подруги, с которой вместе встречали Новый год: от нее шел едва уловимый цветочный запах и через день она выпрыгнула из окна, разбившись насмерть.

Среди подтвержденных примеров и рассказ человека, который на протяжении нескольких дней, проходя мимо дома, ощущал запах цветов. В скором времени дом обрушился, похоронив под своими обломками несколько человек.

Нашлось место и моим хризантемам. Вот что пишет венгерский исследователь паранормальных явлений Нандор Фодор: «Каждому из нас знаком трупный запах, возникающий вследствие разложения органических тканей. Предчувствие смерти сопровождается, как правило, резким обострением обоняния. Почему воет собака, чувствующая близкую кончину человека? Не исключено, что она просто воспринимает первые признаки разложения, которое заранее начинается в организме обреченного. Животные, для которых природа – открытая книга, острее реагируют на эти запахи, но есть и люди, у которых подобное чутье развито чрезвычайно сильно. Несколько лет назад моя 12-летняя дочь выбежала из гостиной, закричав, что чувствует в ней запах смерти. Наутро пришло письмо, в котором сообщалось о кончине моего двоюродного брата – он умер в то самое время, когда у девочки возникло предчувствие...

Я знал женщину, которая, входя в дом, где вскоре кто-то должен был умереть, ощущала аромат хризантем. Причиной тому было странное увлечение в детстве: девочка любила бродить по кладбищу, а там росли в основном хризантемы, другими словами, запах этих цветов в ее подсознании оказался напрямую связан со смертью. Впрочем, это ответ лишь на часть вопроса; как удавалось ей чувствовать приближение несчастья, остается загадкой».

Вывод Нандора Фодора таков: «При некоторых заболеваниях организм испускает определенные запахи, виной чему присутствие в нашем теле бутилового спирта и его соединений. Скорее всего, механизмы, обеспечивающие ароматами некоторые соматические явления, иногда по непонятным причинам подключаются и к психосоматическим явлениям».

...Ночью я проснулся от запаха хризантем. Сердце билось быстро-быстро, словно хотело вырваться из груди. Вот-вот вырвется и заживет своей жизнью – отдельной от меня и без меня. Зримо увидел его на кровати – трепыхающееся и пульсирующее кровью, даже руки протянул неосознанно, чтобы оно не упало с кровати. На пол, в пыль... А надо было тянуть их к груди – держать. Двумя руками.

Долго-долго сидел на кровати, прижав руки к правой стороне груди, сцепив их замком. Чего хотел удерживать, сам не понимаю. А оно все стучало и стучало, рвалось и рвалось наружу, словно ему было тесно и неуютно, словно оно хотело пожить своей собственной жизнью – вне тела, вне оболочки, вне меня.

«Разве уже пришло время, – ему говорю, – разве уже пора настала?» А оно не успокаивается, а оно бьется, неутешное. «Эй, – говорю, – ну давай будем честными – если ты получишь свободу, то я уйду, будешь ты, но меня не будет. Нет, не будет тебя и меня, ничего нашего не будет. Мир останется, но нас не будет. Никогда уже не будет. Придержи свой бег, успокойся». А оно не слышит, а оно рвется, как конь, закусивший удила.

В моей жизни уже было нечто схожее. Мы на лошадях поднимались на высокогорное плато. Я отстал от спутников – они скрылись за горой, а тут моему коню что-то привиделось или его конский бог ему что-то нашептал – он рванул вперед, а я, не ожидавший этого, схватился за удила и со всей силы потянул их на себя. Конь вспрянул, замер, встал на дыбы и только мотал головой из стороны в сторону. И пена, розовая пена летела от него, а конь все не мог успокоиться: дергался и ржал, и бился, отступая и отступая туда, где была пропасть. Откуда она взялась, эта пропасть, ведь ее только не было, а теперь и спасения не было. Предстояло лететь – вниз, в боль, в смерть. Я представил это на какое-то мгновение и закрыл глаза в ожидании неизбежного.

Не знаю, что меня спасло в тот день – конь ли, провидение ли, тот ли, кто все определяет и вершит. Не знаю.

Я не рассказал о том случае своим спутникам, он ушел в подсознание.

Сердце чуть успокоилось, приутихло, словно услышало меня, и стало просто ныть, напоминая, что оно есть, что мы вместе. Пока вместе. Так оно напомнило о себе вчера, когда я пошел на кладбище проведать маму. Я шел по дороге и смотрел на памятники, на годы жизни людей, лежащих

под ними, и неосознанно отмечал: этот младше меня, и этот, и этот тоже. Боже мой, но они ведь все младше меня! Глаза почему-то выхватывали памятники только тех, кто был младше меня, и кто-то невидимый укоризненно говорил: «Вот видишь, ты их пережил, ты идешь по земле, а они лежат в ней. Чем ты это заслужил?».

А потом я пришел к маме, стоял у мраморной черной надгробной плиты, гладил ее рукой... Потом начал вырывать траву – от дождей она за время, прошедшее после Пасхи, вымахала до пояса. Раздирая в кровь руки – среди травы оказались побеги шиповника – я методично шел от могилы к могиле. Как много выросло ее около родных мне могил... Как их много – этих могил, людей, которых я знал, любил, принимал и не принимал, обижал, случалось.

А вот и близкие мне. Рядом с мамой лежат в один ряд: тетя Нюся – сестра отца, папа, бабушка – его мама, дядя Ваня – его брат.

Через участок – два Юрия, Ванечка и Колька...

Я шел пешком с кладбища и моими спутниками были стихи. Не про хризантемы. Про жизнь. Мало кто знает этого поэта, да и сам я до недавнего времени не слышал о нем. Знал о драматурге Александре Гельмане, том самом, что написал пьесу «Мы, нижеподписавшиеся...», прорвавшуюся даже на наши провинциальные театральные подмостки. Как давно это было. Пьеса забыта, а Гельман, оказывается, жив. И даже в свои 80 лет пишет стихи:

Во сне я кричал и требовал:
«Покажите ту ночь, которая
После смерти моей наступит,
Я хочу переспать с ней, вы слышите,
Переспать с ней хочу, пока жив!»

И сменяя их, как переключки душ, рвались строчки Семена Кирсанова, любимого мною Семена Кирсанова, с «Зеркалом» которого я не расстаюсь уже более сорока лет:

Смерти больше нет.
Есть рассветный воздух.
Узкая заря.
Есть роса на розах.
Струйки янтаря
на коре сосновой.
Камень на песке.
Есть начало новой
клетки в лепестке.

Смерти больше нет.
Будет жарким полдень,
сено – чтоб уснуть.
Солнцем будет пройден
половинный путь.
Будет из волокон
скручен узелок, –
лопнет белый кокон,
вспыхнет василек.
Смерти больше нет!
Родился кузнецик
пять минут назад –
странный человечек,
зелен и носат:
У него, как зуммер,
песенка своя,
оттого что я
пять минут как умер...

Сборник Гельмана называется очень прозаично – «Костыли и крылья». Так вот: всю жизнь мечтаешь о крыльях, а обретаешь лишь костыли:

Далеко, высоко, выше выси,
поживают Никто, Никогда и Нигде,
они давно зовут меня в гости,
хотят прислать за мной самолет.
Я вчера отбил им телеграмму:
«Никакого самолета не надо,
я скоро сам взлечу, как ракета,
меня везут уже на взлетную площадку».

Получается, она уже видна, взлетная площадка, ведущая на встречу с тем, кто НИКТО, с временем НИКОГДА, с местом, что НИГДЕ.

И запах хризантем, доносящийся неизвестно откуда, запах предчувствия неминуемого и неотвратимого, сопровождал меня всю дорогу, хотя кладбище осталось далеко позади.

Но как оно может быть позади? Оно всегда впереди.

Это будет время хризантем? Или для хризантем всегда время?..

ЛЕПЕСТКИ ХРИЗАНТЕМЫ

Перед глазами – вереница
Ушедших и погасших дней.
Мне золотое время снится
Любви немеркнувшей моей.

Какой бы ни покрыть пучиной
Иль толщей ила ли, песка,
Но остается различимой
Моя безбрежная тоска.

Года бессильны, ибо память
Ничто не в силах затемнить.
Она меня, как прежде, ранит,
И неразрывна с прошлым нить.

Порой забвение, раздобрясь,
Утешно лжет, что он погас,
Но вновь он вспыхивает – образ
Сияющих, как Солнце, глаз.

Чем толще Время между нами
Сооружает стену, тем
Сильнее властвует над снами
Тончайший запах хризантем.

Они стояли в узкой вазе,
На стол роняя лепестки...
В отличие от словесной вязи,
Движенья были нележки.

Со мной такого не бывало,
И ты не знала ничего.
Как долго платье оседало
На спинку стула моего!

О, как же были мы неловки!
Как мне забыть минуту ту,

Когда мы, стоя возле бровки,
Страшились преступить черту?

Мы оробели, забияки,
И подступила немота,
Когда в озябшем полумраке
Вдруг просияла нагота!

Она, молчащая, вопила
И била, как электрошок, –
А хризантема уронила
На полировку лепесток...

О, шаг навстречу! Это было
Освящено на небесах;
Его судьба нам подарила,
Все соразмерив на весах.

А ныне остается память...
Она лишь – явь моя теперь!
Когтит она меня и ранит,
Без стука открывая дверь.

Я снова слышу шелест платья,
Что медленно летит на стул,
И трепет первого объятия
Во мне поныне не уснул.

Да, этот миг во мне вовеки,
Покуда жив я, не умрет –
Как ты полусмежила веки
И приоткрыла влажный рот...

О память – как же она ранит!
Я снова слышу шепоток,
И хризантема вновь роняет
На полировку лепесток...

1975

СОДЕРЖАНИЕ

Сквозь время проступающие лица

Церковно-приходская школа в Нальчике.....	7
Семейная история в интерьере века	13
Достойные свояки.....	19
«В Нальчике я испытывал возвышенное настроение»	24
«...Особенно кабардинцы хороши»	30
«Люблю и помню»	39
В поисках божества.....	53
«Нравы нальчан отличались простотой...»	65
<i>Приложение. Толстовцы</i>	71
Нальчане Барановы: «Не замайте нас...»	79
Гремел-шумел вольноаульский тамаши.....	88
«Хочется поскорее отозваться».....	91
<i>Приложение. Переписка Л. Н. Толстого и М. В. Алехина</i> (1894–1898).....	102
Судьба первого редактора	149
Анатолий Арский – поэт пролетарский.....	160
Кавказ, как первая любовь.....	169
<i>Приложение. Султанэ</i>	174
Всю «боль мятущейся души».....	179
Маршевыми колоннами на Эльбрус	186
В чабурах с турьей травой.....	195
Комсомольская жертва вечной горы	208
Альпинизм – ключ от Ошхамахо	221
Первый зимовщик.....	231
Назначен властью ...вожаком повстанцев.....	240

Хлебопашество как преступление.....	273
Спектакль под названием жизнь.....	282
Добро и свет.....	286
Ушедшие бесследно.....	299
Из рода Чемазоковых	311
Ты так хотел.....	316
Гравидан против малярии	321
Судьба советского фольклориста.....	326
Летающий танцор	337
«Я так хочу назад, моя маленькая птица...»	341
От имени Виктора. У смерти запах хризантем....	352

Мария и Виктор Котляровы

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Невероятные факты, удивительные события,
необычные биографии людей, чьи судьбы
связаны с республикой, которую называют
жемчужиной Кавказа

*В оформлении обложки использована
работа М. Алехина «Базар в Нальчике»*

Издательство благодарит за помощь в подготовке книги

Е. С. Тютюнину;

за предоставленный фотоматериал и содействие:

*В. Стеценко, Ф. Кожокову, К. Маишева, О. Ломакина, Л. Браеву, Т. Мацапуру,
Л. Абазову, З. Чеченова*

Редактор В. Н. Котляров
Художник Ж. А. Шогенова
Корректор Н. В. Римская

Сдано в набор 10.06.2014. Подписано в печать 14.10.2014.
Формат 70х100^{1/16}. Бумага мелованная. Гарнитура Myriad Pro.
Усл. печ. л. 22,31+0,93 вкл. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-93680-814-2

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»)
360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс. (8662) 42-62-09 e-mail. elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

Отпечатано: ООО «Кубаньагитпечать»,
350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.
Тел.: (861) 274-10-74. Заказ №

Мария и Виктор Котляровы – журналисты, литераторы, издатели – в Кабардино-Балкарии и за ее пределами известны своими работами, посвященными истории, этнологии титульных народов КБР. Сегодня в их творческом багаже более 60 авторских книг, в том числе: «Ты создал мир. И он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000), «Я тот, кто будет... Книга о ректоре Владимире Тлостанове» (2001), «Ладони протяни к огню души моей... Книга о

художнике Мухадине Кишеве» (2002), «Адыги: сердца и судьбы» (2002), «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» (2003), «Живописная Кабардино-Балкария» (2006, 2011), «Неповторимый Нальчик» (2006), «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа» (2007), «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» (2008), «Занимательное. Забытое. Загадочное» (2009), «Таинственная Кабардино-Балкария» (2011), «За тайнами и чудесами» (2012), «Неизвестная Кабардино-Балкария» (2013) – победитель всероссийского конкурса краеведческой литературы «Малая родина», «Загадочная Кабардино-Балкария» (2014).

Издательской деятельностью занимаются более 20 лет – первые книги были выпущены в 1992 году в созданном ими центре «Эль-Фа». За семь лет увидело свет более трехсот названий, в том числе около тридцати в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (КЛИО).

С 1999 года учредители – Мария и Виктор Котляровы – зарегистрировали новое издательство, получившее название «Полиграфсервис и Т» и начавшее работу в рамках объединенной редакции регионального журнала «Эльбрус» – независимого альманаха, имеющего российскую аккредитацию. С 2006 года книги стали выходить под маркой «Издательство М. и В. Котляровых».

Около трех тысяч книг увидело свет за это время. Большинство их оформила Жанна Шогенова – профессиональный дизайнер, фотограф, художник. Несомненным свидетельством ее мастерства являются альбомы, составившие серию из восьми томов «Кабардино-Балкария: природная жемчужина», в которую вошло более полутора тысяч авторских снимков.

Оценивая деятельность издателей, Сергей Степашин, председатель Счетной палаты РФ, являющийся также президентом Российского книжного союза, назвал их патриотами, чье благородное научное подвижничество способствует взаимопониманию культур, сближению народов Северного Кавказа и России.